

ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986

Том 18, № 3 (67), 2024

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

**Volume 18, No. 3 (67),
2024**

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2024, том 18, № 3 (67)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – врио начальника ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караванова Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армения, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160033, г. Вологда,
ул. Текстильщиков,
д. 20а

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.09.2024

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

СОДЕРЖАНИЕ

СКОБЛИКОВ П. А. Появление понятия «состав преступления» в отечественной доктрине и особенности его воплощения в конструкции составов деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 года.....	234
ШУРУХНОВ Н. Г. Об утверждении международных следственных комиссий по результатам конвенций 1899 и 1907 гг. «О мирном решении международных столкновений».....	245
АБДУЛИН Р. С. Семь раз отмерь, один раз отрежь (рассуждения по поводу снижения возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет).....	250
КОНИН В. В. Алгоритм вступления адвоката в уголовный процесс по назначению: как избежать ситуации «двойной защиты».....	256
КАРАБАЕВА Ю. С. Общественная опасность личности и основание криминализации.....	263
МАШИНСКАЯ Н. В. Проблемы обеспечения законного и обоснованного судебного решения о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.....	272
БАБАЯН С. Л., УСТИНОВ А. А. Оказание содействия в восстановлении и укреплении социальных связей лицам, в отношении которых применяется пробация: правовые и организационные вопросы.....	279
АВДЮХИН С. А. Принудительное питание и искусственное кормление осужденных: спор о терминах или различие по существу.....	289
КОЛОКОЛОВ Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (особенности уголовного преследования лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение).....	297
АНИСКИНА Н. В. Совершенствование системы социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	311
МАКУХ Н. О., ПОЛЕЩУК Ф. Ю. Особенности детско-родительских отношений у женщин ранней зрелости, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ.....	321
ТИМОЩУК А. С. Роль общественных формирований в воспитательной и социальной работе в учреждениях уголовно-исполнительной системы.....	329
ПАНОВА О. Б. Антикоррупционное воспитание младших школьников с позиции сравнительной педагогики.....	335

Научная статья

УДК 34

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001

Появление понятия «состав преступления» в отечественной доктрине и особенности его воплощения в конструкции составов деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 года

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ СКОБЛИКОВ

Институт государства и права РАН, Москва, Россия, skoblikov@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию регламентирования охраны брака, семьи, супружества, детства и других вопросов семейных отношений в Уголовном уложении 1903 г. *Цель:* установить, когда и как в отечественной доктрине уголовного права появилось понятие «состав преступления», раскрыть его основное содержание в то время: выявить и показать особенности составов деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г. *Методы:* для достижения указанной цели использовались правила, приемы формальной и диалектической логики; абстрагирование и обобщение; дедукция и индукция; исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования; системный анализ; приемы толкования правовых норм; изучение документальных источников; материалы и выводы предыдущих исследований и др. *Результаты:* установлено, когда и при каких обстоятельствах в отечественной доктрине уголовного права появилось понятие «состав преступления», раскрыты его основное содержание. Осуществлен обзор составов преступных деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 г., даны их градация по степени тяжести и классификация по объекту посягательства. Очерчен круг субъектов рассматриваемых преступных деяний и определены особенности их статуса, отмечены приемы юридической техники, своеобразии субъективной стороны. Показаны формы и способы совершения преступных деяний, проанализирован объект посягательства, раскрыты особенности статуса потерпевших. *Вывод:* обобщенный в статье материал дает представление об истории появления в отечественной уголовно-правовой доктрине понятия «состав преступления», а также уровне развития юридической техники на рубеже XIX–XX вв., взглядах на уголовно-правовую охрану брака, интересов семьи, прав ее членов и родственных отношений, общественно опасных деяний.

Ключевые слова: Уголовное уложение 1903 г.; преступные посягательства против прав семейственных; общий состав преступления; особый состав преступления; доктрина российского уголовного права; специальный субъект преступления; специальный потерпевший; объект преступных посягательств; виды объектов преступления; традиционные семейные ценности; уголовно-исполнительная система.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Скобликов П. А. Появление понятия «состав преступления» в отечественной доктрине и особенности его воплощения в конструкции составов деяний против прав семейственных по Уголовному уложению 1903 года // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001.

Original article

Formation of the Concept of “Composition of the Crime” in the Russian Doctrine and Specifics of Its Embodiment in the Composition of Crimes against Family Rights under the 1903 Criminal Code

PETR A. SKOBLIKOVInstitute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, skoblikov@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

Abstract

Introduction: the article considers protection of marriage, family, matrimony, childhood and other issues of family relations under the 1903 Criminal Code. Purpose: to establish when and how the concept of “composition of the crime” appeared in the domestic doctrine of criminal law, to reveal its main content at that time, and to identify signs of the composition of crimes against family rights under the 1903 Criminal Code. *Methods:* to achieve this goal, the author uses rules and techniques of formal and dialectical logic; abstraction and generalization; deduction and induction; historical, comparative legal and formal legal research methods; system analysis; methods of interpretation of legal norms; study of documentary sources; materials and conclusions of previous studies, etc. Results: it is established when and under what circumstances the concept of “composition of the crime” appeared in the domestic doctrine of criminal law; its essence at that time is revealed. The composition of criminal acts against family rights under the 1903 Criminal Code is analyzed; they are divided by severity and classified by object of encroachment. The author identifies subjects and determines features of their status and legal technique used for this purpose, as well as reveals and describes the specifics of the subjective side of perpetrators. Forms and methods of committing criminal acts against the rights of family members according to the specified Code are shown, an object of encroachments in these cases is analyzed, and peculiarities of the status of victims are revealed. *Conclusion:* the article shows formation of the concept “composition of the crime” in the domestic criminal law doctrine, demonstrates a development level of the legal technology in criminal law acts of Russia at the turn of the XIX and XX centuries, and discloses our predecessors’ ideas about criminal law protection of marriage, interests of the family, the rights of its members and kinship relations, as well as about social danger of acts.

Keywords: 1903 Criminal Code, criminal encroachments against family rights, general composition of the crime, special composition of the crime, doctrine of Russian criminal law, special subject of crime, special victim, object of criminal encroachments, types of objects of crime, traditional family values, penal system.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Skoblikov P. A. Formation of the concept of “composition of the crime” in the Russian doctrine and specifics of its embodiment in the composition of crimes against family rights under the 1903 Criminal Code. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001.

Введение

Недавно исполнилось 120 лет с момента утверждения российским императором Николаем II нового Уголовного кодекса, названного уголовным уложением (далее – Уложение 1903 г.). В соответствующем указе содержалось повеление об обнародовании текста Уложения 1903 г. и о том, что в действие этот акт будет приведен в срок, который император назначит отдельно [1, с. 4].

Данный памятник отечественного уголовного законодательства имеет небогатую правоприменительную историю. Он вводился в действие постепенно, в ограниченном объеме и на небольшой территории, что было обусловлено, по объяснениям правоведов-современников, неготовностью уголов-

но-исполнительной системы реализовывать новации, заложенные в рассматриваемом документе. Так, профессор Г. Е. Колоколов объяснял отсрочку введения на неопределенный срок невозможностью широкого использования одиночного заключения, предусмотренного Уложением 1903 г., вследствие полной непригодности имевшихся тюрем, а также «недостатка исправительных заведений для малолетних преступников, отсутствия организованного патроната» [2, с. 7].

Октябрьская революция 1917 г. и вызванный ею слом прежней правовой системы завершил историю апробации Уложения 1903 г. Нарком юстиции РСФСР П. И. Стучка летом 1918 г. писал: «Старые за-

коны были “сожжены”. И напрасно из уцелевших в этом пожарище и обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить “уложение русской революции” вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» [3, с. 3]. Под обожженными листочками здесь имеется в виду, вероятно, Уложение 1903 г.

В советский период развития страны рассматриваемый нами памятник отечественного права по идеологическим соображениям находился на периферии научно-исследовательского интереса. В литературе, изданной в то время, можно найти лишь краткие политически окрашенные характеристики Уложения 1903 г. Вот как оно описывалось в юридическом словаре, неоднократно переиздававшемся в середине XX в.: «один из реакционнейших уголовно-правовых актов царской России. Оно было издано накануне первой русской революции, в годы подъема революционного движения в России. Его издание накануне первой русской революции было вызвано тем, что действовавшее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не могло уже удовлетворять задачам борьбы помещичье-буржуазного правительства с надвигающейся революцией» [4, с. 554].

Лишь в 1980-х гг. в связи с реформаторскими процессами в политической системе документ вновь вернулся в зону внимания исследователей, и к настоящему времени по теме Уложения 1903 г. состоялось большое количество научных публикаций. Конечно, этот интерес обусловлен, прежде всего, кардинальным изменением общественно-политического строя и возрождением частной собственности, стремлением почерпнуть позитивный опыт правотворчества, коррелирующий с новыми социально-экономическими условиями, но не только этим. Значительную роль, на наш взгляд, играют и другие обстоятельства. Во-первых, ни один уголовный закон нашей страны не готовился столь тщательно. К его подготовке были привлечены значительные научные силы, для разработки и сопровождения проекта была образована редакционная комиссия, в состав которой вошли знаменитые ученые того времени, оставившие большой след в уголовно-правовой науке, творческое наследие которых до сих пор востребовано – Н. А. Неклюдов, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий. Во-вторых, никакой иной проект уголовного закона не обсуждался юридическим сообществом столь широко и с таким вниманием. Для иллюстрации сказанного следует привести некоторые подробности. Проект Общей части Уложения 1903 г. вместе с объяснительной запиской был разослан практикующим юристам и теоретикам уголовного права с просьбой о предоставлении замечаний. Параллельно указанные документы были переведены на немецкий и французский языки и отправлены многим иностранным ученым. Полученные замечания собраны, систематизированы и отпечатаны в пяти томах, причем отзывы зарубежных специалистов были представлены как на языке оригинала, так и в переводе на русский. После рассмотрения всех поступивших замечаний (для их обсуждения потребовалось 26 заседаний) переработанный проект

и объяснительная записка (где был проведен анализ замечаний и обоснована позиция редакционной комиссии об их принятии или отклонении) были вновь напечатаны [5, с. 193].

Вместе с тем надо отметить, что основное внимание современных исследователей сосредоточено на Общей части Уложения 1903 г. Нам не удалось обнаружить ни одной научной публикации, специально посвященной анализу конструкции составов противоправных деяний против прав семейственных, закрепленных в Уложении 1903 г. Этот термин после 1917 г. вышел из оборота, хотя использовался в законодательстве России почти весь XIX в. Книга первая Свода законов гражданских из 10-го тома Свода законов Российской империи называлась «О правах и обязанностях семейственных»). Точности ради следует отметить, что те или иные вопросы ответственности за противоправные деяния против прав семейственных по Уложению 1903 г. в некоторых публикациях затрагиваются, но лишь в рамках более общих тем, при этом составы указанных деяний нигде не анализируются, а лишь констатируется сохранение в уголовном законодательстве прежних запретов, либо их упразднение, либо появление новых. В качестве примера можно привести статью Ю. Ю. Гарцевой, где этим вопросам уделяется полстраницы [6, с. 263–264].

Между тем в силу происходящих глобальных процессов в странах так называемого коллективного Запада, в частности разрушения традиционных представлений о семье, роли мужчины и женщины, воспитании детей, агрессивной пропаганды однополых браков, декларирования и реализации прав детей на смену пола и т. п., в России встал вопрос о путях и способах защиты традиционных семейных ценностей. Все это объективно повышает актуальность исследования того, каким на рубеже XIX–XX вв. было видение уголовно-правовой охраны интересов семьи, прав ее членов и родственных отношений, какие деяния представлялись общественно опасными и в какой степени и т. д. Стоит также отметить, что само понятие «состав преступления» для отечественной правовой науки к моменту начала работы над проектом Уложения 1903 г. было относительно новым, не столь проработанным и заметно отличающимся от современных представлений. Обратимся к истории появления данного понятия.

Когда и как появилось понятие «состав преступления» в отечественной доктрине, каково было его содержание. По всей видимости, первым российским учебником уголовного права явилась работа И. Е. Неймана, изданная в 1814 г. [7]. Эта книга была подготовлена на русском языке в соответствии с отданным в феврале 1813 г. персональным поручением министра народного просвещения Российской империи А. К. Разумовского: составить учебную книгу – руководство по русскому уголовному праву. Автор – Иоган-Георг (Иван Егорович) Нейман родился в Марбурге в 1780 г. (графство Кассель, ныне территория Германии), окончил там университет и в возрасте 27 лет был приглашен в Россию для участия в работе Комиссии по составлению законов. В 1809 г. назна-

чен профессором русского права и государственного хозяйства в Казанский университет, а в 1811 г. перешел на сходную должность в Дерптский университет. Большую часть жизни Нейман прожил в России, здесь же и скончался [8].

Анализ указанного труда показал, что искомое понятие вообще не используется. Через год после издания работы И. Е. Неймана была выпущена в свет книга О. И. Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права» [9], которую некоторые современные исследователи называют первым российским учебником уголовного права [10]. Почему эти авторы отдают первенство учебнику О. И. Горегляда, не вполне ясно. Не исключено, что учебник И. Е. Неймана им не известен (в приведенной статье он не упоминается). Возможно также, что ввиду происхождения Неймана они не считают его российским автором и не принимают в расчет его работу. Как бы то ни было, в работе Горегляда понятие состава преступления не только не раскрывается, но даже не упоминается.

В учебнике уголовного права П. Н. Гуляева, вышедшем спустя одиннадцать лет, книга Горегляда с уважением называется, при этом указывается, что она не лишена определенных недостатков [11, с. I-II]. Однако и в работе П. Н. Гуляева термин «состав преступления» нигде не используется. Сходное положение наблюдается и в учебном курсе уголовного права С. И. Баршева [12], изданном спустя 16 лет после книги П. Н. Гуляева: там также нет упоминаний о составе преступления. Лишь в другой работе С. И. Баршева, выпущенной много позже, фигурирует термин «состав преступления», причем используется он единожды в значении современного термина из области криминалистики «механизм преступления». Дословно приводится следующее: «главным образом криминалист тогда имеет нужду в судебной медицине, когда для объяснения состава преступления требуется медицинский осмотр, как это бывает всегда в случаях, когда есть подозрение в насильственной смерти, отравлении или при телесных повреждениях» [13, с. 19].

Самая ранняя работа российского правоведа, которую нам удалось обнаружить, где помимо иных вопросов рассматривается учение о составе преступления, относится к 1863 г. Она принадлежит перу видного российского юриста и правоведа В. Д. Спасовича [14]. В 1857–1861 гг. он работал профессором в Петербургском университете и читал там лекции по уголовному праву, которые легли в основу учебника.

Состав преступления автор учебника представлял как совокупность всех признаков, входящих в содержание понятия преступления. Важно отметить, что данная совокупность совмещает в себе как внешнюю (объективную), так и внутреннюю (субъективную) стороны преступления. Некоторые из этих признаков, как писал В. Д. Спасович, столь важны, что без них преступление просто немислимо; они называются существенными. Другие признаки такого рода, что без них преступление может обойтись, но они могут влиять в известной степени на меру наказания – их называют признаками несущественными. В качестве иллюстрации этого деления автор привел случай

убийства, при котором телесное повреждение потерпевшего есть признак существенный, но совершено ли оно ножом, топором, палкой, нанесены ли удары по груди или по голове – это несущественные черты преступления [14, с. 90].

Состав преступления, по В. Д. Спасовичу, может быть общим и особенным. Общий состав образуется посредством отвлечения (абстрагирования), и в него входят признаки, свойственные любому преступлению. К общему составу в каждом отдельном преступлении присовокупляются новые черты, только одному этому виду свойственные и дающие ему особенную характеристическую окраску [14, с. 90].

Подводя итог своему анализу, В. Д. Спасович указал, что преступление обуславливается наличностью, во-первых, предмета преступления, во-вторых, его виновника и что оно необходимо содержит в себе четыре элемента: два образующие внешнюю его сторону – действие и его последствия, и два образующие внутреннюю его сторону – волю (к совершению деяния) и знание последствий действия [14, с. 92–93].

Взгляды В. Д. Спасовича, по-видимому, сформировались под влиянием изучения немецкой юридической литературы и зарубежного законодательства, где уголовно-правовая доктрина была представлена в более развитом и совершенном виде, нежели в отечественных источниках. Более того, в современной юридической науке бытует мнение, что учебник В. Д. Спасовича был основан на концепции немецкого криминалиста, профессора Берлинского университета А. Ф. Бернера [15, с. 306]. В связи с этим уместно вспомнить, что общая часть учебника уголовного права А. Ф. Бернера была переведена на русский язык, а затем издана в Санкт-Петербурге уже упомянутым выше видным российским правоведом и государственным деятелем Н. А. Неклюдовым [16]. Этот труд на языке оригинала был издан за несколько лет до выхода в свет учебника В. Д. Спасовича, о чем свидетельствует список основных публикаций А. Ф. Бернера [17, с. 570].

Русское издание учебника Бернера оказало столь значительное влияние на русскую науку уголовного права, что он был упомянут и охарактеризован в краткой справке «Россия/Наука/Уголовное право», размещенной в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [18, с. 847–848].

Как и в труде В. Д. Спасовича, в учебнике А. В. Бернера состав преступления (Thatbestand) в самом общем виде определяется как совокупность признаков преступления с разъяснением, что признаки преступления как понятия родового образуют общий состав преступления, видовые же его признаки образуют его особенный состав. О том, что не только видовые, но и родовые признаки входят в особенный состав, А. В. Бернер не упоминает, тогда как у В. Д. Спасовича это уточнение есть.

Признаки преступления А. В. Бернер классифицирует более подробно, нежели В. Д. Спасович: он их подразделяет на существенные (essentialia), обыкновенные (naturalia) и случайные (accidentalialia), указывая при этом, что только существенные признаки обуславливают понятие и наличность преступления,

обыкновенные же и случайные имеют влияние на меру наказания. Однако автор не поясняет, чем обыкновенные признаки отличаются от случайных.

А. В. Бернер описывает основные составляющие общего состава преступления – деяние, его субъект, объект и средства воздействия на объект, а также показывает их соотношение. Какого-либо специального термина для характеристики этих составляющих (части, элементы состава и т. д.) А. В. Бернер не использует. Деяние, по его мысли, должно служить основой, скелетом для построения учения об общем составе преступления, все остальное же – это предикаты деяния как подлежащего [16, с. 338].

Важно отметить, что А. В. Бернер предлагает читателям краткую историческую справку, в которой показывает трансформацию рассматриваемого понятия. Он указывает, что прежде состав преступления называли *corpus delicti*. Сначала таким образом обозначали внешние следы преступления, когда преступник не был еще известен. Значение данного выражения было преимущественно процессуальным. Составу преступления противопоставляли внутреннюю виновность (*Thäterschaft*). Новейшая наука осознала неразрывную связь состава преступления с виновничеством, почему и рассматривает последнее как часть состава преступления и не обращает внимания на процессуальное происхождение рассматриваемого словосочетания. При таком расширении значения термина теряет свой смысл латинское выражение «*corpus delicti*», указывающее на нечто телесное, материальное [16, с. 337]. Таким образом, по представлению А. Ф. Бернера, состав преступления охватывает и субъективную сторону деяния, осознание действительности и волю к ее изменению (хотя само сочетание – «субъективная сторона» им не используется).

Во введении к русскому изданию учебника А. В. Бернера его переводчик и издатель Н. А. Неклюдов поставил читателей в известность о том, что там, где рассуждения автора казались ему неполными, он делал добавления, а там, где он счел их резко неправильными, поместил примечания или заметки. В связи с этим полезно обратить внимание на два обстоятельства: 1) общее представление о составе преступления, изложенное А. В. Бернером, издателем не подвергается критике, то есть принимается; 2) позже Н. А. Неклюдов войдет в редакционную комиссию, образованную для разработки Уложения 1903 г.

Обзор составов преступных деяний против прав семейственных и их градация по степени тяжести. В Уложение 1903 г. включена гл. 19, которая предусматривает ответственность за преступные деяния против прав семейственных. По случайному совпадению она охватывает также 19 статей. Статьи лишь пронумерованы, названий не имеют и не группируются в параграфы либо иные подразделения. Наряду с этим количество конкретных составов деяний, предусмотренных в главе, как это обычно бывает в кодифицированных уголовно-правовых актах, превышает количество статей. Если исходить из современных представлений о составе преступления, то можно выделить в рассматриваемой главе следующие составы:

- принуждение одним из брачующихся другого брачующегося ко вступлению в брак (ч. 1 ст. 408);
- принуждение третьим лицом одного брачующегося или обоих ко вступлению в брак (ч. 2 ст. 408);
- вступление в брак с лицом, которое заведомо не могло понимать свойства и значения своих действий или руководить своими поступками (ст. 409);
- вступление в брак посредством обмана жениха или невесты (ст. 410);
- заведомое вступление в кровосмесительный брак (ст. 411);
- вступление в новый брак при существовании прежнего супруга в отсутствие разрешения, предусмотренного законом на такой брак (ст. 412);
- заведомое участие духовного лица христианского вероисповедания в совершении преступного брака (ст. 413);
- вступление в брак лица, достигшего брачного совершеннолетия, с лицом, такого совершеннолетия не достигшего (ст. 414);
- вступление в брак с заведомо нехристианином (ст. 415);
- вступление в брак с родственником, степень родства с которым не считается кровосмесительством, но делает брак недействительным (ст. 416);
- увоз незамужней для вступления в брак с ее согласия, но без согласия ее родителей при условии, что эта женщина достигла брачного совершеннолетия, но при этом моложе двадцати одного года (ст. 417);
- супружеская измена (ст. 418);
- прелюбодеяние с лицом, заведомо для виновного состоящим в браке (ст. 418);
- отказ доставлять пропитание и содержание своим заведомо в том нуждающимся родителям, если виновный имел для этого средства (п. 1 ст. 419);
- упорное неповиновение родительской власти либо грубое обращение с матерью или законным отцом (п. 2 ст. 419);
- вступление в брак вопреки решительному воспрещению матери или законного отца, если виновный не достиг двадцати одного года (п. 3 ст. 419);
- жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны опекуна, попечителя или лица, имеющего надзор за несовершеннолетним (п. 1 ст. 420);
- обращение к нищенству или иному безнравственному занятию либо отдача для этой цели подопечного, не достигшего возраста семнадцати лет, совершенная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним (п. 2 ст. 420);
- принуждение к вступлению в брак подопечного, не достигшего возраста двадцати одного года, совершенное опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за этим несовершеннолетним, при условии если брак состоялся (п. 3 ст. 420);
- отдача на промышленное предприятие для трудоустройства малолетнего, не достигшего установленного возраста, осуществленная опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за малолетним (ст. 421);
- принуждение со стороны опекуна или попечителя к браку с ним лица, не достигшего возраста двад-

цати одного года, путем злоупотребления своей властью, если брак последовал (ст. 422);

– оставление без надлежащего надзора малолетнего или иного лица, если вследствие этого поднадзорный совершил преступление (ст. 423);

– незаявление о чьих-либо рождении или смерти уполномоченному лицу, ведущему метрические книги или записи об этом, в случае когда виновный был обязан сделать заявление (ст. 424);

– невнесение сведений о рождении, смерти или бракосочетании в метрические книги или записи духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным их вести (ст. 425);

– невнесение по небрежности в метрические книги надлежащих сведений или записи о рождении, смерти или бракосочетании духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 1 ст. 426);

– внесение по небрежности в метрические книги или записи о рождении, смерти или бракосочетании неверных сведений духовным лицом неправославного вероисповедания либо служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 2 ст. 426);

– неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил о порядке ведения или хранения метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании, а равно о предоставлении их в места, установленные законодательством, если деяние совершено духовным лицом неправославного вероисповедания или служащим, обязанным вести указанные книги или записи (п. 3 ст. 426).

Обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемая глава не закрепляет какие-либо квалифицированные составы преступлений. Напротив, в одну из статей главы (ст. 415) включена вторая часть, описывающая основание для освобождения от наказания за предусмотренное в статье деяние (возникновение обстоятельства, нивелирующего возможный вред от преступления определенного вида). Слово «примечание» в этом месте законодательного текста отсутствует, и формально данный фрагмент является частью статьи, однако по содержанию и сути («виновный освобождается от наказания, если вступивший с ним в брак нехристианин во время существования брака принял христианство») это примечание, то есть некое пояснение, дополнение к основному тексту статьи закона, если пользоваться терминологией современного уголовного законодательства.

Всего в Уложении 1903 г. встречается две такие конструкции: уже упомянутая ч. 2 ст. 415 и ч. 3 ст. 367 (в последней предусмотрено освобождение от уголовной ответственности рабочих, принявших участие в стачке, если они по требованию властей или заведующего предприятием приступили к работе). Современный российский Уголовный кодекс под флагом либерализации и гуманизации уголовной ответственности регулярно дополняется все новыми примечаниями к статьям Особенной части, регламентирующими условия освобождения от ответственности (наказания). Этот инструментальный получил на-

столько широкое распространение (на начало 2023 г. в Особенной части насчитывалось более 40 статей, имеющих соответствующие примечания), что появились специальные исследования, в которых предпринимаются попытки прояснить юридическую природу таких примечаний и разобраться с проблемами, возникающими при их применении [19].

С учетом общих положений, сформулированных в ст. 3 гл. 1 «О преступных деяниях и наказаниях вообще» Уложения 1903 г., два предусмотренных там преступления (ч. 1 и 2 ст. 408) относятся к категории тяжких, поскольку виновному грозит каторга, при этом пятнадцать деяний являются проступками (ст. 414–419, 421, 423, 424, 426), так как в качестве наиболее строгого наказания за их совершение предусмотрен арест или денежная пеня, ну а остальные следует причислить к категории преступлений (рядовых, заурядных). Самое распространенное наказание в главе – арест, который по свойству мягкости уступает лишь денежной пене (ст. 2 Уложения 1903 г.). Он предусмотрен в семи статьях главы и мог быть назначен на срок до шести месяцев (ст. 21 Уложения 1903 г.).

Юридические конструкции и приемы, использованные при создании гл. 19, выглядят вполне современно, если заменить некоторые устаревшие или ушедшие из юридического лексикона слова на более привычные (например, местоимение «онья» на «них», «сему» на «этому» и т. д.). Причем текст написан доступным языком и, как правило, не допускает разночтений. В то же время юридическая техника данной главы не безупречна. В одних случаях законодатель делит статьи на пронумерованные части (ст. 408), в других – статьи не имеют частей, но распадаются на пронумерованные пункты (ст. 419, 420 и 426) либо статья имеет части, одна из которых делится на пункты (ст. 413).

Классификация преступных деяний против прав семейственных по объектам посягательств. Для систематизации посягательств на семейственные права разумно взять за основу классификацию, предложенную в объяснениях редакционной комиссии [20, с. 158–159]. Она проистекает из дифференциации родового объекта посягательства на видовые и непосредственные объекты и помогает лучше понять замысел разработчиков Уложения 1903 г. Проект, который комментировала редакционная комиссия, заметно отличается от окончательной редакции Уложения 1903 г., поэтому представленная ниже классификация является нашей интерпретацией изначального варианта.

Разработчики указывают, что семейственный союз обуславливается браком и имеет своими последствиями права супругов по отношению друг к другу, происходящие из факта рождения права детей, права и обязанности детей по отношению к родителям и наоборот, наконец, союз родственной. Исходя из этого классификацию рассматриваемых деяний логично начать с посягательств на брак и продолжить посягательствами на иные объекты, связанные с браком:

1) посягательства на основание семьи – брак, предполагающий свободное соглашение лиц, спо-

собных к браку. Сюда относятся деяния, состоящие во вступлении в недействительные браки, по вине одного из брачующихся (браки по принуждению или обману) или обоих (браки незаконные), причем преступная деятельность возможна со стороны как брачующихся, так и лиц, уполномоченных государством на заключение браков и их удостоверение (ст. 408–417);

2) посягательства на союз супружеский, единственным представителем которых в рассматриваемой главе является прелюбодеяние (ст. 418), так как прочие случаи преступных деяний супругов по отношению друг к другу предусмотрены в других (общих) главах Уложения 1903 г.;

3) преступные деяния детей против родителей, которые не могли быть предусмотрены в других главах Уложения 1903 г., поскольку наказуемость их обусловлена единственно долгом детского почтения. Таковы отказ в пропитании родителям, грубость против родителей, неповиновение законному запрету родителей на вступление в брак, если виновный не достиг возраста 21 года (ст. 419);

4) преступные деяния родителей против детей, наказуемость которых обусловлена единственно родительским долгом попечения о детях (причем к родителям приравнены и лица, их замещающие). Сюда относятся жестокое обращение с ребенком, принуждение несовершеннолетнего к браку, обращение малолетнего к нищенству или безнравственному занятию, неосуществление надлежащего надзора за малолетним со стороны лица, на которого такой надзор возложен в установленном порядке (ст. 420–423);

5) деяния, ставящие в опасность семейное и гражданское состояние лица неисполнением обязанностей, возложенных на виновного законом с целью обеспечения правильного ведения метрических записей. Сюда относятся незаявление в установленном порядке о рождении или смерти (ст. 424), неисполнение или небрежное исполнение обязанностей по ведению, хранению или предоставлению метрических книг или записей о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425, 426).

Субъекты и субъективная сторона преступных деяний против прав семейственных. Круг субъектов преступных деяний, указанных в п. 1–4 классификации, приведенной нами ранее, фактически там же и раскрыт (например, в п. 1 это брачующиеся и лица, уполномоченные государством на заключение браков и их удостоверение, в п. 5 – любые лица, на которые законом возложена обязанность заявлять о рождении или смерти, и т. д.).

При этом в гл. 19 Уложения 1903 г. довольно широко используется конструкция, которую, следуя современной терминологии, можно обозначить как специальный субъект преступления. Им обычно называют вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее помимо общих дополнительными признаками, предусмотренными законом и детерминированными качествами объекта преступления, которые позволяют данному лицу совершить общественно опасное деяние, предусмотренное соответствующей уголовно-правовой нор-

мой [21]. В период разработки и принятия Уложения 1903 г. соответствующее понятие еще не было разработано в юридической науке, но корреспондирующий ему прием законодательной техники был известен и по предыдущему законодательству.

Полагаем, что к специальным было бы правильно отнести следующих субъектов преступных деяний, описанных в гл. 19 Уложения 1903 г.: лицо, состоящее в супружестве (ст. 412); духовное лицо христианского вероисповедания (ч. 1 ст. 413); духовное лицо нехристианского вероисповедания (п. 1 ч. 2 ст. 413); служащий, уполномоченный на ведение метрических записей (п. 2 ч. 2 ст. 413); свидетель, привлеченный к поручительному свидетельству по браку (п. 3 ч. 2 ст. 413); лицо, достигшее брачного совершеннолетия (ст. 414); лицо христианского вероисповедания (ст. 415); состоящий в браке (ст. 418); родитель, опекун, попечитель, имеющий надзор за несовершеннолетним (ст. 420, 421); опекун, попечитель (ст. 422); обязанный иметь ответственный надзор за малолетним или иным... лицом (ст. 423); обязанный по закону заявить о рождении или смерти уполномоченному» лицу (ст. 424), духовное лицо инославного христианского вероисповедания, обязанное вести метрические книги и записи о рождении, смерти или бракосочетании (ст. 425 и 426).

Преступные деяния против прав семейственных, предусмотренные в Уложении 1903 г., по признаку психического отношения субъекта к содеянному и его последствиям целесообразно поделить на три группы.

В первую группу входят те, которые совершаются исключительно с умышленной формой вины. Эта преобладающая группа включает в себя несколько подгрупп.

Прежде всего, следует указать подгруппу, которую составляют тяжкие преступления, каковых, напомним, в рассматриваемой главе два – ч. 1 и 2 ст. 208. Преступления данной категории могут совершаться только умышленно в силу указания в ч. 3 ст. 48 Уложения 1903 г. на то, что такие деяния «наказываются лишь при наличии вины умышленной».

Другую подгруппу образуют все четырнадцать преступлений (так называемых простых, не тяжких), предусмотренных рассматриваемой главой. Их принадлежность к первой группе обусловлена следующим. Часть 4 уже упомянутой ст. 48 содержит предписание, что преступления при неосторожной форме вины наказываются «только в случаях, особо законом указанных, однако ни в одной из соответствующих статей (409–413, 420, 422, 425) указаний на неосторожную вину нет. Более того, применительно ко многим преступлениям (ч. 1 и 2 ст. 412, ч. 1 ст. 413, п. 1–3 ч. 2 ст. 413) делается указание на противоположное – заведомое знание субъектом деяния тех или иных существенных обстоятельств, информированность о которых делает невозможным в принципе совершение деяния по неосторожности.

В последнюю подгруппу следует включить большинство проступков, описанных в рассматриваемой главе. По общему правилу, ответственность за проступки наступает как при умысле на их совершение,

так и при неосторожной форме вины (ч. 5 ст. 48). Однако в гл. 19 применительно ко многим проступкам (ст. 414–416, 418, п. 1 ст. 419) указывается, что виновным заранее (заведомо) известны существенные обстоятельства правонарушения, знание которых исключает неосторожную форму вины. Например, ст. 414 гласит, что ответственность наступает за вступление в брак с лицом, которое заведомо для виновного не достигло брачного совершеннолетия. Как видим, этот технический прием, ныне также востребованный в законодательстве для характеристики субъективной стороны преступления, широко используются в гл. 19 Уложения 1903 г. Следовательно, эти деяния могли бы совершаться только умышленно.

Помимо этого, объективная сторона ряда иных проступков исключает неосторожную форму вины лиц, их совершающих (п. 2 и 3 ст. 419, ст. 421). Так, согласно п. 2 ст. 419 Уложения 1903 г. наказуемо «упорное неповиновение родительской власти». Проявление упорства означает «твердость и непреклонность в стремлении к чему-либо» [22, с. 966], то есть речь идет об осмысленном, целенаправленном и последовательном поведении, исключающем неосторожность.

Во вторую группу входят деяния, которые могут совершаться как умышленно, так и неосторожно. Эта группа мала, причем к ней относятся исключительно проступки (ст. 423, 424 и п. 3 ст. 426).

Ну и в третью группу входят те деяния, которые могут совершаться только по неосторожности (а именно по небрежности). Эта группа еще меньше предыдущей, в нее входят два проступка (п. 1 и 2 ст. 426).

Факультативные признаки субъективной стороны преступных деяний (мотив и цель деяния, эмоциональное состояние лица до или во время совершения правонарушения) в гл. 19, как правило, не указываются, и, следовательно, признаками состава преступных деяний против прав семейственных не являются, а соответственно, в предмет доказывания по делу не входят.

Исключением являются ст. 417 и п. 2 ст. 420. В ст. 417 установлена ответственность за увоз незамужней женщины с ее согласия, но без согласия родителей при условии, что она моложе двадцати одного года, хотя и достигла брачного совершеннолетия. В состав этого проступка, согласно тексту закона, в качестве обязательного признака входит цель деяния – вступление в брак с увезенной женщиной. В п. 2 ст. 420 установлена ответственность родителя и других лиц, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним, в случае отдачи им своего подопечного третьим лицам с определенной целью – для обращения к нищенству или иному безнравственному занятию.

Форма и способы совершения преступных деяний против прав семейственных. Особенности потерпевших и объект посягательств. Подавляющее большинство преступных деяний против прав семейственных, согласно Уложению 1903 г., могут совершаться лишь посредством тех или иных действий. Вместе с тем немалое количество из них (семь видов) напротив могут совершаться лишь в форме бездействия – не-

совершения тех действий, которые виновный обязан совершить (п. 1 и 2 ст. 419, ст. 423, ст. 424, ст. 425, п. 1 и 3 ст. 426 Уложения 1903 г.). Действия и бездействие в современной науке уголовного права относят к признакам объективной стороны преступления.

Предусмотренные в Уложении 1903 г. способы совершения преступных деяний против прав семейственных весьма разнообразны: насилие над личностью (ст. 408); угрозы убийством, весьма тяжким или тяжким телесным повреждением (ст. 408); обман в активной (сообщение заведомо ложных сведений) и пассивной (умолчание о значимых обстоятельствах) формах (ст. 409); увоз человека (ст. 417); принуждение посредством использования родительской или опекунской власти (ст. 420, 422); внесение в официальные документы неверных сведений (п. 2 ст. 426). Если исходить из современных представлений об уголовном праве, перечисленные способы (как действие и бездействие) являются признаками объективной стороны соответствующих преступлений, но уже факультативными.

При конструировании статей гл. 19 наряду с рассмотренным выше техническим приемом «специальный субъект преступления» законодатель широко применял зеркальный прием «специальный потерпевший». Данный термин и соответствующее ему понятие в науке уголовного права появились значительно позже, в советский период, что, однако, не мешало прибегать к названному приему в законодательстве на рубеже XIX–XX вв. и ранее. Так нередко бывает: какие-то приемы, подходы сначала рождаются и апробируются, показывают свою эффективность в какой-либо практике (отнюдь не только в законодательстве), а лишь затем замечаются, осмысливаются, обосновываются в теории этой деятельности.

Определенные характеристики потерпевшего включаются в составы не всегда, когда преступление причиняет ему вред, а лишь когда нужно сузить круг потерпевших, ограничить его некоторыми условиями [23, с. 23]. Когда это имеет место, говорят о специальном потерпевшем (и здесь просматривается аналогия с предназначением приема «специальный субъект преступления») как факультативном признаке объекта преступления. Если признаки специального потерпевшего в законе не формулируются, на свойства потерпевшего указывает характер ущерба, который причиняет соответствующее преступление.

Выделение фигуры потерпевшего как признака объекта преступления позволяет лучше раскрыть сущность преступления, то есть его общественную опасность, и выявить механизм причинения вреда общественным отношениям [24, с. 39].

Конструкция «специальный потерпевший» использована в гл. 19 Уложения 1903 г. в следующих случаях: ст. 409 (лицо, которое заведомо не могло понимать значение им совершаемого или руководить своими действиями), ст. 410 (жених, невеста), ст. 414 (лицо, заведомо не достигшее брачного совершеннолетия), ст. 419 (мать, законный отец), ст. 421 и 423 (малолетний), ст. 422 (лицо, не достигшее двадцати одного года). Таким образом, специального потерпевшего здесь характеризует определенное состояние здо-

ровья в момент совершения преступления, а также физическое и психическое состояние, умственное развитие, отношение к браку, кровная и юридическая связь с виновным, юридически значимый возраст (возраст полной или неполной общей или специальной дееспособности), возраст, предопределяющий физическое и психическое развитие.

Под объектом любого преступления разработчики Уложения 1903 г. понимали «интерес или благо, охраняемое выраженной в законе нормою, на которую посягает преступник» [25, с. 7]. Такое представление сформировалось, вероятно, под влиянием идей Н. С. Таганцева (напомним, члена бывшей редакционной комиссии), который в одной из своих работ писал следующее: то положительное, в чем выражается право, есть интерес, взятый под его защиту; норма права как реальный элемент общественной жизни есть охраняемый интерес; на этот интерес и направляет свою деятельность лицо, переступающее веле-ния юридических норм. Этот интерес может входить в юридическую сферу определенного субъекта, и тогда посягательство на интерес будет и посягательством на субъективное право, или же известный интерес охраняется правом как общественное достояние, или благо, независимо от принадлежности его тому или другому субъекту [5, с. 40]. В свою очередь воззрения Н. С. Таганцева, по всей видимости, сформировались под влиянием немецких правоведов. В частности, он признавал справедливость позиции Гельштанера, который конкретное правовое благо считал лишь непосредственным объектом посягательства и указывал, что сущность преступления не исчерпывается повреждением, причиняемым конкретному благу; его истинное значение заключается в том противодействии, которое через это оказывается господству права в государстве. Поэтому конечным юридическим объектом, на который посягает преступник, всегда является само государство [5, с. 40].

Охрана семьи, по мнению разработчиков Уложения 1903 г., необходима во имя общественных интересов, ввиду чего посягательства на семейный союз принадлежат к группе посягательств против условий общежития. При этом главная задача законодательства, по мысли разработчиков, состоит в ограждении не какого-либо отдельного частного блага того или иного лица, а блага общественного, сводящегося к известным этическим началам, подлежащим защите государства как необходимое основание прочности и непоколебимости семейного существования и семейного положения вообще [20, с. 157]. Ну а в качестве этических начал традиционно при конструировании уголовно-правовых норм выступали религиозные каноны и правила, что явно демонстрируют ст. 415, 418 Уложения 1903 г. Следовательно, дополнительным объектом защиты признавались религиозные интересы.

Религиозно-нравственные начала пронизывают всю систему государственных постановлений о брачном союзе. Те частные права, которые при этом

подлежат ограждению, охраняются лишь настолько, насколько нарушение их влечет колебание религиозно-нравственных принципов, в высшей степени важных для общества [20, с. 160].

Заключение

В силу ряда внешних и внутренних причин в последние годы со стороны государства и общества большое внимание уделяется сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа, в частности семьи. В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации внесена поправка (одобренная на всенародном голосовании), в соответствии с которой защите подлежат семья, материнство, отцовство, а также институт брака как союз мужчины и женщины, что закрепляет традиционное представление о браке (п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72). В Стратегии национальной безопасности России ситуация в стране и мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 23.09.2014 № 24-П указал, что по смыслу ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа нашей страны, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства. На такую защиту направлены и указы Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809, которым утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также от 22.11.2023 № 875, в котором постановлено, что целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей в 2024 г. в стране будет проводиться Год семьи. Наконец, в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 поддержка семьи включена в первую группу национальных целей развития (подп. «а» п. 1), Правительству Российской Федерации поручено разработать и представить национальный проект «Семья» (подп. «а» п. 9).

Надеемся, что данная статья поможет всем заинтересованным лицам лучше понять, в чем состояли семейные ценности для наших предков, а также будет способствовать нахождению оптимальной модели уголовно-правовой охраны семейных ценностей. «При разрешении вопроса о том, каким должно быть новое законодательное регулирование, изучение прошлых эпох дает незаменимое руководство векового опыта поколений» – отмечал в свое время выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель Н. Д. Сергеевский. «Он утверждал, что для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания» [26, с. 8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. 253 с.
2. Колоколов Г. Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. М., 1904. 44 с.
3. Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1–8.
4. Юридический словарь : в 2 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 2. 663 с.
5. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. 380 с.
6. Гарцева Ю. Ю. Ответственность членов семьи за ненадлежащее выполнение обязанностей и злоупотребление правом в Российской империи в XVIII – начале XX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 260–265.
7. Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. 75 с.
8. Дьяконов М. А. Справка о фон Неймане Иване // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета (1802–1902). Юрьев, 1902. Т. 1. С. 582–583.
9. Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. Часть I: О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. 167 с.
10. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex russica. 2015. № 3. С. 112–124.
11. Гуляев П. Н. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений титулярным советником Петром Гуляевым. М., 1826. 209 с.
12. Баршев С. И. Взгляд на науку уголовного законодательства. СПб., 1858. 20 с.
13. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841. 269 с.
14. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1, вып. 1. СПб., 1863. 178 с.
15. Уголовное, уголовно-исполнительное право и криминология. Персоналии : библиографический справочник / сост. Э. В. Георгиевский. Иркутск, 2002. 346 с.
16. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть общая. / с прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. магистра уголов. права Н. Неклюдова ; пер. и изд. Н. Неклюдова. СПб., 1865. 916 с.
17. Энциклопедический словарь Т. IIIa: Бергер – Бисы / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. 952 с.
18. Энциклопедический словарь. Т. XXVIII: Россия и С – Саварна / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. 952 с.
19. Сверчков В. В. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 259–266.
20. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 4, гл. 17–18. СПб., 1895. 243 с.
21. Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 184 с.
22. Толковый словарь русского языка. Т. 4. С – Яшурный / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. 1500 с.
23. Дагель П. С. Потерпевший от преступления в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 16–37.
24. Шеслер А. В. Состав преступления : моногр. Новокузнецк, 2016. 90 с.
25. Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 2, гл. 2–7. СПб., 1895. 582 с.
26. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая : пособие к лекциям. 9-е изд. СПб., 1911. 397 с.

REFERENCES

1. *Novoe ugovolnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903* [The new criminal code, approved March 22, 1903]. Saint Petersburg, 1903. 253 p.
2. Kolokolov G.E. *Novoe ugovolnoe ulozhenie: tolkovanie i kriticheskii razbor* [The new criminal code: interpretation and critical analysis]. Moscow, 1904. 44 p.
3. Stuchka P. Proletarian revolution and the court. *Proletarskaya revolyutsiya i Pravo = Proletarian Revolution and Law*, 1918, no. 1, pp. 1–8. (In Russ.).
4. *Yuridicheskii slovar': v 2 t. T. 2* [Legal dictionary: in 2 vol. Volume 2]. Moscow, 1956. 663 p.
5. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugovolnomu pravu. Chast' obshchaya. Vyp. 1. 1887–1892* [Lectures on Russian criminal law. General part. 1887–1892]. Saint Petersburg, 1887. 380 p.
6. Gartseva Yu.Yu. Responsibility of family members for not performing duties and abusing of rights in the Russian Empire from the XVIII up to the beginning of the XX century. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2, pp. 260–265. (In Russ.).
7. Neumann J.G.J. *Nachal'nyya osnovaniya ugovolnogo prava* [Foundations of criminal law]. Saint Petersburg, 1814. 75 p.
8. D'yakonov M.A. Information about von Neumann Ivan. In: *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Yur'evskogo, byvshego Derpts'kogo, universiteta (1802–1902). Tom 1* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Yurievsky, former Dorpat University (1802–1902). Volume 1]. Yur'ev, 1902. Pp. 582–583. (In Russ.).
9. Goreglyad O.I. *Opyt nachertaniya rossiiskogo ugovolnogo prava. Chast' I: O prestupleniyakh i nakazaniyakh voobshche* [Experience of developing Russian criminal law. Part I: On crimes and punishments in general]. Saint Petersburg, 1815. 167 p.
10. Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. The first textbook of criminal law (to the 200th anniversary of the textbook by Osip Goreglyad "Experience of developing Russian criminal law"). *Lex russica = Russian Law*, 2015, no. 3, pp. 112–124. (In Russ.).
11. Gulyaev P.N. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo, sostavlennoe iz rossiiskikh gosudarstvennykh zakonov titulyarnym sovetnikom Petrom Gulyaevym* [Russian criminal law, compiled from Russian state legislations by titular adviser Peter Gulyaev]. Moscow, 1826. 209 p.

12. Barshev S.I. *Vzglyad na nauku ugovnogo zakonovedeniya* [A look at the science of criminal jurisprudence]. Saint Petersburg, 1858. 20 p.
13. Barshev S.I. *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyakh i nakazaniyakh: v 2 razd.* [General principles of theory and legislation on crimes and punishments: in 2 sections]. Moscow, 1841. 269 p.
14. Spasovich V.D. *Uchebnik ugovnogo prava. T. 1* [Textbook of criminal law. Volume 1]. Saint Petersburg, 1863, 178 p.
15. *Ugovnoe, ugovno-ispolnitel'noe pravo i kriminologiya. Personalii: Biobibliograficheskii spravochnik* [Criminal law, penal law and criminology. Personalities: bio-bibliographic reference book]. Comp. by Georgievskii E.V. Irkutsk, 2002. 346 p.
16. Berner A.F. *Uchebnik ugovnogo prava: Chasti: obshch. i osob. T. 1. Chast' obshchaya* [Textbook of criminal law: Parts: general and special. Volume 1. General part]. Saint Petersburg, 1865. 916 p.
17. *Entsiklopedicheskii slovar'. T. IIIa. 1890–1907: Berger – Bisy* [Encyclopedic dictionary. Volume IIIa. 1890–1907: Berger – Bisy]. Saint Petersburg, 1892. 952 p.
18. *Entsiklopedicheskii slovar'. 1890–1907. T. XXVIII (55): Rossiya i S–Savarna* [Encyclopedic dictionary, 1890–1907. Vol. XXVIII (55): Russia and S–Savarna]. 1899. 952 p.
19. Sverchkov V.V. Comments to the Russian Federation Criminal Code of indemnity: juridical nature and issue of implementation. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current Problems of Economics and Law*, 2013, no. 4, pp. 259–266. (In Russ.).
20. *Ugovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 4. Gl. 17–18* [Criminal Code. Explanations to the draft criminal code of the Editorial Committee. Volume 4. Chapters 17–18]. Saint Petersburg, 1895. 243 p.
21. Semenov S.A. *Spetsial'nyi sub'ekt prestupleniya v ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [A special subject of crime in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1999. 184 p.
22. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 4. S – Yashchurnyi* [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4. S – Yashchurnyi]. Ed. by Ushakov D.N. Moscow, 1940.
23. Dageľ P.S. Victim of a crime in Soviet criminal law. In: *Poterpevshii ot prestupleniya* [Victim of a crime]. Vladivostok, 1974. Pp. 16–37. (In Russ.).
24. Shesler A.V. *Sostav prestupleniya: monogr.* [The composition of the crime: monograph]. Novokuznetsk, 2016. 90 p.
25. *Ugovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 2. Gl. 2–7* [Criminal Code. Explanations to the draft Editorial Committee. Volume 2. Chapters 2–7]. Saint Petersburg, 1895. 582 p.
25. *Ugovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 4. Gl. 17–18* [The Criminal Code. Explanations to the draft Editorial Committee. Vol. 4. Chapters 17–18]. Saint Petersburg, 1895. 243 p.
26. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' Obshchaya: posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General part: manual for lectures]. Saint Petersburg, 1911. 397 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ СКОБЛИКОВ – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, Москва, Россия, skoblikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

PETRA A. SKOBLIKOV – Doctor of Sciences (Law), Leading Researcher at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, skoblikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

Статья поступила 13.05.2024

Научная статья

УДК 341:342:344

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.002

Об утверждении международных следственных комиссий по результатам конвенций 1899 и 1907 гг. «О мирном решении международных столкновений»

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного

университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия

matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются нормы конвенций о мирном решении международных столкновений, принятых 6 (18) мая 1899 г., 5 (18) октября 1907 г. в Гааге по инициативе императора Николая II. Обращается внимание на предложение о создании процедуры работы международных следственных комиссий применительно к различным ситуациям межгосударственного характера. Предполагалось, что упомянутые комиссии будут разрешать споры государств, не затрагивающие чести, существенных интересов, а лишь относящиеся к разногласиям в оценке фактических обстоятельств. Инициаторы предложений – члены российской делегации, считали, что постановка вопроса своевременна, актуальна и будет значима в разрешении отдельных межгосударственных конфликтов. *Цель:* через посредство изучения архивных документов, конвенций 1899 и 1907 гг. о мирном решении международных столкновений, исследований специалистов того периода довести до юридической общественности сведения об истоках постановки вопросов о разоружении, правилах ведения войны, разрешении международных споров мирным путем с целью их возможного использования при принятии отдельных решений в современный период. *Методы:* контент-анализ, анализ, сравнение, сравнительно-исторический, формализации, сравнительно-правовой, структурно-функциональный с ориентиром на системный подход. *Результаты* исследования исторических документов, анализ отдельных фактов, связанных с работой международных следственных комиссий по мирному решению международных столкновений, применение метода аналогии к современным условиям напряженности на мировой арене имеют и прикладное значение. Раскрыты правовые основания заключения соглашений спорящих сторон, сроки создания комиссий, процедуры их деятельности, место пребывания, условия перемещения, язык общения, полномочия председателя, членов, комиссаров, особенности подготовки итоговых документов, их роль.

К л ю ч е в ы е с л о в а : конвенции о мирном решении международных столкновений; международные следственные комиссии; международное право.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Об утверждении международных следственных комиссий по результатам конвенций 1899 и 1907 гг. «О мирном решении международных столкновений» // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 245–249. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.002.

Original article

On the Approval of International Commissions of Inquiry according to Results of the Conventions of 1899 and 1907 for the Pacific Settlement of International Disputes

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Tula Institute (branch) of All-Russia State University of Justice (RPA of the

Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia

matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

© Шурухнов Н. Г., 2024

Abstract

Introduction: the article considers norms of the conventions for the pacific settlement of international disputes adopted on May 6 (18), 1899 and October 5 (18), 1907 in The Hague on the initiative of the Russian Emperor Nicholas II. Attention is drawn to the proposal to establish procedures for the work of international commissions of inquiry in relation to various situations of an interstate nature. It was assumed that they would resolve disputes between states that did not concern honor or essential interests, but only related to differences in the assessment of factual circumstances. The initiators of the proposals, members of the Russian delegation, believed that raising the issue was timely, relevant and would be significant in resolving individual interstate conflicts. *Purpose:* by studying archival documents, conventions of 1899 and 1907 for the pacific settlement of international disputes, works of researchers of that period, to bring to the legal community the information about origins of the issues of disarmament, rules of warfare, and peaceful settlement of international disputes with a view to their possible use in making individual decisions in the modern period. *Methods:* content analysis, analysis, comparison, comparative historical, formalization, comparative legal, structural and functional, with a focus on a systematic approach. The *results* of the study of historical documents, the analysis of individual facts related to the work of international commissions of inquiry for the pacific settlement of international disputes, and the application of the analogy method to modern conditions are also of applied importance. The article reveals legal grounds for concluding agreements between the disputing parties, the timing of the creation of commissions, procedures for their activities – place of residence, conditions of relocation, language of communication, powers of the chairman, members, commissioners, the specifics of preparing final documents, and their role.

Keywords: conventions for the pacific settlement of international disputes; international commissions of inquiry; international law.

5.1.1. Theoretical and historical sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. On the approval of international commissions of inquiry according to results of the conventions of 1899 and 1907 for the pacific settlement of international disputes. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 245–249. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.002.

*Народы, оставайтесь в единении во всех великих делах;
сохраняйте свободу в ваших собственных малых делах;
будьте проникнуты человеколюбием,
милосердием во всех человеческих и международных делах*
Ф. Ф. Мартенс

Введение

18 мая 1899 г. в Гааге открылась одна из первых в мировой истории конференция по всеобщему разоружению [1–3]. Ее инициатором выступил император Николай II, искренне, как и его предшественники, веривший в мирное сосуществование государств. Молодой правитель хотел продолжить миролюбивые идеи своего отца, который вошел в историю державы как государь, при котором не велось военных действий.

Политика содружества, добрососедства была очень своевременна и актуальна. До Первой мировой войны – самой масштабной и кровопролитной для своего времени, оставалось около 16 лет, но в воздухе уже витал запах пороха. Рассеять его представлялось возможным при условии добросовестного, честного объединения с целью сохранения мира, жизни своих подданных, создания для них лучших условий.

Следует подчеркнуть, что идея приостановки гонки вооружений, трат средств населения на создание оружейных заводов, разработку нетрадиционных видов уничтожения человека появилась еще до Николая II. Так, Брюссельская конференция июля-августа 1874 г. по кодификации законов и обычаев сухопутной войны была созвана по инициативе Александра II, деда Николая II.

Исследователи считают, что Николай с подозрением воспринимал 25-летний мир в Европе, к которому привыкли высшие должностные лица и ослабили свою бдительность [4; 5, с. 236–237]. Во время затишья многие ведущие государства накапливали военные силы и

развивали систему вооружений. Самое большое опасение вызывала Германия, стремившаяся к переделу колониальных завоеваний. Да и другие державы находили поводы для взаимных конфликтов. Современники того периода считали, что самой незначительной проблемы могло быть достаточно, чтобы весь мир оказался втянут в непрекращающиеся кровопролитные сражения (история показала, что так и случилось). Российский царь не хотел быть втянутым в новую войну, старался пусть и не предотвратить ее, но хотя бы продлить мирное время, сократить будущие потери.

По поручению государя министр иностранных дел М. Н. Муравьев [6] составил проект, который был опубликован в «Правительственном вестнике» в августе 1898 г. По дипломатическим каналам текст (исследователи называют его нотой) был передан за рубеж. При положительном восприятии идеи зарубежными государствами Николай II намеревался создать стабильную для России и Европы международную обстановку, сформировать в глазах мировой общественности образ России как империи-миротворицы.

Замораживание военных бюджетов, хотя бы временное прекращение наращивания военного потенциала были для России, испытывавшей экономические затруднения, крайне важными. Такой подход был не лишним и для Европы, которая находилась в состоянии «долгой депрессии». Несмотря на это, гонка вооружений вынуждала тратить огромное количе-

ство ресурсов на оснащение армий. Россия выделяла на это порядка 25 % от общегосударственных расходов.

Реакция европейских стран на указанный документ в целом была отрицательной. Николай II отправил М. Н. Муравьева и военного министра А. Н. Куропаткина в Европу с целью объяснить, что Россия не ведет речь о полном разоружении, а лишь хочет приостановить гонку вооружений.

В декабре 1898 г. российское правительство разработало еще один документ, на этот раз с учетом мнений европейских представителей. Предлагалось провести конференцию и обсудить:

1) соглашение по заморозке имеющегося состава сухопутных и морских вооруженных сил, а также бюджетов на военные нужды;

2) запрещение вводить новое огнестрельное оружие и взрывчатые вещества;

3) ограничение использования разрушительных взрывчатых составов, запрещение использования метательных снарядов с воздушных шаров;

4) исключение использования в военных столкновениях подводных лодок;

5) распространение положений Женевской конвенции 1864 г. и дополнительных постановлений 1868 г. на военно-морские операции;

6) признание нейтральности судов и шлюпок, спасающих утопающих во время или после морских сражений;

7) корректировку Декларации о законах и обычаях войны 1874 г., составленной на конференции в Брюсселе;

8) применение положений о посредничестве и третейском разбирательстве с целью предотвращения вооруженных столкновений между государствами [1].

Приглашение участвовать в конференции было принято 26 государствами: всеми европейскими державами и шестью не относящимися к европейскому континенту: США, Мексикой, Китаем, Японией, Персией, Сиамом. Конференция открылась 18 мая в день тридцатилетия Николая II. Российский император был одним из немногих, кто искренне верил в разрешение всех возможных конфликтов.

Как и следовало ожидать, исходя из настроений участников конференции, ее результаты были минимальны. Главная цель – сокращение темпов вооружения – достигнута не была. Но были приняты три конвенции: «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года», и три декларации: «О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов», «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы», «О неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсчивающихся в человеческом теле».

За каждым из представителей государств оставалось право подписывать или игнорировать подготовленные документы. И некоторые этим воспользовались. Англия отказалась присоединиться к декларации о бросании взрывчатых снарядов с аэростатов. Китай,

Турция и Швейцария не поддержали конвенцию о сухопутной войне. США и Англия отказались подписать декларацию о неиспользовании удушающих газов. Германия была категорически против вопроса об арбитражном суде. Единодушие всех стран было достигнуто лишь по пунктам о мирном разбирательстве споров и морской войне, хотя об их искренности и желании выполнять предписания могла судить лишь история. В 1907 г. в Гааге вновь прошла конференция, участие в которой приняли уже 44 государства.

Исследовательская часть

Приступая к наполнению содержанием исследовательской части нашей статьи, обратимся к конвенции 1899 г. «О мирном решении международных столкновений»¹ [7] и «Конвенции, Декларация и Заключительный Акт, подписанными на конференции мира в Гааге 5 (18) октября 1907 г.». Речь идет о международных следственных комиссиях. В конвенции 1899 г. раздел «О международных следственных комиссиях» состоял из шести статей, в которых в общих понятиях предельно кратко был расписан этот международно-правовой институт. Документ 1907 г. включал 28 статей, было понятно, что он подвергся доработке, некоторым изменениям и дополнениям [8–9].

Содержание правовых норм указывает, что предметом международных следственных комиссий являются споры государств, которые не затрагивают чести, существенных интересов, а являются разногласием в оценке каких-то фактических обстоятельств дела. Располагая информацией об этом, проявляя добрососедство, державы договариваются признать полезным и желательным, чтобы стороны, не достигшие соглашения дипломатическим путем, учреждали, насколько позволяют обстоятельства, международную следственную комиссию для того, чтобы на ней лежало бремя облегчить разрешение обоюдного спора выяснением вопросов посредством беспристрастного и добросовестного исследования.

Указанные комиссии учреждались особым соглашением спорящих сторон, в котором оговаривались подлежащие расследованию факты. При этом обозначались порядок, место пребывания (если не определено место пребывания комиссии, то она располагалась в Гааге), условия перемещения, язык общения, срок образования, полномочия комиссаров, а также срок, в который каждая из сторон должна представить свое изложение фактов. Если стороны признавали необходимым назначить ассессоров (лиц, наделенных судебной властью), то об этом оговаривалось в соглашении и определялся объем их полномочий.

Стороны наделялись правом назначения при следственной комиссии особых агентов, предназначенных быть посредниками между ними и комиссией. Подобную миссию должны были выполнять и назначенные ими советники и адвокаты, поддерживающие их интересы перед комиссией. Если комиссия заседает не в Гааге, она назначает Генерального секретаря, бюро которого служит ей канцелярией. На канцелярию возлагались организация заседаний

¹ Данный документ, которым мы располагаем, является переводом французского текста, утвержденного на Мирной конференции 1899 г. Версия на французском языке является аутентичной.

комиссии, составление протоколов во время следствия, сохранение архива, который должен передаваться Международному бюро в Гааге.

Процедуры работы комиссии предполагали установление и фиксацию обстоятельств спора, представление подробностей производства, осуществление всех формальностей, обусловленных получением доказательств. Статья XIX Конвенции 1907 г. указывала на состязательность процесса следствия. Сроки изучения фактов, актов, документов, сведений, полезных для установления истины, а равно список свидетелей, экспертов, которых предполагалось выслушать, взаимно сообщались сторонами и комиссией.

Комиссия с согласия стороны могла перенести свои заседания на место, где непосредственно происходили определенные события, либо направить туда одного или несколько своих членов. Такие перемещения могли производиться только с разрешения государства, на территории которого предполагалось осуществить определенные действия. Осмотры местности, изучение фактических обстоятельств спора проходили в присутствии агентов и советников сторон. У каждой из сторон комиссии имелось право получить объяснения, сведения, средства, способы, если они представляли интерес для следствия. Стороны обязывались с оглядкой на свое законодательство обеспечить явку в комиссию свидетелей, экспертов, если они находятся на территории стороны. В ситуациях, при которых они явиться не могут, стороны были обязаны допросить их перед своими властями. При проведении определенных действий на территории третьей стороны комиссия обращалась к правительству этого государства. Такие обращения исполнялись средствами внутреннего законодательства при условии, если они не угрожают безопасности державы.

Статья XXV Конвенции 1907 г. устанавливала правило, при котором «свидетели и эксперты вызывались или по просьбе сторон, или самой комиссией, и во всяком случае через посредство Правительства Державы, на территории которой они находятся. Свидетели выслушивались поочередно и отдельно, в присутствии агентов и советников в порядке, который устанавливался комиссией».

Допросом свидетелей руководил председатель. Члены комиссии были наделены правом задавать вопросы каждому из свидетелей, которые считали полезными для пояснения или дополнения его показаний, или для осведомления обо всем касающемся свидетеля в границах, необходимых для установления истины. Агенты и советники сторон не могли прерывать свидетеля во время дачи им показаний и не могли сами к нему непосредственно обратиться, но имели право просить председателя задать свидетелю дополнительные вопросы.

Следует отметить, что процедура работы международных следственных комиссий запрещала свидетелям читать подготовленные проекты. Однако председатель мог им позволить прибегать к помощи заметок и документов, если свойство передаваемых фактов делало необходимым пользование ими. Протокол показаний свидетеля составлялся в том же заседании и прочитывался свидетелю. Свидетель мог

внести в него любые изменения и дополнения, которые отмечались в конце его показаний. После того, как свидетелю зачитывались все его показания, ему предлагалось их подписать.

Агенты были наделены правом в течение или в конце следствия передавать комиссии и другой стороне такие заявления, представления или сводки фактов, которые они считали полезными для раскрытия истины. Сопровождения комиссии происходили при закрытых дверях и оставались секретными. Всякое решение постановлялось большинством голосов членов комиссии. Отказ кого-либо из членов от участия в голосовании подлежал занесению в протокол.

Заседания комиссии могли быть открытыми, а протоколы и документы следствия могли обнародоваться лишь по решению комиссии, принятому с согласия сторон.

После того как стороны представили все пояснения и доказательства, а все свидетели были выслушаны, председатель объявлял следствие законченным и комиссия приостанавливала заседания для того, чтобы обсудить и составить свой доклад. Он подписывался всеми членами комиссии. Если один из членов отказывался подписать, это отмечалось, но доклад оставался в силе. Доклад комиссии читался в открытом заседании в присутствии агентов, советников, на которое они обязательно приглашались. Экземпляр доклада вручался каждой стороне.

«Доклад комиссии, ограничиваясь лишь установлением фактов, отнюдь не имеет характера третейского решения. За сторонами сохраняется полная свобода воспользоваться по своему усмотрению этими фактическими выводами» (ст. XXXV Конвенции 1907 г). Каждая из сторон должна была нести свои собственные затраты и поровну издержки комиссии.

Заключение

1. Практическая результативность конференций 1899 г. и 1907 г. была не столь значимой, как того хотелось инициаторам. Опыт гаагских конференций послужил основой мирного урегулирования после Первой мировой войны. Благодаря им были заложены основы международного гуманитарного права, их базовые положения используются (хотя бы упоминаются) при принятии отдельных решений в современный период.

2. Приведем высказывание Ф. Ф. Мартенса, специалиста по международному праву, внесшего большой вклад в проведение двух Гаагских конференций, которое остается актуальным и сегодня: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие договаривающиеся стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [9, с. 5]. Как бы хотелось, чтобы эти положения знали украинские националисты сегодня. Это сказано специально для них.

3. Положения и процедуры деятельности международных следственных комиссий, установленные

конвенциями 1899 и 1909 гг., оказались не востребованными государствами в качестве средства разрешения международных споров, а практика обращения к ним для разрешения международных споров является минимальной. Причин несколько: во-первых, сущность договора заключается в том, что его обязательства возникают с момента выражения согласия обеими сторонами на его условия (консенсуальный характер); во-вторых, практическая ограниченность

малозначительных споров; в-третьих, наибольшая привлекательность других международно-правовых средств для решения подобных споров.

4. Изучая архивные документы, исследования современников обозначенного исторического периода, мы надеемся, что найденная информация окажется полезной не только для исследователей, обучающихся, но и для практической международно-правовой деятельности в современный период.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гагская мирная конференция 1899 года // Энциклопедический словарь / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 2 (1А). С. 481–483.
2. Пустогаров В. В. Первая конференция мира 1899 г. и международное право // Государство и право. 1998. № 2. С. 97–102.
3. Колодкин А., Шатуновский С. 100-летие Первой конференции мира // Международная жизнь. 1997. № 9. С. 85–91.
4. Дипломатический словарь : в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1985. 430 с.
5. Николаев Н. Ю. Россия и Гагская мирная Конференция 1899 года : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001. 247 с.
6. Михаил Николаевич Муравьев. Биографический очерк // Петр Владимирович Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860-1867. Собрал и подготовил к печати П. Е. Щеголев. Дополнил и снабдил введением и примечаниями С. В. Бахрушин. М., 1934. С. 289–316.
7. Котляров И. И. Вторая Гагская конференция мира 1907 г. и дальнейшее прогрессивное развитие международного гуманитарного права // Московский журнал международного права. 2007. № 4. С. 23–36.
8. Кудинов А. С. Международно-правовое регулирование организации и деятельности международных следственных комиссий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.
9. Томсинов В. А. Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) Мартенс (1845–1909). Биографический очерк // Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / под ред. и с биографическим очерком д-ра юрид. наук, проф. В. А. Томсинова. М., 2008. Т. I. 209 с.

REFERENCES

1. The Hague Peace Conference of 1899. In: Brockhaus F.A., Efron I.A. (Eds.). *Entsiklopedicheskii slovar'*. T. 2 (1A) [Encyclopedic dictionary. Vol. 2 (1A)]. Saint Petersburg, 1895. Pp. 481–483. (In Russ.).
2. Pustogarov V.V. The First Peace Conference of 1899 and international law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1998, no. 2, pp. 97–102. (In Russ.).
3. Kolodkin A., Shatunovskii S. 100th anniversary of the First Peace Conference. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*, 1997, no. 9, pp. 85–91. (In Russ.).
4. *Diplomatičeskii slovar'*: v 3 t. [Diplomatic Dictionary: in 3 vols]. Moscow, 1985. 430 p.
5. Nikolaev N.Yu. *Rossiya i Gaagskaya mirnaya Konferentsiya 1899 goda: dis. ... kand. ist. nauk* [Russia and the Hague Peace Conference of 1899: Candidate of Sciences (History) dissertation]. Volgograd, 2001. 247 p.
6. Mikhail Nikolaevich Muravyov. Biographical sketch. In: *Petr Vladimirovich Dolgorukov. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta 1860–1867* [Peter Vladimirovich Dolgorukov. Petersburg essays. Pamphlets of the emigrant 1860-1867]. Moscow, 1934. Pp. 289–316. (In Russ.).
7. Kotlyarov I.I. The Second Hague Peace Conference of 1907 and the further progressive development of international humanitarian law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2007, no. 4, pp. 23–36. (In Russ.).
8. Kudinov A.S. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie organizatsii i deya-tel'nosti mezhdunarodnykh sledstvennykh komissii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [International legal regulation of the organization and activities of international investigative commissions: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 27 p.
9. Tomsinov V.A. Fedor Fedorovich (Friedrich Fromgold) Martens (1845-1909). Biographical sketch. In: *Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pra-vo tsivilizovannykh narodov: v 2 t. T. I* [Modern international law of civilized peoples: in 2 vols. Vol. I]. Moscow, 2008. 209 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch) of All-Russia State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Статья поступила 18.04.2024

Семь раз отмерь, один раз отрежь (рассуждения по поводу снижения возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет)

РОБЕРТ СЕМЕНОВИЧ АБДУЛИН

Курганский государственный университет, Курган, Россия, abrosem@yandex.ru

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме снижения возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет и целесообразности дальнейшего инициирования снижения возрастного порога привлечения малолетних к уголовной ответственности, а также необходимости введения в вузовские программы обучения юристов педагогических дисциплин и более глубокого изучения коммуникативной психологии. Помимо того, по мнению автора статьи, при рассмотрении дел в судах первой и апелляционной инстанций в отношении несовершеннолетних следует вернуть в правовое поле институт народных заседателей. *Цель:* на основе исследования предложений по снижению возраста привлечения к уголовной ответственности обосновать преждевременность таких законодательных инициатив и необходимость активизации гражданского общества на профилактику подростковой преступности. *Методы:* абстрагирование, индукция, эмпирический анализ, логическая редукция, общенаучное и философское обоснование. *Выводы:* некоторые аспекты данной работы могут быть использованы при составлении учебных планов по подготовке юристов, а также в процессе деятельности общественных формирований по правовому воспитанию и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних (молодежные парламенты и правительства в субъектах Российской Федерации, общественные палаты и др.). Центральным элементом научного познания и правовой коммуникации становится несовершеннолетний (малолетний) человек. В этой связи отстаивается его первичность по отношению к закону. Знания в области детской педагогики, психологии и юридической конфликтологии позволяют судье, прокурору, следователю и иным работникам правоохранительных органов качественно выполнять свои профессиональные обязанности.

Ключевые слова: возраст; подростки; ответственность; программа; суд; народные заседатели.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Абдулин Р. С. Семь раз отмерь, один раз отрежь (рассуждения по поводу снижения возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 250–255. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.003.

Original article

Measure Thy Cloth Ten Times (Arguments about Reducing the Age of Criminal Liability to 12 Years)

ROBERT S. ABDULIN

Kurgan State University, Kurgan, Russia, abrosem@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of reducing the age of criminal liability to 12 years and the expediency of further initiating a reduction in the age threshold for bringing minors

to criminal liability, as well as the need to introduce pedagogical disciplines and a deeper study of communicative psychology into university training programs for lawyers. In addition, according to the author of the article, when considering cases in courts of the first and appellate instances, in relation to minors, the institution of people's assessors should be returned to the legal field. *Purpose*: based on the study of proposals to reduce the age of criminal liability, to substantiate the prematurity of such legislative initiatives and the need to activate civil society to prevent juvenile delinquency. *Methods*: abstraction, induction, empirical analysis, logical reduction, general scientific and philosophical justification. *Conclusion*: some aspects of this work can be used in the preparation of educational plans for training lawyers, as well as in the activities of public associations for legal education and prevention of offenses among minors (youth parliaments and governments in the subjects of the Russian Federation, public chambers, etc.). A minor becomes the central element of scientific knowledge and legal communication. In this regard, primacy of a child in relation to the law is defended. Knowledge in the field of child pedagogy, psychology and legal conflict allows a judge, prosecutor, investigator and other employees of law enforcement agencies to perform their professional duties efficiently.

Key words: age; teenagers; liability; program; court; people's assessors.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Abdulin R.S. Measure thy cloth ten times (arguments about reducing the age of criminal liability to 12 years). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 250–255. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.003.

Введение

Обращение к обозначенной теме исследования обусловлено тремя самостоятельными, но тесно связанными между собой обстоятельствами.

Во-первых, авторской позицией о нежелательности и даже в некоторой степени иррациональности дальнейшей постановки вопроса о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет. Во-вторых, тем, что для качественного выполнения своих служебных обязанностей судьи, прокуроры, следователи и иные работники правоохранительных органов, в том числе и пенитенциарной системы, должны обладать глубокими познаниями не только в профессиональной области, но и в сфере педагогики, психологии, юридической конфликтологии. Что будет способствовать целостному восприятию и оценке действий подростка, совершившего правонарушение (преступление) или склонного его совершить. В этой связи целесообразно включить в учебные планы подготовки юристов такие дисциплины, как ювенальная юстиция и ювенальная педагогика, в которых рассматриваются вопросы воспитания детей с девиантным поведением, несовершеннолетних и малолетних, исследуются возрастные особенности развития личности подростка, проблемы трудновоспитуемости, вопросы организации семейного воспитания. В-третьих, авторским видением порядка рассмотрения уголовных дел по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, в судах первой и апелляционной инстанций. Остановимся подробнее с учетом позиции автора данной статьи и мнения ряда представителей ученого мира и практических работников на вопросе, связанном с предложениями по понижению возраста привлечения к уголовной ответственности.

По нашему мнению, здесь следует поставить окончательную точку и больше у этой теме не возвращаться. Имея опыт работы следователем, прокурором и судьей, уважая мнения ученых, практиков и законодателей, тем не менее с взглядами, аргумен-

тами, направленными в пользу снижения возраста привлечения к уголовной ответственности подростков, не можем согласиться, поскольку в них (суждениях), как правило, нарушается закон причины и следствия. Исследуемая проблема требует серьезного осмысления, глубокого криминологического анализа, учета возможных последствий, рассматриваемых с позиции «не навреди». Все мы прекрасно понимаем, что большинство событий, происходящих с нами, имеют свою определенную причину, с которой они и начинаются. что, позволяет нам осознавать последствия наших действий, вплоть до того, что при их реализации мы можем получить не ожидаемый, а совершенно противоположный результат. Таким образом, правильное установление причины во многом будет влиять и на конечный результат. Это касается и обсуждения проблемы снижения возрастного порога привлечения к уголовной ответственности подростков за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Вместо осознания и выявления причин совершения малолетним преступления мы ошибочно пытаемся найти панацею от этого в снижении возраста и в наказании, отодвигая на второй план последствия указанного шага. Все предложения по поводу снижения возрастной планки наступления уголовной ответственности подростков есть не что иное, как нежелание, а подчас и неумение государственных и муниципальных органов, общественных организаций и гражданского общества в целом вплотную заниматься вопросами предупреждения подростковой преступности. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается, однако многие из таких мероприятий настолько формальны, что лишь причиняют большой вред их содержательной стороне. Таким образом, вместо активизации всех институтов гражданского общества в Российской Федерации в очередной раз инициируется рассмотрение вопроса о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности. А насколько это актуально на данный момент развития нашего общества, мало кто задумыва-

ется. В качестве примера обратимся к аргументации принятия закона в 2009 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу установления уголовной ответственности несовершеннолетних с двенадцатилетнего возраста» (депутаты В. В. Жириновский, С. В. Иванов и М. С. Рохмистров). Из пояснительной записки к законопроекту следует, что «все большее распространение получают случаи совершения уголовного преступления лицами в возрасте 12–13 лет, особенно в виде умышленного причинения смерти либо причинения тяжкого вреда здоровью гражданам, а также участия указанных лиц в действиях террористического характера. Ежегодно в стране выявляется более 300 тыс. общественно опасных деяний несовершеннолетних, причем 100 тыс. из них совершаются детьми, не достигшими возраста 14 лет, что освобождает их от уголовной ответственности, предусмотренной. С учетом изложенного, по мнению законодателей, вполне обоснованным может стать снижение в России возраста уголовной ответственности за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления до 12 лет. В случае принятия такого закона лица, достигшие ко времени совершения преступления 12-летнего возраста, могли бы подлежать уголовной ответственности за совершение 12 составов преступлений, в том числе убийство; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; кражу, совершенную организованной группой, в особо крупном размере; грабеж с квалифицирующими признаками; разбой и другие тяжкие и особо тяжкие преступления. Тем не менее даже при такой довольно серьезной аргументации комитет Государственной Думы Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей (прежнее название) под председательством Е. Б. Мизулиной рекомендовал отклонить проект, что и было сделано [1].

Идея снижения возраста уголовного преследования для детей с 14 до 12 лет стала предметом обсуждения в Общественной палате Российской Федерации 21 февраля 2012 г. В результате в начале марта того же года член комитета Государственной Думы Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству В. Поневежский сообщил о подготовке законопроекта о снижении минимального возраста уголовной ответственности с 14 до 12 лет. Однако к глубокому удовлетворению автора статьи и в этом случае все осталось на уровне обсуждения.

В очередной раз вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности до 12 лет возник уже в 2023 г. Инициатором в данном случае выступил комитет Государственной Думы Российской Федерации по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства (действующее название) в связи с совершенным в г. Москве убийством 11-летнего школьника его 13-летним приятелем. Председатель названного комитета Н. А. Останина заявила о том, что «дети взрослеют раньше. Они совершают преступления до того, как успевают осознать самих себя. Мы не можем все это оставить: школа не справляется, родители не справляются. Страх перед нака-

занием – это хорошая сила. Другого я пока не вижу» [2]. При этом в заявлении парламентария не прозвучало иного, более внятного и аргументированного обоснования, подтверждающего необходимость принятия закона о снижении возрастного порога привлечения к уголовной ответственности подростков, кроме того, что школа и родители не справляются. Таким образом, с рассматриваемой проблемой можно справиться только путем снижения возраста привлечения к уголовной ответственности в надежде, что страх перед наказанием остановит совершение преступлений. В словах Н. А. Останиной есть некоторые противоречия, не позволяющие снизить возраст. Например, как можно привлечь к уголовной ответственности лиц, которые «совершают преступления до того, как успевают осознать самих себя». 12-летний подросток вполне может не осознавать во время совершения преступления общественную опасность совершаемого им деяния. В ч. 3 ст. 20 УК РФ прямо указано, что, если несовершеннолетний «во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности». Говоря о том, что подростки совершают преступления до того, как успевают осознать самих себя, Н. А. Останина совершенно верно указывает на необходимость достижения определенной социальной зрелости подростка. С чем мы полностью солидарны. Это становится возможным только с развитием самосознания, качества – которое позволяет подростку руководить своими поступками, отдавать себе отчет в своих действиях и стать субъектом правоотношений, о чем подробно пишет в своих работах Е. Г. Дозорцева [3].

Между тем с момента, когда в России впервые был поднят вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (2009 г.), прошло уже 15 лет, что позволяет без эмоций оценить целесообразность возвращения к обсуждению данной проблемы. В интервью «Российской газете» в 2023 г. председатель Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкин сообщил, что в 2022 г. в отношении практически 4700 несовершеннолетних отказано в возбуждении уголовного дела либо уголовные дела прекращены в связи с недостижением указанными лицами возраста привлечения к уголовной ответственности. Около 35 % совершивших общественно опасное деяние до достижения установленного возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних были из благополучных семей, не состояли на профилактическом учете и совершили общественно опасное деяние впервые. По мнению А. Бастрыкина, наиболее криминализированными все же являются подростки в возрасте 16–17 лет. Безусловно, широкий общественный резонанс закономерно вызывают совершаемые детьми этого возраста деяния, причинившие или повлекшие причинение смерти, а равно тяжкого вреда здоровью человека, однако таких детей немного, менее 1 %. А. Бастрыкин также отмечает, что имевшие

место подобные факты обусловлены, как правило, неосторожным поведением подростков или ссорами с другими несовершеннолетними. При этом следует заметить, что А. Бастрькин, судя по информации СМИ, никогда не поднимал вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности, не подогревал общественное мнение в этом направлении, а наоборот, в своих публичных выступлениях как ученый, педагог, практик постоянно акцентировал внимание на необходимости консолидации усилий органов правопорядка и повышения эффективности мер профилактического характера в работе с подростками [4].

Весомым аргументом в пользу нецелесообразности снижения возрастного порога привлечения к уголовной ответственности до 12 лет являются и Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые еще 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, где в п. 4.1 указано следующее: «В правовых системах, в которых признается понятие возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних, нижний предел такого возраста не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости». В исследованиях российских ученых также содержится прямое указание на то, что в основе уголовной ответственности лежит способность человека к осознанной саморегуляции. Так, А. А. Федонкина отмечает, что такая способность как функция развитой личности в норме формируется к концу подросткового возрастного периода, охватывающего промежуток от 11–12 до 14–15 лет, что позволяет считать достаточно обоснованным правовое установление существующих в настоящее время в российском уголовном праве возрастных границ уголовной ответственности [5].

Снизить возраст привлечения к уголовной ответственности до 12 лет законодательно несложно. Однако принятие такого закона будет означать поражение и бессилие как государственных институтов, так и институтов гражданского общества. Выбранная формула «страх перед наказанием – это хорошая сила» в некоторой степени свидетельствует о недопонимании последствий привлечения к уголовной ответственности с рассматриваемого возраста и является контрпродуктивной. Карать за совершение преступления 12–13-летнего подростка не значит избавить общество от исследуемой проблемы. При таком подходе совершенно нельзя исключать, что через какое-то время кто-нибудь из представителей законодательных органов, государственных чиновников, граждан вновь поставит вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности, но уже до 10–11 лет. Тем более, что рассуждения о снижении возраста уголовной ответственности подростков до 10 лет уже можно услышать в средствах массовой информации.

Карательными мерами обозначенную проблему никогда не решить. Данная позиция автора статьи

солидарна с мнением А. Васильевского, который отмечает, что «суть спора о минимальном возрасте уголовной ответственности обусловлена отношением к самой ответственности и наполнением ее конкретным содержанием. Если ответственность и наказание являются только карой, то можно понизить минимальный возраст ответственности, а если это только средство защиты общества от преступных посягательств, то общество должно воспитывать несовершеннолетних, а не наказывать» [6].

В цивилизованном обществе выбор должен быть один – это воспитание, а при необходимости и перевоспитание детей (несовершеннолетних). Сегодня мы их спрячем, изолируем и, как думают некоторые, этим напугаем, но наступит завтра, они выйдут из мест изоляции, многие озлобленные на свою семью, общество, весь мир, при этом готовые совершить, но уже осознанно любые преступления. Чтобы не допустить этого, нужно не снижать возраст уголовной ответственности для подростков, а использовать функциональные возможности широкого круга организаций по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, субъекты которых были закреплены Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В частности, это комиссии по делам несовершеннолетних, органы социальной защиты, специальные учреждения для нуждающихся в социальной реабилитации, учреждения образования, органы по делам молодежи, спорта и культуры, различные молодежные объединения, органы здравоохранения, органы внутренних дел и уголовно-исполнительной системы. Между тем это явно не полный перечень субъектов, которые должны заниматься вопросами профилактики преступлений среди подростков. В число таковых обязательно должны быть включены государственные и представительные (законодательные) органы власти, институты уполномоченных по правам человека и ребенка, органы местного самоуправления, должностные лица и другие органы, имеющие отношение к обеспечению прав, свобод и законных интересов детей.

Подготовленность должностных лиц (следователей, прокуроров, судей) как к проведению качественного расследования уголовных дел, так и рассмотрению этих дел в судах – проблема, решение которой не менее важно в связи с исследуемой тематикой. К глубокому сожалению, в судебно-прокурорском сообществе да и среди следователей, других работников правоохранительных органов бытует мнение, что наличие юридического образования достаточно для того, чтобы быть компетентным в вопросах педагогики и психологии несовершеннолетних. Однако мало кто задумывается над тем, что для выстраивания общения с подростками необходимы специальные знания, владение приемами психологического воздействия на несовершеннолетних. Формы и методы работы, применяемые к взрослым правонарушителям, в случае с подростками желаемого эффекта не дадут. Современные следователь, прокурор, судья, в особенности при работе с материалами по пре-

ступлениям, совершенными несовершеннолетними (малолетними), сами должны быть образцом психологической зрелости и знать формы и приемы психологического воздействия на правонарушителей. Безусловно, названным должностным лицам необходимо обладать и достаточным уровнем знаний в ювальной педагогике и юридической конфликтологии, понимать и разбираться в индивидуальных особенностях подростков, преступивших закон. Очень важной составляющей в работе следователя, прокурора и судьи является и выстраивание отношений с родителями и иными законными представителями. Процесс становления психолого-педагогической компетентности должен начинаться еще во время обучения в вузе. В учебную программу подготовки юристов должны быть включены психолого-педагогические дисциплины по изучению основ общей, социальной и коррекционной педагогики (ювальной педагогики), общей психологии и психологии девиантного поведения. Безусловно, полученные в стенах вуза знания позволяют выпускникам по мере приобретения ими опыта практической деятельности использовать их в работе с несовершеннолетними правонарушителями. При этом не следует забывать о еще одном аспекте психолого-педагогической компетентности работников правоохранительной сферы: в практической деятельности им довольно часто приходится встречаться с обучающимися (в школах, средних и высших учебных заведениях) и их родителями. И вот здесь имеет важное значение не только профессиональная компетентность следователя, прокурора, но и его способность прогнозировать психологическую ситуацию в коллективе, умение провести встречу не в командном стиле, а в виде дискуссионной площадки (собраний), транслируя при этом свои психолого-педагогические познания.

Согласно ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации гражданам России предоставлено право участия в отправлении правосудия. Названные положения Конституции Российской Федерации получили свое развитие в ст. 8 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в которой было закреплено, что граждане Российской Федерации участвуют в осуществлении правосудия в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей. Таким образом, утверждался максимальный уровень взаимодействия граждан и судебной власти. Наряду со становлением института присяжных заседателей, упраздненного в период становления советского государства в 1917 г., суды общей юрисдикции продолжали отправлять правосудие с участием испытанного временем института народных заседателей. Вместе с тем уничижительный отзыв об этом институте имелся в Концепции судебной реформы 1991 г.: «суд был и остается чисто государственным органом

правосудия, чья сущность слегка закамуфлирована безмолвствующими народными заседателями». Кроме того, к народным заседателям еще в советское время прилепили ярлык «кивалы». В то же время в Концепции судебной реформы 1991 г. явно комплиментарно говорилось о преимуществах института присяжных заседателей. Все это и предопределило дальнейшую судьбу участия народных заседателей в отправлении правосудия. Следует также отметить, что 02.01.2000 был принят Федеральный закон № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», жизнь которого оказалась очень недолгой. Буквально через три года он утратил силу в части, касающейся гражданского судопроизводства, а с 1 января 2004 г. – в части, касающейся уголовного судопроизводства.

Почему мы так подробно остановились на судьбе такого правового феномена, как институт народных заседателей? Исследованиями, проведенными нами, неоднократно ставился вопрос о возвращении института народных заседателей в правовое поле [7], поскольку исключение из ст. 8 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» института народных заседателей есть не что иное, как лишение значительной части населения его конституционного права на отправление правосудия. Во-вторых, возвращение института народных заседателей в иной качественный состав может оказать неоценимую помощь при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Участие в судебном заседании вместе с профессиональным судьей народных заседателей – педагогов, психологов – безусловно, повысит качество рассматриваемых дел. И эту процедуру следует распространить как на суды первой, так и апелляционной инстанций.

Подводя итог, отметим, что в последние годы ученые и практики очень много пишут и говорят о гуманизации уголовного закона. Между тем предложения о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности детей с 12-летнего возраста свидетельствуют об обратном, поскольку гуманизация должна прежде всего отражать не только снижение репрессивности уголовного закона, но и активизацию государственных и негосударственных структур по профилактике правонарушений и преступлений, в том числе среди малолетних и несовершеннолетних. Суровость государства к своему подрастающему поколению и культивирование идеологии «страх перед наказанием – это хорошая сила» есть деструктивная идеология. В связи с этим хотелось бы видеть фундаментальные изменения в работе с несовершеннолетними по предупреждению правонарушений, что, безусловно, повлияет на состояние правопорядка как в регионах, так и в стране в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон о снижении возраста ответственности до 12 лет могут внести в ГД. URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20120301/260746103.html (дата обращения: 25.06.2024).

2. В Госдуме предложили снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет. URL: <https://woman.rambler.ru/children/51129606-v-gosdume-predlozhili-snizit-voznrast-ugolovnoy-otvetstvennosti-do-12-let> (дата обращения: 25.06.2024).
3. Дозорцева Е. Г., Федонкина А. А. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью // Психологическая наука и образование. 2013. № 3. С. 234–243.
4. Интервью председателя Следственного комитета «Российской газете» 31 мая 2023 г. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/285081739> (дата обращения: 25.06.2024).
5. Федонкина А. А. Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями // Психология и право. 2016. Т. 6, № 3. С. 178–192.
6. Васильевский А. Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. 2000. № 11. С. 23–25.
7. Абдулин Р. С. Институт народных заседателей: «Вместе с водой выплеснули и ребенка» // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 3. С. 49–54.

REFERENCES

1. *Zakon o snizhenii vozrasta otvetstvennosti do 12 let mogut vnesti v GD* [The law on reducing the age of responsibility to 12 years may be amended by the State Duma]. Available at: https://rapsinews.ru/legislation_news/20120301/260746103.html (accessed June 25, 2024).
2. *V Gosdume predlozhili snizit' vozrast ugolovnoi otvetstvennosti do 12 let* [The State Duma proposed to reduce the age of criminal responsibility to 12 years]. Available at: <https://woman.rambler.ru/children/51129606-v-gosdume-predlozhili-snizit-voznrast-ugolovnoy-otvetstvennosti-do-12-let> accessed June 25, 2024).
3. Dozortseva E.G., Fedonkina A.A. Psychological characteristics of juvenile offenders with personal immaturity. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2013, no. 3, pp. 234–243. (In Russ.).
4. *Interv'yū predsedatelya Sledstvennogo komiteta "Rossiiskoi gazete" 31 maya 2023 g.* [Interview of the Chairman of the Investigative Committee to Rossiiskaya Gazeta on May 31, 2023] Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/285081739> (accessed June 25, 2024).
5. Fedonkina A.A. The ability of juvenile offenders with personal immaturity to consciously guide their actions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 178–192. (In Russ.).
6. Vasil'evskii A. Age as a condition of criminal responsibility. *Zakonnost' = Legality*, 2000, no. 11, pp. 23–25. (In Russ.).
7. Abdulin R.S. Institute of People's Assessors: "One splashed a child with water". *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2024, no. 3, pp. 49–54. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОБЕРТ СЕМЕНОВИЧ АБДУЛИН – доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент, судья Курганского областного суда в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Института экономики и права Курганского государственного университета, Курган, Россия, abrosem@yandex.ru

ROBERT S. ABDULIN – Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Retired Judge of the Kurgan Regional Court, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law at the Institute of Economics and Law of the Kurgan State University, Kurgan, Russia, abrosem@yandex.ru

Статья поступила 28.06.2024

Алгоритм вступления адвоката в уголовный процесс по назначению: как избежать ситуации «двойной защиты»

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КОНИН

Северо-Западный филиал Российской государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

vkonin.kld@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4136-2967>

Реферат

Введение: право на получение квалифицированной юридической помощи закреплено в ст. 48 Конституции Российской Федерации. В системе уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений оно является императивным, и его нарушение влечет негативные последствия для результатов расследования уголовного дела и рассмотрения его по существу. В то же время на практике периодически возникают ситуации, когда адвокат, участвующий в процессе, по тем или иным причинам срывает производство запланированных следственных действий либо судебных заседаний, тем самым затягивая сроки расследования и рассмотрения уголовного дела по существу. В этой ситуации следствие и суды пошли по пути введения в процесс второго защитника по назначению, несмотря на возражения лица, привлеченного к уголовной ответственности, и его адвоката, тем самым создав ситуацию «двойной защиты». В то же время адвокатское сообщество признает участие адвоката по назначению в ситуации «двойной защиты» нарушением Кодекса профессиональной этики адвоката. *Цель:* продолжить исследование дискуссионных вопросов, возникающих на современном этапе реализации конституционного права на защиту в уголовном судопроизводстве, затрагивающих проблемы взаимодействия адвоката с подзащитным и другими участниками в деле адвокатами, и предложить алгоритм действий адвокатов, вступающих в уголовный процесс по назначению дознавателя, следователя либо суда, чтобы избежать возможных нарушений Кодекса профессиональной этики адвоката и создания ситуации «двойной защиты». *Задача* исследования состоит в выработке алгоритма вступления адвоката по назначению в уголовный процесс, чтобы не допустить нарушений права на защиту лица, привлеченного к уголовной ответственности, внутрикорпоративных нормативно-правовых актов, избежать ситуации «двойной защиты». *Методологической* основой исследования послужили всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и др.). Кроме того, использовались частно-научные методы познания – логико-формальный и системный анализ. *Результаты* исследования носят как теоретический, так и прикладной характер и обладают элементами научной новизны. Рассмотрены вопросы вступления адвоката по назначению в уголовный процесс, предложен алгоритм его действий с тем, чтобы избежать возможных нарушений и возникновения ситуации «двойной защиты». Одновременно предложено рассматривать «двойную защиту» не как институт уголовно-процессуального права, а как существенное нарушение норм адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве. *Выводы:* обсуждение выявленных проблем позволит обратить внимание научной общественности и законодателя на разработку решений по устранению выявленных пробелов при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве и защитит адвокатов от возможного нарушения и последующего обвинения в нарушении внутрикорпоративных нормативно-правовых актов, создании ситуации «двойной защиты» при вступлении в уголовный процесс по назначению.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; адвокат; подзащитный; вступление в дело; «двойная защита»; алгоритм.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Конин В. В. Алгоритм вступления адвоката в уголовный процесс по назначению: как избежать ситуации «двойной защиты» // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 256–262. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.004.

Original article

Algorithm for Introducing the Appointed Defense Lawyer into the Criminal Process: how to Avoid a “Double Defense” Situation

VLADIMIR V. KONIN

North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

vkonin.kld@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4136-2967>

Abstract

Introduction: the right to receive qualified legal assistance is enshrined in Article 48 of the Constitution of the Russian Federation. It is the right of everyone who is subject to criminal prosecution, regardless of the financial situation of the person. In the system of criminal law and criminal procedural relations, this right is imperative, and violation of this right entails negative consequences for the results of the criminal case investigation and its consideration on the merits. At the same time, in practice, situations occur when a lawyer participating in the process, for one reason or another, disrupts the production of pre-planned investigative actions or court hearings, thereby delaying the investigation and consideration of the criminal case on the merits. In this situation, the investigation and the court can appoint another defense attorney despite objections of a defendant and his/her lawyer, thereby giving rise to a “double defense situation”. At the same time, the legal community recognizes the participation of an appointed defense lawyer in the “double defense” situation as a violation of the Code of Professional Ethics of a Lawyer. In this article, the author continues the previously started research on this topic, and, taking into account the established disciplinary practice, proposes an algorithm of actions that will allow the lawyer to act within the framework established by the criminal procedure legislation and internal corporate regulatory legal acts in order to avoid possible violations, including preventing the emergence of a “double defense situation”. *Purpose:* to continue the study of controversial issues arising at the current stage of the implementation of the constitutional right to defense in criminal proceedings, affecting the problems of interaction between the defense lawyer and the defendant and other lawyers participating in the case, and to propose an algorithm of actions for lawyers entering into criminal proceedings by appointment of the inquiry officer, investigator or court in order to avoid possible violations of the Code of Professional Ethics of a Lawyer and the situation of “double defense”. The task of the study is to develop an algorithm for the entry of a appointed lawyer into criminal proceedings in order to prevent violation of the right to defense of a person brought to criminal liability and, at the same time, to prevent violations of internal corporate regulatory legal acts and avoid the emergence of a situation of “double defense”. *Methods:* general dialectical method of cognition of socio-legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural and others), private scientific methods of cognition (logical-formal and system analysis). The *results* of the study are both theoretical and applied in nature and have elements of scientific novelty. The author studies issues of entry of an appointed defense lawyer into criminal proceedings, proposes an algorithm of the lawyer’s actions in order to avoid possible violations and emergence of “a double defense situation”. At the same time, the author suggests considering “double defense” not as an institution of criminal procedural law, but as a significant violation of the norms of advocacy in criminal proceedings. *Conclusion:* discussion of the identified problems will draw attention of the scientific community and the legislator to the development of solutions to eliminate the identified gaps in the implementation of defense in criminal proceedings and will protect appointed defense lawyers from possible violation and subsequent accusation of violating internal corporate regulatory legal acts and creating “a double defense” situation.

Key words: criminal proceedings; lawyer; defendant; entering into a case; “double defense”; algorithm.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Konin V.V. Algorithm for introducing the appointed defense lawyer into the criminal process: how to avoid a “double defense” situation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 256–262. doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.004.

Введение

В рамках уголовно-процессуальных отношений право на защиту в уголовном судопроизводстве реализуется посредством заключения соглашения на осуществление защиты с выбранным адвокатом,

либо на вступление в дело адвоката по назначению в порядке ст. 50–51 УПК РФ.

Уголовно-процессуальные отношения носят публичный характер и направлены на защиту интересов общества от преступных посягательств, защиту

потерпевших от преступления, восстановление их прав и законных интересов и назначение виновным в совершении преступления справедливого наказания. Соответственно, адвокат, осуществляя защиту по уголовному делу, не выступает в качестве борца с правоохранительной системой, но, реализуя свои полномочия по защите лица, привлеченного к уголовной ответственности, должен помнить и об интересах иных участников процесса, в том числе потерпевшего, а также интересах общества. Отстаивание интересов доверителя не должно носить характер межличностного конфликта между адвокатом и следователем либо судьей. Адвокат, пытаясь добиться какого-либо положительного результата в интересах подзащитного, не вправе делать это с нарушением норм и правил, установленных УПК РФ и внутрикорпоративными нормативно-правовыми актами. Исходя из этого, можно утверждать, что злоупотребление правом со стороны адвоката при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве противоречит природе адвокатской деятельности как института гражданского общества.

Методологической основой исследования послужили всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и др.). Кроме того, использовались частно-научные методы познания – логико-формальный и системный анализ.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время достаточно большое внимание в адвокатской среде уделяется «двойной защите», или субсидиарной защите, как ее называют некоторые авторы (нам термин «двойная защита» представляется более правильным) [1–5]. До сих пор нет единого понимания этого явления. Несмотря на то что сама по себе «двойная защита» состоит из различных элементов, все же ее нельзя отнести к институтам уголовно-процессуального права, как полагают некоторые авторы [6]. Вместе с тем не вызывает сомнения, что анализируемую ситуацию необходимо рассматривать как существенное нарушение права на защиту и одновременно с этим как нарушение внутрикорпоративных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры и обязательных для исполнения адвокатами [7].

27 сентября 2013 г. Советом ФПА РФ было принято решение «О двойной защите» (ред. от 28.11.2019), указывающее на необходимость привлечения к строгой дисциплинарной ответственности виновных лиц. Речь шла об адвокатах, вступивших в уголовный процесс по назначению следователя и участвовавших в расследовании и рассмотрении уголовного дела при наличии у лица, привлеченного к уголовной ответственности, адвоката, с которым было заключено соглашение на защиту. Но необходимо отметить, что рассматриваемое решение не содержало рекомендаций для адвокатов, как правильно поступать в сложившейся ситуации.

«Двойная защита» или участие адвоката-дублира в уголовном процессе были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова от 17.07.2019 № 28-П, который отмечал, что право на свободный выбор защитника исключает навязывание лицу, привлеченному

к уголовной ответственности, адвоката, от которого он отказался¹.

Вместе с тем следует признать, что зачастую возникновение ситуации «двойной защиты» является вынужденным способом реагирования следователя и суда на сложившуюся обстановку в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела по существу, в том числе и на злоупотребление правом адвокатами, участвующими в деле [8–9]. Так, например, следователь согласовал с адвокатом даты, в которые будут выполняться те или иные следственные действия, в том числе связанные с привлечением иных лиц, вовлеченных в уголовный процесс (потерпевший, свидетели, понятые и т. д.). Но, несмотря на то что участники были заблаговременно извещены о предстоящем следственном действии и прибыли для участия в нем, адвокат, ссылаясь на занятость и необходимость участия в производстве следственных действий у другого следователя по иному уголовному делу либо занятость в судебном разбирательстве, своей неявкой срывает их производство. Можно как-то объяснить, когда срыв заранее запланированных следственных и судебных действий происходит по причине занятости адвоката (срыв по добросовестным причинам). Но иногда случаются ситуации, когда срыв происходит по причине злоупотребления правом (срыв по недобросовестной причине).

Когда случается срыв заранее запланированных следственных действий либо судебного разбирательства, следователь либо судья, стараясь избежать затягивания и нарушения сроков, направляют в адвокатские палаты субъектов региона заявку на участие в деле адвоката по назначению. В связи с этим чаще всего в ситуации «двойной защиты» оказываются адвокаты, вступившие в уголовное дело по назначению следователя либо суда, и не оценившие в должной мере сложившуюся ситуацию [10–11].

Иногда, желая избежать контроля распорядителей заявок адвокатских палат, следователь либо судья искажают фамилию лица, привлеченного к уголовной ответственности [12].

Нет необходимости говорить о том, что ситуация «двойной защиты» порождает конфликт между адвокатом, участвующим в деле по соглашению, и его доверителем и адвокатом, вступившим в дело по назначению.

В случае вступления в дело адвоката по назначению предлагается следующий алгоритм действий, позволяющий избежать нарушений требований Кодекса профессиональной этики адвоката, Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, в том числе и тех, которые подпадают под ситуацию «двойной защиты»:

- получив от распорядителя заявок поручение на осуществление защиты в уголовном судопроизводстве, адвокат должен не позднее двух часов с момента получения заявки связаться с инициатором заявки и прибыть в правоохранительный орган;

- выяснить данные лица, защиту которого планируется осуществлять, и сверить их с теми, которые были представлены в заявке. Обратиться особое внимание на правильность написания персональных данных лица, защиту которого предполагается осуществлять, поскольку сведения, предоставленные инициатором в

¹ Автор статьи представлял интересы Кавалерова Ю. Ю. в Европейском суде по правам человека, в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации 28.02.2017 и выступил соавтором жалобы Ю. Ю. Кавалерова в Конституционный Суд Российской Федерации.

уведомлении, должны быть полными и достоверными. Недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа от вступления в дело [13];

– ознакомиться с материалами дела. В данном случае ситуация может развиваться в двух вариантах.

Вариант 1:

– если адвокат вступает в дело на стадии возбуждения уголовного дела, то необходимо ознакомиться с перечнем доступных материалов, который, как правило, незначителен: постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания, объяснение (вполне возможно, что в материалах будет находиться явка с повинной и ходатайство на имя следователя об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде с полным изложением совершенного преступления и указанием на признание вины и раскаянии в содеянном);

– побеседовать с доверителем. Необходимо отметить, что беседа является одним из наиболее важных элементов коммуникации между доверителем и защитником, и в дальнейшем именно первая беседа может положить основу будущего взаимодействия и доверия. Беседа должна начинаться с представления: адвокат представляется и кратко сообщает информацию о себе, которую посчитает нужным донести до доверителя.

Далее, адвокат должен выяснить, когда фактически задержан доверитель, применялись ли к нему незаконные методы воздействия. При наличии у доверителя следов физического насилия адвокат должен немедленно поставить об этом в известность следователя, при необходимости вызвать неотложную медицинскую помощь и предложить доверителю обратиться с заявлением в правоохранительный орган. В случае отказа доверителя от вызова неотложной медицинской помощи и обращения в соответствующий правоохранительный орган – зафиксировать отказ письменно.

Затем адвокат предлагает обсудить сложившуюся на момент вступления ситуацию по делу и, основываясь на своем опыте, знаниях, следственной и судебной практике, анализе имеющейся по делу информации, выстраивает вероятную мысленную модель развития расследования по делу либо возможное развитие и разрешение ситуации судебного разбирательства [14, с. 34–41]. Представляется, что ситуационный подход и метод криминалистического моделирования в данном случае будут являться наиболее оптимальными [15–16].

Прогнозируя ход и результаты расследования, адвокат не должен усложнять ситуацию, тем самым запугивая доверителя, но также не должен и упрощать ее, вызывая у доверителя необоснованные надежды, в том числе намеками на разрешение сложившейся ситуации посредством противоправных действий.

После этого он должен рассмотреть с доверителем вероятные модели его поведения по отношению к уголовному преследованию: признание виновности в инкриминируемом преступлении в полном объеме (в том числе возможное заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), признание виновности в части, полное непризнание виновности. Также адвокат должен разъяснить вероятные последствия выбранной подзащитным модели поведения. Окончательное решение по выбору модели поведения должен принять доверитель.

Вариант 2 (если, вступая в дело, адвокат по назначению выяснит, что в деле ранее участвовал другой адвокат):

– с целью избежать ситуации «двойной защиты» адвокат обязан выяснить у доверителя есть ли у него защитник (адвокат по соглашению либо адвокат, вступивший ранее в дело по назначению);

– выяснить у следователя, суда либо доверителя данные адвоката, осуществлявшего защиту доверителя по соглашению либо по назначению;

– уточнить у следователя либо суда причину его отсутствия;

– при наличии возможности связаться с ним самостоятельно выяснить причины его отсутствия (болезнь, командировка, неизвещение о задержании доверителя, недопуск в помещение СК РФ или полиции и т. д.) и сообщить о своем вступлении в дело, поскольку в соответствии с п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве адвокат, вступая в дело, в котором участвуют другие адвокаты, обязан уведомить их о своем участии.

В случае невозможности незамедлительной явки в правоохранительный орган либо суд адвоката по соглашению либо ранее участвовавшего в деле по назначению вновь вступивший в дело адвокат должен выяснить возможность своего участия в производстве следственных действий либо судебного разбирательства и позицию, занятую адвокатом, ранее участвовавшим в деле, и его подзащитным. Если адвокат, ранее участвовавший в деле, имеет возможность прибыть в правоохранительный орган либо суд в короткое время, адвокат, вновь вступивший в дело по назначению, обязан заявить в письменном виде ходатайство о невозможности своего участия в защите с указанием причины, то есть фактически заявить самоотвод (в дальнейшем будет использоваться этот термин в силу своей простоты). Также самоотвод должен быть заявлен, если адвокат, ранее участвовавший в деле, не может прибыть в незначительный промежуток времени в правоохранительный орган либо суд, но возражает против участия в деле вновь вступившего адвоката по назначению. Такое поведение соответствует позициям, выработанным адвокатским сообществом. Так, в частности, позиция Адвокатской палаты г. Москвы заключается в следующем: «Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления» [12].

В случае если связаться с адвокатом, ранее участвовавшим в деле, не удастся либо он по каким-либо причинам не может в ближайшее время прибыть для участия в следственных действиях, принятие решения об участии либо неучастии в деле вновь вступившего адвоката по назначению возлагается на доверителя. Если он не возражает против его участия и его согла-

сие оформлено в письменном виде, вновь вступивший в дело адвокат по назначению вправе принять участие в производстве следственных действий. В этом случае ситуация «двойной защиты» не возникает. Если доверитель возражает против участия вновь вступившего в дело адвоката по назначению, то он должен в письменном виде заявить отвод, а адвокат, вновь вступивший в дело по назначению, в свою очередь должен заявить в письменном виде самоотвод, в котором должен указать на необоснованность его привлечения к участию в деле. Если же в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ следователь либо суд отклонил отвод адвоката доверителем и самоотвод адвоката, вновь вступивший в дело адвокат обязан принять участие в производстве следственного действия либо в судебном разбирательстве, но он должен еще раз в протоколе следственного действия либо протоколе судебного разбирательства отразить заявление доверителя об отводе и свою позицию о самоотводе. В этой ситуации также будет отсутствовать ситуация «двойной защиты».

Если адвокат по назначению приглашен для участия в следственных действиях, срок производства которых измеряется в часах (24 часа, 48 часов и т. д.) либо в незначительном количестве суток, а защитник, ранее участвовавший в деле, не может в силу различных причин принять участие в производстве данных следственных действий, участие в следственных действиях адвоката по назначению не будет содержать каких-либо элементов «двойной защиты», даже если ранее участвовавший в деле защитник высказал свое несогласие на вступление в дело адвоката по назначению и имеется отказ доверителя от защитника по назначению. 24-часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны [13].

Еще раз обратим внимание на то, что уголовный процесс носит публичный характер, и защите подлежат не только интересы лица, привлеченного к уголовной ответственности, но и интересы потерпевшего, общества [17].

Если адвокат, участвующий в деле, будучи заблаговременно уведомленным о производстве следственного действия по каким-либо причинам не явился для участия в его производстве, а лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, в течение пяти суток, как это установлено ч. 3 ст. 50 УПК РФ, не пригласило другого адвоката для своей защиты, адвокат по назначению вправе по истечению этого срока принять участие в производстве следственных действий, в том числе при отсутствии согласия защитника, ранее участвовавшего в деле, и отсутствии согласия доверителя. В этом случае также будет отсутствовать ситуация «двойной защиты».

Ситуация «двойной защиты» также будет отсутствовать, если в стадии судебного разбирательства будет принимать участие адвокат по назначению, ранее участвовавший на стадии предварительного расследования, несмотря на то что судом будет назначен другой адвокат.

«Двойная защита» будут отсутствовать, если следователем либо судом было вынесено постановле-

ние о злоупотреблении правом адвокатом, ранее участвовавшим в деле, и на этом основании в дело был введен защитник по назначению для участия в следственных действиях.

Злоупотребление адвокатом своими правами должно подтверждаться вынесением соответствующего постановления следователем либо судом, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Вместе с тем адвокат, вступающий в дело по назначению на основании постановления о злоупотреблении правом адвокатом, ранее участвовавшим в деле, обязан связаться с адвокатом, ранее участвующим в деле, чтобы проинформировать его о вступлении в дело, а также о наличии постановления о злоупотреблении правом. В действиях адвоката по назначению будет отсутствовать ситуация «двойной защиты» до тех пор, пока постановление о злоупотреблении правом не будет отменено по тем или иным причинам, в том числе по причине незаконности и необоснованности. Схожую позицию занимает и Г. М. Резник [18].

Если адвокат по назначению вступает в дело в результате вынесения следователем либо судом постановления об отводе адвоката по соглашению либо по назначению, он также должен связаться с отведенным адвокатом и уведомить его о вступлении в дело и наличии отвода, в соответствии с п. 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. В данном случае также будут отсутствовать признаки «двойной защиты» до тех пор, пока указанное постановление не будет отменено, даже если подзащитный и отведенный адвокат возражают против участия адвоката, вступившего в дело по назначению.

В обоих случаях адвокат по назначению, вступая в дело, обязан получить процессуальный акт, в котором устанавливается факт злоупотребления правом адвокатом, ранее участвовавшим в осуществлении защиты лица, привлеченного к уголовной ответственности, и его отвода от дальнейшего участия в деле.

В то же время обязанность по оцениванию доводов, изложенных в постановлении о злоупотреблении правом адвокатом и его отводе, а также по оспариванию законности и обоснованности указанных решений, на адвоката, вступившего в дело по назначению, не возлагается.

Выводы

Периодически возникающая на практике ситуация «двойной защиты» противоречит требованиям внутрикорпоративных нормативно-правовых актов адвокатского сообщества, что негативным образом влияет на взаимоотношения внутри адвокатской корпорации [19, с. 24–31], создает конфликтную ситуацию среди адвокатского сообщества и тем самым препятствует реализации гарантированного Конституцией Российской Федерации права на защиту, что ранее уже отмечалось [20–21]. Но в то же время достаточно часто ситуация «двойной защиты» возникает по вине адвокатов, осуществляющих защиту доверителя по соглашению, которые, пытаясь достичь изменения следственной ситуации в пользу своего подзащитного, идут по пути злоупотребления правом, что является недопустимым, поскольку, как указано в ст. 6 УПК РФ, уголовный процесс защищает не только права лица, привлеченного к уголовной ответственности, но и права и законные интересы лиц, как физических так и юридических, потерпевших от преступления, а также интересы общества [22]. Следуя предложенному нами алгоритму, адвокат, всту-

пая в уголовный процесс по назначению, сможет на высоком профессиональном уровне защитить права и интересы доверителя и избежать ситуации «двойной защиты».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чистилина Д. О. Проблемы осуществления «двойной защиты» в уголовном процессе России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 68–80.
2. Гладышева О. В. Двойная и субсидиарная защита в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14 (3). С. 95–104.
3. Барыгина, А. А. К вопросу об участии субсидиарного защитника в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 46–48.
4. Берсенева Е. М. Категория субсидиарных защитников в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // История государства и права. 2014. № 10. С. 50–54.
5. Зубков С. Б. Отдельные аспекты назначения адвоката в качестве защитника в контексте цифровизации уголовного судопроизводства // Адвокатская практика. 2024. № 1. С. 56–60.
6. Ревина И. В., Пашутина О. С., Чеботарева И. Н. Манипулирование правом на защиту с позиции обеспечения права обвиняемого на свободу выбора адвоката // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 33–39
7. Обзор дисциплинарной практики за второе полугодие 2020 года и 2021 год по вопросам, связанным с порядком распределения дел по назначению и «двойной защитой» ННО «Адвокатская палата города Москвы». URL: <https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/Обзор%20ДП%202020-2021,%20распред.%20дел%20по%20назнач.,%20«двойная%20защита».pdf> (дата обращения: 01.02.2024).
8. Барбир И. П., Потапов В. Д. Обобщение практики рассмотрения Квалификационной комиссией Адвокатской палаты Республики Коми дисциплинарных производств по вопросам о наличии в действиях (бездействии) адвокатов нарушений действующего законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации за 2022 год // Вестник. Государство и право. 2023. № 1 (36). С. 23–41.
9. Баева К. М. Принципиальные начала противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве России // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 54–59.
10. Злоупотребление правом на защиту // Закон. 2015. № 7. С. 24–31.
11. Калиновский К. Б. Досрочное назначение защитника подозреваемому // Уголовный процесс. 2018. № 10 (166). С. 11.
12. Обзор дисциплинарной практики за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с порядком распределения дел по назначению и «двойной защитой» ННО «Адвокатская палата города Москвы». URL: https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/2022/Обзор%20ДП_дела%20по%20назначению,%20двойная%20защита_первое%20полугодие%202022.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
13. Обзор дисциплинарной практики за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей ННО «Адвокатская палата города Москвы». URL: https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/2022/Обзор%20ДП_исполнение%20проф.обязанностей_первое%20полугодие%202022.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
14. Волчещкая Т. С., Осипова Е. В. Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве : учеб.-метод. пособие. Калининград, 2020. 126 с.
15. Волчещкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: современное состояние и перспективы // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 15-летию науч. школы криминалист. ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т. С. Волчещкой. Калининград, 2017. С. 11–16.
16. Ким Д. В. К вопросу о структуре криминалистической ситуации // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта / под ред. Т. С. Волчещкой. Калининград, 2017. С. 51–57.
17. Рябинина Т. К., Петрова О. В. Нарушения права на защиту: о чем свидетельствует судебная практика (на примере судебных решений судов Курской области) // Процессуальные гарантии современного правосудия : сб. ст. к 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике. Ижевск, 2023. С. 258–266.
18. Резник Г. Наши разногласия // Новая адвокатская газета. 2015. № 17 (202).
19. Марьина Е. В. Профессиональная этика юриста: традиции и новации в отечественном правовом образовании // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 4. С. 24–31.
20. Конин В. В. Право на защиту: некоторые теоретические вопросы // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 34–36.
21. Андреева О. И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и не иллюзорным // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2016. № 4. С. 10–14
22. Тишутина И. В. К вопросу об адвокатах как о субъектах противодействия расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы. М., 2007. С. 395–398.

REFERENCES

1. Chistilina D.O. Problems of implementation of “double protection” in the criminal proceedings of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 68–80. (In Russ.).
2. Gladysheva O.V. Double and subsidiary protection in criminal proceedings. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2022; no. 14 (3), pp. 95–104. (In Russ.).
3. Barygina A.A. On the issue of participation of a subsidiary defender in criminal proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2020, no. 8, pp. 46–48. (In Russ.).
4. Berseneva E.M. The category of subsidiary defenders in criminal proceedings of the Russian Federation. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2014, no. 10, pp. 50–54. (In Russ.).
5. Zubkov S.B. Certain aspects of the appointment of a lawyer as a defender in the context of digitalization of criminal proceedings. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2024, no. 1, pp. 56–60. (In Russ.).

6. Revina I.V., Pashutina O.S., Chebotareva I.N. Manipulation of the right to defense from the position of ensuring the right of the accused to freedom of choice of a lawyer. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2021, no. 1, pp. 33–39. (In Russ.).
7. *Obzor distsiplinarnoi praktiki za vtoroe polugodie 2020 goda i 2021 god po voprosam, svyazannym s poryadkom raspredeleniya del po naznacheniyu i "dvoinoi zashchitoi" NNO "Advokatskaya palata goroda Moskvy"* [Review of disciplinary practice for the second half of 2020 and 2021 on issues related to the order of assignment of cases and the "double defense" of the NGO "Moscow Bar Association"]. Available at: <https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/Obzor%20DP%202020-2021,%20raspred.%20del%20po%20naznach.,%20«dvoynaya%20zashchita».pdf> (accessed February 1, 2024).
8. Barbir I.P., Potapov V.D. Generalization of the practice of consideration by the Qualification Commission of the Bar Chamber of the Komi Republic of disciplinary proceedings on the presence in the actions (inaction) of lawyers of violations of the current legislation on advocacy and advocacy in the Russian Federation for 2022. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo = Bulletin. State and Law*, 2023, no. 1 (36), pp. 23–41. (In Russ.).
9. Baeva K.M. Fundamental principles of counteracting and neutralizing the abuse of the right by the defense in Russian criminal proceedings. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2019, no. 3, pp. 54–59. (In Russ.).
10. Abuse of the right to protection. *Zakon = Law*, 2015, no. 7, pp. 24–31. (In Russ.).
11. Kalinovskii K.B. Early appointment of a defender to a suspect. *Ugovolnyy protsess = Criminal Trial*, 2018, no. 10 (166), p. 11. (In Russ.).
12. *Obzor distsiplinarnoi praktiki za pervoe polugodie 2022 goda po voprosam, svyazannym s poryadkom raspredeleniya del po naznacheniyu i "dvoinoi zashchitoi" NNO "Advokatskaya palata goroda Moskvy"* [Review of disciplinary practice for the first half of 2022 on issues related to the order of assignment of cases and "double defense" of the NGO "Moscow Bar Association"]. Available at: https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/2022/Obzor%20DP_dela%20po%20naznacheniyu,%20dvoynaya%20zashchita_pervoe%20polugodie%202022.pdf (accessed February 1, 2024).
13. *Obzor distsiplinarnoi praktiki za pervoe polugodie 2022 goda po voprosam, svyazannym s ispolneniem advokatom professional'nykh obyazannostei NNO "Advokatskaya palata goroda Moskvy"* [Review of disciplinary practice for the first half of 2022 on issues related to the performance of professional duties by a lawyer of the NGO "Moscow Bar Association"]. Available at: https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/2022/Obzor%20DP_ispolnenie%20prof.obyazannostei_pervoe%20polugodie%202022.pdf (accessed February 1, 2024).
14. Volchetskaya T.S., Osipova E.V. *Kriminalisticheskoe modelirovanie v ugovolnom sudoproizvodstve: ucheb.-metod. posobie* [Criminalistic modeling in criminal proceedings: educational and methodological guide]. Kaliningrad, 2020. 126 p.
15. Volchetskaya T.S. Criminalistic situationology: current state and prospects. In: Volchetskaya T.S. (Ed.). *Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoi nauke i praktike: sovremennyye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 15-letiyu nauch. shkoly kriminalist. situologii BFU im. I. Kanta* [Situational approach in legal science and practice: modern opportunities and prospects for development: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 15th anniversary of the scientific criminologist schools]. Ed. by Volchetskaya T.S. Kaliningrad, 2017. Pp. 11–16. (In Russ.).
16. Kim D.V. On the question of the structure of the criminalistic situation. In: Volchetskaya T.S. (Ed.). *Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoi nauke i praktike: sovremennyye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 15-letiyu nauchnoi shkoly kriminalisticheskoi situologii BFU im. I. Kanta* [Situational approach in legal science and practice: modern opportunities and prospects for development: proceedings of the International scientific and practical conference, dedicated to the 15th anniversary of the scientific school of criminalistic situationology]. Kaliningrad, 2017. Pp. 51–57. (In Russ.).
17. Ryabinina T.K., Petrova O.V. Violations of the right to protection: as evidenced by judicial practice (on the example of judicial decisions of the courts of the Kursk region). In: *Protsessual'nye garantii sovremennogo pravosudiya: sb. st. k 100-letiyu Sudebnoi sistemy v Udmurtskoi Respublike* [Procedural guarantees of modern justice: collection of articles on the 100th anniversary of the judicial system in the Udmurt Republic]. Izhevsk, 2023. Pp. 258–266. (In Russ.).
18. Reznik G. Our differences. *Novaya advokatskaya gazeta = New Advocate Newspaper*, 2015, no. 17 (202). (In Russ.).
19. Mar'ina E.V. Professional ethics of a lawyer: traditions and innovations in Russian legal education. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess = Judicial Power and Criminal Procedure*, 2021, no. 4, pp. 24–31. (In Russ.).
20. Konin V.V. The right to protection: some theoretical issues. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2013, no. 4, pp. 34–36. (In Russ.).
21. Andreeva O.I. The right to defense should be real, feasible and not illusory. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika = Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice*, 2016, no. 4, pp. 10–14. (In Russ.).
22. Tishutina I.V. On the issue of lawyers as subjects of countering the investigation. In: *Rassledovanie i protivodeistvie emu v sostyazatel'nom ugovolnom sudoproizvodstve: protsessual'nye i kriminalisticheskie voprosy* [Investigation and countering it in adversarial criminal proceedings: procedural and forensic issues]. Moscow, 2007. Pp. 395–398. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КОНИН – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, Россия, vkonin.kld@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4136-2967>

VLADIMIR V. KONIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Criminal Procedure Law Department of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, associate professor at the Criminal Procedure Department of the Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, lawyer at the Bar of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, vkonin.kld@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4136-2967>

Статья поступила 02.05.2024

Научная статья

УДК 343.21

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005

Общественная опасность личности и основание криминализации

ЮЛИЯ СТАНИСЛАВОВНА КАРАВАЕВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Пермь», Пермь, Россия, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Реферат

Введение: анализ новелл Особенной части уголовного закона за последнее десятилетие показывает, что абсолютное их большинство являются специальными нормами, по сути, направленными не на установление ответственности за то или иное деяние, а на дифференциацию ответственности за уже запрещенное поведение в зависимости от тех или иных его признаков, в том числе характеристик субъекта преступления. Выявленное обстоятельство ставит вопрос об учете в целях криминализации особенностей личности и соотношении их с общественной опасностью как основанием признания деяния преступным. *Цель:* на основании обращения к уголовному закону, пояснительным запискам к законопроектам, а также теории ответить на вопрос об учете общественной опасности личности в целях криминализации. *Методы:* формально-логический и аналитический методы, статистический метод и метод интерпретации. *Результаты:* дискуссионным в науке является вопрос не только о понимании общественной опасности, но и о необходимости учета общественной опасности деятеля при определении опасности деяния. Обращение к пояснительным запискам, сопровождающим законопроекты о введении в Особенную часть уголовного закона того или иного запрета, показывает, что при обосновании криминализации деяния учитываются содержание возложенных на лицо полномочий и необходимость установления более строгой ответственности. Этот вывод не вызывает возражений и, по большому счету, лишь подтверждает позиции, высказанные в науке: если субъект преступления специальный, то общественная опасность деяния повышается за счет его свойств. Уточним, что это справедливо для специального субъекта с должностным, служебным, профессиональным статусом, а также статусом, вытекающим из особых взаимоотношений с потерпевшим. Однако вопрос остается открытым для деяний с признаками административной и уголовно-правовой преюдиции, а также применительно к ст. 210.1 УК РФ. *Выводы:* основанием криминализации признается общественная опасность деяния, однако вопрос о том, включается ли в ее содержание общественная опасность деятеля, остается дискуссионным. Анализ пояснительных записок к законопроектам, а также текста уголовного закона и теоретических исследований позволяет говорить об очевидном акцентировании законодателем внимания на фигуре деятеля в числе прочего посредством придания его личностным свойствам значения криминообразующего признака, в том числе единственного. Это имеет место в деяниях с признаками административной и уголовно-правовой преюдиции, а также в ст. 210.1 УК РФ, что в целом указывает на учет законодателем общественной опасности деятеля, обусловленной его личностными свойствами.

Ключевые слова: общественная опасность преступления и преступника; криминализация; опасное состояние личности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Караваева Ю. С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 263–271. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005.

Public Danger of the Individual and the Basis of Criminalization

YULIYA S. KARAVAEVA

Higher School of Economics – Perm, Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Abstract

Introduction: an analysis of the novelties of the Special Part of the Criminal Code over the past decade shows that the absolute majority of them are special norms, in fact, aimed not at establishing liability for a particular act, but at differentiating responsibility for already prohibited behavior depending on certain features, including characteristics of the subject of a crime. The revealed circumstance raises the question of taking into account of personality traits and their correlation with public danger as the basis for recognizing an act as criminal. *Purpose:* on considering criminal law, explanatory notes to draft laws, and the theory, to answer the question of taking into account public danger of the individual for the purpose of criminalization. *Methods:* formal logical and analytical methods, statistical method and interpretation method are used. *Results:* not only the question of understanding public danger is debatable in science, but also the question of the need to take into account public danger of the individual when determining the danger of an act. The analysis of explanatory notes to draft laws on the introduction of a prohibition in the Special part of the criminal law shows that when proving criminalization of an act, the content of the powers assigned to the person and the need to establish stricter liability are taken into account. This conclusion does not raise objections and, by and large, only confirms the positions expressed in science: if the subject of a crime is special, then public danger of the act increases due to its properties. Let us clarify that this is true for a special subject having an official, professional status, as well as a status arising from a special relationship with the victim. However, the issue remains open for acts with elements of administrative and criminal law prejudice, as well as for Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Conclusion:* public danger of the act is recognized as the basis for criminalization, however, the question of whether public danger of the individual is included in its content remains debatable. The analysis of explanatory notes to draft laws, criminal law and theoretical studies allows us to conclude that the legislator obviously focuses attention on the personality of a perpetrator, including by giving his/her personal properties the meaning of a criminalizing element, including the only one. This is the case in acts with elements of administrative and criminal law prejudice, as well as in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, in general, indicates that the legislator takes into account public danger of a perpetrator due to his/her personal characteristics.

Keywords: public danger of crime and a criminal, criminalization, dangerous state of personality.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Karavaeva Yu.S. Public danger of the individual and the basis of criminalization. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 263–271. doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005.

Введение

Имея значение одного из существенных признаков преступления, уголовно-правовая категория общественной опасности оказывается так или иначе связанной с иными институтами уголовного права, чему не препятствует активная дискуссия в науке, продолжающаяся уже длительный период. По большому счету, суть дискуссии сводится к вопросу о соотношении субъективного и объективного начал в понимании общественной опасности, и этот же вопрос обсуждается при оценке категории в связи с целями криминализации. Традиционно в рамках последней анализируемая категория рассматривается в качестве «решающего критерия» [1, с. 63], «важнейшего фактора» [2, с. 68] или основания криминализации [3, с. 18]. Придание такого значения порождает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, теория

криминализации призвана ограничить возможный популизм законодателя в решении вопроса о преступном и не преступном и придать рациональность применению уголовно-правового принуждения за счет требования обоснованности вводимых запретов, с другой – этот посыл нивелируется фактической неопределенностью и отсутствием четких критериев или шкалы, позволяющих установить общественную опасность как объективно существующее свойство деяния, подлежащего криминализации.

В связи с этим представляется вполне логичным заключение: «следует признать данностью, что в настоящее время определенное деяние или поведение человека признается преступлением по воле законодателя. Является ли при этом то или иное деяние (поведение) опасным и, как следствие, преступным,

определяет только сам законодатель, исходя из различных обстоятельств и руководствуясь факторными мотивами. Общественная опасность в этой системе производна, вторична и придает этому процессу конечный характер и правовое обоснование» [4, с. 64].

Анализ законодательных инициатив последнего десятилетия, направленных на новеллизацию Особенной части уголовного закона, подтверждает эту мысль в части уголовно-правовых запретов, в основе появления которых с очевидностью лежат соображения целесообразности, в том числе политической. Вместе с тем у истоков другой части новелл, действительно, лежит свойство общественной опасности как фактической или потенциальной вредности деяния, что в том или ином объеме отражается в пояснительной записке и соответствует учению о криминализации.

Достоинства последнего подхода обусловлены, во-первых, тем, что он позволяет предупредить дискуссию о разграничении преступлений и иных правонарушений в зависимости от наличия либо отсутствия общественной опасности как объективно присущего деянию свойства. Понимаемая как вредность общественной опасности оказывается присущей любому правонарушению, включая преступление, что, с одной стороны, идет вразрез с положениями ч. 1 ст. 14 УК РФ, дефективность которой в соответствующей части обсуждается в науке, а с другой – объясняет легкость законодательных маневров с точки зрения межотраслевой дифференциации ответственности, ярким примером чего выступает декриминализация клеветы и ее возвращение в Особенную часть уголовного закона спустя непродолжительное время.

Во-вторых, эта позиция соответствует высказанному Конституционным Судом Российской Федерации мнению о том, что «преступлению – в отличие от иных правонарушений – должна быть присуща криминальная общественная опасность» [5]. Уместно отметить, что уголовно-правовой теории известна позиция, согласно которой преступление обладает определенной степенью (уровнем) общественной опасности, что и позволяет отграничить его от иных видов правонарушений: «специфика опасности преступления заключается именно в характере и степени» [6, с. 25].

Обозначенный подход к пониманию общественной опасности тем не менее не снимает вопрос о том, какие элементы и признаки состава деяния определяют его фактическую или потенциальную вредность, что, к слову, уже давно выступает предметом обсуждения в науке.

Научная дискуссия о соотношении общественной опасности деяния и деятеля

Анализируя положения Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., впервые дефинитивно отразивших материальное определение преступления посредством указания на его общественную опасность, В. Н. Кудрявцев отмечает, что «законодатель учитывал и отражал в законе все стороны общественной опасности», имея в виду, что «при определении содержания уголовно-правового запрета учитывались не только объекты преступных посяга-

тельств, но и иные элементы состава, в которых проявлялась общественная опасность деяния» [1, с. 64].

Однако в теории были высказаны и альтернативные точки зрения, обосновывающие зависимость общественной опасности деяния от какого-либо конкретного признака состава преступления: объекта посягательства, характеристики преступного последствия, способа совершения деяния, формы вины и, наконец, специфики личности преступника [7, с. 28; 8, с. 9; 9, с. 68]. В частности, Л. М. Прокументов указывает, что «общественная опасность деяния определяется только внешним его выражением... Субъект и субъективная сторона не являются определяющими элементами его общественной опасности» [10, с. 26–28]. Вина и субъект преступления, по мысли ученого, выступают только обязательными условиями привлечения к уголовной ответственности. При этом повышение общественной опасности преступлений со специальным субъектом ученый связывает с «удвоением» объекта посягательства, когда «посягательство нарушает две или более группы общественных отношений» [11, с. 86].

Указанная точка зрения имеет своих сторонников в научной среде, однако современное уголовное законодательство, как представляется, располагает к иным оценкам, явно перенося акценты с деяния на деятеля и привлекая тем самым внимание к общественной опасности личности и ее значению в свете криминализации. Как отмечает И. Гонтарь, «нужно признать, что объектом, заключающим, несущим в себе свойство общественной опасности, является именно отдельная личность, обладающая своей индивидуальностью. Деяние, поведение служат только показателем общественной опасности индивида» [12, с. 17].

Справедливости ради следует отметить, что постановка проблемы не нова и, к примеру, в цитируемом выше труде В. Н. Кудрявцева «Основания уголовно-правового запрета», изданном в 1982 г., рассматривается вопрос о зависимости общественной опасности отдельных деяний от свойств специального субъекта преступления [1].

Учет общественной опасности личности в целях криминализации деяний со специальным субъектом

Обращение к пояснительным запискам, сопровождающим те законопроекты, которые опосредовали криминализацию преступлений со специальным субъектом, приведенную выше мысль академика отчасти подтверждает: в отдельных случаях законодатель обращает внимание на те аспекты того или иного статусно-ролевого положения субъекта, за счет которых общественная опасность деяния достигает степени, необходимой для криминализации. Как правило, речь идет о появлении специальных уголовно-правовых норм, а значит, строго говоря, имеет место не криминализация, а дифференциация ответственности, однако полагаем допустимым в целях исследования использовать данный ресурс.

Так, согласно пояснительной записке к законопроекту, в результате принятия которого в Особенной части уголовного закона появилась ст. 286.1 «Неисполнение сотрудником органов внутренних дел при-

каза», а в Общей части – п. «о» ч. 1 ст. 63 (совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел), предлагаемые нововведения направлены «на усиление защиты прав и законных интересов граждан и организаций от неправомерных действий сотрудников органов внутренних дел» [13]. Указанная цель не обосновывает предположение об особой криминогенности статуса сотрудников иных правоохранительных структур, отсюда не удивительны и активная критика новелл в научной литературе, и обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации в связи с нарушением данными изменениями их конституционных прав. По большому счету, именно в результатах рассмотрения данных жалоб нашла отражение официальная позиция относительно учета повышенной общественной опасности сотрудников данного ведомства в уголовном законе – позиция суда, но не законодателя.

В частности, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1623-О-О указывается, что «совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру... ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном... противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения» [14].

Следуя логике Конституционного Суда Российской Федерации, вывод о наличии основания криминализации применительно к данному деянию вытекает из содержания вреда, явившегося следствием нарушения возложенных на сотрудника органов внутренних дел полномочий и проявивших себя в данном нарушении негативных личностных характеристик, именуемых в науке антисоциальными взглядами и установками. Иными словами, обращается внимание и на особые характеристики субъекта, за счет которых он именуется специальным, и на личностные свойства деятеля, выразившиеся в их преступном использовании. Строго говоря, и те, и другие характеристики являются признаками личности преступника и в соответствующем криминологическом учении относятся в первом случае к социально-демографической подструктуре личности, а во втором – к ценностно-нормативной, однако если первые приобретают значение для квалификации преступления, то вторые необходимы для иных целей, не связанных с квалификацией.

Отметим, что в пояснительной записке к законопроекту, которым п. «о» из ч. 1 ст. 63 УК РФ был исключен в июне 2023 г., устранимый признак определяется как дискриминационный, причем автор законопроекта ссылается на несправедливость выделения указанных сотрудников из представителей иных структур, обеспечивающих правопорядок в России, минимальную долю совершаемых сотрудни-

ками правоохранительных органов преступлений от общего числа (1 %) и необходимость «восстановить логику законодательного регулирования и избежать тем самым подчеркивания незаслуженного и несправедливого недоверия к действующим сотрудникам органов внутренних дел России» [15].

В свете указанного вызывает недоумение тот факт, что в отношении ст. 286.1 УК РФ декриминализации не произошло, несмотря на обозначенную в пояснительной записке позицию законодателя о дискриминационном характере нормы п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ и необходимости восстановления логики регулирования: требования системности и обоснованности, с легкостью проигнорированные на этапе дополнения уголовного закона обозначенными новеллами, не менее легко «забыты» при «исправлении» ранее допущенных неточностей.

В другом случае (в обоснование установления уголовной ответственности за внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории) пояснительная записка указывает на содержание полномочий кадастрового инженера как специального субъекта деяния, для оценки добросовестности исполнения которых специальные механизмы законом не предусмотрены. Отмечается, что «орган кадастрового учета вносит сведения об объекте недвижимости... в государственный кадастр недвижимости на основании подготовленных кадастровым инженером документов, содержащих необходимые для осуществления такого учета сведения. При этом у органа кадастрового учета в соответствии с действующим законодательством отсутствуют полномочия по проведению экспертизы документов и содержащихся в них сведений, кроме проверки на наличие оснований для принятия органом кадастрового учета решений о приостановлении или об отказе в осуществлении кадастрового учета в соответствии с требованиями Закона о кадастре». Это позволяет заключить, что «Закон о кадастре наделил кадастрового инженера значительными полномочиями, которые, в свою очередь, должны сопровождаться высокой степенью ответственности» [16].

По всей видимости, общественная опасность этого деяния связывается с исключительными полномочиями специального субъекта преступления, механизм верификации добросовестности исполнения которых действующим законодательством не предусмотрен. Вопрос о достаточности такого аргумента для обоснования криминального уровня опасности деяния, на наш взгляд, остается открытым.

Отметим, что примеры криминализации деяний со специальным субъектом, криминогенность статуса которых обосновывается в соответствующих пояснительных записках посредством указания на содержание статуса и (или) последствия недобросовестной его реализации, довольно редки, поскольку, как правило, в обосновании (там, где оно представлено) приводится указание либо на неспособность достижения цели превенции существующим административным запретом, либо на характеристики вредных послед-

ствий. Тем не менее приведенные примеры свидетельствуют о том, что, действительно, общественная опасность ряда деяний связывается с отдельными характеристиками личности преступника, как правило, относящимися к социально-демографической его подструктуре и в рамках состава преступления признаваемыми специальными признаками субъекта. В силу наличия в уголовном законе прямого указания данные признаки приобретают значение для квалификации и позволяют говорить об учете общественной опасности субъекта преступления в целях криминализации, входя в объем ее основания.

Отражение общественной опасности личности в преступлениях с преюдициальными признаками и преступлении, предусмотренном ст. 210.1 УК РФ

Вместе с тем полагаем, что сегодня законодатель придает значение криминообразующих признаков состава таким характеристикам личности виновного, которые не связаны с его социально-демографической подструктурой в части позиции в системе общественных отношений, объемом и содержанием полномочий и должны соответствовать им степени строгости ответственности, отражают состояние его ценностно-нормативной сферы, ввиду чего чрезвычайно близки к понятию опасного состояния личности. И если с точки зрения практики уголовного законодательства учет криминогенных личностных характеристик виновного в целях криминализации, видимо, вполне допустим, то с точки зрения науки такая ситуация небесспорна, что следует, в частности, из обращения к нормам, закрепляющим ответственность за деяния с преюдициальными признаками, присутствие которых в действующем уголовном законе расширяется.

Суть феномена преюдиции в доктрине связывается со «специфическим рецидивом» [17, с. 7]. Так, о характере связи признаков субъекта преступления, образованных повторностью его противоправного поведения, с вновь совершенным преступлением высказался Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, в отношении уголовно-правовой преюдиции он отметил, что «имеющаяся у лица неснятая или непогашенная судимость указывается в качестве относящегося к субъекту преступления квалифицирующего признака состава преступления, антисоциальная природа которого определяется в значительной мере систематичностью преступного поведения лица и порождает особые публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью» [18].

Вместе с тем применительно к административной преюдиции Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства» [19]. Наряду с приведенным тезисом в этом же постановлении высказывается и другая мысль, содержание которой позволяет говорить об учете специфических асоциальных свойств личности в целях криминализации

деяний с признаками административной преюдиции. Так, отмечается, что «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкуче с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия)» [2].

Как видим, преюдициальные признаки субъекта преступления связываются с повторным противоправным поведением лица, что само по себе свидетельствует о таких личностных свойствах, наличие которых вызывает необходимость применения более строгих мер воздействия в сравнении с лицами, впервые совершившими соответствующие противоправные деяния. Иными словами, законодателем учтена такая специфика ценностно-нормативной составляющей, которая свидетельствует о готовности лица совершить новое деяние, игнорировании им личного опыта уголовного или административно-правового принудительного воздействия со стороны государства, чему придается значение в целях квалификации преступления. Как отмечает Д. В. Мирошниченко применительно к уголовно-правовой преюдиции, «законодательное использование рецидива в качестве криминообразующего или квалифицирующего признака состава преступления, на наш взгляд, видоизменяет природу рецидива как специфического инструмента наказания, придавая ему качественное значение в виде характеристики личности преступника, важной для квалификации» [19, с. 72].

В науке высказываются опасения по поводу актуализации теории опасного состояния в уголовном законе, однако на этот счет следует привести некоторые замечания. Так, исходя из подходов к пониманию общественной опасности личности преступника, можно сделать предположение о ее генетической связи с теорией опасного состояния личности. К примеру, Б. В. Волженкин отмечает, что «преступное деяние (как умышленное, так и по неосторожности) является в той или иной степени следствием и выражением общественной сущности личности правонарушителя», определяя ее как «реальную, конкретную возможность совершения этим же лицом нового преступления», существующую «после совершения преступления» [20, с. 106]. Напомним, что отечественные представители умеренного направления теории опасного состояния В. Д. Набоков, А. А. Жижиленко, Э. Я. Немировский отстаивали позицию о том, что опасное состояние личности проявляется в совершенном ею преступлении. Так, А. А. Жижиленко в основу своих рассуждений положил «представление не об опасном человеке вообще, а о человеке, учинившем преступное деяние и в силу тех или иных условий признаваемом опасным» [21, с. 5]. Ученый называет два критерия опасности личности – «повторность учинения известных деяний», что указывает на «склонности... нетерпимые в общезжитии» и «определенные преступления, при которых следует признать, что их учинитель, действительно, вызывает особенное беспокойство в обществе» [21,

с. 7]. Помимо этого, предлагается принимать во внимание связь посягательства «с определенными склонностями данного субъекта, вредными для общества». В данном случае, как поясняет автор далее, имеется в виду связь с тунеядством, распутством и пьянством [21, с. 8].

Полагаем, что рассмотрение общественной опасности личности в свете реальной возможности совершения нового преступления чрезвычайно близко к трактовке опасного состояния личности представителями умеренного направления соответствующей теории, что, однако, не должно вызывать беспокойства. Представляется, что неприятие теории опасного состояния в современной науке обусловлено позицией сторонников ее радикального направления, выраженной А. Принсом: «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка» [22, с. 131]. Очевидна разница с позициями, приведенными выше и высказанными также в рамках рассматриваемой теории, что позволяет нам поддержать идею о том, что теория общественной опасности личности преступника, получившая распространение в нашей стране, является разновидностью теории опасного состояния личности [23, с. 60].

Другим примером учета общественной опасности личности виновного в целях криминализации является ст. 210.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В частности, Н. Г. Кадников отмечает, что в рассматриваемой норме речь идет именно о признаках личности, подлежащих установлению в целях привлечения к ответственности, а не о признаках состава [24, с. 53]. В. Н. Борков и Г. Е. Москаленко приходят к выводу о том, что основанием для привлечения к ответственности в данном случае «служит особое состояние лица как юридический факт» [25, с. 58].

Согласно пояснительной записке к соответствующему законопроекту, необходимость криминализации вызвана тем, что «уголовная ответственность за факт лидерства такого лица в преступной иерархии не предусмотрена», а уголовно наказуемым является совершение деяния лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210.1 УК РФ). При этом наибольшая общественная опасность лидеров преступных сообществ (преступных организаций) обусловлена характером действий, вытекающих из данного статуса, а также недостижимостью для правоохранительных органов [26]. Несмотря на последнее приведенное утверждение, поскольку ни о каких конкретных криминализируемых действиях авторы инициативы речи не ведут, указывая лишь на опасность статуса, вывод следует совершенно однозначный: ответственность в данном уголовно-правовом запрете предусмотрена за наличие у лица определенной характеристики личностной социально-демографической подструктуры. В рамках действующего уголовного законодательства это единственный пример придания уголовно-правового значения свойствам личности как основания для привлечения к ответственности, не требующего установления совершенного носителем деяния что, кста-

ти, совпадает с точкой зрения приверженцев радикального направления в теории опасного состояния, рассмотренной выше. В свете темы настоящей статьи это свидетельствует о том, что в данном случае правильно говорить не об общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, а об опасности деятеля в связи с наличием у него соответствующей личностной характеристики.

Выводы

Анализ уголовного законодательства в части сопровождающих законопроекты документов и его результатов в виде уголовно-правовых новелл показывает актуальность учета общественной опасности личности в целях криминализации. Последнее традиционно не вызывает сомнений у авторов в связи с преступлениями, совершаемыми специальным субъектом, однако при этом упускается из виду, что характеристики, которым законодатель придает значение специальных признаков субъекта, в большинстве своем представляют описание статусно-ролевого положения личности. В рамках криминологического учения о личности преступника такие признаки относятся к социально-демографической подструктуре личности, а значит, можно смело утверждать, что в деяниях, совершаемых специальным субъектом, в целях квалификации необходимо установить наличие определенных в законе личностных характеристик виновного. Это также означает, что и в целях криминализации учитываются именно личностные характеристики деятеля, в рамках состава получающие значение специальных признаков субъекта.

Появление в уголовном законе ст. 210.1 УК РФ, с одной стороны, еще раз эту мысль подтверждает, а с другой – указывает на совершенно новый и ранее не применявшийся подход к криминализации, поскольку здесь общественная опасность деяния как ее основание в полном объеме подменяется общественной опасностью деятеля, а точнее, опасным состоянием личности в понимании сторонников радикального направления соответствующей теории.

Обращение к деяниям с преюдициальными признаками позволяет сделать вывод о том, что кроме личностных характеристик социально-демографической подструктуры законодатель в целях криминализации учитывает и иные личностные признаки – признаки, учением о личности преступника относимые к ценностно-нормативной подструктуре личности.

Таким образом, поскольку криминообразующими признаками для составов отдельных преступлений выступают именно личностные свойства виновного, характеризующие либо социально-демографическую, либо ценностно-нормативную подструктуру личности преступника, дискуссионный в течение многолетнего периода вопрос о соотношении общественной опасности преступления и общественной опасности личности преступника, судя по всему, законодателем решен однозначно. При этом доктринальная дискуссионность и легальная неопределенность самого по себе понятия общественной опасности этому ничуть не препятствуют, равно как не останавливает законодателя отсутствие веских доводов при ее обосновании в каждом очередном случае изменения уголовного закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. 303 с.
2. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 4. С. 67–74.
3. Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–24.
4. Хиллута В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления // Lex russica. 2024. № 77 (2). С. 60–69.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П // Российская газета. 2017. 28 фев. (№ 41).
6. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : избр. лекции. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. 276 с.
7. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. 219 с.
8. Рыбак А. З. Общественная опасность деяния как правовая категория // ЮРИСТЪ-ПРАВОВЕДЪ, 2010. № 2 (39). С. 5–9.
9. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 182 с.
10. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. 142 с.
11. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 81–91.
12. Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16–19.
13. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5?usclid=ll4tosylwp574357993> (дата обращения: 09.07.2023).
14. По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.08.2011 № 1623-О-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009580/> (дата обращения: 22.06.2023).
15. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (об исключении из числа отягчающих наказание обстоятельств совершения преступления сотрудником органа внутренних дел)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (дата обращения: 09.07.2023).
16. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632682-6> (дата обращения: 08.04.2024).
17. Незнамова З. А., Незнамов А. В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 4–9.
18. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы РФ от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2003 № 3-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474 (дата обращения: 25.11.2023).
19. Мирошниченко Д. В. Уголовная преюдиция и рецидив преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4 (47). С. 71–75.
20. Волженкин Б. В. К вопросу о понятии общественной опасности преступника // Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007). СПб., 2008. 969 с.
21. Жижиленко А. А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников: доклад, представленный VIII Съезду Русской группы Международного союза криминалистов. СПб., 1911. 40 с.
22. Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права / пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. и с предисл. Г. С. Фельдштейна. М., 1912. 157 с.
23. Шабалин Л. И. О теориях вины // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 1. С. 60–62.
24. Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 1. С. 50–55.
25. Борков В. Н., Москаленко Г. Е. Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 1 (88). С. 54–59.
26. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 08.04.2024).

REFERENCES

1. *Osnovaniya ugovovno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for a criminal prohibition: criminalization and decriminalization]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Yakovlev A.M. Moscow, 1982. 303 p.
2. Dageľ P.S. Conditions for establishing criminal liability. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 1975, no. 4, pp. 67–74. (In Russ.).

3. Prozumetov L.M. Public danger as the basis for criminalization (decriminalization) of an act. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 4, pp. 18-24. (In Russ.).
4. Khilyuta V.V. Ontological aspects of understanding public danger as a sign of crime. *Lex russica=Russian Law*, 2024, no. 77 (2), pp. 60-69. (In Russ.).
5. On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of February 10, 2017. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2017, no. 41. (In Russ.).
6. Pudovochkin Yu.E. *Uchenie o prestuplenii: izbr. lektsii* [The doctrine of crime: selected lectures]. Moscow, 2010. 276 p.
7. Kuznetsova N.F. *Znachenie prestupnykh posledstviy dlya ugovolnoi otvetstvennosti* [The significance of criminal consequences for criminal liability]. Moscow, 1958. 219 p.
8. Rybak A.Z. Public danger of an act as a legal category. *Yurist-pravoved. =Lawyer-Legal Expert*, 2010, no. 2 (39), pp. 5–9. (In Russ.).
9. Demidov Yu.A. *Sotsial'naya tsennost' i otsenka v ugovolnom prave* [Social value and assessment in criminal law]. Moscow, 1975. 182 p.
10. Prozumetov L.M. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanii* [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk, 2012. 142 p.
11. Prozumetov L.M. The basis of criminalization (decriminalization) of acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Bulletin of the Tomsk State University. Law*, 2014, no. 4, pp. 81–91. (In Russ.).
12. Gontar' I. The category of “public danger” in criminal law: ontological aspect. *Ugovolnoe pravo =Criminal Law*, 2007, no. 1, pp. 16–19. (In Russ.).
13. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii”* [Explanatory Note to the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5?ysclid=ll4tosylwp574357993> (accessed July 9, 2023).
14. *Po zaprosu Labytnangskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga o proverke konstitutsionnosti punkta “o” chasti pervoi stat'i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 8 dekabrya 2011 g. № 1623-O-O* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 1623-O-O “On the request of the Labytnangsky City Court of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug on checking the constitutionality of paragraph “o” of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009580/> (accessed June 22, 2023).
15. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii” (ob isklyuchenii iz chisla otyagchayushchikh nakazanie obstoyatel'stv sovershenie prestupleniya sotrudnikom organa vnutrennikh del)* [Explanatory Note to the draft federal law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” (on excluding from the list of aggravating circumstances the commission of a crime by an employee of the internal affairs body)”. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (accessed July 9, 2023).
16. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i v stat'yu 150 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii”* [Explanatory Note to the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and to Article 150 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632682-6> (accessed 08 April 2024).
17. Neznamova Z.A., Neznamov A.V. Administrative prejudice as a criterion for criminalizing an illegal act. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka=Russian Law: Education, Practice, Science*, 2018, no. 2, pp. 4–9. (In Russ.).
18. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, reglamentiruyushchikh pravovye posledstviya sudimosti litsa, neodnokratnosti i retsidiva prestuplenii, a takzhe punktov 1–8 Postanovleniya Gosudarstvennoi Dumy RF ot 26 maya 2000 goda “Ob ob'yavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedy v Velikoi Otechestvennoy voine 1941–1945 godov” v svyazi s zaprosom Ostankinskogo mezhmunitsipal'nogo (raionnogo) suda goroda Moskvy i zhalobami ryada grazhdan: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.03.2003g. No. 3-P* [On the case of checking the constitutionality of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's criminal record, repetition and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1–8 of the Resolution of the State Duma of the Russian Federation of May 26, 2000 “On the announcement of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 “in connection with the request of the Ostankino intermunicipal (district) court of Moscow and the complaints of a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of March 19, 2003]. Available at: <base/consultant.ru> (accessed 25 November 2023).
19. Miroshnichenko D.V. Criminal prejudice and recidivism of crimes. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury I notariata =Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*, 2017, no. 4 (47), pp. 71–75. (In Russ.).
20. Volzhenkin B.V. On the question of the concept of public danger of a criminal. In: *Izbrannye trudy po ugovolnomu pravu i kriminologii (1963–2007)* [Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg, 2008. 969 p.
21. Zhizhilenko A.A. *Mery sotsial'noizdashchity v otnoshenii opasnykh prestupnikov: doklad, predstavlenyi VIII S"ezda Russkoi gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov* [Social protection measures in relation to dangerous criminals: report presented by the VIII Congress of the Russian Group of the International Union of Criminologists]. Saint Petersburg, 1911. 40 p.
22. Prince A. *Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugovolnogo prava* [Protection of society and the transformation of criminal law]. Transl. from French by Markelova E. Moscow, 1912. 157 p.
23. Shabalin L.I. On theories of guilt. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka=Russian Law: Education, Practice, Science*, 2016, no. 1, pp. 60–62. (In Russ.).
24. Kadnikov N.G. Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility. *Soyuz kriminalistov i kriminologov=Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 1, pp. 50–55. (In Russ.).

25. Borkov V.N., Moskalenko G.E. The socially dangerous state of a person as a legal fact and the basis of responsibility. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (88), pp. 54–59. (In Russ.).

26. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Uголовno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (v chasti protivodeistviya organizovannoi prestupnosti)"* [Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (in terms of countering organized crime)". Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (accessed April 8, 2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЛИЯ СТАНИСЛАВОВНА КАРАВАЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Пермь», Пермь, Россия, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

YULIYA S. KARAVAEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law of the Higher School of Economics – Perm, Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Статья поступила 14.04.2024

Проблемы обеспечения законного и обоснованного судебного решения о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА МАШИНСКАЯ

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия, n.mashinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию законодательного регулирования предмета и пределов судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, что обеспечивает законность и обоснованность судебного решения. *Цель:* на основе анализа уголовного и уголовно-процессуального закона, обобщения судебной практики выработать основные критерии всестороннего исследования обстоятельств для принятия законного и обоснованного решения в порядке ст. 80 УК РФ. *Методы:* применялись общенаучные методы исследования, такие как диалектический метод познания явлений и процессов, метод анализа и синтеза, а также специально-правовые методы: формально-логический и метод анализа документов. *Результаты:* анализ законодательного регулирования и правоприменительной практики показал, что при решении вопроса о замене наказания более мягким видом наказания в предмет исследования в ходе судебного разбирательства обязательно должен включаться пункт о достижении целей уголовного наказания. При этом для принятия положительного судебного решения на основании ст. 80 УК РФ, в отличие от условно-досрочного освобождения, не требуется достижения всех целей, установленных ч. 2 ст. 43 УК РФ. *Выводы:* для принятия судебного решения, отвечающего требованиям законности и обоснованности, необходимы четкое законодательное регулирование обстоятельств, исследуемых судом при реализации положений ст. 80 УК РФ, а также законодательное закрепление срока фактического отбытия наказания осужденным для замены неотбытой части наказания более мягким видом, если неотбытая часть наказания ранее уже была заменена более мягким видом наказания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наказание; судебное решение; законность; обоснованность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Машинская Н. В. Проблемы обеспечения законного и обоснованного судебного решения о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 272–278. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.006.

Original article

Problems of Ensuring a Lawful and Reasonable Judicial Decision to Replace the Unserved Part of a Sentence with a Milder Type of Punishment

NATAL'YA V. MASHINSKAYA

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.mashinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of the legislative regulation of the subject and limits of judicial proceedings when considering the issue of replacing the unserved part of a sentence with a milder type of punishment, which ensures the legality and validity of the court decision. *Purpose:* based on the analysis of the criminal and criminal procedure law, generalization of judicial practice, to develop key criteria for a comprehensive study of the circumstances for making a legitimate and reasoned decision in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods:* general scientific research methods, such as a dialectical method of cognition of phenomena and processes and a method of analysis and synthesis, as well as special legal methods such as a formal logical method of document analysis. *Results:* an analysis of legislative regulation and law enforcement practice has shown that when deciding on the replacement of a sentence with a milder type of punishment, the court should consider the issue of achieving criminal punishment goals. At the same time, in order to make a positive court decision on the basis of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, unlike parole, it is not necessary to achieve all the goals set out in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Conclusion:* in order to make a court decision that meets requirements of legality and reasonableness, it is necessary to have a clear legislative regulation of the circumstances investigated by the court in the implementation of the provisions of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the legislative consolidation of the period of actual serving of punishment by a convicted person to replace the unserved part of a sentence with a milder form, if the unserved part of the punishment had previously been replaced by a milder type of punishment.

Keywords: punishment, judicial decision, legality, validity.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Mashinskaya N.V. Problems of ensuring a lawful and reasonable judicial decision to replace the unserved part of a sentence with a milder type of punishment. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 272–278. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.006.

Введение

Законность производства по уголовному делу относится к базовым положениям уголовного процесса и предполагает не только неукоснительное соблюдение требований федерального законодательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела, но и вынесение по делу законных, обоснованных и мотивированных решений. Среди всех решений должностных лиц и органов государства особое место занимают правоприменительные акты суда вне зависимости от того, на какой стадии процесса они вынесены. Такое значение судебного решения обусловлено особым статусом уголовного суда, призванного гарантировать конституционные права и законные интересы участников уголовно-процессуальных отношений, а также общеобязательностью требований и предписаний, содержащихся в вынесенном судебном решении. Учитывая социальное и правовое значение судебного акта, вопросы обеспечения законности и обоснованности судебного решения являются актуальными на любом этапе производства по уголовному делу.

Законность судебного решения, прежде всего, обеспечивается надежной материально-правовой основой и детальной регламентацией процессуальной деятельности суда. Однако не во всех стадиях уголовного судопроизводства законодатель предусмотрел надежный правовой механизм. Так, в стадии исполнения приговора вопросы, связанные с разре-

шением ходатайства осужденного о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), не получили надлежащей законодательной проработки, что приводит к вынесению незаконных и (или) необоснованных постановлений и (или) определений. Принимая во внимание то, что на долю материалов, рассматриваемых в порядке ст. 80 УК РФ (а также в порядке ст. 79 УК РФ), приходится более половины всех вопросов, рассматриваемых судом в стадии исполнения приговора, заявленная проблематика носит ярко выраженный практический характер. Несмотря на существенную практическую значимость проблемы, в юридической литературе она не была предметом самостоятельного научного исследования. В основном авторы уделяют внимание отдельным вопросам процессуальной деятельности суда в стадии исполнения приговора. Так, А. А. Крымов, исследуя характер и содержание вопросов, решаемых в стадии исполнения приговора, и акцентируя внимание на особенностях процедуры, формулирует вывод о необходимости специализации судей в этом направлении [1]. В. Б. Шабанов и Л. Ю. Буданова поднимают проблему соблюдения процессуальных сроков рассмотрения судом вопросов, инициированных представителями органов и учреждений, исполняющих отдельные виды наказаний [2]. Анализируя судебную практику освобождения осужденного от наказания, Н. В. Осодоева уделяет внимание

обеспечению прав лиц, интересы которых затрагиваются разрешением этого вопроса [3]. Аналогичное исследование проводили В. В. Конин и Л. И. Суханкина [4]. Таким образом, отсутствие соответствующих научных разработок, а также потребности правоприменительной практики обусловили актуальность заявленной темы.

Основная часть

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие законодательно определенных предмета и пределов судебного разбирательства при реализации ст. 80 УК РФ, что влияет на всесторонность рассмотрения дела, а, следовательно, на законность и обоснованность принимаемого решения. От четкого понимания круга разрешаемых вопросов зависит реализация ряда фундаментальных положений уголовного судопроизводства [5; 6]. Из анализа ч. 1 и 4 ст. 80 УК РФ следует, что именно в них содержится перечень обстоятельств, подлежащих рассмотрению в порядке ст. 80 УК РФ. Однако последний не позволяет в полном объеме изучить личность обратившегося с ходатайством осужденного. Если понимать буквально ч. 1 и 4 ст. 80 УК РФ, то суд должен исследовать поведение осужденного за весь период отбывания наказания, а также выяснить, возместил ли он вред, причиненный преступлением, и в каком объеме. Условием к принятию судом ходатайства осужденного либо его защитника выступает фактическое отбытие указанного в ч. 2 ст. 80 УК РФ срока наказания, назначенного приговором суда.

Имеющийся перечень представляется недостаточным для решения рассматриваемого вопроса. Так, например при реализации другого вида освобождения от наказания – условно-досрочного освобождения – обстоятельства, учитываемые судом, регламентированы более полно (ч. 4.1 ст. 79 УК РФ).

Особое значение для принятия судом законного и обоснованного решения имеет выяснение целесообразности удовлетворения заявленного осужденным или его защитником ходатайства. Отвечая на вопрос о целесообразности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, суд исходит из того, удалось ли принятыми мерами добиться исправления осужденного и других целей, изложенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. А должен ли суд при замене одного наказания другим устанавливать эти обстоятельства? Неоднозначность ситуации обусловлена тем, что в случае замены осужденный не освобождается от наказания, а продолжает его отбывать. Если предположить, что суд обязан решать такой вопрос, то должен ли он принимать во внимание реализацию всех целей уголовного наказания либо в рассматриваемой ситуации достаточно достижения какой-либо одной (или двух) из них?

Отсутствие в законе четкого указания на предмет и пределы судебного разбирательства влечет необоснованные отказы в удовлетворении ходатайства осужденного. Так, согласно постановлению Ломоносовского районного суда г. Архангельска по материалу от 13.01.2023 № 4/16-27/2022, в ходе судебного разбирательства установлено, что два взыскания, наложенные на осужденного, были признаны проку-

рором незаконными. Однако суд при вынесении решения принял во внимание однократное нарушение, допущенное осужденным, выразившееся в том, что при встрече с сотрудником администрации исправительного учреждения он не поздоровался и не имел при себе документа, удостоверяющего личность. Это послужило основанием для отказа в удовлетворении ходатайства. Доводы о том, что оба взыскания были признаны прокурором незаконными, получили критическую оценку суда, который указал, что установленная прокурором незаконность взыскания относится лишь к его строгости, несоответствию фактическим обстоятельствам допущенного нарушения и не отрицает того факта, что нарушение имело место. Все остальные обстоятельства (раскаяние в содеянном, наличие социальных связей с семьей, добросовестное отношение к труду, приобретение новой профессии во время отбывания наказания, неоднократные поощрения за общественно-полезную работу) не смогли перевесить допущенное нарушение. Приведенный случай из судебной практики вопреки руководящим разъяснениям, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», о том, что сам факт нарушения не влечет безусловного отказа в удовлетворении заявленного ходатайства, и суду необходимо принимать во внимание характер нарушения, свидетельствует о том, что замена наказания возможна только тогда, когда осужденный демонстрирует исключительно позитивное поведение. Аналогичная ситуация складывается и при решении вопроса об условно-досрочном освобождении. Однако при реализации ст. 79 УК РФ наступают другие правовые последствия – осужденный освобождается от дальнейшего отбывания наказания. Поэтому не вполне понятно, в чем заключается различие между положительным решением суда об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, при котором лицо освобождается от наказания полностью, исполняя лишь отдельные обязанности (ч. 2 ст. 79 УК РФ), и заменой неотбытой части наказания более мягким видом, при котором осужденный продолжает отбывать наказание. Судебная практика свидетельствует, что основания для удовлетворения ходатайства осужденного одни и те же, а последствия принимаемого решения совершенно разные. На отсутствие четких законодательно закрепленных критериев исправления осужденного при замене наказания обращали внимание и другие исследователи, отмечая, что имеющийся пробел негативным образом сказывается на формировании правоприменительной практики [7].

Представляется, что при реализации ст. 80 УК РФ полное исправление осужденного может и не быть достигнуто, но суду необходимо установить, что осужденный встал на путь исправления и в его поведении обнаруживается стойкая положительная динамика. Думается, что в приведенном примере суд необоснованно отказал в замене наказания более мягким ви-

дом. При таких обстоятельствах, когда суд приходит к выводу, что цели уголовного наказания отчасти реализованы, вполне возможна замена наказания, но не условно-досрочное освобождение, при котором требуется достижение всех целей, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Таким образом, применяя ст. 80 УК РФ, суд в обязательном порядке должен исследовать вопрос о достижении целей уголовного наказания. Это вытекает из логики уголовного закона, устанавливающего систему наказаний, каждое из которых направлено на достижение одних и тех же целей. На это указывает и правовая природа замены неотбытой части наказания более мягким видом. Учитывая, что при реализации ст. 80 УК РФ разрешается вопрос, относящийся к наказанию, суд должен обратить внимание на достижение цели наказания, назначенного приговором суда, а также на возможность достижения целей, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, при замене наказания на более мягкое. Материалы судебной практики дела № 22-1274 Печорского городского суда и определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2021 № 77-3511/2021 подтверждают такой вывод. Аналогичной позиции, как свидетельствует определение от 28.05.2017 № 2186-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богданова Эдуарда Станиславовича на нарушение его конституционных прав частями первой и четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 257 и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», придерживается Конституционный Суд Российской Федерации. Исходя из этого, перечень обстоятельств, которые должен рассматривать суд при решении вопроса в порядке ст. 80 УК РФ, следует дополнить указанием на возможность достижения целей наказания, прежде всего исправления осужденного. Обосновывая принимаемое решение, суд может руководствоваться положениями ч. 1 ст. 9 УИК РФ, где изложены основные критерии исправления осужденного. Таким образом, возможность достижения целей уголовного наказания относится к предмету разрешаемого вопроса, и это должно быть отражено в числе в качестве обстоятельства исследуемых судом.

Среди обстоятельств, указанных в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ и подлежащих изучению при разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении, законодатель закрепил наличие у осужденного поощрений и взысканий за весь период отбывания наказания. Однако аналогичного обстоятельства не содержат ч. 1 и 4 ст. 80 УК РФ. Следует признать, что в судебной практике в целом выработаны критерии рассмотрения дел в порядке ст. 80 УК РФ и учитываются все формы активного позитивного поведения осужденного, а также мнение администрации учреждения. В то же время анализ правоприменительной практики показал, что признание осужденным вины, раскаяние в содеянном, наличие поощрений, выполнение прямых обязанностей, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством, не являются безусловными основаниями для удовлетворения ходатайства (апелля-

ционное постановление Мурманского областного суда от 30.11.2021 № 22-1605/2021). В каждом конкретном случае суд обязан обосновать и мотивировать принимаемое решение. Так, по результатам судебного разбирательства суд пришел к выводу о том, что представленные администрацией исправительного учреждения материалы не могут свидетельствовать о том, что осужденный исправился и его ходатайство может быть удовлетворено. При этом суд, рассматривая ходатайство о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, не дал надлежащую, объективную оценку данным, характеризующим личность, не учел доводы, изложенные представителем исправительного учреждения (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2021 № 77-3511/2021, апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 14.01.2020 по делу № 22-282/2020, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2021 № 77-2150/2021).

Вместе с тем суд вправе принимать во внимание только те обстоятельства, которые установлены законом (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2021 № 77-1862/2021, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2021 № 77-3511/2021). Например, для принятия решения в порядке ст. 80 УК РФ уголовный закон не требует достижения полной утраты лицом общественной опасности, полного раскаяния в содеянном, соразмерности возмещения вреда общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения преступления (постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2023 № 77-710/2023), каких-либо особых, исключительных заслуг у осужденного (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2021 № 77-2537/2021). В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации (абз. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания») отказ в удовлетворении ходатайства осужденного по обстоятельствам, не указанным в законе, не допускается. При этом важно заметить, что суд должен принимать во внимание только те обстоятельства, относящиеся к личности осужденного, которые характеризуют его в период отбывания наказания (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2021 № 77-1862/2021, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2021 № 77-2150/2021). Суд не вправе оценивать обстоятельства, связанные с высокой общественной опасностью совершенного преступления, личностью виновного, поскольку они учитываются при постановлении приговора. В зависимости от характера и категории преступления законодатель определил сроки фактического отбывания наказания, при которых допускается

смягчение наказания (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2021 № 77-2150/2021). Обстоятельства, на которых суд основывает принимаемое решение, должны быть глубоко проанализированы, а результат изложен в постановлении или определении (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2021 № 77-1862/2021). Не допускаются выводы, основанные на предположениях и сведениях, не проверенных в судебном заседании (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2021 № 77-2537/2021). При этом суд в каждом случае рассмотрения заявленного ходатайства должен реализовать индивидуальный подход. В соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации применение ст. 80 УК РФ направлено на экономию уголовной репрессии и использование необходимых и достаточных для достижения ее целей принудительных мер уголовно-правового реагирования (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.09.2017 № 2186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богданова Эдуарда Станиславовича на нарушение его конституционных прав частями первой и четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 257 и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Мнения прокурора и представителя администрации учреждения должны учитываться, но не могут иметь определяющее значение для решения суда (апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 14.01.2020 по делу № 22-282/2020).

Рассматривая проблему обеспечения законного судебного решения, принятого в порядке ст. 80 УК РФ, следует отметить еще один недостаток правового регулирования – отсутствие в уголовном законе указания срока фактического отбытия наказания лицами, которым неотбытая часть наказания уже заменялась более мягким видом наказания. В правоприменительной практике распространены случаи неоднократного обращения осужденного с такими ходатайствами. Например, первоначально лишение свободы заменялось принудительными работами, а затем осужденный инициирует ходатайство о замене принудительных работ наказанием в виде ограничения свободы. Отсутствие четкого законодательного закрепления срока фактического отбытия наказания в рассматриваемой ситуации неправильно ориентирует осужденных, порождает судебные ошибки (апелляционное постановление Саратовского областного суда от 07.06.2021 № 22-1333/2021). Так, в одном из судебных решений суд, отказывая в удовлетворении ходатайства осужденному, указал, что не допускается замена принудительных работ более мягким видом наказания, поскольку предыдущее наказание в виде лишения свободы уже заменялось принудительными работами. Между тем ч. 1 и 2 ст. 80 УК РФ не содержат таких ограничений (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2020 № 77-

1936/2020). Ответ на возникший вопрос дает Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя, что в случае, когда наказание осужденному было смягчено при замене неотбытой части наказания более мягким видом, суду следует исчислять фактически отбытый срок наказания исходя из срока наказания, установленного постановлением суда (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»). Однако такая практика представляется не вполне логичной и противоречащей положениям ч. 4 ст. 80 УК РФ, где сказано, что суд учитывает поведение осужденного в течение всего периода отбывания наказания, а не только во время отбывания нового, более мягкого наказания. Кроме того, уголовный закон устанавливает одинаковый срок фактического отбывания наказания для наступления права на условно-досрочное освобождение и для замены неотбытой части наказания более мягким видом. При этом решение вопроса в порядке ст. 79 УК РФ для осужденного является наиболее предпочтительным. Зачем осужденному ходатайствовать о замене наказания более мягким видом, если при аналогичных обстоятельствах он может рассчитывать на условно-досрочное освобождение?

Вопросы, связанные с применением ст. 80 УК РФ, обсуждаются и правоприменителями, которые считают, что ненадлежащее правовое регулирование в этой сфере может привести к несправедливости принимаемых решений. Часть 1 ст. 80 УК РФ допускает замену наказания любым более мягким видом. При этом отсутствие указания на фактический срок отбывания может привести к тому, что осужденные окажутся в неравных условиях. Так, в случае замены лишения свободы ограничением свободы осужденный оказывается в более выигрышной ситуации по сравнению с тем, кому лишение свободы первоначально заменяется принудительными работами, поскольку последний вынужден заново отбывать определенную часть срока с момента замены лишения свободы принудительными работами, чтобы получить право на замену ограничением свободы.

Анализ законодательного регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, мнений различных исследователей, правоприменительной практики позволил сформулировать следующие выводы.

Выводы

Законность и обоснованность судебного решения, принятого в порядке ст. 80 УК РФ, зависит от ряда факторов. Прежде всего, представляется необходимым четко определить предмет и пределы исследования судом обстоятельств, служащих основанием для замены наказания, назначенного приговором суда, более мягким видом наказания. Среди обстоятельств, влияющих на принятие решения в порядке ст. 80 УК РФ, следует закрепить целесообразность применения более мягкого наказания с точки зрения достижения целей, указанных

в ч. 2 ст. 43 УК РФ. В то же время, учитывая, что суд разрешает вопрос о замене наказания, а не об освобождении от дальнейшего отбывания наказания, достаточно установить обстоятельства, свидетельствующие о том, что осужденный встал на путь исправления и его поведение обнаруживает положительную динамику.

Судебная практика в целом выработала подходы к рассмотрению ходатайства осужденного в порядке ст. 80 УК РФ. Критерии принятия законного и обоснованного решения на основании ст. 80 УК РФ охватываются тремя правилами: во-первых, суд не вправе принимать во внимание обстоятельства, не установленные законом; во-вторых, суд не вправе основывать свое решение на обстоятельствах, подлежащих исследованию при постановлении приговора; в-третьих, суд обязан проверить и проанализировать все обстоятельства, на которых основывает свое решение, представить конкретные сведения, препятствующие удовлетворению ходатайства осужденного.

Определенные трудности в правоприменитель-

ной практике обусловлены отсутствием закрепления в ст. 80 УК РФ срока фактического отбытия наказания в отношении лиц, которым неотбытая часть наказания ранее уже была заменена более мягким видом. Данный пробел в законодательном регулировании неправильно ориентирует осужденных при подаче ходатайства в порядке ст. 80 УК РФ, порождает судебные ошибки, создает условия для принятия несправедливого решения. С целью устранения выявленных недостатков представляется необходимым внести соответствующие изменения в ст. 80 УК РФ.

Предлагаемая норма может быть принята в следующей редакции: «Лица, которым неотбытая часть наказания ранее заменялась более мягким видом наказания, вправе обратиться с ходатайством о замене неотбытой части наказания другим, более мягким видом после фактического отбытия осужденным наказания за совершение преступления небольшой и средней тяжести – не менее трех месяцев, тяжкого преступления – не менее шести месяцев, особо тяжкого – не менее девяти месяцев».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крымов А. А. Особенности принятия процессуальных решений в стадии исполнения приговора // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). С. 18–21.
2. Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю. Проблемы, возникающие при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1 (26). С. 25–31.
3. Осодоева Н. В. Некоторые вопросы, возникающие в связи с рассмотрением материалов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Российский судья. 2023. № 5. С. 15–18.
4. Конин В. В., Суханкина Л. И. Право осужденного на квалифицированную юридическую помощь в стадии исполнения приговора с возложением расходов на бюджет // Современное право. 2020. № 2. С. 74–79.
5. Бурмагин С. В. Проблемные вопросы состязательного построения судебных производств в стадии исполнения приговора // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 93–103.
6. Виноградов В. А. Распределение бремени доказывания при рассмотрении и разрешении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в уголовном процессе России // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 38–40.
7. Матвеев С. А., Макаров Р. В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом: особенности теории и практической реализации // Вестник Марийского государственного университета. 2016. Т. 2, № 1 (5). С. 67–70.

REFERENCES

1. Krymov A.A. Procedural decisions making specifics at the sentence execution stage. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (34), pp. 18–21. (In Russ.).
2. Shabanov V.B., Budanova L.Yu. The problems emerging while considering and deciding by a court the issues related to the execution of a sentence. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2017, no. 1 (26), pp. 25–31. (In Russ.).
3. Osodoeva N.V. Some issues arising in connection with the consideration of materials on parole from serving a sentence. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2023, no. 5, pp. 15–18. (In Russ.).
4. Konin V.V., Sukhankina L.I. On the right of the convicted person to qualified legal assistance at the stage of execution of the sentence by shifting costs to the budget. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2020, no. 2, pp. 74–79. (In Russ.).
5. Burmagin S.V. Problematic Issues of Adversarial Construction of Judicial Proceedings at the Stage of Execution of the Sentence. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 9, pp. 93–103. (In Russ.).
6. Vinogradov V.A. Distribution of the burden of proof in the consideration and resolution of the question of parole from serving a sentence in the criminal process of Russia. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2019, no. 12, pp. 38–40. (In Russ.).
7. Matveev S.A., Makarov R.V. Substitution of the unserved part of punishment by milder type of punishment. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Mari State University*, 2016, vol. 2, no. 1(5), pp. 67–70. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА МАШИНСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия, n.mashinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>

NATAL'YA V. MASHINSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.mashinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>

Статья поступила 12.04.2024

Научная статья

УДК 343.2

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.007

Оказание содействия в восстановлении и укреплении социальных связей лицам, в отношении которых применяется пробация: правовые и организационные вопросы

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
Научно-исследовательский институт ФСИН, Москва, Россия
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ УСТИНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия
ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются правовые вопросы содействия в восстановлении и укреплении социальных связей лиц, в отношении которых применяется пробация, обозначены проблемы, возникающие при осуществлении указанной деятельности органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы при взаимодействии с субъектами пробации, предложены пути их решения. *Цель:* на основе анализа эмпирических данных органов уголовно-исполнительной системы выявить проблемы, возникающие в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы при восстановлении и укреплении социальных связей лиц, в отношении которых применяется пробация, предложить способы их решения. *Методы:* формально-юридический, эмпирические методы описания и интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* анализ нормативной базы, регламентирующей пробацию, и эмпирической информации по вопросам восстановления и укрепления социальных связей лиц, к которым применяется пробация, предоставленной органами уголовно-исполнительной системы, показал, что при осуществлении данной деятельности возникают проблемы правового и организационного характера, в частности необходимость учета положений федерального закона «О персональных данных» при получении и предоставлении информации о родственниках осужденного и иных разыскиваемых лицах, необходимость взаимодействия с органами государственной власти, привлечения общественных и религиозных организаций, иных институтов гражданского общества к восстановлению и укреплению социальных связей лиц, к которым применяется пробация. *Выводы:* для решения проблем, возникающих при восстановлении и укреплении социальных связей лиц, к которым применяется пробация, необходим учет положений федерального закона «О персональных данных», предполагающих получение и сообщение осужденному персональным данным его родственников, иных разыскиваемых лиц только с их письменного согласия. Следует расширять и совершенствовать практику заключения органами уголовно-исполнительной системы соглашений с органами государственной власти, общественными и религиозными организациями в целях постоянного взаимодействия по вопросам восстановления и укрепления социальных связей лиц, к которым применяется пробация.

Ключевые слова: социальные связи; семейные связи; осужденный; наказание; пробация; уголовно-исполнительная система.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бабаян С. Л., Устинов А. А. Оказание содействия в восстановлении и укреплении социальных связей лицам, в отношении которых применяется probation: правовые и организационные вопросы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 279–288. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.007.

Original article

Assistance in the Restoration and Strengthening of Social Ties to Persons Subject to Probation: Legal and Organizational Issues

SERGEI L. BABAYAN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia
 Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
 Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia
 bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

ANDREI A. USTINOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
 Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia
 ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Abstract

Introduction: the article considers legal issues of assistance in the formation and strengthening of social ties of persons subject to probation, identifies problems that arise in the implementation of these activities by bodies and institutions of the penal system when interacting with probation subjects, and proposes ways to solve them. *Purpose:* based on the analysis of empirical data from penitentiary bodies, to identify problems arising in their activities when restoring and strengthening social ties of persons subject to probation and propose ways for their solution. *Methods:* formal legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the analysis of the regulatory framework governing probation and empirical information on the restoration and strengthening of social ties of persons subject to probation shows the existence of organizational problems, such as the need to take into account provisions of the Federal Law “On Personal Data” when receiving and providing information about relatives of a convicted person and other wanted persons, the need to cooperate with public authorities and involve public and religious organizations, and other civil society institutions in restoring and strengthening social ties of persons subject to probation. *Conclusion:* in order to solve the problems arising during the restoration and strengthening of social ties of persons to whom probation is applied, it is necessary to take into account provisions of the Federal Law “On Personal Data”, which presuppose the receipt and transfer of personal data of convict’s relatives and other wanted persons to the convict only with their written consent. It is necessary to expand and improve the practice of concluding agreements between penitentiary bodies and public authorities, public and religious organizations in order to constantly interact on issues of restoring and strengthening social ties of persons subject to probation.

Keywords: social ties; family ties; convict; punishment; probation; penal system.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Babayan S.L., Ustinov A.A. Assistance in the restoration and strengthening of social ties to persons subject to probation: legal and organizational issues. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 279–288. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.007.

Введение

Сохранение, восстановление и укрепление социально полезных связей лиц, отбывающих или отбывших наказание, является одним из важных направлений деятельности, осуществляемой учреждениями уголовно-исполнительной системы. Указания на необходимость восстановления и укрепления связей осужденных с членами семьи, родственниками, другими лицами, положительным образом влияющими

на них, содержатся в актах международного права и нормах российского законодательства. Пункт 79 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными указывает, что «особое внимание следует уделять поддержанию и укреплению связей между заключенным и его семьей, которые представляются желательными и служат интересам обеих сторон». Пункт 80 данных правил устанавливает, что «с самого

начала отбывания срока заключения следует думать о будущем, которое ждет заключенного после его освобождения. Поэтому ему следует помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения».

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации не содержит специального нормативного указания на необходимость проведения мероприятий по восстановлению и укреплению социальных связей лиц, отбывающих либо отбывших наказание. Однако некоторые его нормы обязывают администрацию учреждений, исполняющих наказания, содействовать поддержанию социальных связей осужденного: получать информацию о родственниках осужденного, уведомлять их о прибытии осужденного в исправительное учреждение (ст. 17), предоставлять осужденному возможность поддерживать связи с родственниками путем свиданий (ст. 89), посылку, передач, бандеролей (ст. 90), переписки (ст. 91), телефонных переговоров (ст. 92).

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. указывает в качестве одной из проблем отсутствие адаптированности лиц, освободившихся из исправительных учреждений, к жизни в гражданском обществе, утрату ими социальных связей и, как следствие, рост повторной преступности. Связь рецидивной преступности и утраты (ослабления) социальных связей неоднократно отмечалась различными исследователями как в России, так и за рубежом [1, с. 74; 2, с. 271; 3; 4]. Важнейшей мерой в целях решения данной проблемы является создание и развитие системы пробации в Российской Федерации.

Основная часть

6 февраля 2023 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Согласно ст. 4 данного закона целями пробации являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений.

Закон выделяет три вида пробации – пенитенциарную (по отношению к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, а также принудительных работ), исполнительную (при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера) и постпенитенциарную (по отношению к лицам, освободившимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы).

Пенитенциарная пробация применяется ко всем осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, исполнительная и постпенитенциарная – по отношению только к тем лицам, которые были признаны находящимися в трудной жизненной ситуации – обстоятельствах, ко-

торые ухудшают условия жизнедеятельности данных лиц и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно. При этом меры исполнительной и постпенитенциарной пробации могут применяться лишь при наличии обращения лица (его законного представителя) в уголовно-исполнительную инспекцию с заявлением об оказании содействия (ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»).

Представляется важным проанализировать такое направление пробации, как социальная реабилитация осужденных и лиц, освободившихся из учреждений уголовно-исполнительной системы. Согласно ст. 5 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» социальная реабилитация – это комплекс мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, в отношении которых применяется пробация.

Под социальными связями в широком смысле в социологии понимают совокупность осознанных и неосознанных, необходимых и случайных, устойчивых и спонтанных зависимостей одних социальных субъектов от других [5, с. 958]. Исходя из характера влияния на развитие и деятельность личности осужденного в обществе, социальные связи осужденного можно подразделить на положительные (социально полезные), социально нейтральные и отрицательные (социально негативные).

Социально полезные связи осужденных, как они определяются в педагогической и социологической литературе, – это урегулированные социальными нормами многообразные связи между осужденным и различными субъектами либо социальными группами, занимающими определенное положение в обществе, имеющими различный статус и выполняющими различные социальные функции, возникающие в результате целенаправленной организации мероприятий по включению осужденного в различные сферы и процессы общественной жизни, по усвоению новых норм, ценностей, приобретению социально значимых навыков и моделей поведения в период отбывания наказания и после освобождения [6, с. 33].

Социально полезные связи появляются и совершенствуются в процессе общественно полезной деятельности, способствуют формированию социально полезных навыков, повышению социального статуса, усвоению и соблюдению социально одобряемых норм поведения. В первую очередь это связи с членами семьи, другими родственниками и иными лицами, с которыми у осужденного сложились близкие отношения и которые оказывают положительное влияние на его поведение (опекуны, попечители, приемные родители, лицо, находившееся с осужденным в фактических брачных отношениях или с которым осужденный намерен вступить в брак). Именно семья дает человеку первичные навыки социального поведения, оказывает ему поддержку на протяжении всей жизни, что предопределяет его поведение, в том числе способствует ресоциализации после отбытия наказания [7, с. 142]. По данным исследования, проведенного НИИ ФСИН России в 2021 г., 76,2 % осужденных считают, что влияние на них родственников носит положительный характер. Непосредственное

и опосредованное общение с родственниками оказывает положительное влияние на поведение по мнению 85,3 % опрошенных [8, с. 8]. Уровень повторной преступности у лиц, освободившихся от наказания и поддерживающих социальные связи с членами семьи и родственниками, существенно ниже, чем у тех, у кого данные связи утрачены, что справедливо как для Российской Федерации, так и для зарубежных стран [9, с. 244; 10]. Также к социально полезным относятся связи по месту работы, учебы, в другом коллективе или неформальной группе, придерживающейся положительных социальных ценностей и норм поведения (спортивная секция, общественное объединение, религиозная организация и т. п.).

Социально нейтральные связи явным образом не способствуют ресоциализации и социальной адаптации осужденного, но и не носят негативного характера. Как правило, это спонтанно возникающие, кратковременные социальные связи с теми или иными лицами для удовлетворения конкретных личных потребностей, общения, проведения досуга и т. п.

Социально негативные связи обусловлены совместным противоправным, антисоциальным или асоциальным поведением, под их влиянием индивид усваивает ценности, нормы, модели и навыки поведения, противоречащие интересам общества, общепринятым нормам социального взаимодействия.

Социально полезные связи осужденных должны отвечать следующим требованиям:

- быть разнообразными (семейные, родственные, образовательные, трудовые и т. д.);
- регулироваться социальными нормами, то есть опираться на устоявшиеся традиции, обычаи коммуникации;
- основываться на социально значимых навыках и присвоении новых норм для включения осужденного или освобождающегося от наказания во все необходимые для полноценной жизни сферы [11, с. 12].

Субъектами социально полезных связей могут быть лица различных категорий:

- члены семьи, другие родственники и близкие лица;
- друзья, одноклассники, лица, знакомые по работе и другим совместным занятиям;
- представители учреждений различной ведомственной подчиненности и сами эти учреждения;
- представители общественных организаций различной направленности (в том числе правозащитные и реализующие гуманитарные проекты в области ресоциализации отбывающих наказание и освободившихся) и сами эти организации;
- религиозные деятели;
- представители бизнес-структур и производственных предприятий;
- мастера своего дела, способные привлечь внимание осужденных к тем или иным сферам деятельности (спорту, искусству и т. д.);
- известные персоны и др.

Отбывание наказания в виде лишения свободы или принудительных работ может способствовать ослаблению или утрате социально полезных связей, трудовых навыков осужденного, может повлечь значительные трудности в адаптации к жизни после освобождения, в том числе трудоустройстве, владении

современными технологиями коммуникаций, электронными средствами в области финансов, получения услуг и т. п. [12, с. 195; 13; 14]. Это обусловлено нахождением осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы в течение достаточно длительного срока, его стигматизацией, вследствие чего члены семьи, родственники, друзья нередко прекращают с ним общение или осуществляют его эпизодически и формально. Нередко к прекращению связей с родственниками, иными лицами, оказывавшими положительное влияние, приводит поведение самого осужденного – совершение им преступлений в отношении указанных лиц, пьянство, употребление наркотиков, частая и безосновательная перемена места жительства, паразитический образ жизни до осуждения, семейные и родственные конфликты, нежелание сохранять связь с близкими или поддержание ее исключительно для получения выгоды.

Наказания, не связанные с изоляцией от общества (за исключением принудительных работ), чаще всего не приводят к утрате или ощутимому ослаблению социально полезных связей осужденного с членами семьи, родственниками, иными лицами из его социальной микросреды. Однако и здесь возможны случаи ослабления или разрушения семейных и социальных связей в связи с тяжелыми жизненными условиями или асоциальным поведением осужденного.

При отбывании наказания, связанного с направлением осужденного в исправительное учреждение, вместе с утратой или ослаблением социально полезных связей у него во многих случаях возникают социальные связи негативного характера. Это обусловлено усвоением им норм криминальной субкультуры, «обменом опытом» между осужденными по способам совершения и сокрытия преступлений, стремлением найти признание и поддержку в антисоциальной среде не только во время нахождения в исправительном учреждении, но и после освобождения [7, с. 141].

Профилактика возникновения, ослабление и разрыв имеющихся социально негативных связей осужденного связаны, прежде всего, с восстановлением и укреплением его социально полезных связей, что и является одной из основных целей пенитенциарной, исполнительной и постпенитенциарной пробации.

Под понятием «восстановление» следует понимать возобновление ранее имевшихся, но по той или иной причине прекратившихся социально полезных связей осужденного. К мерам по их восстановлению относятся содействие осужденному в розыске родственников или иных лиц, оказывающих на него положительное влияние, сообщение осужденному и розысканным лицам сведений о местонахождении, иной информации для установления связи между ними, убеждение осужденного, а также его родственников и иных лиц восстановить прекратившуюся связь.

Укрепление социально полезных связей – это деятельность по предупреждению ослабления или прекращения имеющихся и поддерживаемых социальных связей осужденного. Прежде всего, это предусмотренное уголовно-исполнительным законодательством предоставление возможности и создание условий для поддержания социально полезных связей с семьей, родственниками, иными лицами в период от-

бывания наказания в виде лишения свободы и принудительных работ (переписка, телефонные переговоры, получение посылок и бандеролей, краткосрочные и длительные свидания, предоставление права выезда за пределы исправительного центра, возможность проживания за пределами исправительного центра для осужденных к принудительным работам и т. д.).

Также к мерам по укреплению социально полезных связей относятся меры, осуществляемые в рамках воспитательной работы с осужденными: убеждение осужденного и лиц, с которыми он имеет социальную связь, в желательности и целесообразности ее взаимной поддержки, в ценности семейных, родственных и иных социально полезных связей; психологическая диагностика и коррекция поведения осужденного с целью ослабления или устранения личностных качеств, препятствующих полноценным социальным связям (склонность к насилию, корысть, эгоизм и т. д.); развитие положительных личностных качеств; меры психологического и медицинского характера по противодействию алкоголизму, наркомании, иным формам патологических зависимостей. Важное значение для укрепления социально полезных связей осужденного имеет создание условий для совместного с родственниками и иными лицами проведения культурно-массовых, досуговых мероприятий, для совместной общественно полезной деятельности [15, с. 18; 16, с. 143].

Укреплению социально полезных связей осужденных и лиц, отбывших наказание, способствует также духовно-нравственное воспитание, в том числе в рамках реализации осужденными права на свободу совести и вероисповедания. Все традиционные религии подчеркивают ценность семьи и брака, важность совместного воспитания детей, поддержки престарелых родственников, негативно относятся к супружеской неверности и расторжению брака, разрыву семейных и родственных связей. Как показывает практика, положительное значение имеет привлечение представителей традиционных конфессий к индивидуальным и групповым беседам с осужденными о важности сохранения семейных и родственных связей, проповедь на данную тему во время богослужения, проведение таинства венчания или аналогичного ему обряда с осужденными, вступающими или ранее вступившими в брак.

В соответствии со ст. 6 федерального закона «О пробации в Российской Федерации» субъекты пробационной деятельности можно разделить на обязательные, участие которых предусмотрено законом в виде обязывающей нормы, и факультативные, которые не обязаны, но вправе участвовать или могут привлекаться к осуществлению мероприятий в сфере пробации.

К обязательным субъектам пробации относятся: федеральные органы исполнительной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; учреждения уголовно-исполнительной системы; государственные учреждения службы занятости населения; учреждения социального обслуживания.

Факультативными субъектами пробации являются: органы местного самоуправления; коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные; социально ориентированные некоммерческие организа-

ции; организации и общественные объединения; негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги; организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации; индивидуальные предприниматели; общественные наблюдательные комиссии; граждане. Правовым основанием деятельности факультативных субъектов пробации, помимо законодательных и подзаконных актов, являются соглашения, заключенные между данными субъектами и территориальными органами или учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Непосредственное исполнение мероприятий в сфере пробации осуществляется учреждениями ФСИН России. Для пенитенциарной пробации это – учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, для исполнительной и постпенитенциарной пробации – уголовно-исполнительные инспекции.

Одним из способов восстановления утраченных социальных и семейных связей лица, в отношении которого применяется пробация, является розыск (по заявлению осужденного) родственников осужденного или освободившегося из учреждения, исполняющего наказание, а также иных лиц, оказывающих на него положительное влияние.

Согласно ст. 15 федерального закона «О пробации в Российской Федерации» обязанность содействия осужденным в розыске родственников и иных лиц возлагается на учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы или принудительных работ. При осуществлении исполнительной (ст. 11) и постпенитенциарной (ст. 22) пробации также предусмотрены содействие осужденным и лицам, отбывшим наказание, в восстановлении социальных связей, социальная реабилитация указанных лиц, при этом обязанность осуществления данных мер возлагается на уголовно-исполнительные инспекции (ст. 28).

В результате проведенных мероприятий устанавливается фактическое место проживания или пребывания лиц, с которыми осужденный желает восстановить общение. Данные сообщаются осужденному либо освободившемуся из пенитенциарного учреждения.

Установление местонахождения родственников и иных лиц осуществляется посредством направления учреждениями, исполняющими наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, а также уголовно-исполнительными инспекциями запросов в органы записи актов гражданского состояния, адресно-справочные бюро и иные органы и учреждения.

29 ноября 2023 г. Министерством юстиции Российской Федерации был издан Приказ № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»», отдельными положениями которого были конкретизированы полномочия субъектов пробации, в том числе по восстановлению и укреплению социальных связей лиц, в отношении которых применяется пробация.

Согласно п. 7 приложения 1 к приказу № 350 организация и осуществление мероприятий в сфере пе-

нитенциарной пробации возлагаются на сотрудников подразделения воспитательной работы с осужденными исправительных учреждений, психологической лаборатории, подразделения социальной работы с осужденными, сотрудников иных отделов (служб) и медицинских организаций уголовно-исполнительной системы в пределах компетенции; на подразделения пробации, группы организации трудовой деятельности и воспитательной работы и иных сотрудников исправительных центров, сотрудников групп пробации участков при исправительных колониях, функционирующих как исправительный центр (УФИЦ). Мероприятия по исполнителю и постпенитенциарной пробации осуществляются уголовно-исполнительными инспекциями и их филиалами.

Согласно п. 70 приложения 1 мероприятия по восстановлению и формированию социальных связей лиц, в отношении которых применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация, проводятся инспекциями путем оказания им содействия в укреплении социальных связей с родственниками, лицами, оказывающими положительное влияние на их поведение, трудовыми коллективами и организациями, осуществляющими образовательную деятельность, некоммерческими организациями, а также в розыске родственников и иных лиц (для лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация). К работе по восстановлению и укреплению семейных и социальных связей могут привлекаться общественные объединения и религиозные организации, добровольцы (волонтеры), родственники лиц, в отношении которых применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация, и иные лица, имеющие положительное влияние на поведение лиц, в отношении которых применяется пробация.

Аналогичные мероприятия в целях восстановления и укрепления социальных связей осужденных предусмотрены и при применении пенитенциарной пробации в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ (п. 11 приложения 2).

В марте 2024 г. сотрудниками НИИ ФСИН России в целях выявления проблем, возникающих при восстановлении и укреплении социальных связей лиц, к которым применяется пробация, был проведен опрос руководителей подразделений, осуществляющих организацию исполнения пробации в 85 территориальных органах ФСИН России. Как указали сотрудники территориальных органов в информационных материалах, запрошенных в рамках проведения данного исследования, при осуществлении мер, направленных на восстановление и укрепление социальных связей осужденных и лиц, освободившихся из пенитенциарных учреждений, в настоящее время возникает ряд вопросов правового и организационного характера. Указанные проблемы следует прогнозировать и при переходе к осуществлению пробации.

Так, нередко имеют место непредоставление осужденными актуальной информации о местонахождении, иных контактах членов семьи, родственников и иных лиц, как правило, по объективным причинам (переезд на новое место жительства, смена номера телефона и т. п.), а также нежелание данных лиц поддерживать связи с осужденным либо освобо-

дившимся из учреждения уголовно-исполнительной системы в связи с его противоправным или антисоциальным поведением до осуждения, в том числе совершением им преступления в отношении членов семьи или других родственников. При решении данной проблемы следует соблюдать баланс между необходимостью социальной реабилитации осужденного и интересами других лиц.

Возникают также вопросы правового характера, связанные с особым правовым статусом информации о местонахождении (месте проживания или пребывания) лиц, которых желает разыскать осужденный, а также сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния (расторжения брака, заключения нового брака, усыновления (удочерения), изменения имени, смерти) в их отношении.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» указанная информация относится к персональным данным физического лица (субъекта персональных данных). Согласно же ст. 7 данного закона, лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять их без согласия их субъекта, если иное не предусмотрено федеральным законом. Нарушение правил обработки персональных данных (в том числе их незаконное получение, распространение и использование) влечет административную ответственность в соответствии со ст. 13.11 КоАП РФ.

Правила обработки адресно-справочной информации (информации о месте проживания или пребывания лица на территории Российской Федерации), сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния конкретизируются специальными нормативными актами: законом Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и Федеральным законом от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Данная информация может быть передана без согласия лиц, к которым она относится, только установленным законом уполномоченным субъектам, к которым, согласно федеральному закону «О пробации в Российской Федерации», относятся учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, исполняющие полномочия в сфере пробации.

Передача лицу, в отношении которого применяется пробация, сведений о месте жительства (пребывания), государственной регистрации актов гражданского состояния его родственников и иных лиц, в соответствии с указанным федеральным законом, осуществляется субъектом пробации только при наличии письменного согласия указанных лиц. Требования к форме и содержанию данного согласия предусмотрены ч. 4 ст. 9 федерального закона «О персональных данных». Получив указанные персональные данные, сотрудник, осуществляющий мероприятия по пробации, получает у субъекта этих данных согласие на их передачу лицу, в отношении которого применяется пробация, и только после получения данного согласия передает их осужденному или освободившемуся из пенитенциарного учреждения. Передача персональных данных лица,

в отношении которого применяется probation, родственникам либо иным разыскиваемым лицам также осуществляется только с его согласия.

Форма согласия лица, в отношении которого применяется probation, на обработку персональных данных предусмотрена приложением 1 к Порядку подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, утвержденному Приказом Минюста России от 29.11.2023 № 350.

В отношении родственников и иных лиц, изъявивших согласие на передачу своих персональных данных лицу, в отношении которого применяется probation, следует рекомендовать сотрудникам учреждений уголовно-исполнительной системы, осуществляющим полномочия в сфере probation, получать их персональные данные не в произвольной форме, а в виде заполнения соответствующего согласия, отвечающего требованиям ч. 4 ст. 9 федерального закона «О персональных данных». Данное согласие может быть направлено в учреждение в виде письма (обычного, заверенного личной подписью, или электронного, заверенного электронной подписью) либо заполнено при посещении членом семьи, родственником, иным лицом учреждения уголовно-исполнительной системы или при встрече с сотрудником инспекции.

Также сотрудники часто сталкиваются с отсутствием ответов со стороны органов МВД и ЗАГС на направленные запросы или длительным сроком предоставления ответов. Представляется, что налаживанию эффективного информационного взаимодействия будет способствовать заключение соглашений территориальных органов ФСИН России с территориальными органами МВД, органами ЗАГС, иными органами государственной власти по вопросам межведомственного взаимодействия при осуществлении probation, предусматривающих конкретные направления взаимодействия.

В качестве положительного примера можно привести соглашение между УФСИН России по Республике Башкортостан и МВД по Республике Башкортостан от 27.12.2023, в котором предусмотрены возможность обмена информацией как на бумажном, так и на электронном носителе; срок предоставления информации по запросам сторон (30 дней); возможность использования для обмена информацией государственной информационной системы «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется probation» (с момента ввода ее в эксплуатацию); алгоритм взаимодействия сторон; сроки действия соглашения (один год, при этом при отсутствии уведомления сторон о его аннулировании соглашение считается продленным на неопределенный срок).

В комплексе мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, в отношении которых применяется probation, важную роль играет содействие в трудоустройстве, а также получении общего, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения. При этом существует проблема недостаточно эффективного, зачастую формального взаимодействия органов социальной работы с органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы,

на что ранее указывалось в научной литературе [17, с. 40; 18, с. 44].

Форма и порядок взаимодействия в указанных сферах определены приказом Минтруда России от 27.10.2023 № 779-н «Об утверждении типового соглашения о взаимодействии учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости населения при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной probation» и приказом Министерства просвещения от 09.11.2023 № 839 «Об утверждении формы и порядка заключения типового соглашения о порядке взаимодействия образовательных организаций с органами уголовно-исполнительной системы в целях содействия в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождения профессионального обучения лицами, в отношении которых применяется probation».

Типовыми соглашениями устанавливаются конкретные полномочия каждой из сторон при взаимодействии в сфере probation, сроки осуществления действий по реализации данных полномочий.

Федеральный закон «О probation в Российской Федерации» предусматривает привлечение к работе по восстановлению и укреплению семейных и социальных связей общественных объединений и религиозных организаций, добровольцев (волонтеров), родственников осужденных и иных лиц, имеющих положительное влияние на поведение осужденных.

Статья 23 УИК РФ предусматривает содействие общественных объединений и иных представителей гражданского общества работе учреждений и органов, исполняющих наказания, исправлению осужденных, их ресоциализации, социальной реабилитации и адаптации.

При этом конкретные формы и порядок взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с общественными объединениями и религиозными организациями, добровольцами (волонтерами), родственниками лиц, в отношении которых применяется probation, и иными лицами, имеющими положительное влияние на поведение лиц, в отношении которых применяется probation, в части содействия восстановлению и укреплению их социальных связей в настоящее время в достаточной степени не разработаны. Управлением воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России совместно с НИИ ФСИН России неоднократно проводились научные исследования по темам, относящимся к деятельности исправительных учреждений по оказанию содействия осужденным к лишению свободы в восстановлении и укреплении социальных и семейных связей. Разработанные рекомендации [19; 20] могут быть использованы сотрудниками учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ, при осуществлении мероприятий пенитенциарной probation по восстановлению и укреплению социально полезных связей осужденных.

При осуществлении мероприятий по укреплению имеющихся социальных связей лиц, в отношении которых применяется probation, могут быть исполь-

зованы также возможности общественных организаций. Для этого целесообразно организовывать проведение мероприятий с участием представителей общественных организаций, добровольцев (волонтеров) спортивных и культурно-массовых объединений с привлечением лиц, к которым применяется пробация, членов их семей, родственников и иных лиц; информационную и просветительскую работу в целях разъяснения способов восстановления и укрепления социально полезных связей; мероприятия по профилактике алкоголизма, наркомании, иных форм зависимого поведения и т. д.

Осужденные к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, в том числе к принудительным работам, а также лица, освободившиеся из учреждений уголовно-исполнительной системы, сами могут участвовать в добровольческой (волонтерской) деятельности. Как показывает практика, это способствует формированию полезных трудовых и социальных навыков у данных лиц, препятствует их антисоциальному времяпровождению, содействует укреплению имеющихся и возникновению новых социально полезных связей. Встречаются случаи, когда указанные лица занимаются волонтерской деятельностью совместно с членами семьи или другими родственниками, что способствует укреплению их социальных связей.

При заключении соглашений с добровольческими (волонтерскими) организациями целесообразно указывать конкретные формы взаимодействия по вопросам probation, сроки (периодичность) мероприятий, а также лиц, ответственных за их проведение.

Во всех территориальных органах ФСИН России регулярно осуществляется взаимодействие с зарегистрированными на территории Российской Федерации религиозными организациями не только для обеспечения реализации права осужденных на свободу совести и вероисповедания, но и для участия в социальной реабилитации и адаптации осужденных и лиц, освободившихся из пенитенциарных учреждений. Данное взаимодействие осуществляется с Русской православной церковью Московского патриархата, духовными управлениями мусульман в субъектах Российской Федерации, Федерацией еврейских общин России, буддийскими религиозными организациями на основании соглашений, заключаемых между территориальными органами ФСИН России и подразделениями указанных религиозных организаций.

Представители религиозных организаций, помимо проведения богослужений на территории учреждений, религиозных таинств и обрядов с осужденными, принимают участие в воспитательной работе, в том числе по вопросам восстановления и укрепления семейных связей, разъясняя важность и ценность их сохранения и поддержания. С осужденными, вступающими в брак или ранее заключившими брак, по их просьбе проводятся таинство венчания или аналогичные обряды других вероисповеданий, что также содействует укреплению семейных связей осужденных.

В письме председателя Синодального отдела Русской православной церкви по тюремному служению от 17.11.2023 № 115 были указаны следующие направления участия в восстановлении и формировании со-

циально полезных связей лиц, в отношении которых применяется пробация:

- оказание помощи и поддержки лицам, в отношении которых применяется пробация, и их семьям в воссоединении;
- осуществление поддержки на новом месте жительства или реинтеграции лиц, в отношении которых применяется пробация, когда восстановление семьи провести не удалось;
- сопровождение семей после успешного воссоединения.

В связи с этим рекомендуется учитывать вышеизложенное при заключении соглашений между территориальными органами и подразделениями (митрополиями, епархиями) Русской православной церкви, а также при заключении соглашений с другими религиозными организациями по согласованию с их представителями. Обозначим некоторые проблемы, возникающие при взаимодействии с общественными организациями.

Во-первых, отсутствие в ряде субъектов Российской Федерации организаций, которые могут быть привлечены к данной деятельности либо их недостаточная инициативность во взаимодействии с органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. По имеющимся данным, в 80,9 % инициаторами взаимодействия с общественными организациями являются сотрудники территориальных органов ФСИН России [20, с. 5]. Например, сотрудники УФСИН России по Тульской области указали, что в их субъекте не имеется общественных организаций, которые могли бы осуществлять во взаимодействии с органами и учреждениями ФСИН России деятельность в области probation.

Во-вторых, отсутствие единообразного алгоритма взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с общественными объединениями и религиозными организациями, добровольцами (волонтерами) в области probation, на что также указывают сотрудники многих территориальных органов ФСИН России (УФСИН России по Волгоградской области, Еврейской автономной области, Республике Татарстан, Чеченской Республике и т. д.). В некоторых территориальных органах ФСИН России (УФСИН России по Иркутской области, ГУФСИН России по Красноярскому краю, УФСИН России по Курганской области и т. д.) данные алгоритмы разработаны и включены в соглашения, заключенные между учреждениями ФСИН России и указанными субъектами, однако в настоящее время пока невозможно говорить о повсеместности и единообразии данной практики.

Необходимо также иметь в виду, что при взаимодействии территориальных органов и учреждений ФСИН России с общественными объединениями и религиозными организациями существует угроза деструктивной деятельности со стороны последних (попытки содействия осужденным в нарушении требований режима и осуществлении иных незаконных действий; дискредитация уголовно-исполнительной системы путем трансляции непроверенной или ложной информации о ее деятельности; содействие распространению экстремистской идеологии в среде осужденных; склонение отдельных лиц к участию в

экстремистских сообществах и организациях и т. д.). В связи с этим сотрудникам рекомендуется проведение проверочных мероприятий на предмет наличия (отсутствия) компрометирующей информации в отношении указанных организаций при взаимодействии с ними.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что деятельность по восстановлению и укреплению социальных связей лиц, по отношению к которым применяется проба́ция, должна осуществляться субъектами проба́ции на основе сочетания принципов законности, разграничения компетенции и межведомственного взаимодействия. Деятельность по содействию лицам, нуждающимся в восстановлении социальных связей,

в розыске родственников и иных лиц должна осуществляться в строгом соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», что предполагает необходимость получения субъектами проба́ции согласия субъектов персональных данных на их получение (сбор) и передачу другим лицам. Правовой основой взаимодействия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с другими субъектами проба́ции являются соглашения, в которых целесообразно предусматривать формы и направления деятельности в данной области, в том числе по восстановлению и укреплению социальных связей, конкретные действия субъектов проба́ции во исполнение указанных направлений деятельности и сроки их осуществления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борсученко С. А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 1, № 2. С. 74–79.
2. Гусаров П. Н. Ресоциализация и адаптация осужденных: проблемы и перспективы пенитенциарной системы в России // Молодой ученый. 2018. № 22. С. 270–273.
3. Contributor Quora. How Is Life Outside After Being in Prison for Over 20 Years? URL: http://www.slate.com/blogs/quora/2013/01/25/how_is_life_outside_after_being_in_prison_for_over_20_years.html (дата обращения: 01.02.2024).
4. Travis J., McBride E. C., Solomon A. L. Families Left Behind: The Hidden Costs of Incarceration and Reentry. URL: https://www.researchgate.net/publication/305487992_Families_Left_Behind_The_Hidden_Costs_of_Incarceration_and_Reentry (дата обращения: 01.02.2024).
5. Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов и др. Минск, 2003. 1312 с.
6. Барышева А. В. Сохранение и развитие социально полезных связей осужденных как задача педагогической деятельности исправительного учреждения // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73 (2). С. 32–35.
7. Шпилев Д. А., Еремеева А. А. Социальные связи осужденных (на примере Нижегородской и Вологодской областей) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 139–146.
8. Организация психологической работы с родственниками осужденных, способными оказать на них позитивное воздействие: методические рекомендации / Э. В. Зауторова и др. М., 2022. 18 с.
9. Терешенко Е. Г. Проблема понятия и эффективности социально полезной связи осужденного // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1-4). С. 242–251.
10. Timofeeva S. A. Foreign Prison Experience Socialization of Prisoners. URL: https://www.researchgate.net/publication/331775330_Foreign_Prison_Experience_Resocialization_of_Prisoners (дата обращения: 01.02.2024).
11. Еремеева А. А. Пенитенциарная социальная работа по восстановлению, поддержанию и укреплению социальных связей осужденных : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2022. 24 с.
12. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–203.
13. Espiritu E. J. etc. From Extremity to Liberty: A Narratology on the Extremities of an Ex-Detainee After Incarceration // International Journal of Education Humanities and Social Science. 2024. No. 1. Vol. 7. URL: https://ijehss.com/uploads2024/EHS_7_650.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
14. Harrison P., Beck A. Prisoners in 2001 // Bureau of Justice Statistics Bulletin. NCJ 195189. Washington, 2002.
15. Бабаян С. Л. К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации // Пенитенциарная наука. 2016. № 4 (36). С. 13–19.
16. Нимарицына О. Ф. О стадиях ресоциализации и социальной адаптации лиц, приговоренных к лишению свободы // Молодой ученый. 2018. № 51. С. 142–143.
17. Косовский В. Б. Проблемы ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Теория и практика общественного развития. 2019. № 7 (37). С. 42–45.
18. Зражевская Т. Д., Антонян Е. А. Проблемы ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и пути их решения // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2020. № 8. С. 38–41.
19. Организация психологической работы с родственниками осужденных, способными оказать на них позитивное влияние : метод. рекомендации / Э. В. Зауторова и др. М., 2021. 18 с.
20. Лучшие практики и опыт взаимодействия с общественными объединениями, религиозными конфессиями и социально-ориентированными некоммерческими организациями в части воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными (аналитический обзор) / Ю. Е. Суслов и др. М., 2021. 38 с.

REFERENCES

1. Borsuchenko S.A. Resocialization and social adaptation of convicts to imprisonment: concept, content, legal regulation. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 74–79. (In Russ.).
2. Gusarov P.N. Resocialization and adaptation of convicts: problems and prospects of the penitentiary system in Russia. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 22, pp. 270–273. (In Russ.).

3. Contributor Quora. *how is life outside after being in prison for over 20 years?* Available at: http://www.slate.com/blogs/quora/2013/01/25/how_is_life_outside_after_being_in_prison_for_over_20_years.html (accessed February 1, 2024).
4. Travis J., McBride E.C., Solomon A.L. *Families left behind: the hidden costs of incarceration and reentry*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/305487992_Families_Left_Behind_The_Hidden_Costs_of_Incarceration_and_Reentry (accessed February 1, 2024).
5. *Sotsiologiya: entsiklopediya* [Sociology: encyclopedia]. Minsk, 2003. 1,312 p.
6. Barysheva A.V. Preservation and development of socially useful connections of convicts as a task of pedagogical activity of correctional institution. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2021, no. 73 (2), pp. 32–35. (In Russ.).
7. Shpilev D.A., Ereemeeva A.A. Social relations of convicts (using the example of the Nizhny Novgorod and Vologda regions). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 139–146. (In Russ.).
8. Zautorova E.V. et al. *Organizatsiya psikhologicheskoi raboty s rodstvennikami osuzhdennykh, sposobnymi okazat' na nikh pozitivnoe vozdeistvie: metodicheskie rekomendatsii* [Organization of psychological work with relatives of convicts who are able to have a positive impact on them: methodological recommendations]. Moscow, 2022. 18 p.
9. Tereshenko E.G. The problem of the concept and effectiveness of socially useful communication of a convicted person. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2023, vol. 18 (1-4), pp. 242–251. (In Russ.).
10. Timofeeva S.A. *Foreign prison experience socialization of prisoners*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331775330_Foreign_Prison_Experience_Resocialization_of_Prisoners (accessed February 1, 2024).
11. Ereemeeva A.A. *Penitentsiarnaya sotsial'naya rabota po vosstanovleniyu, podderzhaniyu i ukrepleniyu sotsial'nykh svyazey osuzhdennykh: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Penitentiary social work for the restoration, maintenance and strengthening of social ties of convicts: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2022. 24 p.
12. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 194–203. (In Russ.).
13. Espiritu E.J. From extremity to liberty: a narratology on the extremities of an ex-detainee after incarceration. *International Journal of Education Humanities and Social Science*, 2024, no. 1, vol. 7. Available at: https://ijehss.com/uploads2024/EHS_7_650.pdf (accessed February 1, 2024).
14. Harrison P., Beck A. Prisoners in 2001. In: *Bureau of Justice Statistics Bulletin*. Washington, 2002.
15. Babayan S.L. On the issue of post-penal resocialization. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2016, no. 4 (36), pp. 13–19. (In Russ.).
16. Nimaritsyna O.F. On the stages of re-socialization and social adaptation of persons sentenced to imprisonment. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 51, pp. 142–143. (In Russ.).
17. Kosovskii V.B. Problems of resocialization of persons released from prison. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2019, no. 7 (37), pp. 42–45. (In Russ.).
18. Zrazhevskaya T.D., Antonyan E.A. Problems of re-socialization of convicts and persons released from places of deprivation of liberty and ways to solve them. *Byulleten' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*, 2020, no. 8, pp. 38–41. (In Russ.).
19. Zautorova E.V. et al. *Organizatsiya psikhologicheskoi raboty s rodstvennikami osuzhdennykh, sposobnymi okazat' na nikh pozitivnoe vliyanie: metodicheskie rekomendatsii* [Organization of psychological work with relatives of convicts who are able to have a positive impact on them: methodological recommendations]. Moscow, 2021. 18 p.
20. Suslov Yu.E. et al. *Luchshie praktiki i opyt vzaimodeistviya s obshchestvennymi ob"edineniyami, religioznymi konfessiyami i sotsial'no-orientirovannymi nekommerche-skimi organizatsiyami v chasti vospitatel'noi, sotsial'noi i psikhologicheskoi raboty s osuzhdennymi (analiticheskii obzor)* [Best practices and experience of interaction with public associations, religious denominations and socially oriented non-profit organizations in terms of educational, social and psychological work with convicts (analytical review)]. Moscow, 2021. 38 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Вологодского института права и экономики, Вологда, Россия, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ УСТИНОВ – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Москва, Россия, ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

ANDREI A. USTINOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, associate professor at the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings of the Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia, ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Статья поступила 23.05.2024

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008

Принудительное питание и искусственное кормление осужденных: спор о терминах или различие по существу

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИНМосковский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Реферат

Введение: в статье рассматривается вопрос о возможности замены термина «принудительное питание», используемого в ч. 4 ст. 101 УИК РФ, термином «искусственное кормление», закрепленным в ряде международных документов. *Результаты:* термин «искусственное кормление» по своей природе является медицинским (неправовым) и включает в себя несколько возможных способов питания человека неестественным путем как запрещенных международными актами, так и разрешенных. При этом в декларациях Всемирной медицинской ассоциации (ВМА), специально регулирующих действия врачей в ситуациях, когда осужденные отказываются принимать пищу, под принудительным питанием понимается любое искусственное кормление осужденного, осуществляемое помимо его воли. В этой связи включение в УИК РФ термина «искусственное кормление» без изменения существа отечественного регулирования рассматриваемой проблемы является нецелесообразным, поскольку такое изменение все равно не позволит обеспечить соответствие отечественного законодательства рекомендациям ВМА, а термин «искусственное кормление» не способен в полной мере передать смысл установленного в ч. 4 ст. 101 УИК РФ института. Несмотря на то что хотя принудительное питание может причинять осужденным физические и нравственные страдания, а также посягать на автономию их личности, фундаментальное изменение существующего регулирования и исключение из законодательства возможности принудительного питания осужденных, осуществляемого помимо их воли, должны быть признаны нецелесообразными, поскольку существование института принудительного питания в отечественной правовой системе направлено на обеспечение исполнения государством своей обязанности по охране жизни и здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, и достижение цели исправления осужденных.

Ключевые слова: принудительное питание; искусственное кормление; питание осужденных; международные стандарты; пенитенциарная медицина; лишение свободы; цели уголовно-исполнительного законодательства.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдюхин С. А. Принудительное питание и искусственное кормление осужденных: спор о терминах или различие по существу // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 289–296. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008.

Original article

Forced Feeding and Artificial Feeding of Convicts: Terminological Dispute or Substantive Difference

SERGEI A. AVDYUKHIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru, 0009-0006-9265-2891

Abstract

Introduction: the article discusses the possibility of replacing the term “forced feeding”, used in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation, with the term “artificial feeding”,

© Авдюхин С. А., 2024

enshrined in a number of international documents. *Results*: the term “artificial feeding” is by its nature medical (non-legal) and includes several possible ways of feeding a person in an unnatural way: both prohibited by international acts and permitted by them. At the same time, in the declarations of the World Medical Association (WMA), which specifically regulate the actions of doctors in situations where convicts refuse to take food, “forced feeding” refers to any artificial feeding of a convict carried out against his/her will. In this regard, the inclusion of the term “artificial feeding” in the Penal Code of the Russian Federation without changing the essence of domestic regulation of the problem under consideration is pointless, since such a change will still not ensure compliance of domestic legislation with the WMA recommendations, and the term “artificial feeding” does not fully convey the meaning of the institution established in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation. At the same time, although forced feeding can cause physical and moral suffering to convicts, as well as encroach on the autonomy of their personality, it seems inappropriate to exclude the possibility of forced feeding of convicts from legislation, since the institution of forced feeding in the domestic legal system lets the state fulfil its duty to protect the life and health of persons in penitentiary institutions and achieve the goal of correcting convicts.

Keywords: forced feeding, artificial feeding, nutrition of convicts, international standards, penitentiary medicine, deprivation of liberty, goals of penal legislation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdyukhin S.A. Forced feeding and artificial feeding of convicts: terminological dispute or substantive difference. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 289–296. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008.

Введение

Институт принудительного питания осужденных по медицинским показаниям, установленный в ч. 4 ст. 101 УИК РФ и во многом не соответствующий зарубежным подходам к правовому регулированию ситуаций, когда осужденные отказываются принимать пищу, продолжает вызывать споры в среде отечественных ученых-пенитенциаристов. При этом предметом обсуждения становится не только содержание названного правового института, но и термин, используемый для его наименования. Так, И. А. Давыдова, И. Н. Коробова и А. Н. Сиряков считают термин «принудительное питание» противоречивым и не в полной мере соответствующим требованиям международных правовых актов и предлагают заменить его термином «искусственное кормление», который, по мнению указанных авторов, является более корректным и отражающим требования международных документов [1, с. 142].

В настоящей статье мы рассмотрим то, как термины «принудительное питание» и «искусственное кормление» понимаются в отечественной и зарубежной литературе и международных правовых актах, чтобы понять, является ли вопрос о возможной замене одного понятия другим исключительно спором о терминах либо между этими понятиями действительно имеется сущностное различие. С учетом существующих различий в отечественном и зарубежном подходах к правовому регулированию действий сотрудников органов исполнения наказаний в случае отказа осужденных принимать пищу нами будет дана оценка целесообразности включения в отечественное законодательство термина «искусственное кормление».

Методология

Основные положения настоящей статьи базируются на трудах российских и зарубежных ученых, рекомендациях ВМА, положениях международных стандартов ООН, Совета Европы, а также решениях Европейского суда по правам человека. При этом уч-

тено то обстоятельство, что Российская Федерация с 16 марта 2022 г. выбыла из Совета Европы и прекратила свое участие в ряде европейских конвенций. Как констатировал В. И. Селиверстов, это привело к ослаблению влияния международно-правового фактора на уголовно-исполнительное законодательство и практику исполнения лишения свободы [2, с. 21–22]. Ослабило влияние, но не исключило. Поэтому выбытие России из Совета Европы не должно препятствовать научному анализу законодательных и правоприменительных проблем с опорой на европейские правозащитные решения. Следует исходить из заявления Министерства иностранных дел Российской Федерации от 15.03.2022 «О запуске процедуры выхода из Совета Европы», согласно которому «за эти годы совместными усилиями многое удалось сделать для развития российского законодательства и правоприменительной практики, укрепления системы обеспечения прав человека в нашей стране, в том числе путем внедрения норм Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в российское законодательство». В связи с этим «продолжится выполнение уже принятых постановлений Европейского суда по правам человека, если они не противоречат Конституции Российской Федерации» [3].

Основная часть

В отечественной литературе термин «искусственное кормление» обычно рассматривается как сугубо медицинский, а потому не требующий отражения в правовом регулировании. Так, А. П. Скиба и А. А. Павленко указывают на то, что в медицине при невозможности естественного питания (через рот) используется термин «искусственное кормление», которое включает в себя несколько способов (путей) введения питательных веществ в организм: 1) энтерально (через желудочный или нозогастральный зонд); 2) парэнтерально (внутривенно или внутримышечно, минуя желудочно-кишечный тракт); 3) с помощью питательной (капельной) клизмы (данный

способ применяется как вспомогательный (дополнительный к другим способам) и предназначен для введения большого количества жидкости в организм) [4, с. 145].

Соответственно, принудительное питание осужденных с медицинской точки зрения всегда является искусственным кормлением, и данный факт, по мнению большинства отечественных ученых, в силу своей очевидности не требует специального отражения в нормах законодательства. Однако, как уже упоминалось выше, в международных правовых актах постепенно выработалась позиция о наличии существенных различий между принудительным питанием и искусственным кормлением и необходимости закрепления в национальном правовом регулировании именно последнего термина.

Так, в 1975 г. 29-й Генеральной ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) была принята Токийская декларация, содержащая в себе рекомендации по позиции врачей относительно пыток, наказаний и других мучений, а также негуманного или унижительного лечения в связи с арестом или содержанием в местах заключения. В данном международном документе в п. 8 впервые была закреплена позиция о недопустимости применения искусственного кормления в отношении лиц, отказавшихся принимать пищу и способных при этом здраво и рационально судить о последствиях своего решения [5].

Данный подход получил свое развитие в Мальтийской декларации ВМА относительно объявивших голодовку (п. 8), принятой на 43-й Генеральной ассамблее ВМА в 1991 г. и впервые проведенной границу между принудительным питанием и искусственным кормлением [6, п. 13].

При этом формулировки Мальтийской декларации ВМА в редакции 2006 г. оставляли государствам – участникам ассоциации некоторое поле для свободы истолкования документа: с одной стороны, декларация прямо допускала возможность искусственного кормления участника голодовки лишь в тех ситуациях, когда проведение подобной медицинской манипуляции не вступает в противоречие с явно выраженной волей такого лица. С другой стороны, декларация запрещала принудительное питание, однако не давала определения данному понятию и устанавливала прямой запрет на осуществление кормления осужденных лишь тогда, когда оно сопровождалось применением методов физического или психического насилия в отношении осужденного либо имело целью оказать воздействие на других осужденных.

Таким образом, одно из возможных толкований Мальтийской декларации ВМА состояло в том, что оно допускало применение искусственного кормления осужденных и в тех случаях, когда оно противоречит явно выраженной воле осужденного, однако осуществляется без применения к нему методов физического либо психического воздействия (например, в ситуации, когда осужденный, объявивший голодовку, находится без сознания либо настолько слаб физически, что не способен оказать сопротивление персоналу, осуществляющему его искусственное кормление).

По всей видимости, авторы предложения о необходимости включения в российское законодательство термина «искусственное кормление» руководствовались именно таким толкованием текста приведенного международного документа. Так, в своей статье И. А. Давыдова, И. Н. Коробова и А. Н. Сиряков указывают на то, что «предлагаемый термин будет обозначать такое кормление, которое осуществляется с целью поддержания жизни осужденных, *может применяться помимо их воли* (курсив наш. – С. А.), но без использования пыточных методов, унижения и насилия» [1, с. 148].

Между тем последующие изменения, внесенные в текст Мальтийской декларации 68-й Генеральной ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации в 2017 г., показали сомнительность приведенного подхода к толкованию текста данного документа. Так, в 2017 г. текст декларации был дополнен следующим положением (п. 23): «Все виды вмешательства для энтерального или парэнтерального кормления против воли психически здорового голодающего лица следует рассматривать в качестве принудительного питания (forcedfeeding). Принудительное питание никогда не является этически допустимым» [7].

Кроме того, в п. 21 Мальтийской декларации впервые было указано на то, что ректальная гидратация, то есть обеспечение поступления жидкости в организм через прямую кишку при помощи питательной клизмы, в любом случае (вне зависимости от воли пациента) не должна являться способом искусственного кормления (artificialfeeding) [7].

Приведенные поправки к Мальтийской декларации, принятые в 2017 г., позволяют сделать вывод, что позиция Всемирной медицинской ассоциации относительно соотношения терминов «искусственное кормление» и «принудительное питание» в сущности не противоречит подходу, принятому в отечественной правовой науке: термин «искусственное кормление» является медицинским и охватывает собой все возможные способы осуществления данной медицинской манипуляции, в то время как термин «принудительное питание» по своей природе является не медицинским, а правовым и охватывает собой искусственное кормление, осуществляемое против воли лица, в отношении которого оно применяется.

При этом путем принятия поправок 2017 г., уточнивших содержание терминов «искусственное кормление» и «принудительное питание», ВМА четко обозначила свою позицию в отношении искусственного кормления, осуществляемого хотя и против воли голодающего лица, однако без применения к нему какого-либо насилия: с точки зрения ассоциации, любое искусственное кормление, осуществляемое против явно выраженной воли голодающего осужденного, представляет собой принудительное питание и должно быть запрещено.

Визуально позиция Всемирной медицинской ассоциации относительно соотношения понятий «искусственное кормление» и «принудительное питание» и этической приемлемости применения различных видов искусственного кормления может быть представлена следующим образом (табл).

Способы искусственного кормления осужденных (позиция ВМА)

Искусственное кормление		
Способ 1 (энтерально)	Способ 2 (парэнтерально)	Способ 3 (питательная клизма)
Этически приемлемо, если: – имеется согласие участника голодовки; – участник голодовки не способен выразить свою волю, предварительно выраженный запрет на применение искусственного кормления отсутствует		Этически неприемлемо вне зависимости от воли участника голодовки
Этически неприемлемо, если противоречит явно выраженной воле участника голодовки – принудительное питание		

Вышеизложенное в совокупности позволяет понять, что предложенная И. А. Давыдовой, И. Н. Коробовой и А. Н. Сиряковым замена используемого в ч. 4 ст. 101 УИК РФ термина «принудительное питание» на термин «искусственное кормление», понимаемый как кормление, применяемое помимо воли осужденного, но без использования пыточных методов, унижения и насилия, не позволит решить задачу, поставленную авторами, – обеспечить соответствие отечественного регулирования действий сотрудников органов исполнения наказаний в ситуации, когда осужденные отказываются принимать пищу, требованиям международных правовых актов.

При таких обстоятельствах предложение о необходимости подобной замены (исключения из норм действующего законодательства термина «принудительное питание» без исключения самой возможности кормления осужденного, осуществляемого против его воли) представляет собой не более чем развитие спора о терминах и не может быть признано целесообразным. Приведем два дополнительных довода в подтверждение данного вывода.

Во-первых, термин, выбранный для наименования какого-либо явления, должен наиболее точно отражать смысл (существо) данного явления. Толковый словарь русского языка определяет значение прилагательного «принудительный» как совершаемый, осуществляемый не по доброй воле, насильно, по принуждению, а прилагательного «искусственный» – как подобный природному, заменяющий что-либо естественное [8]. При этом представляется очевидным, что в абсолютном большинстве случаев искусственное кормление осужденного, объявившего голодовку и не прекратившего ее вплоть до возникновения у него состояния угрозы жизни, осуществляется вопреки воле такого осужденного и с использованием тех или иных методов принуждения (то есть по своей сути является принудительным). Именно это обстоятельство, а не тот факт, что подобная медицинская манипуляция заменяет собой естественный способ питания, является ключевым признаком рассматриваемого явления, характеризующим его с юридической, а не с медицинской точки зрения. В этой связи именно термин «принудительное питание» лучше всего отражает содержание правового института, установленного в ч. 4 ст. 101 УИК РФ.

Во-вторых, вопреки позиции И. А. Давыдовой, И. Н. Коробовой и А. Н. Сирякова использование в национальном законодательстве термина «принудительное питание» не исключает возможность при-

ведения рассматриваемого правового института в соответствие с требованиями международных правовых актов, в том числе требованием о недопустимости унижающего достоинство обращения с осужденными. Так, в зарубежной литературе отмечается, что содержание термина «принудительное питание», используемого в решениях ЕСПЧ, не отличается существенно от содержания термина «искусственное кормление», используемого в документах Всемирной медицинской ассоциации. Так, указывая в текстах своих решений на недопустимость использования некоторых насильственных методов кормления и необходимость ограничения области применения искусственного кормления осужденных исключительно случаями возникновения угрозы их жизни, Европейский суд использует термин «принудительное питание» (force-feeding) в отношении тех случаев кормления осужденных, осуществляемого против их воли, которые суд счел отвечающими требованиям Европейской конвенции о правах человека [9, с. 29].

Таким образом, включение в отечественное пенитенциарное законодательство термина «искусственное кормление» может быть признано целесообразным лишь в случае фундаментального изменения отечественного подхода к регулированию рассматриваемой проблемы и полного отказа от принудительного питания осужденных, осуществляемого против их воли, то есть в случае приведения национального законодательства в соответствие с требованиями Всемирной медицинской ассоциации (участником которой Российская Федерация не является). Однако являются ли подобные фундаментальные изменения необходимыми для России?

Ответ на данный вопрос необходимо начать с исследования мотивов, побудивших Всемирную медицинскую ассоциацию дать рекомендацию о полном запрете принудительного питания осужденных, осуществляемого против их воли. Анализ текстов Токийской и Мальтийской деклараций ВМА позволяет выделить два таких мотива.

Во-первых, запрет на принудительное кормление (равно как и любое иное лечение) осужденных, осуществляемое против их воли, рассматривается ВМА в качестве гарантии реализации права осужденных на достоинство личности. Так, в п. 7 Токийской декларации ВМА прямо говорится о том, что «основополагающая функция врача состоит в облегчении страданий себе подобных, и никакие побуждения личного, общественного или политического характера не могут преобладать над этой важнейшей задачей» [5].

Та же логика (упор на необходимость соблюдения достоинства личности) прослеживается и в Мальтийской декларации ВМА (п. 20), прямо указывающей на то, что «с этической точки зрения лучше позволить человеку умереть достойно (курсив наш. – С. А.), чем подвергать его неоднократным вмешательствам против его воли» [7].

Вторым побудительным мотивом, учет которого при выработке рекомендаций ВМА явно прослеживается при изучении текстов рассматриваемых деклараций, послужила необходимость уважения автономии воли осужденного. Так, в п. 5 Мальтийской декларации ВМА говорится следующее: «Врачи должны уважать автономию (курсив наш. – С. А.) лиц, способных к принятию самостоятельных решений, даже если это, как ожидается, приведет к причинению вреда» [7].

Следует отметить, что приведенный подход, основанный на приоритетной охране достоинства и автономии воли осужденного, весьма распространен в зарубежной литературе. При этом совсем не случайным является то, что описанная выше позиция о необходимости полного запрета принудительного кормления осужденных, осуществляемого помимо их воли, возникла именно во Всемирной медицинской ассоциации, то есть в рамках профессионального объединения врачей (международной неправительственной организации). Так, исследователи справедливо отмечают, что приведенные принципы проистекают в основном из исследований в области биоэтики, а не юриспруденции, и отнюдь не в полной мере отражаются в национальных законодательствах и практике межгосударственных органов [10, с. 15].

Так, изучение практики ЕСПЧ, список стран – участниц которого во многом перекликается со списком государств, представители которых участвуют в деятельности ВМА, позволяет сделать вывод о невозможности разрешения рассматриваемой проблемы исключительно с опорой на наличие у человека прав на достоинство личности, личную неприкосновенность и автономию воли в отрыве от охраны других прав и свобод, предусмотренных Европейской конвенцией 1950 г., в частности права на жизнь, гарантированного ст. 2 указанной конвенции.

Так, вопрос о допустимости принудительного питания осужденных с точки зрения соблюдения требований ЕКПЧ являлся предметом рассмотрения Европейской комиссии по правам человека (предшественницы Европейского суда) еще в 1984 г. в рамках дела «Х. против Германии». В своем решении Европейская комиссия не стала отрицать тот факт, что принудительное питание осужденных содержит в себе элементы, унижающие достоинство личности. Одновременно с этим комиссия указала на неизбежность возникновения в таких ситуациях противоречия между правом лица на личное достоинство и физическую неприкосновенность и вытекающей из ст. 2 Конвенции обязанности государства – участника Конвенции по совершению позитивных действий, направленных на спасение жизни лица, помещенного в пенитенциарное учреждение. По результатам рассмотрения дела комиссия пришла к выводу, что,

осуществляя принудительное питание осужденного, власти Германии «действовали исключительно в интересах заявителя», и признала данную практику не противоречащей требованиям Европейской конвенции [11].

В еще более категоричной форме позицию о приоритете обязанности государства по сохранению жизни осужденного (ст. 2 Европейской конвенции) перед соблюдением права осужденного на достоинство личности (ст. 3 Европейской конвенции) ЕСПЧ высказал в 2005 г. при рассмотрении дела «Невмержицкий против Украины» (п. 94): «Мера, которая является терапевтически необходимой с точки зрения общепризнанных принципов медицины в принципе не может рассматриваться как бесчеловечная и унижающая человеческое достоинство. То же самое можно сказать и о принудительном кормлении, направленном на спасение жизни конкретного заключенного, который отказывается принимать пищу» [12].

Стоит отметить, что столь твердую позицию относительно возможности нарушения автономии воли и личной неприкосновенности осужденных, в том числе с использованием методов, содержащих в себе унижающие человеческое достоинство элементы, ЕСПЧ занял в том числе ввиду того, что суд последовательно отстаивает позицию относительно возложения на государство повышенной ответственности за жизнь и здоровье лиц, находящихся в учреждениях пенитенциарной системы. Так, например, упоминания об «особой ответственности» государства за благополучие таких лиц и «более жестких обязательствах» государства по защите их жизни можно найти в тексте Постановления Европейского суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» (п. 14) [13].

Следует отметить, что приведенная позиция о повышенной ответственности государства за сохранение жизни и здоровья лиц, помещенных в пенитенциарные учреждения, как одном из оснований для существования в законодательстве института принудительного питания осужденных, применяемого против их воли, находит свое отражение и в отечественной литературе: «По общему правилу это право каждого человека – принимать решение самостоятельно, хочет он жить или нет, хочет он есть или нет. Однако, изолируя преступника от общества и помещая его в специальное учреждение, государство берет на себя обязанность не только исполнить наказание, но и сохранить при этом его здоровье» [4, с. 41].

Равным образом в отечественном правопорядке (в том числе в международных актах, участниками которых Российская Федерация является) находит свое отражение и позиция о том, что самого факта причинения осужденному лицу физических либо нравственных страданий еще недостаточно для вывода о нарушении права на достоинство личности такого лица, в том числе для вывода, что в отношении данного лица применяется пытка.

Так, в ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания 1984 г. под пыткой понимаются «действия, которыми какому-либо лицу умышленно причиняется сильная

боль или страдание, физическое или нравственное». При этом в той же статье Конвенции оговаривается, что «в определение пытки не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимых от этих санкций или вызываемых ими случайно».

Равным образом ст. 7 УК РФ, раскрывающая содержание принципа гуманизма, указывает на то, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, *не могут иметь своей целью* (курсив наш. – С. А.) причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Толкование приведенных положений позволяет понять, что, как физические страдания, так и действия, в той или иной степени унижающие человеческое достоинство, являются имманентной составляющей такого вида уголовного наказания, как лишение свободы. Исполнение значительной части норм, образующих собой режимные требования к осужденным к лишению свободы (например, ограничение свободы передвижения пределами одной камеры (для осужденных, содержащихся в помещениях камерного типа), ношение одежды установленного образца, необходимость регулярно подвергаться личному досмотру), причиняет осужденным как физические, так и нравственные страдания. Однако данные режимные требования не рассматриваются в качестве мер, посягающих на личное достоинство осужденных, поскольку цель существования данных норм в уголовно-исполнительном законодательстве состоит не в причинении осужденным таких страданий, а в достижении установленных законом целей наказания.

Вышеизложенное в совокупности свидетельствует о том, что факт причинения осужденному к лишению свободы, отказавшемуся принимать пищу, физических либо нравственных страданий в ходе принудительного питания, имеющего целью сохранение ему жизни, не может рассматриваться в качестве нарушения права на достоинство личности, а потому не должен становиться поводом для исключения института принудительного питания, осуществляемого против воли осужденного, из отечественного законодательства.

Схожий вывод можно сделать и относительно аргумента о том, что принудительное питание нарушает автономию воли осужденного.

Так, В. И. Селиверстов справедливо указывает на то, что отечественное уголовно-исполнительное законодательство исходит из патерналистского (отцовского) подхода государства к своим гражданам (применительно к уголовно-исполнительному праву – к осужденным), что ярко проявляется в провозглашении исправления осужденных (то есть формирования у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирования их правопослушного поведения) в качестве одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства [14, с. 407].

Вместе с тем следует отметить, что закрепление исправления осужденных в качестве основной цели

уголовно-исполнительного законодательства в ч. 2 ст. 1 УИК РФ в полной мере соответствует требованиям международных правовых актов, участником которых является Российская Федерация. Так, ч. 3 ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. устанавливает, что «пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание». Поэтому сохранение исправительной направленности отечественного уголовно-исполнительного законодательства исключает возможность отказа от института принудительного питания осужденных, применяемого против их воли.

Так, провозглашая исправление осужденных в качестве одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства и установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим) в качестве одного из основных средств исправления осужденных, государство существенно ограничивает действие автономии личности в пенитенциарной сфере. Режимные требования почти всеобъемлющим образом регламентируют жизнедеятельность осужденных к лишению свободы, не предполагая при этом необходимость учета воли осужденного относительно соблюдения данных требований. В этом смысле тот факт, что принудительное питание осужденных к лишению свободы осуществляется вне зависимости от воли самих осужденных, в полной мере вписывается в общую модель правоотношений, сложившихся между осужденными и сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы.

При этом целый ряд исследователей-пенитенциаристов указывают на то, что сознательный отказ осужденного к лишению свободы от приема пищи нарушает собой режим отбывания наказания со стороны осужденного [15, с. 81; 16, с. 221; 17, с. 119]. Вне зависимости от того, образует ли отказ от приема пищи нарушение какого-либо конкретного положения режимных требований, представляется очевидным, что непринятие мер, направленных на предотвращение смерти осужденного, отказывающегося принимать пищу, исключает возможность дальнейшего достижения цели его исправления.

Таким образом, факт нарушения автономии воли осужденного, подвергающегося принудительному питанию, не входит в противоречие с основополагающими положениями отечественного уголовно-исполнительного права, основанного на патерналистском подходе и сохраняющего исправительную направленность по отношению к осужденным.

Вышеизложенное в совокупности позволяет понять, что ни возможность причинения физических либо нравственных страданий осужденным, подвергаемым принудительному питанию, ни нарушение их личностной автономии не могут служить достаточными аргументами для исключения положения о принудительном питании осужденных, отказывающихся от приема пищи, вне зависимости от направленности их воли из отечественного законодательства. В этой связи замена используемого в ч. 4 ст. 101 УИК РФ термина «принудительное питание» на термин «ис-

кусственное кормление», приведенный в документах Всемирной медицинской ассоциации, также является нецелесообразной.

Выводы

Термин «искусственное кормление» по своей природе является медицинским (неправовым) и может обозначать несколько возможных способов питания человека неестественным путем как запрещенных международными актами, так и разрешенных ими. При этом в Мальтийской декларации ВМА, специально регулирующей действия врачей в ситуациях, когда осужденные отказываются принимать пищу, под принудительным питанием понимается любое искусственное кормление осужденного, осуществляемое помимо его воли. В этой связи включение в УИК РФ термина «искусственное кормление» без изменения существа отечественного регулирования рассматриваемой проблемы является нецелесообразным, поскольку такое изменение все равно не позволит

обеспечить соответствие отечественного законодательства рекомендациям ВМА, а термин «искусственное кормление» не способен в полной мере передать смысл установленного в ч. 4 ст. 101 УИК РФ института. Несмотря на то что принудительное питание может причинять осужденным физические и нравственные страдания, а также посягать на автономию их личности, фундаментальное изменение существующего регулирования и исключение из законодательства возможности принудительного питания осужденных, осуществляемого помимо их воли, также должны быть признаны нецелесообразными, поскольку существование института принудительного питания в отечественной правовой системе направлено на обеспечение исполнения государством своей обязанности по охране жизни и здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, и достижение цели исправления осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдова И. А., Коробова И. Н., Сиряков А. Н. Права осужденных и принудительное питание: национальные и международные подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 1. С. 142–157.
2. Селиверстов В. И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1. С. 19–29.
3. Заявление МИД РФ «О запуске процедуры выхода из Совета Европы» от 15.03.2022. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1804379&lang=ru> (дата обращения: 29.06.2024).
4. Принудительное питание осужденных к лишению свободы / под науч. ред. А. П. Скибы ; под общ. ред. А. А. Крымова. М., 2018. 175 с.
5. WMA Declaration of Tokyo – Guidelines for Physicians Concerning Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment in Relation to Detention and Imprisonment. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-tokyo-guidelines-for-physicians-concerning-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading-treatment-or-punishment-in-relation-to-detention-and-imprisonment/> (дата обращения: 09.06.2024).
6. WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 57th WMA general Assembly, October 2006). URL: https://elearning.icrc.org/detention/en/story_content/external_files/Malta%20Declaration.pdf (дата обращения: 09.06.2024).
7. WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 68th WMA general Assembly, October 2017). URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-malta-on-hunger-strikers/> (дата обращения: 09.06.2024).
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000. 1210 с.
9. Elkayam-Levy C. Facing the Human Rights Challenge of Prisoners' and Detainees' Hunger Strikes at the Domestic Level: Guidance for Policy-Makers, Government Officials, and Legal Advisors in the Management of Hunger Strikes. URL: <https://archive.org/details/facing-the-human-rights-challenge-of-pri/page/2/mode/2up> (дата обращения: 23.06.2024).
10. Garcíá-Guerrero J. Hunger-striking in prisons: ethics and the ethical and legal aspects // Revista Española de Sanidad Penitenciaria. 2013. Vol. 15, no. 1. Pp. 8–15.
11. Постановление по делу «X. против Германии» // Британский сборник постановлений и решений Европейского суда по правам человека EHRR. 1984. Т. 7. С. 152.
12. Постановление по делу «Невмержицкий против Украины» (жалоба № 54825/00). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%3A%3A%5B%5D%2C%22itemid%3A%3A%5B%5D%7D> (дата обращения: 23.06.2024).
13. Постановление по делу «Претти против Соединенного Королевства» (жалоба № 5129/03). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/ru#%7B%22fulltext%3A%3A%5B%5D%7D> (дата обращения: 23.06.2024).
14. Селиверстов В. И. Исправление или ресоциализация осужденных: спор о терминах или изменение сущности // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы. М., 2016. С. 399–409.
15. Новиков Е. Е. О некоторых особенностях правового положения осужденных, в отношении которых применяется принудительное питание // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2 (28). С. 79–87.
16. Скиба А. П., Родионов А. В. Правовое положение осужденных к лишению свободы при их принудительном питании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 216–234.
17. Шаповалов В. С. О некоторых аспектах проблемы принудительного питания осужденных // Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Псков, 2021. С. 115–120.

REFERENCES

1. Davydova I.A., Korobova I.N., Siryakov A.N. Rights of convicted person in forced feeding: national and international approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, no. 1, pp. 142–157. (In Russ.).

2. Seliverstov V.I. Enhancing the penal legislation in modern conditions: key factors and directions. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 19–29. (In Russ.).
3. Zayavlenie MID RF “O zapuske protsedury vykhoda iz Soveta Evropy” ot 15.03.2022 g. [Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation “On launching the procedure for withdrawal from the Council of Europe” of March 15, 2022]. Available at: <https://www.mid.ru/tv/?id=1804379&lang=ru> (accessed June 29, 2024).
4. *Prinuditel'noe pitanie osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Forced feeding of persons sentenced to imprisonment]. Moscow, 2018. 175 p.
5. *WMA Declaration of Tokyo – Guidelines for Physicians Concerning Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment in Relation to Detention and Imprisonment*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-tokyo-guidelines-for-physicians-concerning-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading-treatment-or-punishment-in-relation-to-detention-and-imprisonment/> (accessed June 9, 2024).
6. *WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 57th WMA General Assembly, October 2006)*. Available at: https://elearning.icrc.org/detention/en/story_content/external_files/Malta%20Declaration.pdf (accessed June 9, 2024).
7. *WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 68th WMA general Assembly, October 2017)*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-malta-on-hunger-strikers/> (accessed June 9, 2024).
8. Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation]. Moscow, 2000. 1,210 p.
9. Elkayam-Levy Cochav. Facing the human rights challenge of prisoners' and detainees' hunger strikes at the domestic level: guidance for policy-makers, government officials, and legal advisors in the management of hunger strikes (September 10, 2015). *Harvard International Law Journal*, vol. 57, 2015.
10. J Garci -Guerrero. Hunger-striking in prisons: ethics and the ethical and legal aspects. *RevEspSanidPenit*, 2013, no. 15, pp. 8–15.
11. Ruling on the case “H. v. Germany” (1984). In: *Britanskii sbornik postanovlenii i reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka EHRR* [British collection of judgments and decisions of the European Court of Human Rights]. vol 7. P. 152. (In Russ.).
12. *Postanovlenie po delu “Nevmerzhtskii protiv Ukrainy” (zhaloba No. 54825/00)* [Ruling on the case “Nevmerzhtskii v. Ukraine” (complaint No. 54,825/00)]. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"appno":\["54825/00"\],"itemid":\["001-68715"\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (accessed June 23, 2024).
13. *Postanovlenie po delu “Pretti protiv Soedinennogo Korolevstva” (zhaloba No. 5129/03)* [Ruling on the case “Pretty v. the United Kingdom” (complaint No. 5,129/03)]. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/ru#{"fulltext":\["Pretty"\]](https://hudoc.echr.coe.int/ru#{) (accessed June 23, 2024).
14. Seliverstov V.I. Correction or re-socialization of convicts: dispute about terms or a change in essence. In: *Shestoï Permskii kongress uchenykh-yuristov: Izbrannye materialy* [Sixth Perm Congress of Legal scientists: Selected materials]. Moscow, 2016. Pp. 399–409. (In Russ.).
15. Novikov E.E. features of the legal status of convicts, in respect of whom forced feeding is used. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*. 2018, no. 2 (28), pp. 79–87. (In Russ.).
16. Skiba A.P., Rodionov A.V. Legal status of prisoners sentenced to deprivation of freedom during forced feeding. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Higher School of Economics Journal*, 2018, no. 4, pp. 216–234. (In Russ.).
17. Shapovalov V.S. On some aspects of the problem of forced feeding of convicts. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Current issues of ensuring the security of the penal system]. Pskov, 2021. Pp. 115–120. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИН – магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

SERGEI A. AVDYUKHIN – Master's Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Статья поступила 30.06.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.009

Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (особенности уголовного преследования лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение)

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nikita_kolokolov@mail.ru

Реферат

Введение: в настоящей публикации продолжается начатое в двух предыдущих номера журнала исследование парной категории «значительное – малозначительное» в уголовном праве, которое осуществляется через призму требований, предъявляемых обществом к уголовному судопроизводству. *Цель:* анализ вопросов юридической ответственности и межотраслевой ее дифференциации за мелкое хищение, сущности институтов значительности и малозначительности в уголовном праве в призме концепта нулевой терпимости к правонарушению, разработка конкретных научно-практических рекомендаций для законодателя и правоприменителя. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, диалектического познания, анализ и синтез. *Результаты:* подробно изучена уголовно-правовая доктрина, касающаяся категории размера похищенного: значительного, крупного и особо крупного. Критическому анализу подвергнута как романтическая концепция периода оттепели – «все дела о малозначительных преступлениях передать в товарищеские суды», так и сравнительно молодой для современной России институт нулевой терпимости к лицам, наказанным за квалифицированное мелкое хищение по правилам КоАП РФ (ч. 2 ст. 7.27). Предпринята попытка охарактеризовать сущность общественной опасности преступлений в сфере повторного (неоднократного, серийного) мелкого хищения. Осуществлен анализ различных подходов к определению характера и степени уровня общественной опасности преступлений, совершенных лицами, уже наказанными за совершение мелкого хищения. Также предпринята попытка провести условную градацию общественной опасности анализируемой и далеко не однородной категории преступлений в зависимости от общественной опасности предмета посягательств. В том числе отражены некоторые новые идеи дифференциации предмета рассматриваемых преступлений. В последующих статьях серии будет предложен материал исследования практики применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, содержащейся в решениях Первого кассационного суда общей юрисдикции и предметный анализ рационального и иррационального в отнесении тех или иных действий к категории уголовно наказуемых деяний, изучение результатов мониторинга практики применения ст. 158.1 УК РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а : малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ); парные категории; уголовное право; фундаментальный принцип права; свобода судейского выбора; общественная опасность; наказательное право; правонарушение; правонарушение, предусмотренное КоАП РФ; уголовный проступок; виртуальная (предполагаемая) польза наказания; реальный социальный вред наказания; судебная практика; единство судебной практики.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (особенности уголовного преследования лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 297–310. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.009.

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Features of Criminal Prosecution of Persons Subject to Administrative Punishment for Petty Theft)

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: this publication continues the research of the paired category “significant – insignificant” in criminal law carried out through the prism of the requirements the society imposes on criminal proceedings and presented in previous issues of the journal. *Purpose:* to analyze issues of liability and its intersectoral differentiation for petty theft, consider the essence of institutions of “significance” and “insignificance” in criminal law through the prism of the concept of “zero tolerance” to the offense, and develop specific scientific and practical recommendations for legislators and law enforcement officers. *Methods:* historical, comparative legal, dialectical cognition, analysis and synthesis. *Results:* the criminal law doctrine concerning the category of the size of the stolen (“significant”, “large” and “especially large”) is studied. The author analyzes a romantic concept of the “Thaw” period, such as “to transfer all cases of minor crimes to comrades’ courts”, and relatively young institution of “zero tolerance” for persons punished for qualified petty theft according to the rules of the Administrative Code of the Russian Federation (Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation). The author tries to characterize the essence of public danger of crimes in the field of repeat petty theft. Various approaches to determining the nature and degree of levels of public danger of crimes committed by persons already punished for committing petty theft are analyzed. An attempt is also made to carry out a conditional gradation of public danger of the analyzed and heterogeneous category of crimes, depending on public danger of the object of encroachment. The author, among other things, reflects some new ideas of differentiation of the subject of the crimes under consideration. Subsequent articles will present results of the study of the practice of applying provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation contained in the decisions of the First General Jurisdiction Court of Cassation, a substantive analysis of rational and irrational in classifying certain actions as criminally punishable acts, as well as results of the author’s monitoring of the practice of applying Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: insignificance of the act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Kolokolov N. A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Features of Criminal Prosecution of Persons Subject to Administrative Punishment for Petty Theft). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 298–310. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.009.

Введение

Как отмечалось в предыдущих публикациях [1; 2], институт малозначительности все еще не получил не только надлежащего оформления в теории права, но и далеко не всегда правильно воспринимается практиками.

Известному физико-профессору Л. Больцману приписывают утверждение «нет ничего практичнее хорошей теории». В то же время все признают, что «хорошая теория» должна не только доходчиво объяснять существующие явления, но и уметь предсказывать результат не произведенного пока эксперимента. Также известно выражение: «практика – критерий научной истины».

При этом текущее понимание проблемы (знание) следует отличать от «блаженного послезнания» («знания задним числом») – когнитивного восприятия событий, которые уже когда-то произошли, «нового» знания. Зачатую эти новые знания, как говорится, камня на камне не оставляют от некогда «хорошей практической теории». Специалисты в области уголовного права прекрасно знают, сколько было хороших теорий в сфере борьбы с малозначительными, казалось бы, второстепенными преступлениями.

Как в этой связи не вспомнить постановление ЦК КССС и Совета Министров СССР от 02.03.1959 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», авторы которого, вооружившись «хорошей марксистской теорией», пришли к скоропалительному выводу, что коллективы трудящихся в период развернутого строительства коммунизма имеют реальную возможность успешно бороться с мелкими правонарушителями, к числу которых тогда причислялись и лица, виновные в совершении мелких хищений [3, с. 45]. Иными словами, в те годы не только общество, но и представляющее его государство были вполне терпимы к мелким правонарушителям, которых согласно «хорошей», научно обоснованной и «единственно верной теории» по правилам УК РСФСР наказывать было совсем необязательно, считалось, что достаточно «пожурить» виновных на общем собрании коллектива.

Прошло полвека, на смену вышеописанной теории пришла другая – концепция нулевой терпимости к лицам, специализирующимся на совершении мелких хищений. Сущность данной теории – лица, подвергнутые административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 2.27 КоАП РФ (то есть государством официально предупреждены, что красть нельзя), несут уголовную ответственность уже за любое мелкое хищение чужого имущества: диспозиция ст. 158.1 УК РФ, которой действующий кодекс был дополнен 3 июля 2016 г. (323-ФЗ).

Как данная новелла соотносится с ч. 2 ст. 14 УК РФ, законодатель умалчивает, нет серьезных исследований по данному вопросу и в теории уголовного права. В то же время отметим, что законодатель, провозгласив в 2016 г. в Особенной части УК РФ обязательную уголовную ответственность за любое мелкое хищение в условиях административной преюдиции, во-

шел в противоречие со своим же базовым посылом, содержащимся в Общей части УК РФ, согласно которому не является преступлением деяние, формально содержащее признаки деяния, описанного в Особенной части УК РФ.

Сравнительный анализ разнообразных практик применения ст. 158.1 УК РФ и ч. 2 ст. 14 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что органы, осуществляющие предварительное расследование, и прокуроры в некоторых случаях толкуют ст. 158.1 буквально – размер похищенного никакого значения для квалификации не играет. Впрочем, с данной позицией суды далеко не всегда соглашаются, в связи с этим некоторые, пусть и сравнительно небольшой, объем уголовных дел, возбужденных по ст. 158.1, прекращается на этапе судебного разбирательства в виду малозначительности содеянного, за отсутствием состава преступления.

Однозначно, такой подход к решению проблемы трудно назвать государственным, ибо получается, что не мелкий правонарушитель должен «отслужить» государству, а само государство, ну а вместе с ним и все наше общество, что-то должны этому правонарушителю, как минимум, компенсацию морального вреда.

Об актуальности затронутой проблематики свидетельствует тема состоявшегося в МГУ им. М. В. Ломоносова XIV Российского конгресса уголовного права (Москва, 30–31 мая 2024 г.) – «Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии». Вопросам, касающимся уяснения понятия «общественная опасность», в частности, были посвящены выступления наших ведущих правоведов – профессоров А. В. Наумова, А. Н. Рарога и Т. В. Кленовой.

Поскольку, по стойкому убеждению законодателя, определение размера похищенного в вопросах квалификации хищения может играть решающее значение, то сначала попробуем разобраться в сущности концепта «размер».

Размер хищения: эволюция воззрений законодателя в 1996–2024 гг.

Действующий уголовный закон, регламентирующий наступление ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ), а равно другие формы хищения, перечисленные в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности», как правило, весьма жестко, с точностью до копейки, привязывает конкретный состав противоправного деяния и, соответственно, санкцию за содеянное к ущербу (п. «в» ч. 2 ст. 158) и размеру (ч. 3 и 4 ст. 158), то есть стоимости, цене похищенного в конкретный момент времени, выраженных в рублях.

Изначально, с 1 января 1997 г. (дата введения УК РФ в действие) по 10 декабря 2003 г., размер этот выражался в МРОТ. С 1991 г. до момента деноминации рубля в 1998 г. МРОТ повышался 17 раз. На первое января 1997 г. анализируемая величина равнялась 83 490 руб., с 1 января 1998 г. в результате деноминации эта сумма (83,49 руб.) вдруг оказалась в пять раз меньше установленного к тому периоду времени прожиточного минимума – 450 руб.

При этом особо следует подчеркнуть, что в 1970–1980 гг. порог наступления уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества был определен в 50 руб. – сумму, соизмеримую с минимальным доходом граждан (примерно 60 руб.) в месяц. Следовательно, УК РФ ужесточил наказание за хищение примерно в пять раз. Согласно первым редакциям ст. 158 УК РФ несовершеннолетнему, разбившему стекло киоска и совершившему из него кражу, например флакона дезодоранта (п. «в» ч. 2 УК РФ в ред. с 01.01.1997 по 03.11.2002), грозило наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 6 лет со штрафом (согласно ст. 15 УК РФ – тяжкое преступление).

Лица, судимые более двух раз за аналогичные преступления (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ), подлежали безальтернативному наказанию в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет с возможной конфискацией имущества. Сроки свыше 6 лет лишения свободы назначались лицам (в том числе и пожилым женщинам), которые в современном понимании совершили мелкие кражи продуктов и, по большому счету, вся их вина заключалась в том, что в период перестройки они не смогли найти свое место в обществе.

Согласно п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ 01.01.1997 крупным размером признавалась стоимость имущества, превышающая МРОТ в 500 раз (83,49х500) – 41 745 руб.

Понятие «особо крупный размер» на тот период времени в уголовном законе отсутствовало. Что касается размера мелкого хищения, то с начала 1990-х гг. фактически на пару десятилетий данная величина – порог наступления уголовной ответственности за хищение, замерла на цифре 100 руб. И только 16 мая 2008 г. по инициативе депутата Государственной Думы Российской Федерации А. Н. Волкова она была увеличена в десять раз. С этого момента порог наступления уголовной ответственности ст. 7.27 КоАП РФ сначала был равен 1000 руб., а с появлением ч. 2 ст. 2.27 УК РФ вырос до 2500 руб.

В 2003 г. институт преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ) в рамках общей модернизации кодекса 1996 г. (ФЗ-162 от 08.12.2003) претерпел первый серьезный ребрендинг. В этот поворотный для истории отечественного уголовного права момент авторы обновленного закона «похоронили» десятилетиями разрабатывавшиеся их предшественниками концепты повторности и неоднократности.

Не лишним будет напомнить, что в 1996 г. авторы УК РФ также отказались от концепта «особо опасный рецидивист», заменив его на «рецидив». В этой связи судебной системе вменялось в обязанность с 1 января 1997 г. в оперативном порядке по правилам ст. 10 УК РФ пересмотреть все предыдущие приговоры в отношении особо опасных рецидивистов.

Согласно ч. 3 ст. 89 УК РСФСР 1960 г. кража, совершенная особо опасным рецидивистом (по существу квалифицированная разновидность неоднократности), наказывалась лишением свободы от 5 до 15 лет. Термин «особо опасный рецидивист» без раскрытия понятия был введен в отечественное уголовное законодательство 25 декабря 1958 г. – Основы уголовного

законодательства Союза ССР и союзных республик, 11 июля 1969 г. Основы были дополнены ст. 23.1 «Особо опасный рецидивист», после чего 11 ноября соответствующая статья (ст. 24.1) появилась в УК РСФСР и УК других союзных республик.

Авторы этой идеи исходили из того, что существуют априори неисправимые лица, которых из мест лишения свободы лучше не выпускать. В 1980–1990-х гг. в производстве автора находилось некоторое количество уголовных дел в отношении особо опасных рецидивистов, специализировавшихся на совершении мелких хищений. Запомнился один из них по фамилии Коркодел, который впервые уголовному наказанию в виде лишения свободы был подвергнут в 12-летнем возрасте в 1948 г. (в Советском Союзе с 7 апреля 1935 г. действовало Постановление СНК СССР и ЦИК СССР № 3/598 «О мерах борьбы с преступлениями среди несовершеннолетних», а также соответствующие изменения в УК РСФСР 1926 г., пока 13 апреля 1959 г. все эти однозначно одиозные акты были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР). По делу Коркодела было установлено, что к 1 мая 1985 г. (момент задержания) на свободе он находится только 1 год 3 месяца и 23 дня. Будучи освобожденным из мест лишения свободы с отличными характеристиками и имея на руках честно заработанные в ИТК 700 руб., Коркодел уже совсем без денег в канун майских праздников прибыл в соответствующий РОВД г. Кишинева, чтобы встать под гласный административный надзор. Заместитель начальника ОУР И. Кириков дал бывшему осужденному 5 руб., чтобы тот смог сфотографироваться и оформить паспорт. Кроме того, этот же сотрудник милиции лично устроил Коркодела на завод, нашел ему место в общежитии. На следующий день Коркодел совершил покушение на открытое мелкое хищение личного имущества (сумка, не имеющая потребительской стоимости, со старым ржавым плотницким инструментом), оцененного собственником в 15 руб. Как в этой связи не вспомнить ответ одного из осужденных на вопрос профессора Г. А. Кригера, почему он вновь и вновь совершает преступления, – «слишком суровые условия жизни на свободе».

В предыдущей публикации мы уже отмечали, что еще профессор Н. С. Таганцев, рассуждая в 1887 г. о феномене «преступление», отмечал такие его обязательные характеристики, как «проявление личности» и «предмет антропологии» [4]. Казалось бы, вот она хорошая теория, в которой содержатся ответы на многие вопросы современности, вот оно учение, апробированное временем. Однако история распорядилась по-другому, мудрые заветы Николая Степановича лишь попусту пропали [5].

УК РФ разрабатывался в совершенно другое время: сама по себе отпала необходимость разрушать «весь мир до основания». Тем не менее авторы кодекса поставили задачу разрушить многое из концептов своих предшественников.

Для примера, их коллеги по цеху, сосредоточившиеся с конца 1980-х г. на модернизации уголовного процесса, настолько прониклись идеями Устава

уголовного судопроизводства 1864 г., так внимательно вчитались в труды процессуалистов XIX в., что будущее узрели исключительно в глубоком прошлом. В частности, профессор Л. В. Головкин совсем недавно заявил: «Я бы задумался о восстановлении логики институтов уголовного процесса, и это даже не требует обращения в чистом виде к французскому праву, достаточно – к Судебным уставам 1864 года и советскому праву» [6]. Насколько эффективен и жизнеспособен лозунг «Вперед в прошлое» в организации уголовного судопроизводства, судить читателю.

Мы же в очередной раз только подчеркнем, что Н. С. Таганцев рассматривал преступление как явление системное, в то время как авторы УК РФ выхватили из этого целого только один элемент (деяние) и принялись конструировать из него антисистему – «новое видение общеизвестных феноменов и проблем» [7, с. 5].

Продолжим анализ категорий значимости и малозначительности в современном уголовном праве России.

Значительный ущерб гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Согласно п. 2 примечания к ст. 158 значительный ущерб гражданину в статьях гл. 21 «Преступления против собственности» (за исключением ч. 5 ст. 159) определяется с учетом его имущественного положения (оценочная категория – законная сфера судейского усмотрения), при этом таковой не может быть менее 5000 руб. (ред. от 03.07.2016 № 323-ФЗ). То есть в текущий момент «значимое» равно всего лишь двукратному размеру квалифицированного «малозначимого».

Для сравнения, по личным наблюдениям автора, в 1980-е гг. кражи личного имущества граждан (за исключением карманных) на сумму до 5 руб. в книгах учета преступлений даже при наличии конкретного подозреваемого, как правило, не регистрировались.

Поскольку действующий уголовный закон к неизбежным в современных условиях инфляционным процессам практически никак не привязан, то, с одной стороны, можно с уверенностью констатировать постепенное с 2016 г. по 2024 г. четырехкратное ужесточение ответственности, например за тайное хищение, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. С другой стороны, юридико-техническая конструкция закона не только существенно расширяет пределы законного усмотрения следователя, прокурора и суда в рамках толкования понятия «имущественное положение потерпевшего».

Однако, как показывает судебная практика, вовсе не исключаются перспективы признания содеянного виновным в виде хищения на сумму свыше 5000 руб. чем-то предельно малозначительным.

Именно так, согласно кассационному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2023 № 39-УДП23-2-К1, коллегия расценила действия оператора АЗС гр. С., которая обманным путем похитила у потребителя 5300 руб. Впрочем, содеянное С. первоначально ошибочно было квалифи-

цировано по ч. 3 ст. 159 УК РФ – мошенничество, совершенное лицом с использованием служебного положения. Суд второй инстанции переквалифицировал действия виновной на ч. 1 ст. 159 УК РФ. С данным решением согласился и Первый Кассационный суд общей юрисдикции. Именно на такой квалификации содеянного настаивал и прокурор Генеральной прокуратуры Российской Федерации при рассмотрении дела во второй кассации. Вместе с тем из уголовного дела в отношении С. изначально усматривалось, что при получении от потерпевшего денег на возможный ремонт заправочного узла корыстный мотив у виновной отсутствовал. Ответа на вопрос, когда корыстный мотив возник у С. и как он был реализован, в деле не было. В такой ситуации Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, не усмотрев нужды в углубленном изучении заведомо малозначительного социального конфликта, сочла за благо уголовное дело прекратить за отсутствием состава преступления [8].

Крупный и особо крупный размер. Согласно п. 4 примечания 2 к ст. 158 УК РФ крупным размером в статьях гл. 21 (за исключением ч. 6 и 7 ст. 159, ст. 159.1 и 159.5) признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. руб., а особо крупным – один миллион рублей (в ред. от 23.04.2018 № 111-ФЗ).

Есть все основания полагать (системный анализ пояснительных записок к соответствующим законопроектам), что приведенные в исследуемом примечании величины и ущерба, и обоих размеров – категории субъективные, были взяты законодателем «на вырост», экономического обоснования нет, и нуждаются в пересмотре.

Неслучайно некоторые ученые критикуют избранный законодателем вариант отнесения ряда преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ) к категории тяжких, по которым может быть назначено наказание до 6 лет лишения свободы (например, ч. 3 ст. 158), до 10 лет лишения свободы (например, ч. 4 ст. 158 УК РФ), в то время как максимум наказания за неквалифицированное умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111) не превышает 8 лет лишения свободы.

Трудно не согласиться с адвокатом К. И. Скловским, который по этому поводу писал: «Вор не тем лучше душегуба, что он достоин уважения, а тем, что он безопаснее» [9]. Аналогичную мысль в «Письмах к римскому другу» высказал и поэт Иосиф Бродский: «Говоришь, что все заместники – воруи? Но воруи мне милей, чем кровопийца».

Помнится, авторы УК РФ утверждали, что закон, в первую очередь, должен защитить жизнь и здоровье человека. Мы же наблюдаем, что причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109) наказывается лишением свободы до двух лет, в то время как лицо, совершившее кражу личного имущества на сумму свыше 5000 руб. (преступление средней тяжести), может быть подвергнуто наказанию до 5 лет лишения свободы [10, с. 83–86].

Вышеприведенные рассуждения о сроках лишения свободы, которые могут быть назначены при

жестко установленной в законе «цене» ущерба, причиненного расхитителем, к категориям «значительное» и «малозначительное» имеют непосредственное отношение, поскольку являются неотъемлемым элементом единой системы наказаний.

Профессор Н. А. Лопашенко общее учение о категориях «преступление» и «наказание» расценивает как скрепы уголовного права. Одной из таких скреп Наталья Александровна признает соотношение наказаний за убийство и за хищение: нет ничего важнее человеческой жизни, поэтому посягательство на собственность не может наказываться строже, чем убийство, пренебрежение данным правилом разрушает системность уголовного права [11]. Как известно, в поздний советский период в УК РСФСР существовала ст. 93.1, согласно которой в качестве наказания за хищение государственного или общественного имущества на сумму свыше 10 тыс. руб. (стоимость автомобиля ГАЗ 24 «Волга» 9 тыс. руб.) предусматривалась смертная казнь.

Статья 158.1 УК РФ. Частичная модернизация УК РФ в 2016 г., в рамках которой кодекс, в частности, был дополнен ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», – яркое свидетельство того, что в отечественной правовой доктрине в очередной раз верх взяла «партия», выступающая против деления единого по своей природе «наказательного права» [1] на две абсолютно автономные отрасли: «чисто уголовное» и «чисто административное».

С этого момента государство заявило, что не намерено ограничивать борьбу с мелкими хищениями одним только карательным потенциалом КоАП РФ. Поэтому в 2016–2024 гг. мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, наказывается штрафом в размере до 40 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до 180 часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до двух месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

Особо следует подчеркнуть, что если первое, предикатное мелкое хищение, наказываемое по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, априори должно быть квалифицированным (на сумму от 1000 руб. до 2500 руб.), то размер второго деяния (фактически совершенного в условиях общего рецидива по «наказательному праву») значения для квалификации содеянного по ст. 158.1 УК РФ никакого значения не имеет.

Как видим, за совершение преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ, законодатель по традиции предлагает суду на выбор несколько наказаний. Данный репрессивный потенциал, например в 2022 г., судами был реализован следующим образом. Всего к уголовной ответственности по ст. 158.1 был привлечен 7831 чел., из которых оправданных не было, к реальному лишению свободы осуждено

3560 чел. (45,46 %), 1274 это же наказание назначено с применением ст. 73 УК РФ (16,26 %), то есть условно (фактически без наказания), в отношении 379 чел. был избран вид наказания – ограничение свободы, только 450 чел. (5,7 %) было оштрафовано, 555 – приговорены к исправительным работам, а 1368 – к обязательным работам, к 30 лицам применены меры медицинского воздействия.

Ниже будут проанализированы производства в отношении конкретных лиц, осуждавшихся по ст. 158.1 УК РФ к лишению свободы. Всех их объединяет склонность к совершению хищений, как правило, в небольших объемах (включая систематические мелкие кражи из магазинов). Неудивительно, что число оправданных равно нулю, поскольку все виновные были задержаны с поличным, следовательно, отрицать очевидное бессмысленно. Практически все дела данной категории рассмотрены в особом порядке, то есть по правилам гл. 40 УПК РФ. Размер наказания (при максимуме – один год лишения свободы) редко превышает 8-10 месяцев лишения свободы.

Согласно п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ совершение преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ, рецидива не образует. Какова же тогда цель наказания? Скорее всего, она только одна – попытаться прервать череду мелких краж. С момента заключения под стражу виновный автоматически будет поставлен на довольствие в исправительной колонии.

Некоторые представители юридической науки (Н. А. Лопашенко, А. А. Толкаченко) введение ст. 158.1 подвергли критике. В частности, профессор А. А. Толкаченко свою позицию объяснял тем, что лица, специализирующиеся на совершении мелких хищений продуктов, для общества серьезной опасности не представляют. Борьба с ними из плоскости уголовно-правовой должна быть перемещена в социальную сферу. Мы не будем спорить с Анатолием Анатольевичем, ибо по сути он прав [12]. В то же время он не пишет, какой должна быть эта специальная социальная политика и, главное, какова будет ее цена? Нетрудно предположить, что применение механизма помещения «мелкого воришки в тюрьму» в текущий момент и привычнее, и дешевле.

Правосудие «второго сорта»? По общему правилу решение о наказании виновного в квалифицированном мелком хищении принимает мировой судья, обслуживающий соответствующий судебный участок (пп. 1 ч. 1 ст. 22.1, ч. 1 и абз. 3 ст. 23.1 КоАП РФ). Также мировым судьям подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы. В силу непонятных причин все еще жива концепция, согласно которой судья, рассмотревший дело об административном правонарушении (предикатное деяние), не вправе рассматривать производное от него уголовное дело. Чтобы предикатные дела и дела производные не концентрировались в производстве у одного мирового судьи, дела по ст. 158.1 УК РФ были искусственно изъяты из подсудности мировых судей и переданы судьям районных судов (ч. 1 и 2 ст. 31 УПК РФ).

При этом не лишним будет отметить следующее: производство по правилам КоАП РФ на всех этапах осуществляется в максимально упрощенном варианте. Это касается, во-первых, органа, осуществляющего сбор первичной доказательственной информации. Мировым судьям направляются только те материалы, по которым виновные были задержаны с поличным. Состав правонарушения всегда оконченный, так как институты «приготовление», «покушение» КоАП РФ не известны.

Обязательный прокурорский надзор за сбором материала, его представлением в суде законом не предусмотрен. Классической состязательности по делам о мелком хищении законом не предусмотрено, максимум органу полиции и мировому судье (последний вопреки ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации), фактически выступающими на стороне обвинения, противостоит защита: лицо, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении (ст. 25.1 КоАП РФ), и его защитник (ст. 25.5 КоАП РФ).

Как известно, районные суды по отношению к мировым судьям выступают в качестве апелляционной инстанции. По логике, судья районного суда, получивший для рассмотрения по существу уголовное дело, возбужденное по признакам ст. 158.1 УК РФ, будучи осведомленным, в каких «антипроцессуальных» условиях появилось на свет «предликатное дело», в первую очередь, должен его проверить на предмет полного соответствия закону.

Как правило, осуществление данной процедуры осложняется отношением подсудимого (а порой и его защитника) и к постановлению мирового судьи, и к результатам предварительного расследования по ст. 158.1 УК РФ. Дело в том, что лица, привлекаемые к ответственности за совершение административного правонарушения (ст. 7.27 КоАП РФ) и к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ, как правило, были задержаны с поличным. Если по уголовному делу у них и был адвокат-защитник, то по назначению (ст. 51 УПК РФ), а само судебное разбирательство зачастую осуществляется в особом порядке (гл. 40 УПК РФ).

В то же время практика показывает, что приговоры по ст. 158.1 УК РФ могут отменяться ввиду нарушения правил рассмотрения дел по ст. 7.27 КоАП РФ.

Особо важно отметить: если КоАП РФ институт покушения не введом, то таковой приветствуется в уголовном праве, в том числе и при применении ст. 158.1 УК РФ. Ниже предлагается анализ текущей судебной практики.

Уголовное дело о краже батончика шоколада «Марс». Подсудимый Ф. ранее был судим по: 1) ч. 4 ст. 111 УК РФ; 2) пп. «а», «б», «г» ч. 2 ст. 162, пп. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 14 годам 3 мес. в ИК особого режима; 3) ч. 1 ст. 119 УК РФ к 1 году лишения свободы условно; 4) п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно. Постановлением мирового судьи был подвергнут административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27. Органами предварительного расследования Ф. обвинялся по ч. 3 ст. 30

ст. 158.1 УК РФ в покушении на тайное хищение батончика шоколада «Марс» закупочной стоимостью 39 руб. 79 коп. Суд прекратил данное дело за малозначительностью, за Ф. признано право на реабилитацию (постановление Октябрьского районного суда г. Владимира от 10.10.2020 № 1-282/2020).

Уголовное дело о краже двух пачек мороженого. Органами предварительного расследования К. обвинялась в хищении двух пачек мороженого на сумму 413 руб. 78 коп., содеянное ею было квалифицировано по ст. 158.1 УК РФ. Постановлением Железнодорожного суда г. Ульяновска от 17.02.2020 уголовное дело было прекращено за малозначительностью содеянного (ч. 2 ст. 14 УК РФ). В апелляционном представлении государственный обвинитель просил решение суда первой инстанции отменить, поскольку минимальный размер такого хищения при применении ст. 158.1 законом не установлен. Введение данной статьи преследовало цель предупреждения совершения повторных мелких хищений и неотвратимости наказания за эти деяния. Вместе с тем К. не только не понесла уголовной ответственности, но и была реабилитирована, получив право требовать от государства возмещения морального вреда. Суду следовало также принять во внимание данные о личности К., которая «привлекалась к административной ответственности за ненадлежащее исполнение родительских прав, мотивы совершения ею преступления не связаны с ее имущественным положением, заботой о детях либо состоянием беременности, К. проявляет склонность к противоправному поведению». Суд второй инстанции апелляционное представление оставил без удовлетворения (апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 22.04.2020 № 22-673/2020).

Прокурор утвердил обвинительное заключение, а затем по двум эпизодам от обвинения отказался. Органами предварительного расследования Д. обвинялся в серии из трех краж из магазина «Пятерочка»: 28 марта 2019 г. – на сумму 477 руб. 51 коп., 30 марта 2019 г. – 595 руб. 87 коп., 21 мая 2019 г. – 1864 руб. 71 коп. Содеянное виновным по каждому из эпизодов было квалифицировано по ст. 158.1 УК РФ. В судебном заседании государственный обвинитель отказался от поддержания обвинения Д. в части совершения им преступлений в марте 2019 г. ввиду малозначительности. На основании ч. 7 ст. 246 УПК РФ суд уголовное дело по данным эпизодам прекратил (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 1, 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). По эпизоду от 21 мая 2019 г. судебное разбирательство было продолжено. Постановление может быть обжаловано в апелляционном порядке в Ленинградский областной суд в течение 10 суток со дня его провозглашения; подсудимым, содержащимся под стражей, – в тот же срок со дня его вручения. В случае подачи апелляционной жалобы подсудимый вправе ходатайствовать о своем участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции, поручать осуществление своей защиты избранному им защитнику (по соглашению), либо ходатайство-

вать перед судом о назначении защитника. Имеются все основания предположить, что доказательств по мартовским эпизодам, кроме признаний подсудимого, не было (постановление Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 21.08.2019 по делу № 1-254/2019).

«Неисправимый» Вострецов. Об уязвимости предложенной законодателем конструкции уголовного преследования лиц, специализирующихся на малозначимых, а также мелких хищениях чужого имущества (ст. 158.1 УК РФ), можно сделать вывод по результатам изучения двух уголовных дел в отношении Вострецова (1983 года рождения). Указанное лицо ранее осуждалось: 1) 3 октября 2014 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 8 мес. лишения свободы; 2) 10 ноября 2014 г. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 2 годам 10 мес. лишения свободы; 3) 12 июля 2017 г. по ст. 319 УК РФ с применением ст. 70 УК РФ к 6 мес. исправительных работ; 4) 29 ноября 2017 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ, с применением ст. 70 УК РФ к 9 мес. лишения свободы; 5) 6 декабря 2017 г. по п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 158 УК РФ по правилам ст. 69 УК РФ и с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 2 годам 4 мес. лишения свободы; 6) 13 декабря 2017 г. по ч. 1 ст. 158 (4 эпизода), по правилам ст. 69 УК РФ и с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 2 годам 6 мес. лишения свободы; 7) 17 января 2018 г. по ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 158 (6 эпизодов), по правилам ст. 69 УК РФ и с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 2 годам 9 мес. лишения свободы; 8) 2 февраля 2018 г. по п. «в» ч. 2 ст. 158 (2 эпизода), по правилам ст. 69 УК РФ и с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 3 годам 2 мес. лишения свободы (12 ноября 2019 г. Вострецов освобожден условно-досрочно на 1 год 2 мес. 9 дн. 6 марта 2020 г. условно-досрочно освобождение Вострецову отменено, он направлен на 1 год 1 месяц 27 дн. в ИК строгого режима); 9) 15 сентября 2020 г. по ч. 2 ст. 167 УК РФ с применением ст. 70 УК РФ к 1 году 10 мес. лишения свободы (30 декабря 2021 г. Вострецов освобожден в связи с отбытием наказания, 25 марта 2022 г. по постановлению мирового судьи судебного участка № 1 по г. Нефтекамску Республики Башкортостан Вострецов привлечен к административной ответственности за мелкое хищение по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ); 10) 12 октября 2022 г. по приговору Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан Вострецов осужден по ст. 158.1 УК РФ (два эпизода) и по ст. 158 УК РФ (два эпизода), в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ к 1 году 8 мес. лишения свободы. Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Башкортостан от 02.02.2023 приговор оставлен без изменения. Постановлением Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 приговор и апелляционное постановление также оставлены без изменения. Однако уже 21 июня 2023 постановлением Шестого Кассационного суда общей юрисдикции постановление мирового судьи от 25.03.2022 отменено ввиду нарушения правил территориальной подсудности, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ

в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

В кассационной жалобе, адресованной в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, осужденный обратил внимание второй кассации на данное нарушение. Участвующий в процессе прокурор Генеральной прокуратуры Российской Федерации заявил о необходимости прекращения уголовного дела в части осуждения Вострецова по ст. 158.1 УК РФ. С учетом изложенного Судебной коллегией состоявшиеся в отношении Вострецова судебные постановления в части осуждения за два преступления, предусмотренные ст. 158.1 УК РФ, были отменены на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях составов данных преступлений. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ за ним признано право на реабилитацию, по совокупности других преступлений постановлено считать Вострецова осужденным к 1 году 6 мес. лишения свободы (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2024 № 49-УД23-37-К6). Как видим, органы, сформировавшие дело о мелком хищении, передавая его мировому судье, допустили грубую ошибку в определении подсудности. Сплошной прокурорский надзор за делами данной категории не предусмотрен. Результат: мировой судья рассмотрел дело с нарушением правил о подсудности. Данную ошибку оставили без внимания суды второй и третьей инстанции. Вострецов, будучи осужденным о наличии данной ошибки, выждал срок давности привлечения его к ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ, последовательно принес жадобу в Шестой Кассационный суд общей юрисдикции и Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем описанное – это далеко не все деяния Вострецова, который также был осужден; 11) 26 октября 2022 г. по ст. 158.1 (два эпизода) по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ и с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ (приговор от 12.10.2022) к 1 году 8 мес. лишения свободы (данный приговор отменен апелляционным определением от 23.01.2023 с передачей дела на новое рассмотрение); 12) 2 ноября 2022 г. по приговору Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан осужден по ст. 158.1 УК РФ (деяния от 26.06.2022, 08.07.2022, 13.07.2022); ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ и с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 2 годам лишения свободы. Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Башкортостан от 16.03.2023 данный приговор изменен, исключен возврат похищенного имущества из числа смягчающих наказание обстоятельств (по преступлению от 8 июля 2022 г.) исключено назначение наказания по ч. 5 ст. 69 УК РФ. Постановлено считать А. В. Вострецова осужденным к лишению свободы на 1 год. Постановлением Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2023 указанные акты оставлены без изменения.

На момент проверки дела Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Фе-

дерации Вострецов отбывал наказание в виде лишения свободы по приговорам от 20 декабря 2022 г. и от 3 мая 2023 г. В очередной кассационной жалобе, адресованной в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, осужденный уже по другому делу обратил внимание второй кассации на вышеобозначенное нарушение правил подсудности, допущенное мировым судьей. Участвующий в процессе прокурор Генеральной прокуратуры Российской Федерации жалобу осужденного поддержал. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся в отношении Вострецова судебные постановления в части осуждения за два преступления, предусмотренные ст. 158.1 УК РФ, отменила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях составов данных преступлений. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ за ним признано право на реабилитацию, по совокупности других преступлений постановлено считать Вострецова осужденным к 1 году 6 мес. лишения свободы. По итогам судебного разбирательства судебные постановления в отношении Вострецова отменены, уголовное дело прекращено в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления. На основании п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ за ним опять признано право на реабилитацию, в связи с чем осужденному направлено предусмотренное ч. 1 ст. 134 УПК РФ извещение. Одновременно были отменены судебные постановления в части взыскания с оправданного процессуальных издержек (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2024 № 49-УД23-36-К6). Как видим, Вострецов совершил десятки малозначительных преступлений, за что был 12 раз осужден, практически все приговоры были проверены судами второй и третьей инстанций, два дела дважды слушались Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

«Неисправимый» Мерзляков. О низкой эффективности применения ст. 158.1 УК РФ можно судить на основании анализа совокупности ряда уголовных дел в отношении Мерзлякова (1989 года рождения), который ранее был осужден: 1) 17 сентября 2014 г. по ст. 158.1 УК РФ (восемь эпизодов); п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ по правилам ч. 2 ст. 62 УК РФ к 3 годам лишения свободы; 2) 22 июля 2015 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ (эпизод от 12.08.2014.), ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ к 3 годам 1 мес. лишения свободы (16 августа 2016 г. Мерзляков освобожден в связи с заменой неотбытой части наказания на 1 год 2 мес. 11 дн. исправительных работ, 13 марта 2017 г. исправительные работы ему заменены лишением свободы на 4 мес. 23 дн.); 3) 17 мая 2017 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ (два эпизода), ст. 158.1 УК РФ (три эпизода) по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ и с применением ст. 70 УК РФ к 1 году 2 мес.; 4) 9 июня 2017 г. по ст. 158.1 УК РФ (два эпизода) по правилам ч. 2 ст. 69 и ч. 5 ст. 69 УК РФ к 1 году 3 мес. лишения свободы; 5) 20 июня 2017 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ (эпизод от 18 апреля 2017 г.) к 10 мес. лишения свободы (на-

казание по приговору от 9 июня 2017 г. постановлено исполнять самостоятельно, то есть параллельно сразу два срока); 6) 7 июля 2017 г. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (эпизод от 12 апреля 2017 г.) к 1 году 8 мес. с применением ч. 5 ст. 69 УК РФ к 2 годам 6 мес. лишения свободы. 30 января 2017 г. Мерзляков подвергнут административному наказанию по ч. 2 ст. 72.27 КоАП РФ, после чего совершил три мелких хищения из магазина «Пятерочка» (15 апреля 2017 г. на сумму 1774,8 руб., 19 апреля 2017 г. – 2022,8 руб. и 721,23 руб.). 8 августа 2017 г. Мерзляков по приговору мирового судьи судебного участка № 3 по г. Октябрьскому Республики Башкортостан, постановленному по правилам гл. 40 УПК РФ, осужден по ст. 158.1 УК РФ (три эпизода) на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к 3 годам 3 мес. лишения свободы. В апелляционном порядке приговор не обжалован. Постановлением Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 18.04.2018 исключено указание о назначении наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ (приговор от 17 мая 2017 г.) и указание на судимости по приговорам от 22 ноября 2012 г. и от 22 июля 2015 г. Назначенное по ст. 158.1 УК РФ наказание за каждое из трех преступлений смягчено до 5 мес. лишения свободы, в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ (приговор от 7 июля 2017 г.) назначено наказание 2 года 11 мес. В кассационной жалобе, адресованной в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, ссылаясь на то, что имела место одна от 19 апреля 2017 г. кража на сумму до 1 тыс. руб., что не является уголовным преступлением, так как ее совершение влечет только административную ответственность, просил признать оба хищения одним продолжаемым преступлением, квалифицируемым по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Суд второй кассационной инстанции пришел к выводу, что оснований для квалификации его действий по эпизодам хищений от 19 апреля 2017 г. как одного продолжаемого преступления не имеется, поскольку кражи совершены в разное время, каждый раз похищался иной ассортимент товара, наличие единого умысла из имеющихся в деле доказательств не усматривается. Размер похищенного имущества, если он не превышает 2500 руб., после привлечения лица к административной ответственности за предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ правонарушение, и наложение на него административного наказания, для последующего привлечения к уголовной ответственности в течение срока действия такого наказания, значения не играет (определение суда кассационной инстанции – Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2018 № 49-УД18-19). Как видим, Мерзляков за совершение серии мелких и малозначимых краж многократно судился (с 2012 г., то есть с 23 лет). В частности, с 17 сентября 2014 г. по 7 июля 2017 г. он осужден за совершение 18 эпизодов хищений, пусть и путем частичного сложения наказаний, в сумме к 15 годам реального лишения свободы. Из этого срока Мерзляков отбыл менее пяти лет. Более того, в 2016 г. по инициативе ИК была предпринята заведомо безуспешная попытка заменить осужденному

наказание в виде лишения свободы на исправительные работы. Освободившись из мест лишения свободы, Мерзляков продолжил свою преступную деятельность.

Комплекс из шести явных ошибок, допущенных по делу Черникова. Приговором Советского районного суда г. Тамбова от 31.05.2021 Черников (1980 года рождения), который ранее осуждался: 1) 3 марта 2017 года по ч. 1 ст. 161, п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «а» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 4 годам лишения свободы (освобожден по отбытии всего срока наказания 17 июня 2019 г.); 2) 15 января 2021 г. по ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ (с учетом изменений, внесенных апелляцией) к 5 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком на 1 год; 3) 28 января 2021 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ к 10 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год 6 месяцев; 4) 28 апреля 2021 г. по ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ к 10 месяцам лишения свободы, в четвертый раз осужден по ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ к лишению свободы сроком на 4 месяца, в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ к 11 месяцам лишения свободы. Приговоры от 15 и 28 января 2021 г. постановлено исполнять самостоятельно. Черников был заключен под стражу, срок наказания исчислен с даты вступления приговора в законную силу, в соответствии с п. «а» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ время содержания под стражей с 31 мая 2021 г. до дня вступления приговора в законную силу зачтено в срок отбытия наказания из расчета один день за день. Апелляционным постановлением Тамбовского областного суда от 05.08.2021 приговор оставлен без изменения. В итоге Черников был признан виновным в покушении на мелкое хищение чужого имущества, совершенное 29 октября 2020 г. в г. Тамбове лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение.

В кассационной жалобе осужденный, ссылаясь на то, что на момент постановления приговора постановление по делу об административном правонарушении от 16.03.2020 не вступило в законную силу, просил судебные решения отменить, прекратить в отношении него уголовное дело.

В кассационном представлении заместитель прокурора Тамбовской области также попросил последние судебные решения в отношении Черникова отменить ввиду их незаконности и необоснованности. Уголовное дело в отношении него было рассмотрено в особом порядке, однако, согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы от 13.01.2021 № 17-А, у Черникова были обнаружены признаки психического расстройства. Кроме того, суд первой инстанции не учел, что Черников обжаловал решение мирового судьи от 16.03.2020, то есть на момент производства уголовного дела в суде первой инстанции подсудимый уже фактически не признавал предъявленное обвинение.

Второй кассационный суд общей юрисдикции определил приговор и апелляционное постановление отменить, производство по уголовному делу прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ при-

знать за П. В. Черниковым право на реабилитацию (кассационное определение Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2021 № 77-4110/2021).

Как видим, главной причиной судебной ошибки, допущенной по уголовному делу в отношении Черникова, явилось отсутствие надлежащих коммуникационных связей в системах «органы предварительного расследования – суды», «мировые судьи – районные суды», «суды первой и второй инстанций». Опытный уголовник (по советскому законодательству кандидат в особо опасные рецидивисты), обнаружив ошибку, допущенную органами предварительного расследования и прокурорами, терпеливо выждал момент, когда по его делу уже не мог быть дан задний ход, подал кассационную жалобу, по результатам которой суд третьей инстанции принял безальтернативное решение. Органы прокуратуры принесли «фактически оправданному» свои извинения (ч. 1 ст. 136 УПК РФ). Следующий шаг Черникова – неспешное обращение в суд с иском о компенсации морального вреда, итог: виновный не только отбыл наказание, но и деньги заработал законным путем.

Об актуальности обозначенной проблемы свидетельствует факт вынесения ее на совещание 16.05.2024, проводившееся заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации председателем Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации профессором В. А. Давыдовым.

Как видим, самое элементарное уголовное дело в отношении Черникова в очередной раз подчеркнуло наличие в уголовном судопроизводстве целого комплекса проблем.

Во-первых, речь идет о нежелании законодателя обратить внимание на «неисправимых правонарушителей», специализирующихся на совершении мелких хищений, о которых упоминал XIX в. Н. С. Таганцев и наличие которых учитывал законодатель в 1958–1996 гг. Вышеприведенные примеры по делам, оконченным производством в отношении Вострецова, Мерзлякова и Черникова, – прямое доказательство крайне низкой эффективности анализируемой нормы (ст. 158.1 УК РФ) в отношении злостных нарушителей. Как указывалось выше, данная проблема в юридической науке замечена давно. Более того, как об этом обоснованно пишет Т. В. Кленова, вопрос данных о личности преступника, явно недооцененный законодателем, постоянно находится в призме внимания специалистов в области уголовного права.

Во-вторых, разрушение единого «наказательного» процесса посредством его деления на две формально автономные процедуры, одна из которых осуществляется мировым судьей по правилам КоАП РФ, а регламент второй находится УПК РФ и является руководством к действию федерального районного судьи, совершенно без достаточных к тому оснований, существенно усложняет единое действие – выявление и наказание правонарушителя.

В-третьих, отсутствует сплошной прокурорский надзор за движением всех дел об административных

правонарушениях, по которым виновные могут быть привлечены к уголовной ответственности по правилам административной преюдиции.

В-четвертых, при рассмотрении уголовных дел по ст. 158.1 УК РФ суды первой инстанции опираются только на документы, подшитые в уголовном деле. Практика, согласно которой они должны в каждом конкретном случае убедиться в том, что имеющее преюдициальное значение постановление мирового судьи вступило в законную силу, отсутствует.

В-пятых, малозначительность деяния провоцирует суды рассматривать дела анализируемой категории в особом порядке, который применительно к ст. 158.1 УК РФ давно стал основным.

В-шестых, малозначительность содеянного виновным опять-таки провоцирует судей не обращать должного внимания на состояние психического здоровья подсудимого.

Профессор Л. В. Головкин по данному поводу высказал абсолютно правильное суждение: «У нас система часто идет от криминализации деяния, а наказание – забытый ребенок. Все мыслят преступлениями, а пенализация вторична, отсюда и дисбаланс» [6].

Актуальность затронутой в настоящей статье темы подтверждается совокупностью ряда диссертационных исследований [14–16] и статей [17], посвященных криминологическому, уголовно-правовому и уголовно-процессуальному анализу практики применения ст. 158.1 УК РФ.

В частности, Т. И. Матюхина эмпирическим путем успешно доказала, что «при криминализации мелкого хищения допущены технико-юридические просчеты, которые снижают эффективность уголовно-правовой нормы», например, в ст. 158.1 УК РФ не предусмотрена ответственность за совершение мелкого хищения лицом, имеющим судимость за хищение либо вымогательство, что ставит их в привилегированное положение в отношении лиц, подвергнутых административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ» (п. 2 положений, вынесенных на защиту) [15, с. 9; 16, с. 9].

Действительно, в криминологии и теории уголовного права нет ответа на вопрос, почему в случае совершения мелкого хищения вором-рецидивистом правоохранительная и судебная системы не имеют права сразу применить к нему меры уголовного воздействия, а обязаны предупредить неисправимого в принципе преступника о серьезности своих намерений путем применения к нему ст. 7.26 КоАП РФ.

Противоречия самой себе, Т. И. Матюхина, в первых, пишет о гуманизме (п. 1 положений, вынесенных на защиту) [15, с. 8; 16, с. 8], во-вторых, упоминает «об отсутствии в деянии явной степени общественной опасности, свойственной преступлениям» (пп. 1 п. 4.1 положений, вынесенных на защиту) [15, с. 9; 16, с. 9]. Впрочем, ниже в этом же подпункте автор констатирует, что дополнение УК РФ ст. 158.1 «обусловлено кумулятивным (суммарным, синергическим, результирующим) эффектом, зависимым от неоднократности противоправного посягательства на охраняемое общественное отношение права собственности [15, с. 9; 16, с. 9].

Интересным представляется предложение Т. И. Матюхиной дополнить ст. 158.1 УК РФ указанием на то, что «мелким в настоящей статье признается хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает две с половиной тысячи рублей» (п. 10 положений, вынесенных на защиту) [15, с. 12; 16, с. 12].

Как уже было отмечено выше, мы также считаем, что законодателю применительно к понятию «хищение» (гл. 21 УК РФ) в силу специфики данного противоправного явления все же следует провести более четкую границу между преступным и не преступным не только в КоАП РФ, но и в уголовном законе. Удивительно, в некоторых конкретных случаях счет идет буквально «на копейки».

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, обсуждая вопрос о степени общественной опасности содеянного У., судимого ранее и вновь осужденного к лишению свободы по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ и ст. 70 УК РФ к 3 годам лишения свободы, осуществила формальный подсчет похищенного в сговоре с Щ. Усматривается, что У. и Щ. тайно похитили у пенсионера нужное в хозяйстве и ценное имущество: металлическую лестницу стоимостью 3000 руб., секции металлического забора на сумму 2000 руб., а также две металлические трубы общей стоимостью 500 руб. (всего на сумму 5500 руб.), которые сдали в пункт приема металла за 400 руб. Скорее всего, последняя цифра подтолкнула Судебную коллегию к суждению о том, что значительный ущерб пенсионеру уж точно причинен не был. Результат: п. «в» из осуждения виновных был исключен, наказание им было смягчено (определение № 11-УД22-19-К6).

Данный пример, наверное, следовало бы квалифицировать как частное проявление судейского усмотрения, если бы не одно «но»: заинтересованными лицами он вынесен на обсуждение на предмет его включения в квартальный обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и, соответственно, в Бюллетень Верховного Суда. Вопрос к читателю: для чего в уголовном законе прописана цифра 5000 руб. (п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ)?

Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. Л. Подносова, открывая 21 мая 2024 г. пленарное заседание Совета Судей Российской Федерации, отметила, что только за первый квартал текущего года судами прекращены уголовные дела в отношении 30 тысяч лиц, что составляет 13,2 % от окончанных производством. С учетом анализа сложившейся судебной практики нетрудно догадаться, что значительная часть дел была возбуждена в отношении лиц, совершивших малозначительные деяния. Мы же от себя позволим добавить, что практика разграничения преступного от не преступного все еще пребывает в стадии становления.

Некоторые научно-практические выводы.

1. Законодатель, дополняя УК РФ ст. 158.1 УК РФ, наличие которой в арсенале обвинителя позволяет привлечь к уголовной ответственности лицо, ранее

подвергнутое административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 УК РФ, за вновь совершенное на этот раз уже любое мелкое хищение, фактически реанимировал (признал) институт специального рецидива. Однако в текущий момент оказывается, что для общества «особую опасность» представляют лица, чаще чем один раз в год, совершающие мелкие кражи.

2. Посредством так называемой административной преюдиции оказался реанимированным и отвергнутый в 2003 г. институт повторности и, в определенной мере, неоднократности. Особенности новой конструкции заключаются в том, что институт рецидива ей в силу п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ не присвоен, поэтому сколько бы суды не суммировали наказание, назначенное по ст. 158.1 УК РФ, оно не может превышать 1 год 6 мес. лишения свободы (на практике таковое редко превышает 10 мес. лишения свободы). В то же время такой подход в решении проблемы на порядок гуманнее, чем существовавшие ранее правила, предусмотренные ч. 3 ст. 89 УК РСФСР и п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ в ред. с 1 января 1997 по 3 ноября 2002 г.

3. Изучение практики применения ст. 158.1 УК РФ, с одной стороны, позволяет сделать вывод о том, в суды направляются уголовные дела, возбужденные по фактам явно малозначительным (кража одного шоколадного батончика, двух пачек мороженого). С другой стороны, предусмотренные в ст. 158.1 УК РФ варианты наказания, априори не в состоянии оказать адекватное воздействие на лиц, специализирующихся на мелких кражах.

4. Многоступенчатость в привлечении виновных к уголовной ответственности за мелкое хищение (сначала по правилам КоАП РФ, а затем УПК РФ) излишне усложняет процедуру назначения наказания (сначала мировым судьей, а затем федеральным районным судом), что неизбежно влечет появление уголовно-процессуальных ошибок.

5. Представляется разумным возвращение к существовавшему ранее единому порядку привлечения к уголовной лиц, совершающих мелкие правонарушения. Решение вопроса о значимости содеянного целесообразно закрепить за конкретными правоприменителями: дознавателями, следователями, прокурорами и судами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 32–42.
2. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 145–155.
3. Новиков С. Г. Принципиальные особенности новых Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. 376 с.
4. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. 398 с.
5. Есаков Г. А. Вы не можете измерить глубины моего горя по поводу поругания всего, что мне было дорого и свято. А. Ф. Кони и большевики // Закон. 2024. № 2. С. 108–123.
6. Головкин Л. В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития // Закон. 2024. № 4. С. 6–20.
7. Проценко В. П. Генезис антисистемы в праве. Краснодар, 2003. 272 с.
8. Колоколов Н. А. Верховный Суд РФ прекратил дела о мошенничестве в связи с малозначительностью деяний // Уголовный процесс. 2024. № 2. С. 92–97.
9. Скловский К. И. Повседневная цивилистика. М., 2017. 288 с.
10. Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство современной России. Векторы модернизации. М., 2024. 944 с.
11. Лопашенко Н. А. Уголовно-правовые скрепы перед глобальными вызовами человечества // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сб. по материалам всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием в рамках III Саратовского юрид. форума «Законодательная политика и правоприменение в современной России» (9 июня 2023 г.). Саратов, 2023. С. 74–84.
12. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта Федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или Чем может помочь постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2017 № 42 практике применения судебного штрафа // Закон. 2018. № 1. С. 137–150.
13. Кленова Т. В. Преступление // Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистров и аспирантов : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М., 2023. Т. 2. С. 203–245.
14. Музафаров И. А. Уголовная ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию: вопросы теории и практики : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Казань, 2021. 25 с.
15. Матюхина Т. И. Уголовная ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию : автореф. ... дис. канд. юрид. наук.. М., 2023. 26 с.
16. Матюхина Т. И. Уголовная ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 166 с.
17. Жайтуменова А. Р., Кузнецов А. А. Типичные ситуации первоначального этапа расследования мелкого хищения в форме кражи, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4 (61). С. 258–262.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (General Description Of The Problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 32–42. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (in-depth analysis of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 145–155. (In Russ.).
3. Novikov S.G. Principal features of the new Foundations of criminal justice of the USSR and the Union republics. In: *Voprosy sudoproizvodstva i sudoustroistva v novom zakonodatel'stve Soyuza SSR* [Issues of judicial proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR]. Moscow, 1959. P. 45. (In Russ.).
4. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugovolnomu pravu. Chast' obshchaya. Vypusk 1* [Lectures on Russian criminal law. General part. Issue 1]. Saint Petersburg, 1887. P. 1
5. Esakov G.A. "You cannot measure the depths of my grief over the desecration of everything that was dear and sacred to me". A.F. Kony and the Bolsheviks. *Zakon = Law*, 2024, no. 2, pp. 108–123. (In Russ.).
6. Golovko L.V. We need to determine the model of the criminal process for its further development. *Zakon = Law*, 2024, no. 4, pp. 6–20. (In Russ.).
7. Protsenko V.P. *Genezis antisistemy v prave* [Genesis of the anti-system in law]. Krasnodar, 2003. P. 5.
8. Kolokolov N.A. The Supreme Court of the Russian Federation dismissed fraud cases due to the insignificance of acts. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2024, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.).
8. Sklovskii K.I. *Povsednevnyaya tsivilistika* [Everyday civics]. Moscow, 2017. 288 p.
9. Prikhod'ko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. *Ugolovnoe i ugovolno-protsessual'noe zakonodatel'stvo sovremennoi Rossii. Vektory modernizatsii* [Criminal and criminal procedure legislation of modern Russia. Vectors of modernization]. Moscow, 2024. 944 p.
10. Lopashenko N.A. Criminal law bonds in the face of global challenges of mankind. In: *Sovremennye global'nye vyzovy i ikh neutralizatsiya ugovolno-pravovymi, kriminologicheskimi i ugovolno-protsessual'nymi sredstvami: sb. po materialam vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem v ramkakh III Saratovskogo yuridicheskogo foruma "Zakonodatel'naya politika i pravoprimerenie v sovremennoi Rossii" (9 iyunya 2023 g.)* [Modern global challenges and their neutralization by criminal law, criminological and criminal procedural means: proceedings of the All-Russian research and practice conference with international participation within the framework of the III Saratov Legal Forum "Legislative policy and law enforcement in modern Russia" (June 9, 2023)]. Saratov, 2023. 388 p. (In Russ.).
12. Tolkachenko A.A. To discuss the draft federal law in connection with the introduction of the concept of criminal misconduct, or how the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 2017 No. 42 can help the practice of applying a judicial fine. *Zakon = Law*, 2018, no. 1, pp. 137–150. (In Russ.).
13. Klenova T.V. Chapter 5. Crime. In: Savenkov A.N. (Ed.). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: problemnyi kurs dlya magistrantov i spirantov: v 3 t. T. 2. Kniga 1. Ugolovnyi zakon. Zakonodatel'naya tekhnika. Otvetstvennost' v ugovolnom prave. Sostav prestupleniya. Stadii soversheniya prestupleniya. Souchastie v prestuplenii. Mnozhestvennost' prestuplenii* [Criminal law of the Russian Federation: problem course for masters and graduate students: in 3 vols. Volume 2. Book 1. Criminal law. Legislative technique. Liability in criminal law. Composition of the crime. Stages of the crime. Complicity in a crime. Multiplicity of crimes]. Moscow, 2023. 680 p. (In Russ.).
14. Muzafarov I.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za melkoe khishchenie, sovershennoe litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal liability for petty theft committed by a person subjected to administrative punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan', 2021. 25 p.
15. Matyukhina T.I. *Ugolovnaya otvetstvennost' za melkoe khishchenie, sovershennoe litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: avtoref. dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal liability for petty theft committed by a person subjected to administrative punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2023. 26 p.
16. Matyukhina T.I. *Ugolovnaya otvetstvennost' za melkoe khishchenie, sovershennoe litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal liability for petty theft committed by a person subjected to administrative punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2023. 166 p.
17. Zhaitumenova A.R., Kuznetsov A.A. Typical situations of the initial stage of the investigation of petty theft in the form of theft committed by a person subjected to administrative punishment. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, 2022, no. 4 (61), pp. 258–262. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова, профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, судья Верховного Суда Российской Фе-

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the

дерации в почетной отставке, председатель редакционных советов журналов «Мировой судья» и «Уголовное судопроизводство», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

editorial boards of the journals "Justice of the Peace" and "Criminal Judicial Proceeding", Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила 24.04.2024

Научная статья

УДК 342.9

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.010

Совершенствование системы социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию проблематики правового регулирования и практики предоставления социальных гарантий сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. *Цель* настоящего исследования заключается в попытке теоретико-правового осмысления системы социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам с учетом специфики сферы правореализации. *Методы:* в процессе исследования использовались общенаучные методы научного познания, такие как анализ, синтез, сравнение, индукция и дедукция, а также специальные методы – формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический. *Результаты:* исследована действующая система социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам, изучена их роль в качестве ключевого элемента формирования правового статуса сотрудника и престижа службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Выявлены проблемы правового регулирования и практики реализации сотрудниками социальных гарантий, установлены основные причины их возникновения. *Выводы:* сформулированы предложения по внесению изменений в действующее законодательство в части обеспечения качества и доступности социальных гарантий сотрудникам. Выработаны правовые механизмы реализации отдельных видов социальных гарантий сотрудников в современных условиях функционирования рассматриваемой сферы государственного управления.

Ключевые слова: социальные гарантии; социальная защита; уголовно-исполнительная система; ФСИН России; механизм социальной защиты.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Анискина Н. В. Совершенствование системы социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 311–. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.010.

Original article

Improving the System of Social Guarantees for Employees of the Penal System of the Russian Federation

NADEZHDA V. ANISKINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Abstract

Introduction: the article studies problems of legal regulation and practice of providing social guarantees to employees of the penal system of the Russian Federation. *Purpose:* theoretical and legal understanding of the system of social guarantees provided to penal system employees, taking into account the specifics of the sphere of legal realization. *Methods:* general scientific methods of scientific cognition (analysis, synthesis, comparison, induction and deduction), special methods

(formal legal, comparative legal, historical). *Results*: the current system of social guarantees provided to penal system employees is studied and their role as a key element in the formation of the legal status of employees and the prestige of service in institutions and bodies of the penal system is substantiated. The problems of legal regulation and practice of realizing social guarantees by penal system employees are identified and the main reasons for their occurrence are established. *Conclusion*: the author proposes to amend current legislation in terms of ensuring the quality and accessibility of social guarantees to penal system employees and develops legal mechanisms for realizing certain types of social guarantees for employees in current conditions.

Key words: social guarantees; social protection; penal system; Federal Penitentiary Service; mechanism of social protection.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Aniskina N.V. Improving the system of social guarantees for employees of the penal system of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 311–320. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.010.

Введение

На протяжении последних десятилетий в Российской Федерации проводится административная реформа деятельности органов государственной власти, одним из направлений реализации которой является повышение качества действующей системы социальной защиты государственных служащих, в том числе сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Выполнение государственной программы Российской Федерации «Юстиция» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312) включает формирование высококвалифицированного и профессионального кадрового потенциала одной из приоритетных областей для совершенствования деятельности сферы исполнения уголовных наказаний. Достижение указанной стратегической цели не представляется возможным без повышения социального статуса сотрудников и престижа службы в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. повышение уровня социальной защиты сотрудников также обозначено в перечне направлений для развития рассматриваемой сферы общественных отношений.

Служба в уголовно-исполнительной системе сопряжена с рисками для жизни и здоровья сотрудников, большими эмоциональными и физическими перегрузками. Кроме того, прохождение государственной службы связано с наличием большого количества ограничений и запретов, налагаемых на сотрудников. Указанные обстоятельства существенно снижают привлекательность и престиж службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Именно поэтому социально-правовая защита является неотъемлемым элементом правового статуса сотрудников, фактором, способствующим повышению престижа государственной службы и привлечению кадров на службу.

Как отмечает О. Заболонкова, объем и сложность выполняемых сотрудниками задач обусловили формирование в структуре их правового статуса целого комплекса различных льгот, компенсаций и гарантий социальной и материальной направленности [1, с. 55], которые делают прохождение службы в уголовно-исполнительной системе более привлекатель-

ным. Полагаем, что данные термины необходимо разграничивать.

Под льготами в контексте рассмотрения данного вопроса следует подразумевать один из видов социальной защиты государственных служащих, предоставление им дополнительных прав и преимуществ в связи с прохождением службы в учреждениях и органах ФСИН России, а также полное или частичное их освобождение от некоторых обязанностей.

Компенсации – это определенные денежные выплаты, направленные на полное или частичное возмещение понесенных сотрудниками отдельных законодательно предусмотренных категорий расходов (например, за наем (поднаем) жилых помещений), а также покрытие причиненного сотруднику ущерба личного или имущественного характера.

Гарантии – это правовые средства и способы, обеспечивающие фактическую возможность реализации государственным служащим прав, свобод и обязанностей. По мнению М. И. Тарасовой, гарантии несут в себе так называемую стимулирующую, компенсаторную нагрузку, предусматривающую формирование механизма получения довольно широкого спектра дополнительных прав и гарантий во время прохождения службы и исполнения служебных обязанностей [2, с. 9]. Как видим, применительно к сфере исполнения уголовных наказаний гарантии являются необходимым условием реализации прав сотрудником и выполнения им возложенных на него обязанностей, что в целом обеспечивает надлежащее функционирование учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Гарантии формируют правовые, организационные и финансовые основы обеспечения выполнения принятых обязательств.

Формирование в Российской Федерации правового и социального государства предполагает не только нормативное закрепление комплекса социальных гарантий, но и создание условий для их обеспечения. Однако на практике сотрудникам зачастую приходится сталкиваться с проблемами как правового, так и организационного характера в части получения предоставляемых им социальных гарантий, что свидетельствует об отсутствии действенного механизма их реализации.

Основная часть

Основные гарантии социальной защиты (социальные гарантии) прохождения службы в уголовно-исполнительной системе установлены ст. 33.1 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Вместе с тем содержательно они раскрываются в гл. 9 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (далее – федеральный закон о службе в УИС) и в Федеральном законе от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – федеральный закон о социальных гарантиях), которые носят комплексный характер и с позиции институционального подхода могут рассматриваться как правовая базисная основа обеспечения социальной защиты сотрудников.

Исходя из содержания данных нормативных правовых актов к числу основных социальных гарантий сотрудников представляется возможным отнести: денежное довольствие; жилищное обеспечение сотрудника и членов его семьи; медицинское и санаторно-курортное обеспечение сотрудника и членов его семьи; страховые гарантии сотруднику и компенсации возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей; гарантии в связи с увольнением со службы в уголовно-исполнительной системе; вещевое и продовольственное обеспечение сотрудника; пенсионное обеспечение сотрудника и членов его семьи.

Социальные гарантии сотрудников являются неотъемлемым элементом их социально-правового статуса и защиты, выступают одним из основных способов повышения уровня престижа службы в учреждениях и органах ФСИН России, стимулирования их профессиональной служебной деятельности посредством формирования у сотрудников чувства востребованности и защищенности. Именно поэтому нельзя не согласиться с мнением А. Э. Зинченко, который подчеркивает, что «минимальный практический результат предоставления социальных гарантий сотрудникам УИС необходимо связывать с созданием положительного имиджа и привлекательности службы» [3, с. 114].

Таким образом, социально-правовая защита сотрудников заключается в предоставлении государством целого комплекса социальных гарантий и должна быть направлена на улучшение качества и престижа службы в учреждениях и органах системы исполнения уголовных наказаний. Однако, как показывает практика, зачастую реализация данных прав (гарантий) трудно реализуема или невозможна в силу разного рода причин как правового, так и организационного характера. Как правило, речь идет об отсутствии действенного механизма правореализации, во многом связанного с недостаточным финансиро-

ванием, наличием пробелов в действующем законодательстве и недостаточной нормативной урегулированностью некоторых вопросов предоставления социальных гарантий сотрудникам.

Остановимся на отдельных проблемных аспектах реализации предоставляемых сотрудникам социальных гарантий.

1. Обеспечение сотрудников денежным довольствием.

В последнее время все чаще стал подниматься вопрос о несоответствии размера денежного довольствия сотрудников объему, сложности и характеру работы, что приводит к массовым увольнениям из системы исполнения уголовных наказаний. Так, директор ФСИН России А. Гостев в марте 2024 г. заявил, что некомплект сотрудников ведомства по состоянию на конец 2023 г. составил порядка 20 %, что является критической отметкой для эффективной работы всей системы исполнения уголовных наказаний. «Учитывая размер денежного содержания сотрудников уголовно-исполнительной системы, уступающий другим силовым ведомствам, требуется принятие неотложных мер на правительственном уровне, несмотря на сложное экономическое положение в стране», – отметил А. Гостев [4].

В Российской Федерации, где средняя заработная плата сотрудников уголовно-исполнительной системы составляет 35–50 тыс. руб., в то время как в странах Западной Европы и Америки работа в пенитенциарных учреждениях относится к высокооплачиваемому и престижному виду государственной службы. Высокий уровень заработной платы работников пенитенциарного ведомства поддерживается и на международном правовом уровне. В частности, речь идет о п. 46.3 Минимальных стандартных правил обращения с осужденными, где говорится о том, что «заработная плата должна устанавливаться с таким расчетом, чтобы привлекать и удерживать на этой работе способных заниматься ею мужчин и женщин. Принимая во внимание исключительно трудные условия данной работы, этим людям следует обеспечивать соответствующие льготы и условия труда».

В Великобритании, согласно информации, размещенной на официальном веб-сайте правительства, опытный тюремный служащий может рассчитывать на зарплату в 38 165 фунтов стерлингов в год [5], что составляет примерно 4 389 356,65 руб. В США предполагаемая заработная плата «тюремщика» может варьироваться в диапазоне от 43 до 65 тыс. долларов в год [6], то есть от 3 977 930 руб. до 6 013 150 руб.

Необходимо подчеркнуть, что в конце 1990-х – начале 2000-х гг. значительная часть социальных гарантий предоставлялась сотрудникам в так называемой натуральной форме. Так, например, сотрудники уголовно-исполнительной системы могли воспользоваться бесплатным проездом в общественном транспорте при предъявлении служебного удостоверения, правом на первоочередную установку домашних стационарных телефонов, скидкой при оплате жилищно-коммунальных услуг в размере 50 % [7, с. 67]. Более того, до 2002 г. денежное довольствие сотрудников не облагалось налогом на доходы физических лиц.

Впоследствии предоставление данных льгот было заменено на денежные выплаты, то есть государство осуществило их монетизацию, что, несомненно, изначально привело к определенному росту денежного довольствия. Однако инфляционные процессы, которые носят непрерывный характер, а также мировой экономический кризис 2008–2013 гг. вновь обострили проблему, связанную с размером денежного довольствия сотрудников.

В 2013 г. были значительно проиндексированы должностные оклады и оклады по специальному званию сотрудников уголовно-исполнительной системы, пересмотрены виды и размеры надбавок, дополнительные выплаты, связанные с прохождением службы в учреждениях и органах сферы исполнения уголовных наказаний, благодаря чему удалось добиться значительного роста денежного довольствия сотрудников. Тем не менее по прошествии более чем 10 лет размер денежного довольствия перестал соответствовать современным реалиям и насущным потребностям сотрудников пенитенциарной службы, что, как справедливо отметил член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека А. Мельников, привело к текучке кадров и недоукомплектованности до 30–40 % отдельных учреждений ФСИН России [8].

Полагаем, что одним из критериев снижения эффективности предоставления сотрудникам социальной гарантии в виде достойного денежного вознаграждения за их труд явилось принятие в течение нескольких лет подряд федеральных законов, включающих нормы о приостановлении действия ч. 5 ст. 2 Федерального закона о социальных гарантиях в части увеличения (индексации) окладов денежного содержания сотрудников (например, федеральные законы от 02.12.2013 № 350-ФЗ, от 06.04.2015 № 68-ФЗ).

Из вышеизложенного можно заключить, что в настоящее время назрела объективная необходимость в пересмотре размера денежного довольствия сотрудников в сторону значительного увеличения (по оценкам экспертов не менее, чем на 30–50 %), что не только способствует повышению престижа службы в уголовно-исполнительной системе, формированию чувства защищенности, но и будет выступать в качестве важного фактора формирования антикоррупционной политики государства.

На данный момент профильным комитетом Государственной Думы Российской Федерации принято положительное решение о внесении проекта Федерального закона № 600538-8 «О внесении изменения в статью 2 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» в Совет Государственной Думы с последующей передачей на рассмотрение Государственной Думе [9]. Предлагается установить размеры окладов по типовым должностям и окладов по специальным званиям сотрудников учреждений и органов УИС не ниже, чем у соответствующих категорий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Естественно, в случае принятия данных поправок

размер денежного довольствия сотрудников увеличиться, изменения коснутся в том числе и лиц, которые проходят службу на нетиповых должностях.

2. Жилищное обеспечение сотрудника и членов его семьи.

Жилищное обеспечение сотрудников предусматривает возможность реализации права на получение денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений; предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда, в том числе из жилищного фонда Российской Федерации по договору социального найма; предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения.

В 2023 г. смогли решить свои проблемы, связанные с улучшением жилищных условий, 581 сотрудник и пенсионер уголовно-исполнительной системы (АППГ – 848), в том числе за счет предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения и строительства жилого помещения – 304 семьи (АППГ – 384); выделения государственных жилищных сертификатов – 219 семей (АППГ – 321); предоставления жилых помещений по договорам социального найма – 58 семей (АППГ – 143). Компенсация за наем (поднаем) жилых помещений выплачивалась 4859 сотрудникам (АППГ – 5129) [10, с. 35].

Как показывает практика, одним из наиболее сложно реализуемых является право сотрудника на предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения. Нормативную основу реализации данного права составляют федеральный закон о социальных гарантиях, постановление Правительства Российской Федерации от 24.04.2013 № 369, а также приказ ФСИН России от 16.10.2014 № 550 (далее – приказ № 550).

Нельзя не отметить, что, с одной стороны, процедура постановки на учет с целью получения единовременной социальной выплаты является достаточно прозрачной, поскольку к сотруднику предъявляется лишь ряд формальных требований, перечисленных в ст. 4 Федерального закона о социальных гарантиях. С другой стороны, решение о предоставлении данного вида выплаты принимается коллегиально комиссией, которая формируется из числа сотрудников соответствующего учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Действующим законодательством не предусмотрено какой-либо формы контроля за работой данной комиссии, что подразумевает широту дискреционных полномочий. Полагаем, что указанное обстоятельство выступает в качестве существенного коррупциогенного фактора, способного подорвать доверие к имеющейся системе социальных гарантий.

Кроме того, считаем, что анализируемый способ социальной поддержки сотрудников является излишне узконаправленным, потому как не предусматривает мер поддержки в отношении тех сотрудников, которые решили свои жилищные проблемы самостоятельно, а также членов их семей или пенсионеров уголовно-исполнительной системы. Например, за счет своих собственных средств, что, несомненно, им

удалось посредством «жесткой» экономии, учитывая сложившийся уровень цен на рынке недвижимости, либо использования средств ипотечного кредитования. Таким образом, взвалив на себе серьезное финансовое бремя, данная категория сотрудников еще и утратила фактическую возможность и право встать на учет для предоставления рассматриваемого вида социальной выплаты.

Следует отметить, что при формальном соответствии требованиям для постановки в очередь на предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудники сталкиваются с необходимостью нести дополнительные финансовые затраты, связанные с реализацией своего права на получение рассматриваемого вида социальной гарантии: предоставлять документы и различные справки, которые выдаются исключительно на платной основе (например, справка об отсутствии недвижимости в собственности – выписка из ЕГРН о правах отдельного лица на имевшиеся (имеющиеся) у него объекты недвижимости). Полагаем, что данные сведения должны предоставляться в рамках межведомственного взаимодействия, а не возлагать на сотрудников дополнительные материальные обременения. Потому как недопустимо ухудшать материальное положение сотрудника в связи с реализацией его права.

Вместе с тем считаем необходимым дополнить перечень социальных гарантий сотрудников возможностью получения служебной ипотеки, которая будет предоставляться аналогично и по тем же принципам, что и так называемая военная ипотека (программа субсидирования ипотеки для военных). Так, в соответствии с Федеральным законом от 20.08.2004 № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» военной ипотекой могут воспользоваться абсолютно все военнослужащие, она не зависит от наличия у лица другого недвижимого имущества, семейного положения или детей, но при всем при этом предъявляет требования к продолжительности службы в вооруженных силах (от 10 до 20 лет в зависимости от индивидуальных условий прохождения службы и основания для расторжения контракта). Считаем, что это позволит удержать в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации наиболее опытные и квалифицированные кадры.

3. Медицинское и санаторно-курортное обеспечение сотрудника и членов его семьи.

Как уже отмечалось ранее, прохождение государственной службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сопряжено со значительными рисками для жизни и здоровья сотрудников, именно поэтому медицинское обеспечение было включено в систему их социальных гарантий. Тяжелые условия несения службы могут спровоцировать возникновение нервно-эмоционального перенапряжения и проблем со здоровьем. Риск развития различных заболеваний у личного состава повышает вероятность преждевременного увольнения опытных сотрудников, том числе по болезни.

Законодатель не мог не обратить внимание на необходимость решения вопросов, связанных с меди-

цинским обеспечением сотрудников. В этой связи в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. в качестве одного из направлений повышения уровня социальной защиты сотрудников закреплено «совершенствование медицинского обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы, предусматривающее возможность получения медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения и обеспечение ее доступности».

Правовая основа социальных гарантий на медицинское обеспечение сотрудников базируются на ст. 11 федерального закона о службе в УИС; ст. 3 и 10 федерального закона о социальных гарантиях; ч. 1 ст. 18 и ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; Постановлении Правительства Российской Федерации от 24.04.2019 № 491, устанавливающим Правила медицинского обеспечения сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также членов их семей.

Бесплатная медицинская помощь сотрудникам пенитенциарного ведомства оказывается в специализированных ведомственных медицинских организациях, к которым относятся лечебно-профилактические учреждения ФСИН России (ЛПУ) и МВД России. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.10.1998 № 1254 «Вопросы уголовно-исполнительной системы» на ЛПУ МВД России возложена обязанность по медицинскому обеспечению сотрудников пенитенциарной системы при отсутствии у последних собственных ЛПУ. Также в распоряжении ФСИН России имеется 55 центров медицинской и социальной реабилитации, 7 больниц для личного состава и 74 военно-врачебных комиссии [11].

Несмотря на всю важность обеспечения сотрудников профессиональной и качественной медицинской помощью на практике сотрудникам часто приходится сталкиваться с разного рода проблемами. Так, оказание медицинской помощи сотрудникам на базе ЛПУ МВД России на практике приводит к снижению ее объема и качества, что подтверждается результатами анкетирования, проведенного среди сотрудников, закрепленных за ФКУЗ «МСЧ МВД России по Вологодской области». В частности, отмечается отсутствие электронной записи к специалистам (для получения талончиков на прием приходится занимать очередь в регистратуру с 5–6 утра); нехватка терапевтов и иных профильных специалистов (длительное ожидание в очереди на прием); долгий период ожидания плановой госпитализации с целью оказания медицинской помощи в организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения вследствие недостатка финансирования, а также получения направления для прохождения инструментальных исследований (например, ультразвукового обследования, МРТ); нехватка квалифицированного персонала, которая приводит к существенному снижению качества оказываемых медицинских услуг; удаленность медицинского учреждения от места прохождения службы.

В этой связи Ю. В. Ишков указывает, что «сложившаяся в настоящее время система медицинского обеспечения личного состава УИС не в полной мере обеспечивает необходимый уровень доступности и качества этой помощи каждому сотруднику» [12, с. 44].

В контексте рассмотрения данного вопроса нельзя не указать, что на сотрудников уголовно-исполнительной системы не распространяется действие норм об обязательном медицинском страховании (ОМС). При поступлении гражданина на военную службу или приравненную к ней службу действие полиса ОМС приостанавливается на срок прохождения застрахованным лицом указанной службы. На сотрудников также возложена обязанность сдать свой полис в любую страховую медицинскую организацию или территориальный фонд ОМС (ст. 49.1 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»).

Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что сотрудники УИС не застрахованы в системе обязательного медицинского страхования. Данное обстоятельство естественным образом накладывает ограничения на возможность выбора медицинской организации для получения необходимой медицинской помощи. Более того, на ведомственную систему оказания медицинской помощи не распространяются нормативы, устанавливаемые Министерством здравоохранения Российской Федерации по объему и качеству их оказания, которые действуют для государственных и муниципальных учреждений здравоохранения.

Проблемы, связанные с недостаточным финансированием ведомственной системы здравоохранения и нехваткой квалифицированных кадров, в комплексе приводят к снижению качества оказываемых медицинских услуг и, как следствие, к росту смертности и инвалидности среди личного состава уголовно-исполнительной системы. В частности, в 2021 г. было зарегистрировано 4306 страховых случаев с сотрудниками пенитенциарной службы, в том числе 149 по фактам гибели (смерти) в период прохождения службы и 38 по фактам смерти до истечения одного года после увольнения со службы. Приобретенные в период прохождения службы хронические заболевания в ряде случаев являются основанием для установления сотрудникам (пенсионерам уголовно-исполнительной системы) соответствующей группы инвалидности. Всего в 2021 г. инвалидность была установлена в отношении 275 сотрудников, в том числе 32 – первая группа, 97 – вторая группа, 146 – третья группа инвалидности [13, с. 245].

Считаем, что в решении обозначенных нами проблем необходим системный подход. Во-первых, следует увеличить объемы бюджетных ассигнований на медицинское обслуживание сотрудников. Во-вторых, проблемы, связанные с невозможностью оказания или длительным периодом ожидания высокотехнологической и иной медицинской помощи на базе государственных или муниципальных учреждений здравоохранения, предлагаем решить посредством

внедрения элементов государственного медицинского страхования сотрудников.

4. Страховые гарантии сотруднику уголовно-исполнительной системы.

На данный момент страховые гарантии сотруднику предусматривают обязательное государственное страхование его жизни и здоровья, а также выплату компенсации за вред, причиненный имуществу сотрудника и членам его семьи в связи с исполнением последним своих служебных обязанностей (ст. 12 федерального закона о социальных гарантиях).

Вместе с тем на сотрудников уголовно-исполнительной системы не распространяются нормы действующего законодательства об обязательном социальном страховании. В частности, положения ст. 8 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», устанавливающей основные виды страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию (например, выплата пенсии по старости, выплата пособия по временной нетрудоспособности). И это, с одной стороны, вполне объяснимо, поскольку, к примеру, пенсионное и медицинское обеспечение, а также выплата денежного довольствия сотрудникам производятся за счет средств федерального бюджета. В то время как обязательное социальное страхование обеспечивается за счет средств, выделяемых из бюджетов государственных внебюджетных фондов – Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (СФР) и Федерального фонда обязательного медицинского страхования, формируемых из уплачиваемых страховых взносов. Учреждения и органы ФСИН России не являются плательщиками страховых взносов в действующей системе обязательного социального страхования.

С другой стороны, сотрудникам, несмотря на наличие запрета работать по совместительству, разрешается заниматься педагогической, научной и иной творческой деятельностью с разрешения непосредственного руководителя (начальника) (ч. 4 ст. 34 Федерального закона о службе в УИС). Это означает, что с сотрудником заключается трудовой договор для выполнения указанных видов деятельности. В данном случае работодатель будет обязан осуществлять уплату страховых взносов в рамках обязательного государственного страхования (ст. 419 НК РФ). Следовательно, на сотрудников на период действия трудового договора должны распространяться нормы о пенсионном, медицинском и социальном страховании, включая периоды временной нетрудоспособности. Кроме того, обеспечение данных видов страхования гарантируется Конституцией Российской Федерации (ст. 75).

Однако, как показывает практика, сотрудники не в полной мере могут воспользоваться своим правом на предоставление социальных выплат, к примеру в случае временной нетрудоспособности, а также воспользоваться медицинскими услугами в системе обязательного медицинского страхования. Так, в случае заболевания сотрудник уголовно-исполнительной системы, в том числе осуществляющий трудовую деятельность по совместительству, будет

вынужден обратиться в медико-санитарную часть (МСЧ) по месту службы для получения необходимой медицинской помощи, а также при необходимости освобождения от исполнения служебных обязанностей. В этом случае временно нетрудоспособному сотруднику лечащим врачом медицинской организации выдается листок освобождения от исполнения служебных обязанностей по временной нетрудоспособности (п. 12 приказа ФСИН России от 22.12.2023 № 807). При всем при этом оформляемый медицинским учреждением листок освобождения от исполнения служебных обязанностей не может служить основанием для начисления сотруднику, работающему по совместительству, выплат по временной нетрудоспособности, предусмотренных в рамках обязательного социального страхования. И, как следствие, сотруднику не оплачивают больничный, тем самым нарушают его конституционное право на получение данного вида выплат.

Подобного рода ситуации являются системными и негативно сказываются на престиже службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Обозначенные нами обстоятельства складываются в силу ряда причин. Во-первых, информация о выдаче листка освобождения от исполнения служебных обязанностей по временной нетрудоспособности не передается МСЧ в СФР. Во-вторых, в МСЧ сотруднику не выдают листок нетрудоспособности (в печатном или электронном виде), сведения о котором автоматически передаются в СФР, поскольку, как нами было отмечено ранее, на сотрудников не распространяется действие норм об обязательном медицинском страховании. Соответственно, правовых оснований для оплаты больничного не возникает.

Из сказанного можно заключить, что уплата страховых взносов по обязательному социальному страхованию работодателем не влечет для сотрудника правовых последствий в виде страхования его в системе ОМС и осуществления выплат по временной нетрудоспособности. Следовательно, правовые коллизии и пробелы в действующем законодательстве приводят к массовым нарушениям прав сотрудников.

Решение обозначенной нами проблемы видится в выдаче сотрудникам, работающим по совместительству, временных полисов ОМС на период действия трудового договора с возможностью его последующего продления (продлонгации) в случае заключения нового трудового договора. Выполнение обозначенного нами условия позволит соблюсти права работников на выплату пособия по временной нетрудоспособности. В целях реализации данного предложения считаем необходимым ст. 49.1 федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» дополнить частью соответствующего содержания.

5. Дополнительные материальные гарантии сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Перспективным направлением совершенствования системы социальных гарантий сотрудников УИС видится «возврат» к ранее предоставляемым сотрудникам мерам материального стимулирования профессиональной деятельности, например в виде вы-

плат денежных компенсаций в размере фактически уплаченных сотрудниками сумм земельного налога и налога на имущество физических лиц. Необходимо уточнить, что прежде упомянутый вид компенсации был предусмотрен ст. 64 Положения о службе в органах внутренних дел, а также п. 18.1 Постановления Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 № 941. Содержательно данные нормы распространялись исключительно на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уволенных со службы с правом на пенсию по следующим основаниям: по достижении предельного возраста, выслуге лет, сокращению штатов, болезни или по ограниченному состоянию здоровья, а также имеющим выслугу 20 лет и более (в календарном исчислении).

Предоставление компенсации носило сугубо заявительный характер. Для ее оформления сотрудникам было необходимо обратиться в отдел (отделение, группу) пенсионного обеспечения территориального органа ФСИН России либо финансовое (экономическое) подразделение территориального органа ФСИН России по месту службы со следующим пакетом документов: заявление на выплату; налоговое уведомление об исчисленных суммах налогов; платежные документы, подтверждающие уплату; правоустанавливающие документы на объекты налогообложения.

Несмотря на востребованность среди пенсионеров уголовно-исполнительной системы рассматриваемого вида материальных гарантий, фактически им можно было воспользоваться только до 1 января 2015 г., поскольку в ч.4 ст. 19 Федерального закона от 04.11.2014 № 342-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

В аспекте рассмотрения данного вопроса представляется возможным разделить точку зрения М. И. Тарасовой, которая отмечает, что отмена ранее предоставляемых денежных компенсаций не только не стимулирует длительную службу, но и снижает уровень ее привлекательности, потому как по завершении службы пенсионеры уже не могут рассчитывать на высокоорганизованную социальную защиту, обеспечивающую достойную жизнь [14, с. 76].

Считаем, что решение обозначенных нами проблем возможно только посредством внесения изменений в налоговое законодательство Российской Федерации в части установления налоговых льгот для сотрудников, а также лиц, уволенных с правом на пенсию по достижении предельного возраста, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, имеющих выслугу 20 лет и более. С учетом вышеизложенного предлагаем внести следующие изменения и дополнения в НК РФ:

1. Часть 1 ст. 333.35 НК РФ дополнить пунктом, предусматривающим предоставление налоговых льгот сотрудникам уголовно-исполнительной системы, а также пенсионерам из числа лиц рядового и начальствующего состава ФСИН России при

осуществлении регистрационных действий с объектами недвижимого имущества, и изложить его в следующей редакции:

1. От уплаты государственной пошлины, установленной настоящей главой, освобождаются:

19) сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также граждане, уволенные с правом на пенсию по достижении предельного возраста, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, – за государственную регистрацию права собственности на земельные участки, жилые помещения или доли в них.

II. Часть 1 ст. 395 НК РФ дополнить пунктом, предусматривающим предоставление налоговых льгот в виде освобождения от уплаты земельного налога сотрудников УИС, и изложить его в следующей редакции:

1. Освобождаются от налогообложения:

14) сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также граждане, уволенные с правом на пенсию по достижении предельного возраста, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, имеющие выслугу 20 лет и более.

III. Часть 1 ст. 407 НК РФ дополнить пунктом, предусматривающим предоставление налоговых льгот в виде освобождения от уплаты налога на имущество физических лиц сотрудников уголовно-исполнительной системы, и изложить его в следующей редакции:

1. С учетом положений настоящей статьи право на налоговую льготу имеют следующие категории налогоплательщиков:

7.1) сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также граждане, уволенные с правом на пенсию по достижении предельного возраста, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, имеющие выслугу 20 лет и более.

Таким образом, налоговые льготы могут выступить в качестве действенного финансово-правового инструмента экономического стимулирования интереса к прохождению службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Выводы

Престиж службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации обеспечивается посредством установления системы социальных гарантий, способствующих формированию высокого социального статуса сотрудников. Как показали результаты проведенного нами исследования, дальнейшее реформирование уголовно-исполнительной системы представляется возможным лишь при условии повышения социального статуса сотрудников посредством повышения качества и доступности социальных гарантий. В настоящее время это одно из ключевых условий для укомплектования пенитенциарной системы достойными кадрами. Однако процесс реализации социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам, нельзя назвать качественным и эффективным. Полагаем, что среди основных причин, способствующих снижению эффективности

предоставления социальных гарантий сотрудникам, могут быть названы следующие:

1) финансирование обеспечения всей системы социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам уголовно-исполнительной системы, осуществляется по остаточному принципу, что естественным образом влияет на объем, доступность и качество их предоставления;

2) наличие правовых пробелов и коллизий в части реализации социальных гарантий;

3) приостановление или прекращение действия отдельных правовых норм, устанавливающих социальные гарантии сотрудников;

4) длительный период ожидания реализации отдельных видов социальных гарантий;

5) принципы гласности и открытости процедур рассмотрения и принятия решений по вопросам предоставления социальных гарантий сотрудникам не соблюдаются.

В целях решения ранее обозначенных нами проблем правового и организационного характера в части предоставления сотрудникам уголовно-исполнительной системы социальных гарантий предлагаем:

1. Увеличить объемы бюджетных ассигнований на реализацию социальных гарантий сотрудников.

Это возможно только при условии внесения изменений в налоговое законодательство Российской Федерации. В частности, предлагаем разработать прогрессивную шкалу налогообложения для налога на доходы физических лиц (НДФЛ): на доходы до 5 млн руб. ставка по-прежнему составит 13 %; от 5 до 25 млн руб. – 15 %; от 25 до 200 млн руб. – 20 %; от 200 и более млн руб. – 25 %. Дополнительные суммы НДФЛ предлагаем направить непосредственно в федеральный бюджет в целях покрытия расходных обязательств государства на увеличение денежного довольствия сотрудников и сотрудников иных силовых структур, а также на достойное финансирование действующей системы социальных гарантий.

2. Внести изменения в действующее законодательство в целях совершенствования правового регулирования и механизма предоставления социальных гарантий сотрудникам.

3. При проведении занятий по служебной-боевой подготовке на регулярной основе доводить до личного состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы информацию о системе социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам, а также процедуры их реализации, поскольку реализация правовых предписаний становится возможной лишь при условии информированности субъектов правоотношений.

4. Внедрить систему контроля осуществления мер по социальной защите сотрудников.

Таким образом, состояние правовой и социальной защиты сотрудников оказывает непосредственное влияние не только на эффективность функционирования и деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, но и на престиж службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Сформулированные нами предложения, направленные на решение обозначенных выше про-

блем правового регулирования и организации предоставления социальных гарантий сотрудникам, будут способствовать повышению качества нормативного материала в исследуемой области правового регу-

лирования, росту уровня социальной защищенности сотрудников, благоприятно отразится на их социальном статусе и, как следствие, авторитете службы в уголовно-исполнительной системе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заболонкова О. Социальные гарантии сотрудникам УИС, ФПС, органам наркоконтроля, таможенных органов с 2013 года // *Силловые министерства и ведомства: бухгалтерский учет и налогообложение*. 2013. № 4. С. 55–66.
2. Тарасова М. И. К вопросу о социальных гарантиях сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2015. № 3. С. 9–14.
3. Зинченко А. Э. Правовая защита и социальные гарантии сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и членов их семей как часть структуры имиджа уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Петербургские пенитенциарные конференции (Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 17–18 мая 2021 г.) : материалы конф. : в 4 т. СПб., 2021. Т. 3. С. 113–115.*
4. Глава ФСИН призвал правительство увеличить зарплату сотрудникам ведомства. URL: <https://www.interfax.ru/russia/951629> (дата обращения: 15.04.2024).
5. Stratton C. How much do prison officers earn? UK salary explained. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/23059707/how-much-prison-officers-earn-uk/> (дата обращения: 24.04.2024).
6. How much does a Jailer make? URL: https://www.glassdoor.com/Salaries/jail-salary-SRCH_KO0,4.htm?__cf_chl_tk=XltqOdBA_EjAviQ3.PKCjl6sHsiun2Vnl3DoylZCk8Y-1714027590-0.0.1.1-1663 (дата обращения: 24.04.2024).
7. Бураков Т. В. Социальные гарантии сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации как одно из условий прохождения ими службы // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2020. № 9. С. 66–70.
8. В ОНК Москвы поддержали идею увеличения зарплат работникам уголовно-исполнительной системы. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20528379?ysclid=lvtpquvyh432876017> (дата обращения: 29.04.2024).
9. Законопроект № 600538-8 «О внесении изменения в статью 2 Федерального закона “О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/600538-8?ysclid=lv7v7hxsyn423498251> (дата обращения: 30.04.2024).
10. Итоги деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за 2023 год. URL.: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2024).
11. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL.: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 25.04.2024).
12. Ишков Ю. В. Медицинские, социальные и организационные основы обеспечения безопасности сотрудников в пенитенциарных учреждениях России // *Вестник АГТУ*. 2019. № 2. С. 43–50.
13. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–март 2021 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2022. 436 с.
14. Тарасова М. И. Денежное довольствие и социальные гарантии сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Вестник Самарского юридического института*. 2015. № 3 (17). С. 74–79.

REFERENCES

1. Zabolonkova O. Social guarantees to employees of the Penitentiary Service, FPS, drug control authorities, customs authorities since 2013. *Silovye ministerstva i ve-domstva: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie = Law Enforcement Ministries and Departments: Accounting and Taxation*, 2013, no. 4, pp. 55–66. (In Russ.).
2. Tarasova M.I. On the issue of social guarantees for employees of the correctional system. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2015, no. 3, pp. 9–14. (In Russ.).
3. Zinchenko A.E. P Legal protection and social guarantees of employees of the penal enforcement system of the Russian Federation and their family members as part of the image structure of the penal enforcement system of the Russian Federation. In: *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii (Sankt-Peterburgskii universitet Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 17–18 maya 2021 g.) : materialy konf. : v 4 t. T. 3* [Saint Petersburg Penitentiary Conferences (Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, May 17–18, 2021): materials of the conference: in 4 volumes. Volume 3]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 113–115. (In Russ.).
4. *Glava FSIN prizval pravitel'stvo uvelichit' zarplatu sotrudnikam vedomstva* [Director of the Federal Penitentiary Service called on the government to increase the salaries of employees of the department]. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/951629> (accessed April 15, 2024).
5. Stratton C. *How much do prison officers earn? UK salary explained*. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/23059707/how-much-prison-officers-earn-uk/> (accessed April 24, 2024).
6. *How much does a jailer make?* Available at: https://www.glassdoor.com/Salaries/jail-salary-SRCH_KO0,4.htm?__cf_chl_tk=XltqOdBA_EjAviQ3.PKCjl6sHsiun2Vnl3DoylZCk8Y-1714027590-0.0.1.1-1663 (accessed April 24, 2024).
7. Burakov T.V. Social guarantees to employees of the penal system of the Russian Federation as one of the conditions for their service. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2020, no. 9, pp. 66–70. (In Russ.).
8. *V ONK Moskvy podderzhali ideyu uvelicheniya zarplat rabotnikam ugo-lovno-ispolnitel'noi sistemy* [The ONK of Moscow supported the idea of increasing salaries for employees of the administrative and executive system]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/20528379?ysclid=lvtpquvyh432876017> (accessed April 29, 2024).

9. *Zakonoproekt No. 600538-8 "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 2 Federal'-nogo zakona "O sotsial'nykh garantiyakh sotrudnikam nekotorykh federal'nykh or-ganov ispolnitel'noi vlasti i vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii"* [Draft Law No. 600538-8 "On Amendments to Article 2 of the Federal Law "On Social Guarantees to Employees of Certain Federal Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/600538-8?ysclid=ltv7hxsyn423498251> (accessed April 30, 2024).
10. *Itogi deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii za 2023 god* [Results of the activity of the penal system of the Russian Federation for 2023]. Available at: <https://fsin.gov.ru> (accessed April 25, 2024).
11. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed April 5, 2024).
12. Ishkov Yu.V. Medical, social and organizational bases for ensuring the safety of employees in penitentiary institutions of Russia. *Vestnik AGTU = Bulletin of the ASTU*, 2019, no. 2, pp. 43–50. (In Russ.).
13. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–mart 2021 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal enforcement system (January–March 2021): information and analytical collection]. Tver, 2022. 436 p.
14. Tarasova M.I. Monetary allowance and social guarantees for employees of the penal enforcement system. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3 (17), pp. 74–79. (In Russ.).
Information about the author

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

NADEZHDA V. ANISKINA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Статья поступила 21.05.2024

Научная статья

УДК 159.9.075

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.011

Особенности детско-родительских отношений у женщин ранней зрелости, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ

НАТАЛИЯ ОЛЕГОВНА МАКУХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, makuh.nataly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>

ФЕДОРА ЮРЬЕВНА ПОЛЕЩУК

Исправительная колония № 17 УФСИН России по Вологодской области, Шексна, Россия, fedorapoleshuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0095-6151>

Реферат

Введение: в статье представлены результаты исследования особенностей детско-родительских отношений у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, отбывающих наказание в исправительном учреждении в период ранней зрелости. Знание этих особенностей необходимо психологам уголовно-исполнительной системы, поскольку ведущей задачей периода наибольшей сензитивности осужденных женщин является разрешение семейных кризисов. Положительное разрешение кризиса соответствующего возрастного периода является залогом здорового развития личности осужденной в дальнейшем. Изучение важно для построения социально-психологических прогнозов, развития психотерапевтической практики и повышения эффективности подготовки помогающих специалистов. *Методы:* в эмпирическом исследовании использовались тесты «Родительно-детские отношения» Е. Шеффера и Р. Белла (адаптация Т. В. Нещерет), «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. В. Кауфмана. В качестве математических методов обработки и анализа данных использовались первичные статистики и непараметрический статистический U-критерий Манна – Уитни. *Результаты:* у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ в возрасте от 21 до 25 лет, в детско-родительских отношениях наблюдается излишняя эмоциональная дистанция, преобладают повышенные оптимизм, фантазирование и эмоциональная значимость, а у осужденных в возрасте средней зрелости – преобладают пассивность, ригидность и сниженная эмоциональная значимость. Женщины, осужденные за незаконный оборот наркотических веществ в возрасте от 26 до 35 лет, также характеризуются снижением выраженности особенностей, свойственных для возраста ранней зрелости. Им в большей мере присущи уравновешенность, бесконфликтность, стремление к открытому общению семейных, в частности детско-родительских, проблем. В отношении детей менее выражено проявление строгости и стремление к развитию активности ребенка. *Выводы:* в детско-родительских отношениях женщин ранней и средней зрелости, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, существуют особенности, которые необходимо учитывать при планировании и осуществлении психологического коррекционного воздействия в условиях исправительных учреждений и учреждений, исполняющих уголовные наказания без изоляции от общества.

Ключевые слова: детско-родительские отношения; осужденные за незаконный оборот наркотических веществ; особенности личности женщин; ранняя зрелость; средняя зрелость; периодизация Э. Эриксона.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Для цитирования: Макух Н. О., Полещук Ф. Ю. Особенности детско-родительских отношений у женщин ранней зрелости, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 321–328. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.011.

Original article

Features of Child-Parent Relations of Women of Early Adulthood Convicted of Drug Trafficking

NATALIYA O. MAKUKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, makuh.nataly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>

FEDORA YU. POLESHCHUK

Correctional Facility No. 17 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Sheksna, Vologda Oblast, Russia, fedorapoleshuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0095-6151>

Abstract

Introduction: the article presents results of the study of characteristics of child-parent relations among women convicted of drug trafficking serving sentences in a correctional facility in their early adulthood. Knowledge of these features is necessary for penitentiary psychologists, since resolution of family crises is the leading task of the period of the greatest sensitivity of convicted women. A positive resolution of the crisis of the appropriate age period is the key to healthy development of the convict's personality in the future. The study is important for building socio-psychological forecasts, developing psychotherapeutic practice and improving effectiveness of training specialists. *Methods:* the Parental Attitude Research Instrument by E. Schaefer and R. Bell as adapted by T.V. Neshcheret and the "Kinetic Family Drawing" by R. Burns and S. Kaufman were applied in the empirical study, primary statistics and the nonparametric statistical Mann-Whitney U-test were used as mathematical methods of data processing and analysis. *Results:* women aged 21–25 convicted of drug trafficking have excessive emotional distance in child-parent relationships, increased optimism and fantasy. In the same category of convicted women, passivity, rigidity and reduced emotional significance prevail in child-parent relationships. Women aged 26–35 convicted of drug trafficking are characterized by a decrease in the severity of features characteristic of the age of early adulthood. They are more characterized by balance, conflict-free attitude, and a desire for an open discussion of family, in particular, child-parent problems. In relation to children, the manifestation of strictness and the desire to develop the child's activity is less pronounced. *Conclusion:* in the child-parent relations of women of early and middle maturity convicted of drug trafficking, there are features that should be taken into account when planning and implementing psychological corrective action in correctional facilities and institutions that execute criminal penalties without isolation from society.

Key words: child-parent relations, convicted of drug trafficking, personality traits of women, early adulthood, middle maturity, periodization of E. Erickson.

5.3.9 Legal psychology and accident psychology.

For citation: Makukh N.O., Polishchuk F.Yu. Features of child-parent relations of women of early adulthood convicted of drug trafficking. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 321–328. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.011.

Введение

По данным официальной статистики, представленной Генеральной прокуратурой Российской Федерации, наблюдается устойчивая тенденция к значительному снижению количества преступлений за незаконный оборот наркотических средств. При этом по-прежнему сохраняется их удельный вес в общем количестве преступлений (второе место по распространенности). Совершенствуется база обеспечения стабильности процесса наркоснабжения за счет использования информационно-телекоммуникационных технологий и расширения роли женщины в сопровождении данного процесса. Исследователи стали все чаще обращаться к описанию особенностей личности женщин, осужденных за преступления в сфере незаконного наркооборота, как к ключевой фигуре, обеспечивающей стабильность процесса наркоснабжения. Было обнаружено формирование специфического для данной категории симптоматического комплекса, определяющего характер поведения в различных социокультурных условиях.

Различным проблемам женской преступности и наркопреступности посвящены работы К. В. Адушкиной [1], Ю. М. Антоняна, М. В. Гончаровой, Е. Б. Кургузкиной [2], Ф. Х. Байчоровой [3; 4], О. П. Белой, Л. М. Щербаковой [5; 6], Б. Г. Бовина, М. М. Москвитиной [7], Е. И. Елфимовой [8], Э. В. Зауторовой, Ф. И. Кевли [9], Т. В. Кирилловой [10], М. С. Коданевой [11–14], М. В. Овсянниковой [15], О. Н. Ракитской [16; 17], Н. М. Романовой, А. С. Сырицо [18], Д. В. Сочивко, О. И. Сочивко [19], Н. А. Цветковой [20], М. А. Черкасовой [21], А. С. Чертовиковой [22], Д. Кантер [23], Ц. Ломброзо [24] и др. Однако такой фактор, как семья, выступая одним из важнейших социальных институтов, освещается недостаточно, в основном в рамках описания статистической выборки, но не рассматривается в качестве полноценного социального феномена, оказывающего антикриминогенное влияние на преступность. В нашей стране внимание к структуре и развитию семьи, закономерностям детско-родительских отношений значительно возросло в последние десятилетия. Помимо того, что ценность семьи в российском обществе увеличивается, интерес к данной теме в отечественной психологии обусловлен в том числе разрозненностью теоретических и прикладных исследований, необходимостью создания эффективных методов работы с семьей.

Одним из важных факторов, влияющих на семейные отношения, является образ семьи, первично формирующийся у человека в родительской семье. Особенности детско-родительских отношений как многообразие взаимодействий родителей и детей изучали В. В. Абраменкова, Г. С. Абрамова, В. М. Даринская, В. Н. Дружинин, А. И. Захаров, С. В. Ковалев, Л. В. Куликов, Е. А. Савина, Н. Ю. Синягина, Е. О. Смирнова, И. С. Соколов, В. В. Солодников, А. С. Спиваковская, А. В. Суворов, Г. Фигдор, С. Д. Хачатурян, Г. С. Хоментausкас, Л. Б. Шнейдер, Е. Г. Эйдмиллер, Л. Ш. Леонард, С. Минухин, Ч. Фишман и др. В нашем исследовании мы придерживаемся того, что детско-родительские отношения являются важнейшей подсистемой отношений, представляющих

собой целостную систему, рассматриваемую нами как совокупность семейных разнообразных чувств к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, а также особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков.

Понятие «родительское отношение» достаточно широкое, но характеризующее в первую очередь эмоциональную сторону указанных отношений. Так, Е. С. Шеффером и Р. А. Беллом была предложена динамическая двухфакторная модель родительского отношения, основанная на выделении эмоционального (любовь – ненависть) и поведенческого (автономия – контроль) факторов, а Э. Г. Эйдмилер выделил три основных типа отношений родителей: излишней вовлеченности (авторитарный контроль), излишней отстраненности (эмоциональное отвержение) и оптимальный тип.

Важно уделять внимание детско-родительским отношениям осужденных за преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в период наибольшей сензитивности, когда разрешение семейных кризисов является ведущей задачей возраста, а именно в период ранней зрелости (20–25 лет по периодизации Э. Эриксона). Положительное разрешение кризиса соответствующего возрастного периода является залогом здорового развития личности осужденного в период отбывания наказания и после освобождения. Несмотря на большое количество исследований особенностей личности осужденных женщин за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, остается недостаточно изученной тема детско-родительских отношений в период ранней зрелости. Это важно для построения социально-психологических прогнозов, развития психотерапевтической практики, повышения эффективности подготовки помогающих специалистов.

Структура и методы исследования

Целью настоящего исследования является изучение особенностей детско-родительских отношений у женщин периода ранней зрелости, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ.

Гипотезой данного исследования является предположение о том, что у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, в возрасте ранней зрелости в детско-родительских отношениях наблюдается излишняя эмоциональная дистанция, преобладают повышенные оптимизм, фантазирование и значимость, а в возрасте средней зрелости – пассивность, ригидность и сниженная эмоциональная значимость.

Исследование проводилось на базе исправительной колонии общего режима для содержания осужденных женщин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы (ИК № 1 УФСИН России по Вологодской области). Выборка представлена 84 осужденными, которые были распределены по группам в соответствии с возрастом: ранняя и средняя зрелость, согласно периодизации Э. Эриксона.

Экспериментальная группа № 1 (ЭК № 1) – 42 осужденные женщины за преступления, связанные с

незаконным оборотом наркотических средств, в возрасте 20–25 лет.

Экспериментальная группа № 2 (ЭК № 2) – 42 осужденные женщины за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в возрасте 26–35 лет.

Для решения поставленных задач использовался следующий методический инструментарий: тест «Родительно-детские отношения» («семейная жизнь глазами матери» методика PARI (Е. Шеффер и Р. Белл, адаптация Т. В. Нещерет)); «Кинетический рисунок семьи» (Р. Бернс, С. Кауфман). В качестве математических методов обработки и анализа данных использовались первичные статистики и непараметрический статистический U-критерий Манна – Уитни.

Результаты исследования

По результатам теста «Родительно-детские отношения» Е. Шеффера и Р. Белла не было выявлено высоких или низких средних значений, однако были обнаружены следующие особенности в исследуемых группах.

1. Наиболее выраженными признаками детско-родительских отношений у осужденных женщин за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, вне зависимости от возраста являются «вербализация», «опасение обидеть», «уравнение отношения».

2. Показатели по признакам «ощущение самопожертвования», «излишняя строгость», «сверхавторитет родителей», «развитие активности ребенка», «стремление ускорить развитие ребенка» выражены сильнее у женщин, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в возрасте ранней зрелости, чем у осужденных в возрасте средней зрелости. По непараметрическому U-критерию Манна – Уитни значения были отмечены как достоверные на уровне $p \leq 0,05$.

3. Показатели по признакам «семейные конфликты», «раздражительность», «неудовлетворенность ролью хозяйки», «уклонение от конфликта» выражены сильнее у осужденных ранней зрелости. По непараметрическому U-критерию Манна – Уитни значения были отмечены как достоверные на уровне $p \leq 0,01$.

4. Наиболее выраженным типом отношения родителей к ребенку у женщин, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, вне зависимости от возраста является «оптимальный эмоциональный контакт», а наименее выраженным – «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком». Однако тип отношения родителя к ребенку «излишняя эмоциональная дистанция» выражен сильнее у женщин в возрасте средней зрелости. По непараметрическому U-критерию Манна – Уитни значения были отмечены как значимо выраженные ($p \leq 0,01$). Также отношения, обеспечивающие воспитание детей, так называемые педагогические, выражены сильнее у женщин в возрасте ранней зрелости (статистически значимый показатель $p \leq 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод, что для женщин, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, характерны такие признаки детско-родительских от-

ношений, как способность к вербализации, опасение обидеть и стремление к уравнению отношений в диаде ребенок – родитель вне зависимости от возраста.

В возрасте ранней зрелости (от 20 до 25 лет) данной категории осужденных свойственны более сильная выраженность ощущения самопожертвования в роли матери и неудовлетворенность собственной ролью хозяйки, раздражительность, вспыльчивость, более частое возникновение конфликтов на семейной почве при стремлении к уклонению от открытого противостояния в конфликте. В отношении детей они склонны к проявлению излишней строгости, суровости, присутствует превознесение авторитета родителей. При этом у рассматриваемой категории осужденных более выражено стремление развивать и ускорять активность и развитие ребенка.

Возраст средней зрелости (от 26 до 35 лет) характеризуется снижением выраженности особенностей, характерных для возраста ранней зрелости. Исследуемой группе лиц присущи уравновешенность, неконфликтность, стремление к открытому обсуждению проблем. В отношении детей менее выражено проявление строгости и стремления к развитию активности ребенка.

Наиболее выраженным типом отношения родителей к ребенку у женщин, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, вне зависимости от возраста является «оптимальный эмоциональный контакт», однако тип «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» наиболее часто представлен у группы в возрасте ранней зрелости, как и отношения, обеспечивающие воспитание детей, так называемые педагогические.

При анализе структурных и формальных элементов рисуночного теста «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса, С. Кауфмана были выявлены особенности, которые в последующем мы объединили в симптомокомплексы «Благоприятная семейная ситуация», «Тревожность в семье», «Конфликтность в семье», «Чувство неполноценности в семейной ситуации», «Враждебность в семейной ситуации» и сравнили с помощью непараметрического статистического U-критерия Манна – Уитни.

Нажим на карандаш позволяет судить об уровне психомоторного тонуса, общей активности, эмоциональной напряженности. Сила нажима отражается в жирности линий. Для женщин в возрасте ранней зрелости преобладающими типами нажима стали как сильный, так и слабый в равных пропорциях. Сильный нажим свидетельствует о сильном психическом напряжении, имеющем выход через амбициозность или агрессивность с тенденцией к их проявлению; настойчивости, проявлению напористости, склонности к застреванию на тех или иных переживаниях. Слабый нажим демонстрирует недостаточную уверенность в себе, робость, нерешительность, беззащитность, а также отражает сдержанность, низкий уровень энергетики, нередко сигнализирует о снижении настроения, депрессивном состоянии. У женщин средней зрелости слабый тип нажима встречается реже.

Особенности начертания линий могут свидетельствовать о тревожности, импульсивности, характере

самоконтроля. Для женщин в возрасте ранней зрелости наиболее часто используемым типом является множественность линий, а также не доведенные до конца линии. Множественность линий говорит о ситуативно обусловленном повышении уровня тревоги. Также это свидетельствует о том, что соответствующая сфера имеет для человека повышенную значимость: ассоциации, связанные с ней, вызывают у него стрессовую реакцию. Линия, в целом идущая в правильном направлении, но не доведенная до конца, часто является проявлением повышенной импульсивности. У женщин в возрасте средней зрелости не доведенные до конца линии встречаются реже.

Преобладающим размером рисунка у осужденных женщин вне зависимости от возраста является средний (от 1/3 до 2/3 листа). Однако второй по распространенности вариант отличается в зависимости от возраста зрелости женщины. Увеличенные рисунки, занимающие практически весь лист, характерны женщинам в возрасте ранней зрелости и свидетельствуют об эмоциональном возбуждении. Уменьшенные рисунки, в большей степени встречающиеся у женщин в возрасте средней зрелости, отражают чувство приниженности, робости, склонности к некоторой заторможенности при взаимодействии с людьми. Уменьшение размера рисунков может служить признаком снижения настроения, самооценки, а также свидетельствовать об общей заторможенности, пассивности.

Смещение рисунка вверх на листе преобладает у женщин в возрасте ранней зрелости и указывает на высокий уровень стремлений и активную фантазийную жизнь, чрезвычайный оптимизм, который часто ничем не оправдан. Женщины в возрасте средней зрелости в большинстве случаев располагают рисунок в центре листа или смещают изображение вверх. Отсутствие рисунка в нижней части листа говорит о восприятии невозможности реальных действий относительно членов своей семьи в период отбывания наказания в исправительном учреждении.

В 20 % случаев у женщин в возрасте ранней зрелости на рисунке отсутствует какое-либо изображение людей, но присутствует изображение растений, животных, предметов, что свидетельствует о полном отсутствии эмоционального контакта с собственной семьей, наличии бессознательных негативных чувств по отношению к отсутствующим, которые воспринимаются художником как запретные (например, ревность, агрессия). Это может свидетельствовать и о трудностях в самовыражении, поиске своего места в семейном пространстве.

Наличие домашних животных на 15 % исследованных рисунков у женщин в возрасте ранней зрелости является символом неудовлетворенных потребностей, например в поддержке, защите, тепле.

Расстояние, на котором находятся персонажи, изображенные на рисунке друг относительно друга, отражает психологическую дистанцию, существующую между ними. Персонажи, которые соприкасаются, находятся в тесном психологическом контакте. Так, у 31 женщины в возрасте ранней зрелости (74 % респондентов ЭГ № 1) телесный контакт присутствует со всеми членами семьи; у 6 женщин (14 % респон-

дентов ЭГ № 1) контакт присутствует между родителями, но отсутствует с ребенком; у 5 женщин (12 % респондентов ЭГ № 1) – полностью отсутствует. У 24 осужденных женщин в возрасте средней зрелости (58 % респондентов ЭГ № 2) на рисунках преимущественно отсутствует телесный контакт с семьей, у 10 женщин (24 % респондентов ЭГ № 2) он присутствует частично.

Изображение большого количества мелких деталей свидетельствует о фиксации на правилах порядка, а также склонности семьи к долгому удерживанию эмоций. Для 24 осужденных женщин в возрасте ранней зрелости (57 % респондентов ЭГ № 1) характерно схематичное изображение людей (без прорисовки отдельных частей тела). В качестве уточнения пола человека использовался такой атрибут, как длинные волосы, свойственные женщинам, короткие – мужчинам, а также подписи с именами членов семьи.

Для 29 осужденных женщин в возрасте средней зрелости (69 % респондентов ЭГ № 2) характерно более детализированное изображение семьи, при этом в 31 % случаев – на фоне пейзажа и дома ($n = 9$). В качестве надписей на рисунке были использованы имена родителей, родственников, «дом» и «love». Наиболее частыми дополнительными предметами изображения являются воздушные шары, сердечки, реке – предметы в руках родителей (букет, чемодан и т. п.). В большинстве случаев подобная атрибутика у осужденных женщин в возрасте ранней зрелости (27 (64 %) респондентов ЭГ № 1) отсутствует.

В целом у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, выявлен средний уровень по симптомокомплексу «Благоприятная семейная ситуация», высокий уровень по симптомокомплексу «Тревожность в семье» и низкий уровень по симптомокомплексам «Конфликтность в семье», «Чувство неполноценности в семейной ситуации», «Враждебность в семейной ситуации».

Таким образом, для женщин, осужденных за преступление, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в возрасте ранней зрелости на момент обследования характерны выраженность гипо- или гипертонуса, импульсивность, высокий уровень склонности к фантазированию и чрезвычайному оптимизму, наличие трудностей в самовыражении в окружении близких людей и в определении своего места в семейном пространстве, наличие неудовлетворенных потребностей в поддержке и защите. Однако сфера семейных отношений для рассматриваемой категории лиц обладает повышенной значимостью, отсюда и выраженное стремление к сохранению психологического контакта с членами своих родительских семей.

Для женщин в возрасте средней зрелости более выражен ровный фон настроения, уверенность в себе, планомерность поведения. При взаимодействии с людьми могут проявляться заторможенность, пассивность, ригидность, фиксация на определенных правилах. Отмечаются слабость либо отсутствие контакта с родительской семьей, дистанцированность, а также снижение эмоциональной значимости семьи.

Выводы

Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о том, что такой тип детско-родительских отношений, как излишняя эмоциональная дистанция, будет представлен чаще в возрастной группе периода ранней зрелости, чем в группе возраста средней зрелости женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ. Тема семьи для первой группы обладает значимостью, что проявляется в повышенном оптимизме и фантазировании, свойственных лицам данной группы. При этом у женщин в возрасте средней зрелости в детско-родительских отношениях наблюдаются пассивность, ригидность и сниженная эмоциональная значимость.

На основе полученных результатов исследования представлены рекомендации по общей организации, направленной на осознание женщинами роли семейных связей и понимание значимости семьи и собственной ответственности в ней психологической работы, включающей:

– психологическое консультирование по вопросам воспитания детей, личностного развития, особенностей ролевых обязанностей (индивидуальные, однопоколенные и межпоколенные отношения);

– психологическую коррекцию установок на семейные отношения осужденных женщин, которую можно реализовывать с использованием методов когнитивно-поведенческой терапии, транзактного анализа, экзистенциальной терапии, арт-терапии, позитивной и семейной психотерапии. При организации указанного направления необходимо оказать помощь осужденным женщинам в осознании и эмоциональном отреагировании имеющегося психотравмирующего семейного опыта, преодолении неэффективных способов взаимодействия в межличностных контактах с членами семьи, изменении неадекватного восприятия своей семьи и формировании семейных жизненных планов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адушкина К. В. Психологическое насилие в семейных отношениях // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54, Ч. 5. С. 245–251.
2. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 94–114.
3. Байчорова Ф. Х. Убийство матерью новорожденного ребенка. Тенденции // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 35, Ч. 1. С. 39–41.
4. Байчорова Ф. Х. Формирование личности женщины криминогенного типа // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 35, Ч. 1. С. 36–39.
5. Щербакова Л. М., Белая О. П. Индивидуально-психологический профиль женщин, осужденных за насильственные преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 35–44.
6. Щербакова Л. М., Белая О. П. Женское и мужское криминальное насилие: компаративный анализ // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 69–75.
7. Москвитина М. М., Бовин Б. Г. Психологическая характеристика осужденных беременных женщин // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 15–29.
8. Елфимова Е. И. Механизм трансформации жертвы в преступницу под воздействием домашнего насилия // Юридическая наука и практика: альм. науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России / гл. ред. Р. А. Ромашов. Самара, 2014. С. 138–140.
9. Кевля Ф. И., Зауторова Э. В. Особенности осознания семьи у осужденных женщин в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 11 (234). С. 58–64.
10. Кириллова Т. В. Опыт реализации ведомственной программы социально-психологической работы в отношении осужденных женщин, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуж. деят. науки Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. В. П. Малкова: в 2 ч. Чебоксары, 2020. Ч. 2. С. 431–436.
11. Коданева М. С. К вопросу о жизнестойкости осужденных женского пола // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2021. С. 244–248.
12. Коданева М. С. К вопросу о структуре эмоционального интеллекта осужденных женщин // Дискуссионные вопросы пенитенциарной науки и практики: сб. науч. тр. проф.-преподават. состава ВИПЭ ФСИН России: в 4 ч. / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2022. Ч. 3. С. 20–26.
13. Коданева М. С. Саморегуляция как ресурс жизнестойкости осужденных женщин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2022. С. 255–259.
14. Коданева М. С. Социальная идентичность женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических средств // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72, Ч. 3. С. 386–389.
15. Овсянникова М. В. Особенности проявления эмоциональной зрелости осужденными женского пола, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Психология и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 94–108.
16. Ракитская О. Н. Самоотношение осужденных женщин с разной степенью эмоциональной стабильности как условие их ресоциализации в пенитенциарном процессе // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: сб. науч. тр. Вологда, 2018. С. 154–158.
17. Ракитская О. Н. Ценностные ориентации женщин, осужденных за преступления, связанные со сбытом наркотических веществ // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 57, Ч. 5. С. 362–369.

18. Романова Н. М., Сырицо А. С. Фактор детства и его влияние на формирование личности женщин-преступниц // Психология и педагогика семьи : материалы III Междунар. науч.-практич. конф. Саратов, 2018. С. 151–156.
19. Сочивко Д. В., Сочивко О. И. Сравнительный анализ психологических защит экзистировующего «Я» личности у осужденных женщин нарушителей режима и осужденных женщин, не имеющих нарушений // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2021. № 11 (201). С. 582–585.
20. Цветкова Н. А. Некоторые социально-психологические аспекты профилактики рецидивной женской преступности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2 (213). С. 45–51.
21. Черкасова М. А. Психологические особенности семейно-родительских отношений женщин, ранее отбывавших лишение свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 2 (46). С. 265–270.
22. Чертовикова А. С. Образ «Я» осужденных женщин, имеющих наркотическую зависимость // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76, Ч. 4. С. 414–417.
23. Кантер Д. Криминальная психология. Харьков, 2021. 368 с.
24. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка / пер. с итал. Г. Гордона. СПб., 2017. 349 с.

REFERENCES

1. Adushkina K.V. Psychological violence in family relations. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2017, no. 54-5, pp. 245–251. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Goncharova M.V., Kurguzkina E.B. Newborn child murder committed by his mother: criminal legal and criminological problems. *Lex Russica = Russian Law*, 2018, no. 3 (136), pp. 94–114. (In Russ.).
3. Baichorova F.Kh. The murder of a newborn child by a mother. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2018, no. 35-1, pp. 39–41. (In Russ.).
4. Baichorova F.Kh. The formation of the personality of a criminogenic type of woman. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2018, no. 35-1, pp. 36–39. (In Russ.).
5. Shcherbakova L.M., Belaya O.P. Personal psycholog profile of women convicted for violent offenses. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.).
6. Shcherbakova L.M., Belaya O.P. Female and male criminal violence: a comparative analysis. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2015, no. 2 (52), pp. 69–75. (In Russ.).
7. Moskvitina M.M., Bovin B.G. Psychological characteristics of convicted pregnant women. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 15–29.
8. Elfimova E.I. The mechanism of transformation of a victim into a criminal under the influence of domestic violence. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii* [Legal science and practice: almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ed. by Romashov R.A. 2014. Pp. 138–140. (In Russ.).
9. Kevlya F.I., Zautorova E.V. Specific features of family awareness among convicted women in prisons. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2021, no. 11 (234), pp. 58–64. (In Russ.).
10. Kirillova T.V. The experience of implementing a departmental program of socio-psychological work in relation to convicted women with alcohol and drug addiction. In: *Pravovye i нравstvennye aspekty funktsionirovaniya grazhdanskogo obshchestva: sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zaslužennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora V.P. Malkova. V 2-kh ch.* [Legal and moral aspects of the functioning of civil society: collection of materials of the International Scientific and Practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor V.P. Malkov. In 2 parts]. Cheboksary, 2020. Pp. 431–436. (In Russ.).
11. Kodaneva M.S. On the question of the resilience of female convicts. In: *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya: materialy III Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf.* [The penal system: realities and development prospects: materials of the III International scientific and practical conference]. Pskov, 2021. Pp. 244–248. (in Russ.).
12. Kodaneva M.S. On the structure of the emotional intelligence of convicted women. In: *Diskussionnye voprosy penitentsiarnoi nauki i praktiki: sb. nauchnykh trudov professorsko-prepodavatel'skogo sostava VIPE FSIN Rossii. V 4-kh chastyakh* [Controversial issues of penitentiary science and practice: collection of scientific papers of the faculty of the VILE of the FPS of Russia. In 4 parts]. Ed. by Nekrasov V.N. Vologda, 2022. Pp. 20–26. (In Russ.).
13. Kodaneva M.S. Self-regulation as a resource for the resilience of convicted women. In: *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo: materialy ezhgodnoi Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf.* [Penal system: pedagogy, psychology and law: materials of the annual All-Russian scientific and Practical conference]. Tomsk, 2022. Pp. 255–259. (In Russ.).
14. Kodaneva M.S. Social identity of women convicted of drug trafficking. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2021, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-identichnost-zhenschin-osuzhdennyh-za-nezakonnyy-oborot-narkoticheskikh-sredstv> (In Russ.). (Accessed September 9, 2023).
15. Ovsyannikova M.V. Features of the manifestation of emotional maturity by female convicts serving a sentence of imprisonment. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 94–108. (In Russ.).
16. Rakitskaya O.N. Self-attitude of convicted women with varying degrees of emotional stability as a condition for their re-socialization in the penitentiary process. In: *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy na sovremennom etape: sb. nauch. tr.* [Topical issues of the activity of the penal system at the present stage: collection of scientific papers]. Vologda, 2018. Pp. 154–158. (In Russ.).
17. Rakitskaya O.N. Valuable orientations of women accused for crimes related to the sales of drug substances. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2017, no. 57-5, pp. 362–369. (In Russ.).

18. Romanova N.M., Syritso A.S. The factor of childhood and its influence on the formation of the personality of women criminals. In: *Psikhologiya i pedagogika sem'i: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Psychology and pedagogy of the family: materials of the III International scientific and practical conference]. 2018. Pp. 151–156. (In Russ.)
19. Sochivko D.V., Sochivko O.I. Comparative analysis of psychological defenses of the outgoing "I" personality among convicted women violators of the regime and convicted women who have no violations. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific notes of the Lesgaft University*, 2021, no. 11 (201), pp. 582–585. (In Russ.)
20. Tsvetkova N.A. Some socio-psychological aspects of the prevention of recurrent female crime. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2020, no. 2 (213), pp. 45–51. (In Russ.)
21. Cherkasova M.A. Psychological features of family and parental relations of women who previously served imprisonment. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Correction, Punishment, Correction*, 2019, vol. 13, no. 2 (46), pp. 265–270. (In Russ.)
22. Chertovikova A.S. The image of the "I" of convicted women with drug addiction. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2022, no. 76-4, pp. 414–417. (In Russ.)
23. Kanter D. *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal Psychology]. Kharkov, 2021. 368 p. ISBN 978-617-7528-68-4.
24. Lombroso Ch. *Zhenshchina prestupnitsa i prostitutka* [A criminal woman and a prostitute]. Saint Petersburg, 2017. 349 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАТАЛИЯ ОЛЕГОВНА МАКУХ – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии служебной деятельности факультета психологии и пробацции Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, makuh.nataly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>

ФЕДОРА ЮРЬЕВНА ПОЛЕЩУК – психолог психологической лаборатории исправительной колонии № 17 УФСИН России по Вологодской области, Шексна, Россия, fedorapoleshuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0095-6151>

NATALIA O. MAKUKH – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Professional Activity Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, makuh.nataly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>

FEDORA YU. POLESHCHUK – Psychologist at the Psychological Laboratory of Correctional Facility No. 17 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Sheksna, Vologda Oblast, Russia, fedorapoleshuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0095-6151>

Статья поступила 08.05.2024

Научная статья

УДК 316.35

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.012

Роль общественных формирований в воспитательной и социальной работе в учреждениях уголовно-исполнительной системы

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ ТИМОЩУК

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с развитием общественных формирований внутри уголовно-исполнительной системы. Эти сообщества не только должны способствовать социальному росту системы, но и действовать на дерегулированной, инициативной основе. *Цель:* проанализировать способы функционирования общественных организаций внутри российской пенитенциарной системы. *Методология* исследования опирается на: 1) изучение правовой базы функционирования общественных формирований; 2) интент-анализ саморепрезентаций ФСИН России по отношению к общественным формированиям, куда относятся сведения из открытых источников, заявления руководителей, аналитические обзоры и иные некорпоративные публикации. Для обработки текстов использовались количественный и качественный подходы. Онлайн-заявления предполагают интериоризацию тематики и ее активное воспроизводство в широком социальном дискурсе с отсылками к истории явления и его значимости для символического воспроизводства. Семантическое кодирование топики общественных формирований структурируется по аналогии с «черным ящиком» с разными входами и выходами: 1) сильная позитивная эмоция по отношению к общественным формированиям в управленческом звене, 2) определенная критическая позиция по отношению к общественным формированиям на низовом уровне. Классификация интенций, паттернов, детерминантов позволяет менять фокусировку исследования, что делает анализ интересным и продуктивным. При этом общественные формирования неизменно находились в сфере медийного внимания в связи с демократизацией институтов, целевыми ориентирами повышения управляемости системами. *Результаты:* 1) изучена практика общественных формирований с учетом позиции воспитательной и социальной работы с личным составом; 2) систематизированы проблемные вопросы в сфере функционирования общественных формирований; 3) сформулированы решения по задаче профилактики правонарушений с участием сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; общественные формирования; воспитательная работа; социальная работа; добровольчество; волонтерство.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Тимощук А. С. Роль общественных формирований в воспитательной и социальной работе в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 329–334. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.012.

Role of Public Associations in Educational and Social Work in Penitentiary Institutions

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

Abstract

Introduction: the article considers problems related to the development of public associations in the penal system. These associations should not only contribute to the social growth of the system, but also act on a deregulated, proactive basis. *Purpose:* to analyze ways of functioning of public associations in the Russian penitentiary system. The research *methodology* is based on: 1) the study of legal foundations for public association functioning; 2) the intent analysis of self-representations of the Federal Penitentiary Service in relation to public associations, which includes information from open sources, statements of authorities, analytical reviews and other non-corporate publications. Quantitative and qualitative approaches are used to process the texts. Online statements suggest internalization of the topic and its active reproduction in a broad social discourse, with references to the history of the phenomenon and its significance for symbolic reproduction. The semantic coding of the topography of public associations is structured by analogy with a “black box” with different inputs and outputs: 1) a strong positive emotion towards public associations in the management level, 2) a certain critical position towards public associations at the grassroots level. Classification of intentions, patterns, and determinants helps change the focus of the study, which makes the analysis interesting and productive. At the same time, public associations have always been in the sphere of media attention in connection with the democratization of institutions, targets for increasing the manageability of systems. *Results:* 1) the practice of public associations is studied, taking into account the position of educational and social work with personnel; 2) problematic issues in the field of functioning of public associations are systematized; 3) solutions to the problem of crime prevention with the participation of employees of the penal system are formulated.

Key words: penal system; public associations; educational work; social work; volunteerism.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Tymoshchuk A.S. Role of public associations in educational and social work in penitentiary institutions. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 329–334. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.012.

Введение

Популярное высказывание «люди – новая нефть» перенаправляет наше внимание на ресурсность человека в обществе знаний и коммуникаций. Тема чрезвычайно важна и для управленческих трендов, улучшения системы безопасности государства и общества. Разные аспекты проблемы влияния общественных формирований изучались рядом авторов: 1) общественный контроль в современной России (В. Н. Аникиенко, В. П. Беляев, Р. В. Горнев, С. М. Зубарев, Т. В. Милушева, Ю. В. Соболева, В. К. Самохвалова); 2) правовые аспекты общественного контроля (В. В. Гриб, Л. В. Карнаушенко, Е. В. Маркина, Т. Н. Михеева, Р. Р. Рахимова, И. В. Рукавишникова); 3) влияние цифровой трансформации на общественный контроль (Н. С. Лисина, Н. В. Кузнецов); 4) обращения граждан как инструмент повышения эффективности взаимодействия населения и власти (А. Е. Лапин, Н. И. Борисов); 5) общественный контроль в уголовно-исполнительной системе (Н. В. Попова, Е. А. Сафонова, В. В. Федоров).

ФСИН России как масштабная федеральная структура с многотысячным штатом заинтересована в использовании ресурса общественных формирований. Волонтерство и каритативная деятельность

выделились как общественные инициативы благодаря своей ресурсности [1]. Неравнодушие, чувство единения, эмпатия, сопричастность, солидарность, служение – таков набор персоналистских качеств деятельности без финансовой выгоды, что делает добровольчество важным социальным явлением и заставляет обратить на себя внимание государства.

Общественные организации создаются в процессе гражданской синергии, спонтанного совместного интереса, неожиданно возникающих потребностей в хозяйствовании, безопасности, информировании, социальном и смысловом порядке. Они строятся на дерегулированной, свободной основе, с упрощенными процедурами входа и выхода и могут распадаться после решения тех или иных общественных вопросов. Видов общественных организаций существует достаточно много, выделим те, которые могут представлять интерес для правоохранительных органов в качестве направлений: благотворительные, волонтерские, религиозные, спортивные, творческие, профессиональные, культурные, молодежные, студенческие, женские, наблюдательные, образовательные, экспертные, клубные, экологические, экономиче-

ские, научные, этнические. Они могут принимать разные организационные формы: кружки, ассоциации, союзы, общины, землячества, советы, НКО, фонды, движения, партии. Меняются организационные структуры, порядок членства, виды деятельности, цели, но неизменно одно – общественные организации решают социальные проблемы, не преследуя извлечение прибыли. При этом внешние общественные формирования могут иметь свои интересы в виде получения статуса, закрепления бренда, сохранения влияния, агрегации контактов, осуществления социальной разведки для других структур. Общественные формирования, функционирующие в учреждениях уголовно-исполнительной системы, не могут иметь независимые от организации цели или такие, которые направлены на причинение ущерба службе.

Общественные формирования – это целостная, активно проявляющаяся система с определенными функциями (в зависимости от направления) и взаимодействием между индивидами, группами, структурными подразделениями, созданная для удовлетворения общественно-политических, экономических, социальных и духовных интересов и потребностей людей.

К общественным формированиям относятся общественные организации разного направления, которые основаны на обязательном членстве, создаются гражданами для защиты общих интересов и достижения своих уставных целей в социально-культурной сфере.

Распределение добровольных общественных формирований учитывает специфические особенности направления и содержания их работы (общественные организации, общественные движения, общественные объединения, профсоюзы, благотворительные организации, детские и молодежные объединения, неформальные группы и объединения, женские организации, ветеранские общественные формирования, конфессиональные формирования, научные и научно-технические просветительские общества, экологические организации и др.); состав участников (дети, молодежь, взрослые, пенсионеры и др.); формы и методы деятельности. К общественным формированиям относятся и ветеранские: Союз ветеранов Афганистана, Союз ветеранов Чечни, Союз ветеранов СВО, Общероссийская общественная организация ветеранов уголовно-исполнительной системы и т. д.

Общественные организации, движения, объединения, фонды, союзы, инициативы, центры, клубы – все это структуры, которые объединяет зонтичный термин «общественные формирования». Они могут быть зарегистрированными и нет, но по сути остаются инициативными, самоуправляемыми, добровольными, некоммерческими институтами. Все эти социальные формы объединяет стремление к реализации общих проектов и интересов.

Основная проблема общественных формирований ФСИН России, как и других ведомственных структур, заключается в том, что они не всегда создаются снизу, как должны, а используются инструментально, для отчетности перед наблюдательными комиссиями, прокуратурой, центральным аппаратом. Специфика же работы правоохранительных органов заключается в том, что здесь остро стоит проблема психоэмоционального выгорания [2], профессиональной деформации [3], стресса, плотности и скорости коммуни-

каций [4]. Одна из мотиваций поступления на службу заключается в социальных гарантиях, однако в условиях повышенной регламентации и рабочих неврозов любая другая дополнительная, подаваемая как общественная, нагрузка может восприниматься как нежелательная. Кадровая работа требует особого внимания и такта при привлечении на общественных началах к участию в ведомственных состязательных мероприятиях. Например, сотрудник испытывает синдром профессионально-эмоционального истощения от переработки, а ему отдел кадров настойчиво предлагает принять участие в конкурсе семейных пар «Звездные судьбы», не учитывая (не зная?), что пара на грани развода в силу выгорания на работе. Это вызывает эмоциональный диссонанс. Или перед сотрудником-женщиной ставит задачу принять участие в конкурсе «Мисс УИС», что не только требует дополнительных финансовых и временных расходов (создание сценария, укладка, художественное фото в вечернем платье, видеоматериалы высокого разрешения), но, самое главное, желания и настроения. Переход из рабочего стресса в женское состояние по команде нельзя считать инициативой. Причем все предлагаемые сотрудникам инициативы достойны и хорошо разработаны. Главная проблема заключается в том, что они перестают быть инструментом формирования корпоративной общественной жизни, когда становятся обязательными. Иначе говоря, конкурс, который должен воодушевлять и повышать самооценку, превращается в головную боль и переживание. Карьерная напористость и непрофессионализм в продвижении социально инициативных форм могут создать дополнительные проблемы в коллективе.

При правильной организации конкурса «Мисс УИС» раскрывается творческий, имиджевый, социальный потенциал ФСИН России, ведь участницы демонстрируют национальные костюмы, что подчеркивает интернациональный характер федеральной службы, представляют навыки служебной деятельности и физической подготовки, хореографическое мастерство. Многие женщины, проходящие службу в уголовно-исполнительной системе на разных должностях, обладают яркими талантами, желают показать себя и принять участие в таком соревновании [5].

С учетом высокой служебной загруженности участие в отдельных видах общественных формирований (женский совет, совет молодых специалистов и т. п.) может вызывать у сотрудников негативную реакцию. В таких условиях востребованы только профессиональные союзы, которые занимаются не путевками и спортивными мероприятиями, а острыми социальными вопросами – получение жилья, учет рабочего времени и др. Однако такие низовые профсоюзы за права силовиков запрещены во многих странах, включая Россию, и это справедливо, так как правоохранительные органы и армия должны обеспечивать порядок, их нельзя дестабилизировать. Вопросы нормирования труда, предотвращения выгорания, экономической компенсации за особые условия службы должны решаться без создания общественных формирований по защите трудовых прав, через докладные записки, депутатские запросы, экспертные оценки. Нельзя доводить воинское сословие до того, чтобы оно создавало общественные формирования, нелояльные государству. Понятно, что во-

прос некомплекта и низкой оплаты труда комплексный и решить его только деньгами нельзя. Однако в условиях, когда невозможно закрыть проблемы с персоналом, существует надежный метод по снятию проблемы профессионального выгорания действующих сотрудников – де бюрократизация персонала, уменьшение бумажной нагрузки, устранение лишних, «представительских» функций, создание более эффективной штатной системы управления без избыточных отчетов [6].

Значит ли, что общественные формирования не имеют будущего в силу перегрузки сотрудников ФСИН России? Ситуация не такая простая и однородная. Общественные формирования обладают огромным потенциалом в ситуации сетевого общества, субъектами которого выступают все подчиненные в иерархии ФСИН России. Когда пользователи корпоративного ресурса участвуют в принятии решений относительно его использования, они с большей вероятностью будут следовать правилам, которые они помогли создать. Сильная социальная связь способствует долгосрочной встроенности работника в корпорацию, его ответственному поведению, лояльности организации. Благодаря общественным формированиям организация зарабатывает социальный капитал, который можно использовать в более эффективном выполнении задач и процессов, расходовать во время преодоления трудных периодов делового цикла. Горизонтальные связи дают внерыночный эффект устойчивости и эффективности. Синергетический эффект социального – есть ответ на вопрос, почему нужны институты нерыночного, неадминистративного характера. Они способствуют устойчивому управлению ресурсами. Продуктивность, доверие, разные формы сотрудничества, стабильность, коллективизм, легитимность – все это плоды низовых форм взаимодействия [7].

Общественные формирования делают формальные структуры дружелюбными гражданам, именно для этого и пытается учредитель их внедрить, то есть решения принимаются правильные, но спускаются они на перегруженных сотрудников, которым «не до женсоветов».

Инициативные группы, успешные в своей общественной деятельности, существуют. История успеха общественного формирования в УФСИН России по Ставропольскому краю основана на привлечении сотрудников с активной жизненной позицией, неравнодушных к судьбам коллег. Женсовет в региональном управлении выполняет самые разные задачи: помощь вдовам, многодетным семьям, содействие в улучшении бытовых условий.

Содействие в укреплении служебной дисциплины в коллективе, установление комфортного морально-психологического климата – все это заслуга женсовета; главное, не навредить вмешательством и не заставлять работать из-под палки. Сложности в семье, недопонимание с руководством, внимание к тревожным сигналам, досуговые мероприятия – таково поле разнообразной деятельности. Женсовет участвует в обсуждении планов по совершенствованию деятельности учреждений и охватывает 96 активных и инициативных членов региональных формирований [8].

В целом можно выделить три модели взаимодействия с общественными организациями во ФСИН России: развитая, умеренная и минимальная. Самая развитая модель присуща образовательным органи-

зациям в силу того, что в ней значительную долю составляет переменный состав, проходящий обучение и воспитание. Иначе говоря, курсанты ФСИН России – основной целевой ресурс и потребитель услуг общественных организаций (ветеранских, офицерских, курсовых, музейных советов). Умеренную модель развития общественных структур представляют региональные управления ФСИН России, в силу того что они образцово выполняют все решения и инициативы центрального аппарата. Минимальная модель развития общественных структур реализована в большинстве учреждений уголовно-исполнительной системы (за редким исключением, где есть сотрудники энтузиасты-общественники). Колонии, тюрьмы, инспекции сосредоточены на своих главных функциях, для поддержания общественных структур там не остается ни сил, ни времени. Отсюда встает вопрос о роли общественных формирований, функционирующих в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в воспитательной и социальной работе с личным составом и профилактике правонарушений с участием сотрудников. Она пропорциональна степени присутствия общественных структур в организации.

Таким образом, проблемы общественных формирований появляются тогда, когда нарушается принцип инициативности, начинания не канализируются как общественные, не идут снизу. Может быть высказано возражение, что от сотрудников в принципе не стоит ждать инициативы. Это не совсем так. Многие ветераны проявляют искреннюю заинтересованность в общественном служении. Научные школы и научные кружки в вузах ФСИН России вполне могут быть инициативными собраниями, основанными на энтузиазме преподавателей. Процессы самоорганизации общественных работников в коллективах также составляют положительные примеры. Рассмотрим несколько направлений деятельности общественных формирований.

Наставничество. Такая общественная форма, как наставничество, призвана стабилизировать деятельность подразделений, снизить некомплект, количество взысканий, увольнений на первом году службы [8]. Накоплен положительный опыт организации советов наставников: 1) работа советов наставников существенно облегчает контроль за включением молодого сотрудника в служебную деятельность; 2) эффективность воспитания подшефных зависит от уровня подготовки самих наставников; 3) программу подготовки наставника составляют лекции, семинары и практические занятия; 4) советы наставников пользуются авторитетом в учреждениях, так как влияют на социальные вопросы – закупка спортивного инвентаря, ремонт спортивного зала, улучшение условий службы и досуга; 5) наставничество, методическая работа и обучение наставников поощряются руководством [9].

Деятельность общественных советов. Несмотря на то что основной фронт работы общественных советов приходится на осужденных (улучшение материально-бытовых условий, содействие в ресоциализации), общественники не забывают и про сотрудников: оказывают помощь в проведении детских программ, военно-полевых игр, мероприятий по пропаганде здорового образа жизни, что также содействует укреплению институтов порядка и гражданского общества [6].

К деятельности общественных советов привлекают публичных лиц с медийным капиталом, что улучшает имидж и функционал пенитенциарной системы. Так, известный психолог М. И. Хасьминский в свое время проходил службу в правоохранительных органах, затем столкнулся с необходимостью преодоления тяжелой болезни, встал после выздоровления на путь помощи людям через инструментарий кризисной психологии. Как эксперт и медийное лицо он создает для Общественного совета при ФСИН России положительный имиджевый ресурс. Михаил Игоревич выбрал в качестве основного направления взаимодействие с сотрудниками ФСИН России, ибо, по его убеждению, положение в пенитенциарной системе определяет кадровый потенциал. Психолог, посещая учреждения ФСИН России, делится знаниями, полезными как в профессиональной, так и повседневной жизни, проводит семинары по превенции суицида, семейным ценностям; доносит до руководства информацию о проблемах офицерского и рядового состава [10].

Другие распространенные формы взаимодействия с общественными организациями: 1) приглашение ветеранов-снайперов [11]; 2) индивидуальные воспитательные беседы [12]; 3) встреча с передовиками службы [13]; 4) взаимодействие с правоохранительными органами [14]; религиозными организациями [15]; 5) культурно-массовые мероприятия [16]; 6) приглашение гражданских общественников [17]; 7) поддержка низовых инициатив [18]; 8) содействие в улучшении бытовых условий [8].

Таким образом, разнообразные формы работы общественных формирований выступают фактором укрепления дисциплины сотрудников ФСИН России. Ветеранские, офицерские, курсантские музейные советы особенно значимы для воспитательной и социальной работы с личным составом, для профилактики правонарушений с участием сотрудников. Курсанты, которые попадают на совет курса по дисциплинарным вопросам и успеваемости, предстают перед ветеранами с большим жизненным опытом. Держать ответ за свое поведение курсантам приходится перед грозными и заботливыми полковниками.

Отдельные проблемы с функционированием общественных формирований связаны с перегрузкой сотрудников, переработкой, стремлением получить положительную отчетность.

Выводы

Общественные формирования в уголовно-исполнительной системе призваны: 1) улучшать управляемость учреждениями, используя инициативу снизу; 2) содействовать в решении социально-бытовых проблем; 3) удовлетворять разнообразные досуговые потребности.

Общественные формирования носят локальный, матричный характер, не имеют юридических прав, территориального управления, действуют по месту дислокации конкретного учреждения. Из открытых

источников мы можем узнать, что количество общественных формирований в уголовно-исполнительной системе превышает пять тысяч единиц, а объединяют они более 60 тысяч сотрудников.

Проведенная оценка общественных формирований, функционирующих в учреждениях уголовно-исполнительной системы, их участия в воспитательной и социальной работе с личным составом и профилактике правонарушений с участием сотрудников, позволила сделать следующие выводы:

- первыми по значимости следует ранжировать этические общественные инициативы, такие как совет наставников, офицерское собрание, совет курса, совет факультета, совет курсантов;

- значимым следует признать работу советов ветеранов;

- знакомство новых сотрудников с общественными формированиями помогает влиться в коллектив, адаптироваться;

- использование общественных формирований (офицерские собрания, курсантские объединения, наставники) способствует профилактике коррупции, передаче положительного опыта службы и нейтрализации негативных тенденций (суицид, дисциплинарные нарушения, административные и уголовные правонарушения);

- негативное мнение, что роль общественных формирований преувеличена, что их реальный импакт, а не виртуально-отчетный, постепенно сходит на нет, что этими инициативами занимаются сотрудники по ведомственному приказу, а настоящий низовой энтузиазм – это фикция, само по себе является эмоциональной гипертрофированной реакцией;

- более детализированное рассмотрение позволяет оценить вклад общественных организаций, нацеленных на воспитание и передачу опыта; которые, особенно для образовательных организаций, выступают опорой в работе с курсантами. Ветераны остро переживают реформы правоохранительных органов, осознают трудности, с которыми сталкиваются молодые сотрудники, и многие из них готовы найти время, слова и личное внимание для коллективов, где они работали долгое время;

- позитивные изменения в поведении сотрудника, склонного к нарушению дисциплины, возможны через взаимодействие с общественными структурами при условии их неформального, ценностного наполнения;

- нежелание сотрудников принимать участие в общественных формированиях можно преодолеть при условии подбора сотрудников воспитательных отделов, которые должны обладать профессиональными знаниями, инициативностью, креативностью, эмпатией, мотивированностью;

- важным фактором остается поощрение сотрудников за воспитательную работу при квартальном рассмотрении результатов служебной дисциплины и недопущении противоправных поступков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семенов И. А. Инновационные формы каритативной деятельности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 4 (43). С. 81–90.
2. Поливаева Н. П. Профессиональное выгорание сотрудников правоохранительных органов и УИС: признаки и пути преодоления // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Воронеж, 2012. С. 706–712.

3. Морозов В. М., Тимошук А. С. Психологические нагрузки преподавателей-сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*. 2017. № 4 (14). С. 29–34.
4. Алигаева Н. Н. Современный взгляд на проблему ургентной аддикции у сотрудников правоохранительных органов // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2023. № 4. С. 247–252.
5. Музыкин А. Праздник красоты и грации // *Преступление и наказание*. 2021. № 7. С. 46–53.
6. Тимошук А. С. Дialeктика общественного развития: эволюция и революция // *Революция и современность: мат. науч.-практич. конф. Владимир, 2017*. С. 204–207.
7. Остром Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия. Киев, 2013. 400 с.
8. Мамедова А. Милосердие, доброта, соучастие // *Преступление и наказание*. 2022. № 3. С. 50–53.
9. Жалнина С. Крутые жизни виражи // *Преступление и наказание*. 2022. № 4. С. 49–51.
10. Морозова В. Жизнь – это марафон // *Преступление и наказание*. 2021. № 8. С. 26–27.
11. Бобров Д., Гофман А. Удача любит отважных // *Преступление и наказание*. 2022. № 8. С. 49.
12. Владимиров С., Ахметова А. Служба с опорой на опыт // *Преступление и наказание*. 2023. № 10. С. 58–61.
13. Кравченко Ю. Опыт, мудрость, профессионализм // *Преступление и наказание*. 2022. № 10. С. 54–55.
14. Кузнецов М. Связующая нить поколений // *Преступление и наказание*. 2021. № 1. С. 50–53.
15. Пархоменко А. «Ярдам» спешит на помощь // *Преступление и наказание*. 2022. № 7. С. 38–39.
16. Пресс-служба УФСИН России по Республике Саха (Якутия). Четверть века на посту // *Преступление и наказание*. 2022. № 6. С. 60–61.
17. Жуков В. Акцент на ресоциализацию // *Преступление и наказание*. 2023. № 8. С. 11.
18. Конев К. Служба с наставником // *Преступление и наказание*. 2021. № 2. С. 36–37.

REFERENCES

1. Semenov I.A. Innovative forms of caritative activity. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Vectors of Well-Being: Economics and Society*, 2021, no. 4 (43), pp. 81–90. (In Russ.).
2. Polivaeva N.P. Professional burnout of employees of law enforcement agencies and UIS: signs and ways of overcoming. In: *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS* [Actual problems of the activities of penal system units]. Voronezh, 2012. Pp. 706–712. (In Russ.).
3. Morozov V.M., Timoshchuk A.S. Psychological stress of teaching staff of the penal enforcement system. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 4 (14), pp. 29–34. (In Russ.).
4. Aligaeva N.N. A modern view on the problem of urgent addiction among law enforcement officers. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4, pp. 247–252. (In Russ.).
5. Muzykin A. The feast of beauty and grace. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 7, pp. 46–53. (In Russ.).
6. Timoshchuk A.S. Dialectics of social development: evolution and revolution. In: *Revolutsiya i sovremennost': mat. nauch.-praktich. konf.* [Revolution and modernity: materials of scientific and practical conference]. Vladimir, 2017. Pp. 204–207. (In Russ.).
7. Ostrom E. *Upravlenie obshchim. Evolyutsiya institutsii kolektivnogo deistviya* [General management. Evolution of institutions of collective action]. Kiev, 2013. 400 p.
8. Mamedova A. Mercy, kindness, complicity. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 3, pp. 50–53. (In Russ.).
9. Zhalnina S. Steep turns of life. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.).
10. Morozova V. Life is a marathon. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 8, pp. 26–27. (In Russ.).
11. Bobrov D., Gofman A. Luck loves the brave. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 8, pp. 49. (In Russ.).
12. Vladimirov S., Akhmetova A. Service based on experience. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2023, no. 10, pp. 58–61. (In Russ.).
13. Kravcheno Yu. Experience, wisdom, professionalism. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 10, pp. 54–55. (In Russ.).
14. Kuznetsov M. The connecting thread of generations. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 1, pp. 50–53. (In Russ.).
15. Parkhomenko A. "Yardam" rushes to the rescue. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 7, pp. 38–39. (In Russ.).
16. Press service of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Sakha (Yakutia). A quarter of a century at the post. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 6, pp. 60–61. (In Russ.).
17. Zhukov V. Emphasis on resocialization. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2023, no. 8, p. 11. (In Russ.).
18. Konev K. Service with a mentor. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 2, pp. 36–37. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ ТИМОЩУК – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK – Doctor of Sciences (Philosophy), professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

Статья поступила 11.06.2024

Научная статья

УДК 37.013.74

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.0013

Антикоррупционное воспитание младших школьников с позиции сравнительной педагогики

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Реферат

Введение: статья посвящена обоснованию целесообразности организации и проведения воспитательной работы по формированию антикоррупционного мировоззрения у детей, обучающихся в начальной школе; характеристике антикоррупционного воспитания учащихся младших классов с позиций этико-правового подхода, объединяющего представителей прогрессивных отечественных и зарубежных педагогических школ; описанию российских и зарубежных инновационных моделей, раскрывающих антикоррупционное воспитание в русле укрепления нравственности детей, а также формирования у них внутренней готовности поступать в соответствии с принятыми в обществе представлениями о добре и зле, должном, необходимом и справедливом. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью освещения проблемы антикоррупционного воспитания младших школьников с точки зрения их способности и готовности к адекватному восприятию и осмыслению коррупции, в аспекте описания наиболее эффективных форм организации учебной и внеурочной деятельности для повышения результативности антикоррупционного воспитания учащихся начальной школы. *Методы:* теоретический анализ проблемы исследования, сравнительный анализ, обобщение и систематизация педагогически значимой информации и нормативных документов, описание элементов педагогического опыта с опорой на российские и зарубежные источники информации. *Целью* настоящего исследования являются обоснование важности организации антикоррупционного воспитания в начальной школе, а также выявление в российском и зарубежном опыте инновационных подходов в организации антикоррупционного воспитания младших школьников. *Результаты:* в ходе осмысления педагогической теории и практики, представленной в научных и методических трудах российских и зарубежных авторов, был сформулирован вывод о важности и целесообразности антикоррупционного воспитания младших школьников. Сравнительный анализ позволил определить общие тенденции и различия в антикоррупционном воспитании младших школьников в разных странах. Общие тенденции отражают приоритетное внимание к развитию у ребенка этико-правовой аксиосферы в ходе его включения в разнообразные виды интерактивной деятельности. Наиболее явное расхождение в российской и зарубежных практиках лежит в содержательной сфере. В отечественных моделях антикоррупционного воспитания делается акцент на нравственных вопросах общего плана и не предусматривается непосредственная привязка объекта осмысления к конкретным коррупционно значимым событиям и фактам. Характерным свойством зарубежных моделей является обогащение содержания воспитания младших подростков конкретным антикоррупционным контекстом, что обеспечивает сближение воспитательной работы с реальной жизнью и повышает эффективность воздействия. Кросскультурное сопоставление рассмотренных педагогических подходов указывает на актуальность использования зарубежного опыта в отечественной практике на фоне существования схожих педагогических взглядов на сущность антикоррупционного воспитания. Информация, полученная в ходе данного исследования, может послужить основой для определения содержания и средств антикоррупционного воспитания учителями начальных классов при решении широкого спектра задач воспитательной работы с младшими школьниками, а также изменению педагогического сознания тех учителей, чья педагогическая деятельность сфокусирована на приоритетном использовании информационно-просветительских средств. Исследование актуально для правоохранительных органов, в том числе для органов МВД и ФСИН, работающих с кадетскими классами, ориентированными на формирование законопослушного поведения в младшем возрасте, профилактику развития противоправного поведения будущих сотрудников, государственных служащих с младшего школьного возраста.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционное воспитание; начальная школа; младшие школьники; этико-правовая аксиосфера; нравственные качества личности; педагогический опыт; сравнительная педагогика.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Панова О. Б. Антикоррупционное воспитание младших школьников с позиции сравнительной педагогики // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 335–344. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.0013.

Original article

Anti-Corruption Education of Junior Schoolchildren from the Perspective of Comparative Pedagogy

OKSANA B. PANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Abstract

Introduction: the article substantiates the expediency of organizing and conducting educational work on the formation of an anti-corruption worldview in younger schoolchildren; characterizes anti-corruption education of junior schoolchildren in terms of the ethical and legal approach that unites representatives of progressive domestic and foreign pedagogical schools; describes Russian and foreign innovative models for anti-corruption education to strengthen morality of children and form their inner readiness to behave in accordance with socially accepted ideas. The relevance of the study is due to the insufficient coverage of the problem of anti-corruption education of younger schoolchildren in terms of their ability and readiness to adequately perceive and comprehend corruption in terms of describing effective forms of organizing educational and extracurricular activities. *Methods:* theoretical analysis of the research problem, comparative analysis, generalization and systematization of pedagogically significant information and normative documents, description of elements of pedagogical experience based on Russian and foreign sources of information. *Purpose:* to substantiate the importance of organizing anti-corruption education in primary schools, as well as to identify innovative approaches in the Russian and foreign experience to organizing anti-corruption education of younger schoolchildren. *Results:* when studying the pedagogical theory and practice presented in scientific and methodological works of Russian and foreign authors, the author comes to a conclusion about the importance and expediency of anti-corruption education of younger schoolchildren. The comparative analysis reveals common trends and differences in anti-corruption education of primary school children in different countries. General trends reflect the priority attention to the development of the child's ethical and legal axiosphere in the course of his/her inclusion in various types of interactive activities. The most obvious contradiction between Russian and foreign practices lies in the content area. In domestic models of anti-corruption education of younger schoolchildren, emphasis is placed on morality and provides for the direct linking of the object of understanding to specific corruption-related events and facts. In foreign countries younger schoolchildren are absorbed in specific anti-corruption context, which ensures convergence of educational work with real life and increases effectiveness of anti-corruption education. A cross-cultural comparison of the considered pedagogical approaches indicates the relevance of using foreign experience in domestic practice against the background of the existence of different pedagogical views on the essence of anti-corruption education. The information obtained in the course of this study can serve as a basis for determining the content and means of anti-corruption education by primary school teachers in solving a wide range of tasks of educational work with younger schoolchildren, as well as changing pedagogical consciousness of those teachers whose pedagogical activities are focused on the priority use of information and educational tools. The study is relevant for law enforcement agencies, including the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service working with cadet classes, focused on forming law-abiding behavior in children and preventing development of illegal behavior of future employees, civil servants beginning from primary school age.

Keywords: corruption; anti-corruption education; primary school; junior schoolchildren; ethical and legal axiosphere; moral qualities of personality; pedagogical experience; comparative pedagogy.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Panova O.B. Anti-corruption education of junior schoolchildren from the perspective of comparative pedagogy. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 335–344. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.0013.

Введение

В современный категориальный аппарат российской школьной педагогики прочно вошел терминологический конструкт «антикоррупционное воспитание». С одной стороны, данное обстоятельство отражает наличие вызовов, исходящих от коррупции, широта и глубина которой реально угрожают национальной безопасности страны, с другой – означает стремление педагогической общественности выработать, апробировать и использовать на постоянной основе эффективные инструменты и механизмы противодействия коррупции. Следует отметить значительную роль школы, которая призвана сделать многое для того, чтобы антикоррупционные нормы стали не просто суммой знаний для ее воспитанников, но и синтезом морально-правовых установок, определяющих поведение человека. Школа имеет достаточный потенциал для того, чтобы обеспечить целостность и системность антикоррупционного воспитания, которое может охватывать все ступени школьного образования с первого по одиннадцатый класс, обеспечивая преемственность между ступенями и органическую связь между учебным процессом и внеурочной активностью обучающихся.

Особое значение в цепочке поэтапного антикоррупционного воспитания обучающихся представляет начальное звено, поскольку в возрасте семи-десяти лет у детей происходит активное обогащение мировоззрения, закладываются основы нравственной личности, и именно возраст младших школьников является сенситивным периодом для интенсивного формирования нравственных привычек поведения и моральных чувств человека. Важной личностной особенностью детей младшего школьного возраста является их потребность самоутвердиться в своем новом социальном статусе – статусе обучающегося, что означает появление в них желания соответствовать предъявляемым к школьникам нормам и принятым традициям поведения. Такого рода нормы и традиции задаются в школе в ходе урочной и внеурочной воспитательной работы, проводимой отдельными учителями и педагогическим коллективом в целом. Укрепление личностного авторитета младшего школьника среди сверстников и взрослых в значительной мере определяется направленностью его отношения к таким категориям, как «справедливость», «честность», «равенство» и др. Знание, получаемое в начальной школе, формирует базу как для актуального, относящегося к настоящему времени, установления социально значимых отношений, так и для накопления опыта выполнения социально полезных дел, значимых для будущей жизни [1, с. 42–58]. В этом периоде возрастного развития ребенок начинает воспринимать себя в качестве человека, способного быть автором собственного развития и приносить пользу окружающим. Младший школьник сам стремится определять личностные ресурсы внутри совместного существования с другими людьми, испытывает потребность позиционировать себя как субъекта, готового к ответственному отношению к себе и близким людям [2, с. 72]. Иными словами, осведомленность младших школьников о социальных нормах и тради-

циях, а также понимание важности следования таким нормам имеют значение для обучающегося этого возраста, поскольку облегчают вхождение в разнообразный социальный мир, в открывающуюся ему систему общественных связей. Общественно значимый сегмент жизни детей в младшем школьном возрасте становится объектом их специального осмысления. Овладение опытом нормативно определенного общения и поведения, а также удовлетворение разноплановых познавательных запросов реализуется в совместной деятельности.

Неслучайно в воспитании обучающихся младшего школьного возраста (уровень начального общего образования) целевым приоритетом является создание благоприятных условий для усвоения социально значимых знаний – основных норм и традиций того общества, в котором они живут. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утвержденный приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286, в ряду приоритетных направлений воспитания младших школьников утвердил формирование первоначального представления о человеке как члене общества, о правах и ответственности, уважении и достоинстве человека, нравственно-этических нормах поведения и правилах межличностных отношений. Современный стандарт начального общего образования в качестве одного из личностных результатов воспитания предусматривает развитие самостоятельной и личной ответственности обучающегося за свои поступки на основе представлений о нравственных нормах, социальной справедливости и свободе. Таким образом, стандартом предусмотрено, что ребенок младшего школьного возраста будет овладевать социальным опытом с опорой на нравственные представления и этические нормы. С учетом того, что антикоррупционный модуль составляет одну из основополагающих сфер социального опыта, можно утверждать, что при антикоррупционном воспитании в начальной школе основное внимание необходимо уделять формированию нравственных качеств личности.

Проблема антикоррупционного воспитания младших школьников хотя и занимает важное место в общей тематике педагогических работ, но пока еще не исследована в достаточной мере. В банке диссертационных исследований можно обнаружить работы, темы которых связаны с антикоррупционным воспитанием, но при этом они, как правило, ориентированы или на более старшие возрастные группы обучающихся, преимущественно на студентов вузов, или на должностных лиц, состоящих на государственной службе. Проведенный нами анализ научных исследований, посвященных рассматриваемой проблеме, позволяет констатировать, что отдельные вопросы антикоррупционного воспитания младших школьников рассматриваются в основном в научных статьях и учебных пособиях, содержащих методические и практические рекомендации по организации образовательного процесса. Следует отметить отсутствие диссертаций и монографий по обозначенной теме. Исключения составляют немногочисленные труды,

раскрывающие общие аспекты антикоррупционного просвещения школьников без учета разграничения обучающихся по возрасту и уровням общего образования. Примером может служить монография «Антикоррупционное образование в современной школе: социально-педагогическое сопровождение», написанная коллективом авторов под научной редакцией О. Н. Журавлевой. Особый акцент в данной книге сделан на информационно-просветительском направлении, которое, по мнению авторов, может быть реализовано средствами усиления антикоррупционной составляющей при преподавании учебных предметов, предусматривающих изучение правовых и морально-этических тем [5, с. 30–31].

Анализ состояния изученности проблемы показывает, что наиболее полно вопросы, опосредованно связанные с антикоррупционным воспитанием младших школьников, рассмотрены в диссертационных и монографических исследованиях, в которых данное направление воспитательной работы характеризуется через призму правового воспитания. Интересно в этой связи обратиться к докторской диссертации Н. И. Элиасберг на тему «Гуманистические основы системы правового образования в школе» и кандидатской диссертации Е. А. Андреевой «Нравственно-правовое воспитание младших школьников». В трудах названных авторов методологическим ориентиром выступает аксиологический подход, позволяющий рассматривать антикоррупционное воспитание с позиций этико-правового контекста. Аксиологический подход в антикоррупционном воспитании младших школьников предполагает приоритетное выделение в антикоррупционной аксиосфере ценностей личностного порядка – личностных качеств, обладание которыми несовместимо с коррупционным поведением. В перечень таких качеств включены достоинство с присущим стремлением человека защитить свою честь; человечность, включающая стремление заботиться о других людях; коммуникативность, предполагающая умение работать сообща; совесть; чувство справедливости; добросовестность; готовность к сопротивлению лжи; жизнестойкость: уверенность в себе и др.

Основная часть

Как система этико-правовой контекст антикоррупционного воспитания младших школьников представлен в образовательном проекте «Петербургская модель», разработанном Н. И. Элиасберги и получившим обоснование в ее докторской диссертации. Проект носит универсальный характер в отношении различных ветвей школьного правового образования, в том числе антикоррупционного воспитания [4, с. 330]. С учетом глубокой обоснованности и успешно проведенной верификации данной модели в образовательном процессе ряда школ она может служить примером при организации антикоррупционного воспитания в массовом опыте.

В данной модели предусматривается поэтапное этико-правовое воспитание обучающихся на всем протяжении школьного обучения «малыми шагами» в связи с выполнением ими актуальных для определенного возраста социальных ролей и овладения

социальным опытом. Принципы этико-правового воспитания школьников составляют три группы гуманистических идей: демократические принципы права, ценности гуманистической этики и опыт гуманной педагогики, ориентированной на уважение к человеку. Учащиеся начальных классов включаются в пропедевтический курс «Я и мой мир», ориентированный, в первую очередь, на раскрытие самими обучающимися содержания нравственных и правовых норм. Важную роль в этом могут играть различные внеурочные формы деятельности школьников – тематические праздники, конкурсы, ролевые игры и др. Такая модель дает возможность ребенку почувствовать уверенность в своих силах, испытать чувство собственного достоинства, определяемого возможностями высказать свою точку зрения, соотносимую с моральными принципами [5, с. 10–12].

К заслугам Е. А. Андреевой относится выявление и обоснование педагогических условий, способных обеспечить успешность антикоррупционного воспитания. В перечень таких условий она включила функционирование школы в форме нравственно-правового пространства, обязательным компонентом которого выступает система нравственно-правовых взаимоотношений на уроках и внеклассных мероприятиях; совместную деятельность детей и взрослых по поддержанию устоев правовых и нравственных норм; использование в нравственно-правовом воспитании многообразия учебно-материальных, морально-психологических, социально-экономических и других средств, являющихся источником и объектом эффективной воспитательной деятельности школы; создание демократического школьного климата; повышение антикоррупционной культуры педагогов и др. Выделяя особым образом режим интерактивного взаимодействия, к основным методам нравственно-правового воспитания Е. А. Андреева отнесла диалог, дискуссию, игру [6, с. 7].

Важно отметить, что если на рубеже XX–XXI вв. антикоррупционное воспитание младших школьников рассматривалось в качестве одного из направлений правового воспитания, то в последние годы оно выделилось в самостоятельное направление. Современное становление отечественной школы антикоррупционного воспитания школьников во многом связано с деятельностью ученых и практиков Санкт-Петербурга и Республики Татарстан. Представляет научный интерес проект антикоррупционного воспитания, разработанный учеными и практиками Санкт-Петербурга, среди которых такие педагоги, как С. В. Жолован, Е. Н. Барышников, Н. В. Григорян, Л. М. Беловицкая, М. В. Бойкина и др. По мнению авторов данного проекта, в начальных классах ключевой задачей антикоррупционного воспитания должно стать воспитание у детей позитивного отношения к правоприменительной практике, а приоритетными средствами ее достижения – анализ и обсуждение различных форм взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительных органов.

Педагоги исходят из того, что в реальной жизни источниками коррупционных злоупотреблений нередко выступают граждане, которые изначально на-

строены на решение своих вопросов в обход установленных правил: в различных ситуациях или по своему усмотрению, или под давлением должностного лица они предлагают ему взятку. С учетом данного обстоятельства логика педагогического решения при организации антикоррупционного воспитания заключается в следующем: если у ребенка с детства закладывается представление о том, что чиновник или сотрудник правоохранительных органов изначально действует исключительно в соответствии с установленными нормами и не допускает в своей профессиональной деятельности злоупотребления, то и во взрослой жизни он будет придерживаться принципа неприемлемости для себя предлагать взятку должностному лицу.

Воплощение идеи формирования уважительного отношения к государственной службе и правоприменительной практике достигается включением в содержание воспитания обучающихся начальных классов серии деловых игр. Примером одной из них является ролевая игра «Хранители порядка», в ходе которой младшие школьники узнают о различных профессиях правоохранительной сферы, а в качестве практического блока предусматривается их вовлечение в своеобразные социальные пробы, направленные на приобщение к нормам взаимодействия с людьми, олицетворяющими обеспечение порядка, например к обеспечению порядка в своем классе. Детям даются определенные поручения с целью контроля за поведением своих одноклассников с позиций ситуативно устанавливаемых правил поведения. Такие показатели, как выполнение требований дежурного, отсутствие попыток «договориться» с ним вразрез с установленными правилами, оказание помощи дежурному, выступают индикаторами корректного отношения к «хранителю правил». Проект по замыслу авторов не предусматривает применение ситуаций, описывающих реалистичные примеры, олицетворяющие коррупцию.

Авторы проекта считают важным применение не одной ролевой игры, а системы подобных мероприятий. Креативный подход к созданию игровых сценариев обуславливает усвоение учащимися роли законопослушных граждан, негативно воспринимающих коррупцию. В целом описанный воспитательный проект направлен на подведение детей к осознанию того, что учителя, чиновники или сотрудники правоохранительных органов не устанавливают нормы поведения, а лишь выступают в качестве хранителей общих правил [7, с. 10].

Значимыми представляются практико-ориентированные идеи, содержащиеся в методических рекомендациях педагогов Республики Татарстан К. Ф. Амирова, Д. К. Амировой, Р. Р. Замалетдинова, Е. М. Ибрагимовой; Л. Е. Кирилловой, А. Е. Кириллова, И. Т. Сагдеева, И. В. Сафроновой, И. М. Фокеевой, Г. Р. Хамитова и др. [8–11]. В работах перечисленных авторов содержится информация, ориентирующая на рассмотрение антикоррупционного воспитания в отношении младших школьников как системы деятельности образовательной организации, которая осуществляется в русле следующих направлений со-

циальной практики детей: ознакомление с жизнью замечательных людей, явивших примеры гражданского служения, исполнения патриотического долга, обязанностей гражданина; получение первоначального представления о традиционных моральных нормах; ознакомление с основными правилами поведения в школе, общественных местах, обучение распознаванию хороших и плохих поступков; усвоение первоначального опыта нравственных взаимоотношений в коллективе класса и школы и др. [8, с. 10–16]. Приоритетными формами антикоррупционного воспитания младших школьников педагоги называют беседу, просмотр кинофильмов в процессе изучения учебных инвариантных и вариативных предметов, театрализованные постановки, литературно-музыкальные композиции, обсуждение в педагогически организованной ситуации поступков, поведения разных людей, игру и др. Соответствующие перечисленным формам мероприятия насыщены морально-этическим содержанием и при этом не предусматривают рассмотрение конкретных примеров коррупции [8, с. 16].

На этапе становления отечественной школы антикоррупционного воспитания детей актуализируется обращение к соответствующему зарубежному опыту. Знакомство с мировым опытом выступает фактором развития открытого педагогического мышления, при котором осуществляется кристаллизация всего ценного, что зафиксировано в зарубежных моделях воспитания и образования. Разумное использование международного педагогического опыта имеет значительный воспитательный потенциал, поэтому развитие собственной системы антикоррупционного воспитания разумно осуществлять с учетом соответствующих мировых процессов. При формировании антикоррупционной культуры российских граждан важно опираться на сравнительные представления о достижениях в антикоррупционном воспитании в России и в странах, добившихся заметных успехов в данной сфере.

Значимым является объединяющее Россию и зарубежные страны представление о путях преодоления коррупции. И в российском, и в международном сознании основными средствами противодействия коррупции рассматриваются два направления: правоприменительная практика и образовательные проекты. Высокий вес юридических мер в западных странах подтверждается словами Франсуа Валериана, председателя Неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру (Transparency International), который отмечает, что коррупция будет процветать до тех пор, пока системы правосудия не смогут наказывать за правонарушения и держать правительства в узде [12]. Интересно отметить, что анализ антикоррупционной политики стран, имеющих наименьший индекс коррупции, показывает, что наряду с юридическим инструментарием одним из значимых направлений такой политики предстает система антикоррупционного воспитания, включающая разнообразные эффективные разработки.

Что касается зарубежного подхода в преодолении коррупции, то в значительной мере он выстраивает-

ся в соответствии со следующими представлениями: социальный престиж, который реально приносит чиновнику личную удовлетворенность, определяется его честностью; важным практическим способом изменения поведения коррумпированного чиновника рассматривается изменение мировоззрения группы людей, составляющих его окружение в сторону крайне негативного отношения к коррупции [13]. В соответствии с таким пониманием для укрепления верховенства антикоррупционного законодательства необходимо создание культурного климата, в котором коррупционерам было бы стыдно за то, что они делают. Именно на изменениях в культуре и традициях, которые определяют приемлемое антикоррупционное поведение, основываются наиболее востребованные зарубежные модели антикоррупционного воспитания, и в этом смысле они представляют безусловный интерес для отечественных педагогов.

Изучая зарубежный опыт, необходимо иметь в виду, что в русле сравнительной педагогики при изучении того или иного вопроса важным становится сопоставление трактовок базовых понятий как форм мысли, сфокусированных на изучаемом феномене, так как толкование одних и тех же понятий в разных странах может отличаться. Поскольку исходным явлением в антикоррупционном воспитании выступает коррупция, то при изучении международного опыта актуализируется изучение соответствующих другим странам тенденций в трактовке понятий «коррупция» и «антикоррупционное воспитание».

В то время как в мировом правовом лексиконе отсутствует единая трактовка понятия «коррупция», в большинстве стран превалирует тенденция, в соответствии с которой определение этого термина наиболее часто истолковывается в русле Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (1999 г.), которая к коррупции относит такие явления, как просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещание такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, а также ненадлежащее преимущество или обещание такового [14].

Что касается терминологического конструкта «антикоррупционное воспитание», то важно иметь в виду, что в английском языке «education» переводится как «образование». По логике педагогических сообществ западных стран, именно уровень образования определяет степень воспитанности человека. Так, вместо терминов «нравственное воспитание» в английском языке используется понятие «моральное образование» (moral education), «гражданское воспитание» – «гражданское образование» (social education), «правовое воспитание» – «правовое образование» (legal education) и др. Соответственно, английским аналогом понятия «антикоррупционное воспитание» является «антикоррупционное образование» (anti-corruption education). Важно подчеркнуть, что независимо от понимания сущности антикоррупционного воспитания в английской и российской педагогике одна и та же: антикоррупционное воспитание озна-

чает целенаправленный специально организованный процесс педагогического взаимодействия между воспитателем и воспитанником по поводу формирования у последнего качеств антикоррупционной личности, в том числе антикоррупционной грамотности, устойчивости, активности и др. К наиболее востребованным моральным антикоррупционным качествам в международном менталитете, также как и в российском, относятся достоинство, честность, неподкупность и т. п. Различные зарубежные источники указывают на то, что именно моральным антикоррупционным качествам придается наибольшее значение [15–18; 12; 13].

Особого внимания заслуживает опыт государств, добившихся существенных успехов в антикоррупционной сфере. На сегодняшний день относительно допустимый уровень коррупции в смысле ее незначительности имеют государства, занимающие первые 20 мест из 180 в рейтинге Transparency International. Среди них Дания, Финляндия, Норвегия, Новая Зеландия, Швеция, Сингапур, Швейцария, Англия и др.; всего 21 страна из 198 государств [12]. Высокие антикоррупционные показатели в перечисленных странах могут свидетельствовать о том, что в них применяются комплексные системные средства противодействия коррупции, как юридические, так и воспитательные.

Определенный интерес представляет опыт антикоррупционного воспитания детей в Дании, поскольку эта страна традиционно занимает лидирующее место в списке стран по индексу восприятия коррупции и считается наиболее благоприятной в смысле ее низкого уровня [12]. Следует назвать и другие причины, определяющие интерес к практике датского опыта.

Прежде всего, датский подход предусматривает четкое определение методов и средств, применяемых в отношении групп населения, относящихся к разным возрастным категориям. В отношении младших школьников на первый план антикоррупционного воспитания выдвигается опережающая педагогическая поддержка, при которой основной акцент делается на непрямых методах воспитания, ориентированных на профилактику коррупции в русле формирования неприемлемого отношения к ней.

Немаловажно и то, что в Дании в различные проекты антикоррупционного воспитания активно вовлекается широкая общественность, что должно, по нашему мнению, стать повсеместной нормой. Участвуя в мероприятиях в рамках антикоррупционных образовательных проектов, общественные формирования и отдельные инициативные активные граждане Дании получают возможность влиять на направленность, содержание и результаты деятельности чиновников. Антикоррупционное воспитание осуществляется под лозунгом «Zero tolerance», который означает абсолютную нетерпимость к коррупции в любом ее виде [13]. В соответствии с данным лозунгом воспитание идет в русле приобщения населения к нормам морали. Достигается это с помощью системы средств, адресованных как государственным служащим, так и обычным гражданам. В отношении первых применяется

императивная установка на неукоснительное выполнение предписаний этических кодексов служебного поведения. Применительно к остальным формированию правовой культуры личности осуществляется с раннего возраста с помощью образовательных проектов. Примером такого проекта может стать образовательный проект «Образование против коррупции», который был реализован двумя странами – Данией и Литвой. Замысел проекта состоял в формировании у учащихся нетерпимости к коррупции через потенциал дополнительного образования в рамках школьного клуба. В проекте приняли участие и школьные учителя. Основным направлением в работе школьных клубов стало вовлечение детей в тренинги, в ходе которых отрабатывались модели антикоррупционного поведения с учетом возраста школьников. Тренинги предварялись специальным тестированием на предмет выявления того, в какой мере участники владеют стратегиями антикоррупционного поведения.

Другим направлением данного проекта стало методическое сопровождение задействованных в нем учителей. Учителя прошли специальное обучение, что позволило им углубить и систематизировать собственные знания о коррупции, а также овладеть методикой и способами передачи информации о коррупции до своих учеников с тем, чтобы такая информация была ясной для обучающихся младших классов и вызывала у них интерес. В ходе данного проекта были проведены мероприятия, в том числе мастер-классы, семинары, диспуты, встречи со специалистами, дискуссии, концерты, конкурсы плакатов и фотографий, флэшмобы и др. [16, с. 17–23].

Не менее интересным представляется изучение практики антикоррупционного воспитания младших школьников в странах с традиционно высоким уровнем коррупции. Одной из таких стран является Нигерия – государство, занявшее в 2023 г. 171 место из 180 в рейтинге Transparency International с индексом восприятия коррупции «25» при максимальном индексе «90» [12]. Следует отметить, что в последние годы в Нигерии наблюдается активный подъем антикоррупционного воспитания младших школьников, который во многом связан с инициативной педагогической деятельностью Оньинье Оу (OnyiOugh) – нигерийской писательницы, автора детских книг, продюсера мультипликационных фильмов на тему коррупции. Кроме того, Оньинье Оу является исполнительным директором организации «Сделайте шаг навстречу социальному развитию и расширению прав и возможностей в Нигерии», неправительственной организации по борьбе с коррупцией. Ее педагогический опыт популяризируется на официальном сайте ЮНЕСКО и рекомендуется данной организацией для широкого использования.

Действенной формой антикоррупционного воспитания младших школьников Оньинье Оу считает включение детей в образовательную программу, основанную на применении технологии сторителлинга. Сторителлинг – это педагогическая технология, которая строится на использовании историй с определенной структурой и интересным героем. Она направлена на решение педагогических задач

обучения, наставничества, развития и мотивации. Сторителлинг выбран автором образовательной программы как наиболее действенный способ передачи информации и знаний, а также побуждения детей к социально одобряемым действиям. Данный инструмент сочетает в себе психологические, воспитательные, обучающие и прочие аспекты, позволяет не только эффективно донести информацию до ребенка, но и вдохновлять его на поступок, соответствующий антикоррупционной убежденности [18]. Сторителлинг дает возможность оказывать воздействие на эмоциональную сферу воспитуемого; сравнительно легко доносить необходимую информацию; обучать нормам и требованиям, которые приняты в обществе; формировать понимание уникальности и ценности каждого человека; показывать наглядно единство слова и поступка.

Внимание к ученикам начальных классов Оньинье Оу объясняет тем, что дети в таком возрасте не испорчены коррупционными пороками и нуждаются в обязательной «вакцинации» с помощью специальной образовательной программы. В антикоррупционной программе используются три вида сторителлинга: сторителлинг, включающий повествование о реальных коррупционных событиях; сторителлинг, основанный на вымышленных историях с коррупционным контекстом; сторителлинг как способ самореализации детей через включение их в антикоррупционную творческую активность. В образовательной программе сторителлинг выступает в качестве технологии, нацеленной на получение детьми информации, вызывающей эмоциональный протест против коррупции. Данная технология придает антикоррупционному воспитанию детей процессуальный характер; при этом воспитательный процесс включает три последовательных этапа.

Первый этап («сессии») предполагает чтение рассказов и просмотр короткометражных мультипликационных и художественных фильмов с их последующим обсуждением. Используемые в образовательной программе книги содержат рассказы двух видов: серьезные истории и комиксы. Дети читают книги дома и в школе, вслух и про себя; учителя и родители также читают им рассказы. Публичное чтение вслух, предполагающее поочередное озвучивание определенного фрагмента книги каждым участником, называется в данной технологии читательской сессии, и такая форма является одной из основных на первом этапе реализации проекта. Просмотры фильмов получили название киносессии. Среди кинокартин, вызывающих наиболее сильный эмоциональный отклик, Оньинье Оу выделила мультфильм «Деньги Эмеки» – анимационный фильм продолжительностью четырнадцать минут, сюжет которого ярко и образно связывает бедность и нищету жителей большого города с конкретными коррупционными событиями. Результатом первого этапа, по замыслу автора образовательного проекта, должно стать формирование крайне негативного отношения детей к коррупции по причине ее вредоносности. Интерес детей к участию в сессиях определяется тем, что сторителлинг учитывает такие особенности младших подростков, как

склонность ассоциировать себя с героическим персонажем поучительной истории, проецировать действия и поступки такого персонажа на себя, видеть в герое истории «идеального себя».

Второй этап реализации образовательной программы получил название «тестирование». Он направлен на выяснение уровня достижений детей до и после их участия в сессиях. В фокусе изучения поведенческих проявлений младших школьников, в первую очередь, оказывается способность участников программы проявлять устойчивость в ситуациях коррупционных рисков, а также склонность детей ко лжи. Центральным событием данного этапа является деловая игра «Поведение в ситуациях коррупционных вызовов». Дети, выполняя ситуативные задания, принимают участие в творческих конкурсах на написание собственных рассказов, стихотворений и песен, а также рисуют комиксы с антикоррупционным содержанием. Анализ продуктов творческой деятельности участников с позиций определенных критериев позволяет выявить динамику антикоррупционной осведомленности детей и направленность их отношения к коррупции.

Третий этап посвящен поощрению детей, показавших высокие результаты, грамотами, подарками и призами.

Технологией сторителлинга в версии Онъинье Оу предусмотрено, кроме того, специальное обучение нигерийских учителей, призванных проводить антикоррупционное воспитание младших школьников. Добровольному вовлечению учителей в проект способствует специально создаваемая комфортная среда, благоприятствующая свободному и непринужденному профессиональному общению. Так, обучающие мероприятия для учителей, как правило, включают показ фильма на тему коррупции, а затем его обсуждение в кафе «за пиццей». Среди наиболее интересных показов учителя, участники проекта, называют фильм «Фрост против Никсона», снятый в 2008 г. и посвященный знаменитой серии интервью, которые британскому журналисту Дэвиду Фросту в 1977 г. дал президент США Ричард Никсон спустя пять лет после уотергейтского скандала, повлекшего за собой его отставку. Картина «Фрост против Никсона» содержит обширный материал, побуждающий зрителя к осуждению коррупционных действий высоких чиновников.

Действенность технологии сторителлинга как инструмента антикоррупционного воспитания младших школьников подтверждается результатами, выявленными в ходе ее применения. В ходе диагностических процедур выявлено, что не менее 55 % детей, участвующих в данной образовательной программе, демонстрируют стойкое непринятие коррупции. При этом, как правило, на 20 % снижается удельный вес учащихся, для которых может быть приемлем подкуп голосов в выборах, проводимых в школе. Важным достижением автор программы считает то обстоятельство, что подавляющее большинство участников отказываются быть подкупленными в ситуациях, при которых им предлагается скрыть правду о плохом поступке [18].

Рассмотрение разных моделей антикоррупционного воспитания на примере зарубежных стран, одна из которых наиболее успешна в борьбе с коррупцией, а другая относится к числу неблагоприятных государств, позволило выявить наличие ценного опыта, установить общественно-политические, юридические и педагогические условия, определяющие позитивные проявления в рассматриваемой сфере. Представленная информация может послужить основой для выстраивания прогноза возможных последствий при переносе описанных систем антикоррупционного воспитания в целом или их отдельных компонентов в условия российской образовательной среды.

Результаты

Аналитический обзор отечественного и зарубежного опыта антикоррупционного воспитания младших школьников позволяет нам сформулировать свой взгляд на обозначенную проблему.

Антикоррупционное воспитание школьников представляет собой планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание обучающихся всей совокупностью многообразных форм, средств и методов с целью формирования у них чувства собственного достоинства в обстоятельствах коррупционных рисков и вызовов. Антикоррупционное воспитание является одной из важнейших задач школы, которая имеет достаточный потенциал для того, чтобы укрепить у своих воспитанников чувство собственного достоинства, способность сопротивляться несправедливости, унижению, высокомерию и цинизму.

Возраст обучающихся начальной школы является благоприятным для восприятия антикоррупционных ценностей личностного плана, поскольку такие ценности отождествляются большинством детей 7–10 лет с определенными личностными качествами, которые, по их мнению, должны быть присущи человеку. К таким качествам относятся справедливость, достоинство, честность, человеколюбие и т. п.

Особенностью антикоррупционного воспитания младших школьников является получение такого объема антикоррупционных знаний, содержание которых определяется свойственными им социальными ролями, а также актуальными задачами их социализации.

Антикоррупционное воспитание младших школьников целесообразно осуществлять в русле этической направленности. В таком качестве оно включает в себя изучение норм морали как базовых правил поведения, формирование представлений о правилах поведения в различных обстоятельствах, развитие морально-этических свойств личности. В младшем школьном возрасте становление этических воззрений у детей в большей степени связано с эмоциональными переживаниями и опытом специально организованной деятельности.

Наиболее успешные модели антикоррупционного воспитания включают элементы этико-правового воспитания, в содержании которого сконцентрировано единство аксиологического, информационного, креативно-деятельностного компонентов, подчиненных генеральной «личнообразующей» функции.

При существующем плюрализме педагогических решений наиболее характерным отличием зарубежных моделей антикоррупционного воспитания младших школьников является обогащение его содержания конкретным коррупционно значимым материалом, тесно связанным с повседневной жизнью и сближающим воспитательную работу с реальностью.

Выводы

1. На фоне сформированного в России антикоррупционного законодательства преодоление коррупции с привлечением воспитательных средств в значительной мере способно повысить его результативность. Охват антикоррупционным воспитанием младших школьников может служить предпосылкой для выстраивания благоприятного прогноза относительно формирования неприемлемого отношения к коррупции у растущего человека в его последующей жизни.

2. Теоретическое осмысление проблемы антикоррупционного воспитания младших школьников пред-

ставлено в научных трудах российских и зарубежных исследователей, заинтересованных в формировании и структурировании антикоррупционного пространства педагогическими средствами.

3. Важным направлением отечественных педагогических исследований может стать соотнесение существующих подходов российской школы антикоррупционного воспитания младших школьников с зарубежной педагогической практикой. Использование зарубежного опыта является актуальным, поскольку при наличии общего понимания важности включения в антикоррупционное воспитание нравственного компонента обогащение воспитательной работы вариативностью содержательных и методических средств способно существенно повысить ее продуктивность. Интеграции вариативных подходов, положительно зарекомендовавших себя при решении задач антикоррупционного воспитания в разных странах, интересны с точки зрения расширения возможности кросскультурного информационного обмена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гонина О. О. Психология младшего школьного возраста : учеб. пособие. М., 2015. 272 с.
2. Михайлова Е. В. Психологические основы формирования нравственных ценностей у младших школьников // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. № 1. С. 72–75.
3. Антикоррупционное образование в современной школе: социально-педагогическое сопровождение: монография / О. Н. Журавлева, И. Е. Барыкина, Т. Н. Полякова, Е. Н. Барышников и др. ; под науч. ред. О. Н. Журавлевой. СПб., 2019. 136 с.
4. Элиасберг Н. И. Гуманистические основы системы правового образования в школе : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1998. 462 с.
5. Элиасберг Н. И. Этика и право в начальной школе: как преподавать курс «Я и мой мир» : книга для учителя. СПб., 2009. 199 с.
6. Андреева Е. А. Нравственно-правовое воспитание младших школьников : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2002. 235 с.
7. Антикоррупционное воспитание: система воспитательной работы по формированию у учащихся антикоррупционного мировоззрения в образовательном учреждении: методические рекомендации / Е. Н. Барышников, Н. В. Григорян, Л. М. Беловицкая, М. В. Бойкина. СПб., 2010. 59 с.
8. Антикоррупционное воспитание. Методические рекомендации по формированию и реализации системы антикоррупционного воспитания в дошкольных и общеобразовательных организациях Республики Татарстан / И. В. Сафронова, Г. Р. Хамитова, И. М. Фокеева, И. Т. Сагдеева. Казань, 2015. 38 с.
9. Антикоррупционное и правовое воспитание : учеб. пособие / К. Ф. Амиров, Д. К. Амирова. Казань, 2010. 159 с.
10. Замалетдинов Р. Р., Ибрагимов Е. М., Амирова Д. К. Формирование антикоррупционной культуры у школьников : учеб. пособие. Казань, 2010. 158 с.
11. Кириллова Л. Е., Кириллов А. Е. Профилактика нарушений, связанных с проявлениями коррупции в сфере образовательной деятельности : метод. пособие. Казань, 2011. 142 с.
12. Corruption perception index 2023. Berlin, 2024. 23 p. URL: <https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2024/03/CORRUPTION-PERCEPTIONS-INDEX-2023.pdf> (дата обращения: 02.07.2024).
13. Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Official website. Anti-corruption Policy, October, 2018. URL: <https://um.dk/en/danida/anti-corruption> (дата обращения: 02.07.2024).
14. О гражданско-правовой ответственности за коррупцию: Конвенции Совета Европы от 4 ноября 1999 года. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. Кичева И. В., Бродзели Л. О. Мировой опыт антикоррупционного воспитания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 2. С. 212–216.
16. Короткова О. А., Овчинникова И. А. Практика предупреждения коррупции в сфере образования: опыт Дании // Вестник ПАГС. 2020. № 4. С. 17–23.
17. Cameron D. Against Corruption: a collection of essays: foreword // Policy paper. 2016. 12 May. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/against-corruption-a-collection-of-essays/against-corruption-a-collection-of-essays> (дата обращения: 02.07.2024).
18. Ough O. How education can strengthen the rule of law <https://www.unesco.org/en/articles/how-education-can-strengthen-rule-law> (дата обращения: 02.07.2024).

REFERENCES

1. Gonina O.O. *Psikhologiya mladshego shkol'nogo vozrasta: ucheb. posob.* [Psychology of primary school age: textbook]. Moscow, 2015. 272 p.
2. Mikhailova E.V. Psychological foundations of the formation of moral values in younger schoolchildren. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 2007, no. 1, pp. 72–75. (In Russ.).
3. Zhuravleva O.N., Barykina I.E., Polyakova T.N. et al. *Antikorrupsionnoe obrazovanie v sovremennoi shkole: sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie: monogr.* [Anti-corruption education in modern schools: socio-pedagogical support: monograph]. Saint Petersburg, 2019. 136 p.
4. Eliasberg N.I. *Gumanisticheskie osnovy sistemy pravovogo obrazovaniya v shkole: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Humanistic foundations of the legal education system at school: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg, 1998. 462 p.
5. Eliasberg N.I. *Etika i pravo v nachal'noi shkole: kak prepodavat' kurs "Ya i moi mir": kniga dlya uchitelya* [Ethics and law in elementary school: how to teach the course "Me and my world": book for a teacher]. Saint Petersburg, 2009. 199 p.
6. Andreeva E.A. *Nravstvenno-pravovoe vospitanie mladshikh shkol'nikov: dis. ... kand. Ped. nauk* [Moral and legal education of younger schoolchildren: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kazan, 2002. 235 p.
7. Baryshnikov E.N., Grigoryan N.V., Belovitskaya L.M. et al. *Antikorrupsionnoe vospitanie: Sistema vospitatel'noi raboty po formirovaniyu u uchashchikhsya antikorrupsionnogo mirovozzreniya v obrazovatel'nom uchrezhdenii: metodicheskie rekomendatsii* [Anti-corruption education: system of educational work on the formation of students' anti-corruption worldview in an educational institution: methodological recommendations]. Saint Petersburg, 2010. 59 p.
8. Safronova I.V., Khamitova G.R., Fokeeva I.M. et al. *Antikorrupsionnoe vospitanie: metodicheskie rekomendatsii po formirovaniyu i realizatsii sistemy antikorrupsionnogo vospitaniya v doskol'nykh i obshcheobrazovatel'nykh organizatsiyakh Respubliki Tatarstan* [Anti-corruption education: methodological recommendations on the formation and implementation of the system of anti-corruption education in preschool and general education organizations of the Republic of Tatarstan]. Kazan, 2015. 38 p.
9. Amirov K.F., Amirova D.K. *Antikorrupsionnoe i pravovoe vospitanie: uchebnoe posobie* [Encyclopedic and legal knowledge: textbook]. Kazan, 2010. 159 p.
10. Zamaletdinov R.R., Ibragimova E.M., Amirova D.K. *Formirovanie antikorrupsionnoi kul'tury u shkol'nikov: ucheb. posob.* [Formation of an anti-corruption culture among schoolchildren: textbook]. Kazan, 2010. 158 p.
11. Kirillova L.E., Kirillov A.E. *Profilaktika narushenii, svyazannykh s proyavleniyami korruptsii v sfere obrazovatel'noi deyatel'nosti: metod. posob.* [Prevention of violations related to manifestations of corruption in the field of educational activity: methodological guide]. Kazan, 2011. 142 p.
12. Corruption perception index 2023. *Transparency International*. Available at: <https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2024/03/CORRUPTION-PERCEPTIONS-INDEX-2023.pdf> (accessed July 2, 2024).
13. *Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Official website. Anti-corruption Policy, October, 2018*. Available at: <https://um.dk/en/danida-en/about-danida/danida-transparency/anti-corruption/> (accessed July 2, 2024).
14. Civil Law Convention on Corruption of November 4, 1999. *Dostup iz sprav. -pravovoi sistemy "Garant"* [Access from the Garant reference legal system].
15. Kicheva I.V., Brodzeli L.O. International experience of the anti-corruption education. *Vestnik pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*, 2016, no. 2, pp. 212–216. (In Russ.).
16. Korotkova O.A., Ovchinnikova I.A. Practice of preventing corruption in education: experience of Denmark. *Vestnik PAPS = The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2020, no. 4, pp. 17–23. (In Russ.).
17. Cameron D. Against corruption: a collection of essays: foreword. *Policy Paper*, 2016, May 12, 2016. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/against-corruption-a-collection-of-essays/against-corruption-a-collection-of-essays> (accessed July 2, 2024).
18. Ough O. *How education can strengthen the rule of law*. Available at: <https://www.unesco.org/en/articles/how-education-can-strengthen-rule-law/> (accessed July 2, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАНОВА ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>.

Статья поступила 08.07.2024

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да (отнесен к категории К2)

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2024, volume 18, no. 3 (67)

science and practice journal

of the Vologda Institute of Law and Economics

of the Federal Penitentiary Service

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VILE of the FPS of Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration Number PI No. FS77-76598 of August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases:

DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka", electronic periodic reference book «System GARANT»

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Vasilii N. Nekrasov – Acting Head of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law).

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of the VILE of the FPS of Russia.

EDITORIAL BOARD:

Serzhik S. Avetisyan – professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedural Law of the Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia;

Yurii M. Antonyan – Chief Researcher at the Research Center No. 1 of the NRI of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

El'vira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;

Aleksandr N. Pastushenya – Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International University "MITSO", Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V.Lomonosov Moscow State University;

Valerii Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University.

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: Office 20a, Tekstil'shchikov street, Vologda, 160033, Russian Federation

Phones:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Website:
<https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

The subscription index in the electronic catalog «Ural-Press» is 41253.

The price is open

© VILE of the FPS Russia

Date of publication:
September 30, 2024

Circulation: 1,000 copies

EDITORIAL COUNCIL:

Sergei L. Babayan – professor at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice, professor at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the VILE of the FPS of Russia;

Boris Ya. Gavrillov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the VILE of the FPS of Russia;

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the VILE of the FPS of Russia;

Valentina I. Zubkova – Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Evgenii P. Ishchenko – professor at the Department of Criminology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Lyubov' V. Kovtunencko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University;

Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch);

Ivan Ya. Kozachenko – professor at the Department of Criminal Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the VILE of the FPS of Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia, Associate Professor;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Process of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Penitentiary Science" is on the List of peer-reviewed academic journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences); 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences); 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences); 5.3.9. Legal psychology and accident psychology (psychological sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences), In the current List of the Higher Attestation Commission, the journal is classified as K2.

CONTENT

SKOBLIKOV P. A.

FORMATION OF THE CONCEPT OF "COMPOSITION OF THE CRIME" IN THE RUSSIAN DOCTRINE AND SPECIFICS OF ITS EMBODIMENT IN THE COMPOSITION OF CRIMES AGAINST FAMILY RIGHTS UNDER THE 1903 CRIMINAL CODE.....234

SHURUKHNOV N.G.

ON THE APPROVAL OF INTERNATIONAL COMMISSIONS OF INQUIRY ACCORDING TO RESULTS OF THE CONVENTIONS OF 1899 AND 1907 FOR THE PACIFIC SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES.....245

ABDULIN R.S.

MEASURE THY CLOTH TEN TIMES (ARGUMENTS ABOUT REDUCING THE AGE OF CRIMINAL LIABILITY TO 12 YEARS)..250

KONIN V.V.

ALGORITHM FOR INTRODUCING THE APPOINTED DEFENSE LAWYER INTO THE CRIMINAL PROCESS: HOW TO AVOID A "DOUBLE DEFENSE" SITUATION.....256

KARAVAEVA YU.S.

PUBLIC DANGER OF THE INDIVIDUAL AND THE BASIS OF CRIMINALIZATION.....263

MASHINSKAYA N.V.

PROBLEMS OF ENSURING A LAWFUL AND REASONABLE JUDICIAL DECISION TO REPLACE THE UNSERVED PART OF A SENTENCE WITH A Milder TYPE OF PUNISHMENT.....272

BABAYAN S.L., USTINOV A.A.

ASSISTANCE IN THE RESTORATION AND STRENGTHENING OF SOCIAL TIES TO PERSONS SUBJECT TO PROBATION: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ISSUES.....279

AVDYUKHIN S.A.

FORCED FEEDING AND ARTIFICIAL FEEDING OF CONVICTS: TERMINOLOGICAL DISPUTE OR SUBSTANTIVE DIFFERENCE.....289

KOLOKOLOV N. A.

SIGNIFICANTLY ABOUT THE INSIGNIFICANT: PRACTICE OF APPLYING PART 2 OF ARTICLE 14 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (FEATURES OF CRIMINAL PROSECUTION OF PERSONS SUBJECT TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT FOR PETTY THEFT).....297

ANISKINA N.V.

IMPROVING THE SYSTEM OF SOCIAL GUARANTEES FOR EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION.....311

MAKUKH N.O., POLISHCHUK F.YU.

FEATURES OF CHILD-PARENT RELATIONS OF WOMEN OF EARLY ADULTHOOD CONVICTED OF DRUG TRAFFICKING.....321

TYMOSHCHUK A.S.

ROLE OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN EDUCATIONAL AND SOCIAL WORK IN PENITENTIARY INSTITUTIONS.....329

PANOVA O.B.

ANTI-CORRUPTION EDUCATION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN FROM THE PERSPECTIVE OF COMPARATIVE PEDAGOGY.....335

Original article

UDC 34

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001

Formation of the Concept of “Composition of the Crime” in the Russian Doctrine and Specifics of Its Embodiment in the Composition of Crimes against Family Rights under the 1903 Criminal Code

PETR A. SKOBLIKOV

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, skoblikov@list.ru <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

Abstract

Introduction: the article considers protection of marriage, family, matrimony, childhood and other issues of family relations under the 1903 Criminal Code. Purpose: to establish when and how the concept of “composition of the crime” appeared in the domestic doctrine of criminal law, to reveal its main content at that time, and to identify signs of the composition of crimes against family rights under the 1903 Criminal Code. *Methods:* to achieve this goal, the author uses rules and techniques of formal and dialectical logic; abstraction and generalization; deduction and induction; historical, comparative legal and formal legal research methods; system analysis; methods of interpretation of legal norms; study of documentary sources; materials and conclusions of previous studies, etc. Results: it is established when and under what circumstances the concept of “composition of the crime” appeared in the domestic doctrine of criminal law; its essence at that time is revealed. The composition of criminal acts against family rights under the 1903 Criminal Code is analyzed; they are divided by severity and classified by object of encroachment. The author identifies subjects and determines features of their status and legal technique used for this purpose, as well as reveals and describes the specifics of the subjective side of perpetrators. Forms and methods of committing criminal acts against the rights of family members according to the specified Code are shown, an object of encroachments in these cases is analyzed, and peculiarities of the status of victims are revealed. *Conclusion:* the article shows formation of the concept “composition of the crime” in the domestic criminal law doctrine, demonstrates a development level of the legal technology in criminal law acts of Russia at the turn of the XIX and XX centuries, and discloses our predecessors’ ideas about criminal law protection of marriage, interests of the family, the rights of its members and kinship relations, as well as about social danger of acts.

Keywords: 1903 Criminal Code, criminal encroachments against family rights, general composition of the crime, special composition of the crime, doctrine of Russian criminal law, special subject of crime, special victim, object of criminal encroachments, types of objects of crime, traditional family values, penal system.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Skoblikov P. A. Formation of the concept of “composition of the crime” in the Russian doctrine and specifics of its embodiment in the composition of crimes against family rights under the 1903 Criminal Code. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 234–244. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.001.

Introduction

Recently, 120 years have passed since the Russian Emperor Nicholas II approved a new Criminal Code (hereinafter referred to as the 1903 Code). The corresponding decree (issued in 1903 in accordance under the Julian calendar) contained an order to publish the text of the 1903 Code and that this act would be put into effect within the time limit that the emperor would appoint separately [1, p. 4].

This monument of domestic criminal legislation had a poor law enforcement history. It was put into effect gradually, to a limited extent and on a small territory of the country due to the reluctance of the penal system to implement the innovations laid down in the document. So, according to Professor G.E. Kolokolov, its introduction was postponed for an indefinite period due to the impossibility of widespread use of solitary confinement, as provided for by the 1903 Code, due to the complete unsuitability of existing prisons, as well as “the lack of correctional institutions for juvenile offenders and the lack of organized patronage” [2, p. 7].

The October Revolution of 1917 and the following breakdown of the former legal system terminated the application of the 1903 Code. The People’s Commissar of Justice of the RSFSR P.I. Stuchka wrote in the summer of 1918, “The old laws were “burned”. In vain some of our revolutionaries began to cut out the “code of the Russian revolution” from the burnt leaves that survived in this conflagration (burnt leaves may mean the Code of 1903 – the author’s note) instead of creating really new revolutionary laws. The proletarian revolution implies creativity” [3, p. 3].

During the Soviet period, the 1903 Code was neglected by researchers for ideological rea-

sons. In the literature published at that time, one can find only brief, politically tinged characteristics of the 1903 Code. This is how it was described in the legal dictionary, repeatedly republished in the middle of the twentieth century: “one of the most reactionary criminal legal acts of tsarist Russia. It was published on the eve of the first Russian revolution, during the years of the rise of the revolutionary movement in Russia. Its publication on the eve of the first Russian revolution was caused by the fact that the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments could no longer satisfy tasks of the landowner-bourgeois government’s struggle with the impending revolution” [4, p. 554]. Only in the 1980s, at the time of the political system transformation, researchers became interested in the document; nowadays there is a large number of scientific publications on this topic. Undoubtedly, this interest is triggered by a fundamental change in the socio-political system, the revival of private property, and the desire to gain positive experience in law-making, correlated with new socio-economic conditions. In our opinion, there other significant circumstances. First, it was thoroughly elaborated. The Editorial Commission was formed to develop and guide the project. It consisted of famous scientists of that time who left a great mark on criminal law science, whose creative legacy is still in demand – N.A. Neklyudov, N.S. Tagantsev, and I.Ya. Foinitskii. Second, it was widely discussed by the legal community. To illustrate what has been said, it is useful to give some details. The General Part of the draft 1903 Code, together with an explanatory note, was sent to practicing lawyers and theorists of criminal law with a request for comments. At the same time, these documents were

translated into German and French and sent to many foreign scientists. The comments received were collected, systematized and printed in five volumes, and the comments of foreign scientists were presented both in the original language and in translation into Russian. After reviewing all the comments received (it took 26 meetings to discuss them), the revised Draft and explanatory note (where the comments were analyzed and the position of the Editorial Committee on their acceptance or rejection was justified) were re-printed [5, p. 193].

At the same time, it should be noted that the main attention of modern researchers is focused on the General Part of the 1903 Code. We have not been able to find a single scientific publication specifically devoted to the analysis of the structure of illegal acts against family rights enshrined in the Code of 1903 (this term went out of circulation after 1917, although it was used in Russian legislation for almost a century; the first book of the Code of Civil Laws from the 10th volume of the Code of Laws of the Russian Empire was called "On the rights and duties of the family"). For the sake of accuracy, it should be noted that certain issues of liability for unlawful acts against family rights under the 1903 Code are addressed in some publications, but only within the framework of more general topics, while composition of these acts is not analyzed. They just state whether former prohibitions in criminal legislation were preserved or abolished, or new ones emerged. For example, half a page is devoted to these issues in the article of Yu.Yu. Gartseva [6, pp. 263–264].

While we observe the destruction of traditional ideas about the family, the role of men and women, child rearing, aggressive propaganda of same-sex marriages, the declaration and realization of children's rights to gender reassignment in the world and, in particular in Western countries, the issue of protecting traditional family values is acute in Russia. So, it is important to study the criminal law protection of interests of the family, the rights of its members and kinship relations at the turn of the XIX–XX centuries and to determine what acts were considered socially dangerous and to what extent, etc. It is also worth noting that in 1903 the very concept "composition of the crime" was relatively new for domestic legal science, not as elaborated as it is now, different from modern ideas. Therefore, we turn to the history of this concept formation.

When and how, with what content did the concept of the composition of the crime appear in the national doctrine?

When did the concept discussed appear in the doctrine of domestic criminal law? How was it disclosed? To answer this question, it is advisable to turn to domestic textbooks, since all relevant doctrinal provisions are systematically reflected there.

Apparently, the first Russian textbook of criminal law was the work of I.E. Neumann, published in 1814 [7]. A Russian edition of this book was prepared in accordance with the personal order of the Minister of Public Education of the Russian Empire A.K. Razumovskii in February 1813 to compile, among others, an educational book – a manual on Russian criminal law. The author Johann Georg Josias Neumann was born in Marburg (County Kassel, now the territory of Germany) in 1780, he graduated from the university there and the age of 27 years were invited to Russia to participate in the work of the Commission for drafting laws. In 1809 he was appointed professor of Russian law and state economy at Kazan University, and in 1811 he moved to a similar position at the University of Dorpat. Neumann lived most of his life in Russia and died here [8].

So, as our analysis shows, in this work the desired concept is not used at all. A year after the publication of I.E. Neumann's work, O.I. Goreglyad's book "The experience of writing Russian criminal law" was published [9], which some modern researchers consider to be the first Russian textbook of criminal law [10]. It is not entirely clear why these authors give priority to O.I. Goreglyad's textbook. They may not know I.E. Neumann's textbook (it is not mentioned in the above article). It is also possible that due to Neumann's origin, they do not consider him a Russian author and do not take him into account. Anyway, in Goreglyad's work, the concept of the composition of the crime is not only not disclosed, but is not even mentioned.

In the textbook of criminal law by P.N. Gulyaev, published 11 years later, Goreglyad's book is mentioned as a respectable one, though having certain shortcomings [11, pp. I-II]. However, in the work of P.N. Gulyaev, the term "composition of the crime" is not used anywhere. The textbook of S.I. Barshev [12] published 16 years after P. Gulyaev's book also has no mention of it. Only in another work by S.I. Barshev, published much later, the term of the composition

of the crime is used only once in the meaning of the term “mechanism of a crime, “a criminologist needs forensic medicine when a medical examination is required to explain the composition of the crime (the emphasis added), as it always happens in cases where there is a suspicion of violent death, poisoning or bodily injury” [13, p. 19].

The earliest work (textbook) of a Russian legal researcher that we managed to find, where, among other issues, the doctrine of the composition of the crime is considered, dates back to 1863. It issued from the pen of the prominent Russian lawyer V.D. Spasovich [14]. In 1857–1861, he worked as a professor at Saint Petersburg University and lectured there on criminal law. These lectures formed the basis of this textbook.

The author of the textbook presented the composition of the crime as a set of all elements included in the content of the concept of a crime. It is worth noting that this combination combines both external (objective) and internal (subjective) sides of the crime. According to V.D. Spasovich, some of these elements are so important that a crime is simply unthinkable without them; they are called significant. Other elements are of such a kind that a crime can do without them, but they can influence the measure of punishment to a certain extent; they are called insignificant. As an illustration of this division, the author describes a murder case in which the bodily injury of the victim is a significant element, but whether it was committed with a knife, an axe, a stick, whether blows were inflicted on the chest or on the head are insignificant elements of the crime [14, p. 90].

The composition of the crime, according to V.D. Spasovich, can be general and special. The general one is formed by means of distraction (abstraction) and includes elements peculiar to any crime. New elements are added to the general composition in each individual crime, which are peculiar to this species alone and give it a special characteristic color [14, p. 90].

Summing up his analysis, V.D. Spasovich points out that a crime is conditioned by the presence of, first, an object of the crime, second, its perpetrator. It necessarily contains four elements: two forming its external side – action and its consequences, and two forming its internal side – will (to commit an act) and knowledge of consequences of the action [14, pp. 92–93].

V.D. Spasovich’s views, apparently, were formed under the influence of German legal

literature and foreign lawmaking of that time, where the criminal law doctrine was more developed than in domestic publications. Moreover, some researchers believe that V.D. Spasovich’s textbook was based on the concept of the German criminologist, professor at the University of Berlin A.F. Berner [15, p. 306]. In this regard, it is worth noting that the Textbook on criminal law: General part by A.F. Berner was translated into Russian, and then published in Saint Petersburg by the above-mentioned prominent Russian lawyer and statesman N.A. Neklyudov [16]. This work was published in the original language several years before the publication of the textbook by V.D. Spasovich, if we rely on the list of key publications of A.F. Berner [17, p. 570].

The Russian edition of Berner’s textbook had such a significant impact on the Russian science of criminal law that it was mentioned and characterized in the brief reference “Russia-science-criminal law”, published in the famous encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron [18, pp. 847–848].

As in the work of V.D. Spasovich, in the textbook of A.F. Berner, the composition of a crime (Thatbestand) is defined in the most general form as a set of elements of a crime, while elements of a crime as a generic concept form a general composition of the crime and its specific elements form its special composition. A.F. Berner does not mention that not only species, but also generic elements are included in a special composition; V.D. Spasovich has this clarification.

A.F. Berner classifies elements of a crime in more detail than V.D. Spasovich. He divides them into essential (essentia), ordinary (naturalia) and accidental (accidental), while pointing out that only essential elements determine the concept and existence of a crime; ordinary and accidental ones have an impact on the measure of punishment. However, he does not explain how ordinary elements differ from accidental ones.

A.F. Berner describes key components of the general composition, such as an act, its subject, object and means of influence, and also shows their correlation. A.F. Berner does not use any special term to characterize these components (parts, elements of the composition, etc.). The act, according to the author, should serve as a basis, a skeleton for building the doctrine of a general composition of the crime, while everything else is predicates of the act as the subject [16, p. 338].

It is important to note that A.F. Berner offers readers a brief historical background in which he shows transformation of the concept under consideration. He points out that before the composition was called *corpus delicti*. At first, this name was used to refer to external traces of the crime, even if the perpetrator had not been known yet. The meaning of this expression was mainly procedural. The composition of the crime was contrasted with internal guilt (*Thäterschaft*). Modern science realized the inextricable link between *corpus delicti* and culpability, which is why it considers the latter as part of the composition of the crime, and does not pay attention to the procedural origin of the phrase in question. With such an expansion of the meaning of the term, the Latin expression testifying for something corporeal and material loses its meaning [16, p. 337]. Thus, according to A.F. Berner, the composition of the crime covers a subjective side of the act, awareness of the reality and the will to change it (although this expression – a subjective side – is not used by him).

In the introduction to the translated edition of A.F. Berner's textbook, his translator and publisher N.A. Neklyudov informed readers that he made additions where the author's ideas seemed incomplete to him and he made notes where he considered them sharply incorrect. In this regard, two circumstances are worth emphasizing: 1) a general idea of the composition of the crime, as outlined by A.F. Berner, was not criticized by the publisher, i.e. it was accepted; 2) later N.A. Neklyudov joined the editorial commission formed to develop the 1903 Code.

Review of the composition of criminal acts against family rights and their ranking by degree of severity

The 1903 Code includes Chapter 19 comprised of 19 articles, which provides for liability for criminal acts against family rights. The articles are only numbered, have no titles and are not grouped into paragraphs or other divisions. Along with this, the number of specific elements of acts provided for in the chapter exceeds the number of articles. If we proceed from modern ideas about the composition of the crime, then the following criminal acts can be distinguished in the chapter under consideration:

- coercion of one intending spouse by another intending spouse to marry (Part 1 of Article 408);
- coercion of one or both intending spouses by a third person to marry (Part 2 of Article 408);

- marriage with a person who obviously could not understand the meaning of his actions or direct his actions (Article 409);
- marriage by deceiving a groom or a bride (Article 410);
- knowingly entering into an incestuous marriage (Article 411);
- entering into a new marriage with the existence of the former spouse in the absence of a permit provided for by law for such a marriage (Article 412);
- deliberate participation of a clergyman of the Christian faith in the solemnization of a sinful marriage (Article 413);
- marriage of a person who has reached the age of majority with a person who has not reached such age (Article 414);
- marriage of a person of Christian faith with a non-Christian (Article 415);
- marriage with a relative, the degree of kinship with whom is not considered incest, but makes the marriage invalid (Article 416);
- taking away an unmarried woman for marriage with her consent, but without the consent of her parents, provided that this woman has reached the age of majority, but at the same time is under twenty-one years old (Article 417);
- adultery (Article 418);
- adultery with a married person (Article 418);
- refusal to provide food and maintenance to parents, obviously in need, if the perpetrator had the means to do so (Paragraph 1 of Article 419);
- persistent disobedience to parental authority or rough treatment of the mother or legitimate father (Paragraph 2 of Article 419);
- marriage contrary to the strong prohibition of the mother or legal father, if the perpetrator has not reached the age of twenty-one (Paragraph 3 of Article 419);
- ill-treatment of a minor by a guardian or a caregiver (Paragraph 1 of Article 420);
- resort to begging or other immoral occupation or giving away a ward who has not reached the age of seventeen by a guardian or a caregiver for this purpose (Paragraph 2 of Article 420);
- coercion of a ward who has not reached the age of twenty-one to marriage by a guardian or a caregiver, provided that the marriage was contracted (Paragraph 3 of Article 420);
- giving away a ward who has not reached the established age to be employed an industrial enterprise for the employment by a guardian or a caregiver (Article 421);

- coercion by a guardian or caregiver of a person under the age of twenty-one to marry him/her by abuse of his/her power, if the marriage was contracted (Article 422);

- neglect of a minor or other person if it has led to the commission of a crime by the supervised person (Article 423);

- not a statement about someone's birth or death to an authorized person who keeps metric books or records about it, in the case when the perpetrator was obliged to make a statement (Article 424);

- failure to include information about birth, death or marriage in metric books or records by a person, a clergyman of a non-Orthodox religion or an employee who is obliged to keep them (Article 425);

- failure by negligence to enter proper information into metric books or records of birth, death or marriage by a clergyman of a non-Orthodox religion or an employee who is obliged to keep these books or records (Paragraph 1 of Article 426).

- negligently entering incorrect information into metric books or records of birth, death or marriage by a clergyman of a non-Orthodox religion or an employee obliged to keep the specified books or records (Paragraph 2 of Article 426).

- failure to comply with the rules on the procedure for maintaining or storing metric books or records of birth, death or marriage, as well as providing them to established by law places by a clergyman of a non-Orthodox religion or an employee obliged to keep these books or records (Paragraph 3 of Article 426).

It is noteworthy that this chapter does not fix any elements of the aggravating circumstances. On the contrary, one of the articles of the chapter (Article 415) includes the second part, describing the basis for exemption from punishment for the act provided for in the article (the occurrence of a circumstance leveling possible harm from a certain type of crime). There is no word "note" in this place of the legislative text and formally this fragment is part of the article, however, in terms of content and essence ("the guilty person is released from punishment if a non-Christian who married him converted to Christianity when married") it is a note, that is, some kind of explanation, addition to the main text of the article.

In total, there are two such structures in the 1903 Code: the already mentioned Part 2 of Article 415 and Part 3 of Article 367 (the latter provides for the exemption from criminal liability of workers who took part in a strike if they started

work at the request of the authorities or the head of the enterprise). The modern Russian Criminal Code, pursuing the goal of liberalization and humanization of criminal liability, is regularly supplemented with new notes to articles of the Special Part regulating conditions of exemption from liability (punishment). This toolkit has become so widespread (at the beginning of 2023, there were more than 40 articles with relevant notes in the Special part) that researchers become interested in the legal nature of such notes and consider problems arising from their application [19].

Taking into account general provisions formulated in Article 3 of Chapter 1 "On criminal acts and punishments in general" of the 1903 Code, two crimes provided for there (parts 1 and 2 of Article 408) belong to the category of grave (since the perpetrator serves hard labor), while fifteen acts – the category of offenses (articles 414–419, 421, 423, 424, 426 with arrest or a fine being the most severe punishment), the rest are classified as crimes (ordinary). The most common punishment in Chapter 19 is arrest, which is second only to monetary penance (Article 2 of the 1903 Code), is provided for in seven articles of the chapter and could be imposed for up to six months (Article 21 of the 1903 Code).

Legal structures and techniques used in Chapter 19 look quite modern if one replaces some outdated words more familiar ones. Moreover, the text is written in an accessible and, as a rule, non-contradictory language. At the same time, the legal technique of this chapter is not perfect. In some cases, the legislator divides articles into unnumbered parts (Article 408), in others – the article has no parts, but breaks up into numbered paragraphs (articles 419, 420 and 426), or has parts, with one of them being divided into paragraphs (Article 413).

Classification of criminal acts against family rights by objects of encroachment

To systematize encroachments on family rights, it is reasonable to take as a basis the classification proposed in the explanations of the Editorial Committee [20, pp. 158–159]. This classification stems from the differentiation of a generic object of encroachment on specific and immediate objects and helps to better understand intention of developers of the 1903 Code. The draft code, discussed by the Editorial Committee, differs markedly from the final version of the 1903 Code, therefore, the classification presented below is our interpretation of the original version.

The developers point out that a family union is conditioned by marriage and results into the rights of spouses in relation to each other, arising from the fact of birth of the rights of children, the rights and obligations of children in relation to parents and vice versa, finally, is a kinship union. So, it is logical to begin the classification of the acts in question with encroachments on marriage and continue with encroachments on other objects related to marriage:

1) encroachments on the foundation of a family — a marriage involving free agreement of persons capable of marriage; this includes acts consisting of entering into invalid marriages, whether through the fault of one of the marrying (forced or deceptive marriages) or both (illegal marriages), and criminal activity is possible both on the part of the marrying and persons authorized by the state to conclude marriages and certify them (articles 408–417);

2) encroachments on the marital union, the only case of which in the chapter under consideration is adultery (Article 418), since other cases of criminal acts of spouses in relation to each other are provided for in other (general) chapters of the 1903 Code;

3) criminal acts of children against parents that could not be provided for in other chapters of the 1903 Code, since their punishability is due solely to the duty of childish respect (Article 419):

- a) refusal to provide parents with food;
- b) rudeness against parents;

c) disobeying the legal prohibition of parents to marry if the perpetrator has not reached the age of 21;

4) criminal acts of parents or substitute parents against children, the punishability of which is due solely to the parental duty of caring for children; these include (Articles 420–423):

- a) child abuse;
- b) forcing a minor to marry;
- c) conversion of a minor to begging or immoral occupation;

d) failure to carry out proper supervision of a minor by a person who is entrusted with such supervision in accordance with the established procedure;

5) acts endangering the family and civil status of a person by failure to fulfill the duties assigned to the perpetrator by law in order to ensure correct maintenance of metric records:

a) failure to declare birth or death in accordance with the established procedure (Article 424);

b) non-fulfillment or negligent fulfillment of obligations to maintain, store or provide metric books or records of birth, death or marriage (articles 425, 426).

Subjects and the subjective side of criminal acts against family rights

The range of subjects of criminal acts specified in paragraphs 1–4 of the classification given in the previous section of our paper is actually disclosed there (for example, in Paragraph 1 these are those who are getting married and persons authorized by the state to conclude marriages and certify them, etc.). The subjects of criminal acts specified in the sub-paragraph “a” of Paragraph 5 of the classification could be any persons who are legally obliged to declare birth or death and those provided for in the sub-paragraph b of Paragraph 5 of the classification – clerics of any religion, except Orthodox, and employees who are assigned duties fixed in articles 426 and 427 of the 1903 Code.

At the same time, in Chapter 19 of the 1903 Code, there is a structure, which, according to a modern terminology, can be called a “special subject of the crime”. It is a sane person who has reached the age of criminal liability and possesses, in addition to general, additional features provided for by law and deterministic qualities of the object of the crime, which allow this person to commit a socially dangerous act provided for by the relevant criminal law norm [21]. When the 1903 Code was adopted, there was no such a term in legal science, but the corresponding method of legislative technique had been known from previous legislation.

Subjects of criminal acts determined in Chapter 19 of the 1903 Code can be classified as special: Article 412 (“a married person”); Part 1 of Article 413 (“a Christian clergyman”); Paragraph 1 of Part 2 of Article 413 (“a non-Christian clergyman”); Paragraph 2 of Part 2 of Article 413 (an employee authorized to keep metric records); Paragraph 3 of Part 2 of Article 413 (a best man); Article 414 (a person who has reached the age of majority); Article 415 (“a Christian”); Article 418 (“a married person”); articles 420, 421 (“parent”, “guardian”, “caregiver”); Article 422 (“guardian”, “caregiver”); Article 423 (“the one obliged to take care of a minor or other person”); Article 424 (“the one obliged by law to declare the birth or death to an authorized person), articles 425 and 426 (“a clergyman of a non-Orthodox Christian denomination who is obliged to keep metric books

and records of birth, death or marriage”, “an employee obliged to keep metric books and records of birth, death or marriage marriage”).

Criminal acts against family rights provided for in the 1903 Code can be divided according to the perpetrator’s attitude to the act committed and its consequences.

The first group includes those that are committed solely with intentional guilt. This predominant group, in turn, is comprised of several subgroups.

First of all, it is necessary to specify the subgroup that constitutes serious crimes; there are two of them and they are fixed in parts 1 and 2 of Article 208. Crimes of this category can only be committed intentionally. So, Part 3 of Article 48 of the 1903 Code stipulates that such acts “are punished only if there is intentional guilt”.

Another subgroup consists of fourteen crimes (so-called ordinary, not serious) provided for in the chapter under consideration. Their belonging to the first group is due to the following. Part 4 of the already mentioned Article 48 contains an instruction that crimes with negligent guilt are punished “only in cases specified by law”. However, none of the relevant articles of the chapter (409–413, 420, 422, 425) indicates a negligent guilt. Moreover, in relation to many crimes (parts 1 and 2 of Article 412, part 1 of Article 413, paragraphs 1–3 of Part 2 of Article 413) it is indicated that the subject of the act is aware of certain essential circumstances, awareness of which makes it impossible, in principle, to commit an act by negligence.

The last subgroup includes most offenses described in the chapter under consideration. As a general rule, liability for offenses occurs regardless of whether they are committed intentionally or by negligence (Part 5 of Article 48). However, Chapter 19 (articles 414–416, Article 418, paragraph 1 of Article 419) indicates that perpetrators are aware in advance of essential circumstances of the offense, knowledge of which excludes commission of the crime by negligence. For example, in Article 414 it is indicated that liability comes for marrying a person who, obviously for the perpetrator, has not reached the age of majority. As we can see, this technique, which is now also in demand in legislation to characterize the subjective side of the crime, is widely presented in Chapter 19 of the 1903 Code. Therefore, these acts could only be committed intentionally.

In addition, according to paragraphs 2 and 3 of articles 419 and 421, the objective side of a number of other offenses from the chapter in question excludes negligence guilt of the persons committing them. Thus, according to paragraph 2 of Article 419 of the 1903 Code, “persistent disobedience to parental authority” is punishable. The manifestation of perseverance means “firmness and inflexibility in striving for something” [22, p. 966], that is, it indicates meaningful, purposeful and consistent behavior that excludes carelessness.

The second group includes acts that can be committed either intentionally or by negligence. This group is small, and it includes only three offenses in total (articles 423, 424 and Paragraph 3 of Article 426).

Well, the third group includes those acts that can only be committed by negligence. This group is even smaller than the previous one, it includes two offenses (paragraphs 1 and 2 of Article 426). Negligent guilt is conditioned here by the direct indication of the law (the commission of an act “by negligence”).

Optional features of the subjective side of criminal acts (motive and purpose of the act, emotional state of the person before or during the crime commission) are usually not indicated in Chapter 19, and, therefore, they are not elements of the composition of criminal acts against family rights (respectively, they are not included in the subject of evidence in the case).

The exceptions are Article 417 and Paragraph 2 of Article 420. Article 417 establishes liability for taking away an unmarried woman for marriage with her consent, but without the consent of her parents, provided that this woman has reached the age of majority, but at the same time is under twenty-one years old. According to the text of the law, this offense includes as a mandatory element the purpose of the act – marriage with the woman who is taken away. Paragraph 2 of Article 420 stipulates the liability of a parent and other persons obliged to take care of a minor in the event that they give their ward to third parties for a specific purpose – for begging or other immoral occupation.

Form and methods of committing criminal acts against family rights. Characterizing victims and the object of encroachments

The vast majority of criminal acts against family rights according to the 1903 Code can be committed only through certain actions. At the same time, a considerable number (seven types)

of such acts, on the contrary, can be committed only in the form of inaction – non-commission of those actions that the perpetrator is obliged to commit (paragraphs 1 and 2 of articles 419, 423, 424, 425, paragraphs 1 and 3 of Article 426 of the 1903 Code). Actions and inaction in the modern science of criminal law are attributed to features of the objective side of the crime.

Methods of committing criminal acts against family rights provided for in the 1903 Code are very diverse: violence against a person (Article 408); threats of murder, very serious or grievous bodily harm (Article 408); deception in active (reporting knowingly false information) and passive (omission of significant circumstances) forms (Article 409); taking away a person (Article 417); coercion through the use of parental or guardianship authority (articles 420, 422); entering incorrect information into official documents (paragraph 2 of Article 426). If we proceed from modern ideas about criminal law, the listed methods (as well as action and inaction) are optional elements of the objective side of the relevant crimes.

When designing articles of Chapter 19, along with the technique “special subject of crime” discussed above, the legislator widely used a mirror technique – “special victim”. This term and the corresponding concept in the science of criminal law appeared much later, in the Soviet period, which, however, did not prevent the use of this technique in lawmaking at the turn of the XIX and XX centuries, and earlier. This often happens: some techniques and approaches are first born and tested, show their effectiveness in any practice (not only in lawmaking), and only then are noticed, comprehended, justified in the theory of this activity.

Certain characteristics of the victim are not always included in the compositions when the crime causes harm to him, but only then it is necessary to narrow the circle of victims, limit it to certain conditions [23, p. 23]. In this case a “special victim” is an optional feature of the object of the crime. If elements of a special victim are not formulated in the law, properties of the victim are indicated by nature of the damage caused by the corresponding crime.

The identification of the victim’s figure as an element of the object of the crime makes it possible to better reveal the essence of the crime, i.e. its social danger, and to reveal the mechanism of harm to public relations [24, p. 39].

The structure “special victim” is used in Chapter 19 of the 1903 Code in the following cases:

Article 409 (a person “who obviously could not understand the meaning of what he was doing”), Article 410 (“groom”, “bride”), Article 414 (“a person who obviously did not reach the age of majority”), Article 419 (“mother”, “legitimate father”), articles 421 and 423 (“minor”), Article 422 (“a person under twenty-one years of age”). Thus, the special victim here is characterized by a certain state of health at the time of the crime commission, physical and mental condition, mental development, attitude to marriage; blood and legal relationship with the perpetrator; legal age (age of full or incomplete general or special legal capacity), and the age that determines physical and mental development.

The developers of the 1903 Code described the object of any crime as “an interest or benefit protected by a legal norm, which is encroached upon by a perpetrator” [25, p. 7]. This idea was probably formed under the influence of works of N.S. Tagantsev (a member of the Editorial Committee), stating that the positive thing in which the law is expressed is an interest taken under its protection; a legal norm, as a real element of public life, is a protected interest; a person who neglects legal norms directs his activity to this interest. This interest may be included in the legal sphere of a certain subject, and then an encroachment on the interest will also be an encroachment on a subjective law, or a known interest is protected by law as a public domain or good, regardless of its belonging to one or another subject [5, p. 40]. In turn, Tagantsev’s views, apparently, were formed under the influence of German lawyers. In particular, he recognized the validity of the position of Gelstener, who considered a specific legal good to be only a direct object of encroachment and pointed out that the essence of the crime is not limited to damage caused to a specific good; its true meaning lies in the opposition to the rule of law in the state. Therefore, the final legal object that a criminal encroaches on is always the state itself [5, p. 40].

The protection of the family, according to the developers of the 1903 Code, is necessary in the name of public interests, in view of which encroachments on the family union belong to the group of encroachments against conditions of the society. At the same time, the main task of legislation, according to the developers, is not to protect any particular private good of a particular person, but the public good, which is reduced to certain ethical principles that are subject to state protection as a necessary ba-

sis for the strength and steadfastness of family existence and marital status in general [20, p. 157]. Traditionally, religious canons and rules acted as ethical principles in the construction of criminal law norms, which is clearly demonstrated in articles 415 and 418 of the 1903 Code. Accordingly, religious interests acted as an additional object of protection in these cases.

According to the Editorial Commission, religious and moral principles permeate the entire system of state decrees on marriage. Those private rights that are subject to protection are protected only to the extent that their violation entails a fluctuation of religious and moral principles, which are extremely important for society [20, p. 160].

Conclusion

Due to a number of external and internal reasons, in recent years, the state and society have paid great attention to preserving and strengthening traditional spiritual and moral values of the Russian people and, in particular, the family and family values. In 2020, the Constitution of the Russian Federation was amended (approved by popular vote), according to which the family, motherhood, fatherhood, as well as the institution of marriage, as a union of a man and a woman, are subject to protection, which strengthens the traditional idea of marriage (paragraph “g.1” of Part 1 of Article 72). The Russian National Security Strategy assesses the situation in the country and the world as requiring urgent measures to protect traditional values. The Constitutional Court of the Russian Federation, in its Decision No. 24-P of September 23, 2014, indicated that within the meaning of Article 38 (Part 1) of the Constitution of the Russian Federation, family, motherhood and childhood in their traditional, ances-

tral understanding represent those values that ensure continuous generational change, are a condition for the preservation and development of a multinational people of our country, and therefore need special protection on the part of the state. The Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 11, 2022, which approved the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, as well as the Decree of the President of the Russian Federation No. 875 of November 22, 2023 “On Holding the Year of the Family in the Russian Federation”, is aimed at such protection. To popularize state policy in the field of family protection and preserve traditional family values, the Year of the Family is held in the country in 2024. In accordance with the Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024, family support is included in the 1st group of national development goals (subparagraph “a” of Paragraph 1), the Government of the Russian Federation is instructed to develop and submit a national project “Family” (subparagraph “a” of Paragraph 9).

The author hopes that the material of this work will help all interested persons to better understand ideas of our ancestors about family values and help find an optimal model of criminal law protection of family values. As the outstanding Russian lawyer, statesman and public figure N.D. Sergeevskii notes, the study of past eras provides an indispensable guide to the age-old experience of generations when contemplating about a new legislative regulation. To comprehend, evaluate and criticize the criminal law, it is necessary to know its history; otherwise, all our judgments will be deprived of a solid foundation [26, p. 8].

REFERENCES

1. *Novoe ugolovnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903* [The new criminal code, approved March 22, 1903]. Saint Petersburg, 1903. 253 p.
2. Kolokolov G.E. *Novoe ugolovnoe ulozhenie: tolkovanie i kriticheskii razbor* [The new criminal code: interpretation and critical analysis]. Moscow, 1904. 44 p.
3. Stuchka P. Proletarian revolution and the court. *Proletarskaya revolyutsiya i Pravo = Proletarian Revolution and Law*, 1918, no. 1, pp. 1–8. (In Russ.).
4. *Yuridicheskii slovar': v 2 t. T. 2* [Legal dictionary: in 2 vol. Volume 2]. Moscow, 1956. 663 p.
5. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugolovnomu pravu. Chast' obshchaya. Vyp. 1. 1887–1892* [Lectures on Russian criminal law. General part. 1887–1892]. Saint Petersburg, 1887. 380 p.
6. Gartseva Yu.Yu. Responsibility of family members for not performing duties and abusing of rights in the Russian Empire from the XVIII up to the beginning of the XX century. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2, pp. 260–265. (In Russ.).

7. Neumann J.G.J. *Nachal'nyya osnovaniya ugolovnogo prava* [Foundations of criminal law]. Saint Petersburg, 1814. 75 p.
8. D'yakonov M.A. Information about von Neumann Ivan. In: *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Yur'evskogo, byvshego Derptskogo, universiteta (1802–1902). Tom 1* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Yurievsky, former Dorpat University (1802–1902). Volume 1]. Yur'ev, 1902. Pp. 582–583. (In Russ.).
9. Goreglyad O.I. *Opyt nachertaniya rossiiskogo ugolovnogo prava. Chast' I: O prestupleniyakh i nakazaniyakh voobshche* [Experience of developing Russian criminal law. Part I: On crimes and punishments in general]. Saint Petersburg, 1815. 167 p.
10. Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. The first textbook of criminal law (to the 200th anniversary of the textbook by Osip Goreglyad "Experience of developing Russian criminal law"). *Lex russica = Russian Law*, 2015, no. 3, pp. 112–124. (In Russ.).
11. Gulyaev P.N. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo, sostavlennoe iz rossiiskikh gosudarstvennykh zakonov i titulyarnym sovetnikom Petrom Gulyaevym* [Russian criminal law, compiled from Russian state legislations by titular adviser Peter Gulyaev]. Moscow, 1826. 209 p.
12. Barshev S.I. *Vzglyad na nauku ugolovnogo zakonovedeniya* [A look at the science of criminal jurisprudence]. Saint Petersburg, 1858. 20 p.
13. Barshev S.I. *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyakh i nakazaniyakh: v 2 razd.* [General principles of theory and legislation on crimes and punishments: in 2 sections]. Moscow, 1841. 269 p.
14. Spasovich V.D. *Uchebnik ugolovnogo prava. T. 1* [Textbook of criminal law. Volume 1]. Saint Petersburg, 1863, 178 p.
15. *Ugolovnoe, ugolovno-ispolnitel'noe pravo i kriminologiya. Personalii: Biobibliograficheskii spravochnik* [Criminal law, penal law and criminology. Personalities: bio-bibliographic reference book]. Comp. by Georgievskii E.V. Irkutsk, 2002. 346 p.
16. Berner A.F. *Uchebnik ugolovnogo prava: Chasti: obshch. i osob. T. 1. Chast' obshchaya* [Textbook of criminal law: Parts: general and special. Volume 1. General part]. Saint Petersburg, 1865. 916 p.
17. *Entsiklopedicheskii slovar'. T. IIIa. 1890–1907: Berger – Bisy* [Encyclopedic dictionary. Volume IIIa. 1890–1907: Berger – Bisy]. Saint Petersburg, 1892. 952 p.
18. *Entsiklopedicheskii slovar'. 1890–1907. T. XXVIII (55): Rossiya i S–Savarna* [Encyclopedic dictionary, 1890–1907. Vol. XXVIII (55): Russia and S–Savarna]. 1899. 952 p.
19. Sverchkov V.V. Comments to the Russian Federation Criminal Code of indemnity: juridical nature and issue of implementation. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current Problems of Economics and Law*, 2013, no. 4, pp. 259–266. (In Russ.).
20. *Ugolovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 4. Gl. 17–18* [Criminal Code. Explanations to the draft criminal code of the Editorial Committee. Volume. 4. Chapters 17–18]. Saint Petersburg, 1895. 243 p.
21. Semenov S.A. *Spetsial'nyi sub'ekt prestupleniya v ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [A special subject of crime in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1999. 184 p.
22. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. T. 4. S – Yashchurnyi* [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4. S – Yashchurnyi]. Ed. by Ushakov D.N. Moscow, 1940.
23. Dageľ P.S. Victim of a crime in Soviet criminal law. In: *Poterpevshii ot prestupleniya* [Victim of a crime]. Vladivostok, 1974. Pp. 16–37. (In Russ.).
24. Shesler A.V. *Sostav prestupleniya: monogr.* [The composition of the crime: monograph]. Novokuznetsk, 2016. 90 p.
25. *Ugolovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 2. Gl. 2–7* [Criminal Code. Explanations to the draft Editorial Committee. Volume 2. Chapters 2–7]. Saint Petersburg, 1895. 582 p.
25. *Ugolovnoe ulozhenie. Ob'yasneniya k projektu Redaktsionnoi komissii. T. 4, Gl. 17–18* [The Criminal Code. Explanations to the draft Editorial Committee. Vol. 4. Chapters 17–18]. Saint Petersburg, 1895. 243 p.
26. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya: posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General part: manual for lectures]. Saint Petersburg, 1911. 397 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

PETRA A. SKOBLIKOV – Doctor of Sciences (Law), Leading Researcher at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, skoblikov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>

Received May 13, 2024

Original article

UDC 341:342:344

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.002

On the Approval of International Commissions of Inquiry according to Results of the Conventions of 1899 and 1907 for the Pacific Settlement of International Disputes

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
Tula Institute (branch) of All-Russia State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Abstract

Introduction: the article considers norms of the conventions for the pacific settlement of international disputes adopted on May 6 (18), 1899 and October 5 (18), 1907 in The Hague on the initiative of the Russian Emperor Nicholas II. Attention is drawn to the proposal to establish procedures for the work of international commissions of inquiry in relation to various situations of an interstate nature. It was assumed that they would resolve disputes between states that did not concern honor or essential interests, but only related to differences in the assessment of factual circumstances. The initiators of the proposals, members of the Russian delegation, believed that raising the issue was timely, relevant and would be significant in resolving individual interstate conflicts. *Purpose:* by studying archival documents, conventions of 1899 and 1907 for the pacific settlement of international disputes, works of researchers of that period, to bring to the legal community the information about origins of the issues of disarmament, rules of warfare, and peaceful settlement of international disputes with a view to their possible use in making individual decisions in the modern period. *Methods:* content analysis, analysis, comparison, comparative historical, formalization, comparative legal, structural and functional, with a focus on a systematic approach. The *results* of the study of historical documents, the analysis of individual facts related to the work of international commissions of inquiry for the pacific settlement of international disputes, and the application of the analogy method to modern conditions are also of applied importance. The article reveals legal grounds for concluding agreements between the disputing parties, the timing of the creation of commissions, procedures for their activities – place of residence, conditions of relocation, language of communication, powers of the chairman, members, commissioners, the specifics of preparing final documents, and their role.

Key words: conventions for the pacific settlement of international disputes; international commissions of inquiry; international law.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. On the approval of international commissions of inquiry according to results of the conventions of 1899 and 1907 for the pacific settlement of international disputes. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 245–249. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.002.

*Peoples, stay united in all great things;
preserve freedom in your own small affairs;
be imbued with humanity, mercy in all human and international affairs*
F.F. Martens

Introduction

On May 18, 1899, one of the first conferences on general disarmament in world history opened in The Hague [1, pp. 481–483; 2, pp. 97–102; 3, pp. 85–91]. It was initiated by the Russian Emperor Nicholas II, who sincerely, like his predecessors, believed in peaceful coexistence of states. The young ruler wanted to continue the peace-loving ideas of his father, who had not waged any wars.

The policy of the commonwealth and good neighborliness was very timely and relevant. About 16 years remained before the First World War, the largest and bloodiest for its time. But the smell of gunpowder was already in the air. The powers that be were able to disperse it on condition of conscientious, honest unification in order to preserve peace, the lives of their subjects, and create better conditions for them.

It should be emphasized that the idea of suspending the arms race, spending public funds on the creation of weapons factories, and the development of non-traditional types of human destruction appeared even before Nicholas II. Thus, the Brussels Conference of July–August 1874 on the codification of laws and customs of land warfare was convened on the initiative of the Russian Emperor Alexander II, grandfather of Nicholas II.

Researchers believe that, despite his age, Nikolai was suspicious of the 25-year-old world in Europe, to which senior officials were accustomed and relaxed their vigilance [4; 5, pp. 236–237]. During the lull, many leading states accumulated military forces and developed a system of weapons. The greatest fear was caused by Germany eager to advance colonial conquests. Other countries found reasons for mutual conflicts as well. Contemporaries of that period believed that the most insignificant problem could be enough to get the whole world involved in relentless bloody battles. The Russian tsar did not want to be involved in a new war and tried, if not to prevent it forever, then at least to increase peacetime and reduce future losses.

On behalf of the sovereign, the Minister of Foreign Affairs M.N. Muravyov [6, pp. 289–316] drew up a draft, approved and published in August 1898 in the Government Bulletin. Through

diplomatic channels, the document (researchers call it a note) was transferred to foreign countries. With a positive perception of the idea by foreign states, Nicholas II intended to create a stable international environment for Russia and Europe. He had a desire to form an image of Russia as a peacemaker empire in the eyes of the world community.

Freezing of military budgets, at least a temporary halt to the build-up of military potential, were extremely important for Russia, which was experiencing economic difficulties. This approach was not superfluous for Europe, which was in the state of “long depression”. Despite this, the arms race forced huge budgets to be spent on equipping armies. Russia allocated about 25% of the total annual expenses to this.

The reaction of European countries to this document was generally negative. Nicholas II sent M.N. Muravyov and the Minister of War A.N. Kuropatkin to Europe in order to explain that Russia was not talking about complete disarmament, but only wanted to suspend the arms race.

In December 1898, the Russian government drafted another document, this time taking into account the opinions of European representatives. It was proposed to hold a conference and discuss:

- 1) an agreement on freezing the existing composition of land and naval armed forces, as well as budgets for military needs;
- 2) prohibition to introduce new firearms and explosives;
- 3) restriction on the use of destructive explosive compounds, prohibition of the use of projectiles from balloons;
- 4) exclusion of the use of submarines in military clashes;
- 5) extension of the provisions of the 1864 Geneva Convention and the 1868 Supplementary Regulations to naval operations;
- 6) recognition of the neutrality of ships and boats rescuing drowning people during or after naval battles;
- 7) correction of the 1874 International Declaration concerning the Laws and Customs of War, drawn up at a conference in Brussels;

8) application of provisions on mediation and arbitration in order to prevent armed clashes between states [1, pp. 481–483].

The invitation to participate in the conference was accepted by 26 states: all European and six non-European states: USA, Mexico, China, Japan, Persia, and Siam. The conference opened on May 18, the 30th birthday of Nicholas II. The Russian emperor was one of the few who sincerely believed in resolving all possible conflicts.

Taking into account the stance of the conference participants, its results were minimal. The main goal to reduce the pace of armament was not achieved. However, there were adopted three conventions, such as Convention for the Pacific Settlement of International Disputes, Convention with respect to the Laws and Customs of War on Land, Convention for the Adaptation to Maritime Warfare of the Principles of the Geneva Convention of 22 August 1864, and three declarations, such as Declaration concerning the Prohibition of the Discharge of Projectiles and Explosives from Balloons or by Other New Analogous Methods, Declaration concerning the Prohibition of the Use of Projectiles with the Sole Object to Spread Asphyxiating Poisonous Gases, and Declaration concerning the Prohibition of the Use of Bullets which can Easily Expand or Change their Form inside the Human Body such as Bullets with a Hard Covering which does not Completely Cover the Core, or containing Indentations.

Representatives of the states had the right to sign or ignore the prepared documents. England refused to join the Declaration concerning the Prohibition of the Discharge of Projectiles and Explosives from Balloons or by Other New Analogous Methods. China, Turkey and Switzerland did not support the Convention with respect to the Laws and Customs of War on Land. The United States and Britain refused to sign the Declaration concerning the Prohibition of the Use of Projectiles with the Sole Object to Spread Asphyxiating Poisonous Gases. The unanimity of all countries was achieved only on the points of peaceful settlement of disputes and naval warfare, although only history could judge their sincerity and desire to comply with the regulations. In 1907, The Hague again hosted a conference, which was attended by 44 States.

Research

Let us turn to the 1899 Convention for the Pacific Settlement of International Disputes

and conventions, decrees and the Final Act signed at the Peace Conference in The Hague on October 5 (18), 1907. We are talking about international commissions of inquiry. In the 1899 Convention, the section “On international commissions of inquiry” consisted of six articles, in which this international legal institution was described in general terms, but very briefly. The document of 1907 included 28 articles, was revised and amended [8, pp. 23–36; 9].

The content of legal norms indicates that the subject of international commissions of inquiry is disputes between states that do not affect honor, essential interests, but are a disagreement in the assessment of some factual circumstances of the case. Being good neighbors, states agree to consider it useful and desirable that the parties that have not reached an agreement through diplomatic means establish, as far as circumstances permit, an international commission of inquiry in order to bear the burden on it to facilitate the resolution of a mutual dispute by clarifying issues through an impartial and conscientious investigation.

These commissions were established by a special agreement of the disputing parties, which fixed the facts to be investigated. At the same time, it contained a procedure, place of stay (if the place of stay of the commission was not determined, then it was located in The Hague), conditions of movement, language of communication, timing, powers of the commissioners, as well as the period in which each of the parties must submit its statement of facts. If the parties recognized the need to appoint assessors (persons with judicial authority), then this was stipulated in the agreement and the scope of their powers was determined.

The parties were entitled to appoint special agents, intended to act as intermediaries between them and the commission of inquiry. A similar mission was to be carried out by their appointed advisers and lawyers who supported their interests before the commission. If the Commission did not meet in The Hague, it appoints a Secretary General, whose bureau served as its office. The office was charged with organizing the meetings of the commission, drawing up protocols during the investigation, and preserving the archive, which was to be transferred to the International Bureau in The Hague.

The Commission’s working procedures in-

volved establishment and recording of the circumstances of the dispute, presentation of details of the proceedings, and implementation of all formalities required by the receipt of evidence. Article XIX of the 1907 Convention pointed to the adversarial nature of the investigation process. Timing of the study of facts, acts, documents, information useful for establishing the truth, as well as a list of witnesses and experts who were supposed to be listened to, were mutually communicated by the parties and the commission.

With the consent of the party, the commission could move its meetings to the place where certain events took place directly, or send one or more members of the commission there. Such movements could only be carried out with the permission of the state in whose territory certain actions were supposed to take place. Inspections of the area and the study of actual circumstances of the dispute took place in the presence of agents and advisers of the parties. Each of the parties to the commission had the right to receive explanations, information, means, and methods if they were of interest to the investigation. The parties undertook, on the basis of their legislation, to ensure the appearance of witnesses and experts to the commission, if they were on the territory of the party. In situations where they could not appear, the parties were obliged to interrogate them in front of their authorities. When carrying out certain actions on the territory of a third contracting power, the commission appealed to the government of that state. Such appeals were executed by means of domestic legislation, provided that they did not violate the security of the state.

Article XXV of the 1907 Convention established the rule that "witnesses and experts were called either at the request of the parties, or by the commission itself, and in any case through the government of the power in whose territory they stayed. Witnesses were heard alternately and separately, in the presence of agents and advisers, in accordance with the procedure established by the commission".

The interrogation of witnesses was supervised by the chairman. Members of the commission were entitled to ask questions to each of the witnesses to clarify or supplement his/her testimony, or to inform about everything concerning the witness within the limits necessary to establish the truth. Agents and advisers

of the parties could not interrupt the witness during his/her testimony and could not directly address him/her themselves, but had the right to ask the chairman to put additional questions to the witness that they considered useful.

It should be noted that the procedure of international commissions of inquiry prohibited witnesses from reading prepared drafts. However, the chairman could allow them to resort to the help of notes and documents if it was required to transmit facts. The minutes of the witness's testimony were drawn up at the same meeting and read to the witness. The witness could make any changes and additions to it, which were noted at the end of his/her testimony. After all his/her statements were read to the witness, he/she was asked to sign them.

Agents were entitled, during or at the end of the investigation, to transmit to the commission and the other party such statements, representations or summaries of facts that they considered useful for revealing the truth. Meetings of the commission took place in private and remained secret. Any decision was made by a majority vote of commission members. The refusal of any of the members to participate in the voting was fixed in the minutes.

Meetings of the commission could be open, while minutes and documents of the investigation could be made public only by a decision of the commission and agreed with the parties.

After the parties had provided all explanations and evidence, and all the details had been listened to, the chairman declared the investigation over and the commission suspended meetings in order to discuss and draft its report. It was signed by all members of the commission. If one of the members refused to sign, it was noted, but the report remained in force. The commission's report was read in an open meeting in the presence of agents and advisers. A copy of the report was handed to each party.

"The report of the commission, limited only to establishing the facts, does not have the character of an arbitral award. The parties retain full freedom to use these factual conclusions at their discretion" (Article XXXV of the 1907 Convention). Each party had to bear its own costs and share the commission's costs.

Conclusion

1. Practical effectiveness of the conferences of 1899 and 1907 was not as significant as the initia-

tors wanted. The experience of the Hague conferences served as the basis for a peaceful settlement after World War I. They helped lay foundations of international humanitarian law, and their basic provisions are used (at least mentioned) in individual decisions in the modern period.

2. The point of view of F.F. Martens, an international law specialist who made a great contribution to the holding of the two Hague Conferences, remains relevant today, “Until the time when it becomes possible to issue a more complete set of laws of war, the High Contracting Parties consider it appropriate to testify that in cases not provided for by the resolutions they adopted, the population and the belligerents remain under protection and action of the principles of international law, since they follow from the customs established between educated peoples, from the laws of humanity and the requirements of public consciousness” [9, p. 5]. We would like Ukrainian nationalists to

know these provisions today. This is said specifically for them.

3. The provisions and procedures for the activities of international commissions of inquiry established by the Conventions of 1899 and 1909 have proved to be not in demand by states as a means of resolving international disputes. There are several reasons: first, the essence of the contract lies in the fact that its obligations arise from the moment both parties agree to its terms (consensual in nature); second, practical limitations of minor disputes; third, the greatest attractiveness of other international legal means for resolving such disputes.

4. Studying archival documents, works of contemporaries of that historical period, the author hopes that the information found will be useful not only for researchers, but also for practical international legal activities in the modern complex historical period.

REFERENCES

1. The Hague Peace Conference of 1899. In: Brockhaus F.A., Efron I.A. (Eds.). *Entsiklopedicheskiy slovar'*. T. 2 (1A) [Encyclopedic dictionary. Vol. 2 (1A)]. Saint Petersburg, 1895. Pp. 481–483. (In Russ.).
2. Pustogarov V.V. The First Peace Conference of 1899 and international law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1998, no. 2, pp. 97–102. (In Russ.).
3. Kolodkin A., Shatunovskii S. 100th anniversary of the First Peace Conference. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*, 1997, no. 9, pp. 85–91. (In Russ.).
4. *Diplomaticheskii slovar'*: v 3 t. [Diplomatic Dictionary: in 3 vols]. Moscow, 1985. 430 p.
5. Nikolaev N.Yu. *Rossiia i Gaagskaya mirnaya Konferentsiya 1899 goda: dis. ... kand. ist. nauk* [Russia and the Hague Peace Conference of 1899: Candidate of Sciences (History) dissertation]. Volgograd, 2001. 247 p.
6. Mikhail Nikolaevich Muravyov. Biographical sketch. In: *Petr Vladimirovich Dolgorukov. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta 1860–1867* [Peter Vladimirovich Dolgorukov. Petersburg essays. Pamphlets of the emigrant 1860–1867]. Moscow, 1934. Pp. 289–316. (In Russ.).
7. Kotlyarov I.I. The Second Hague Peace Conference of 1907 and the further progressive development of international humanitarian law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2007, no. 4, pp. 23–36. (In Russ.).
8. Kudinov A.S. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie organizatsii i deya-tel'nosti mezhdunarodnykh sledstvennykh komissii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [International legal regulation of the organization and activities of international investigative commissions: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 27 p.
9. Tomsinov V.A. Fedor Fedorovich (Friedrich Fromgold) Martens (1845–1909). Biographical sketch. In: Martens F.F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov: v 2 t. T. I* [Modern international law of civilized peoples: in 2 vols. Vol. I]. Moscow, 2008. 209 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch) of All-Russia State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Received April 18, 2024

Measure Thy Cloth Ten Times (Arguments about Reducing the Age of Criminal Liability to 12 Years)

ROBERT S. ABDULIN

Kurgan State University, Kurgan, Russia, abrosem@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to the problem of reducing the age of criminal liability to 12 years and the expediency of further initiating a reduction in the age threshold for bringing minors to criminal liability, as well as the need to introduce pedagogical disciplines and a deeper study of communicative psychology into university training programs for lawyers. In addition, according to the author of the article, when considering cases in courts of the first and appellate instances, in relation to minors, the institution of people's assessors should be returned to the legal field. *Purpose:* based on the study of proposals to reduce the age of criminal liability, to substantiate the prematurity of such legislative initiatives and the need to activate civil society to prevent juvenile delinquency. *Methods:* abstraction, induction, empirical analysis, logical reduction, general scientific and philosophical justification. *Conclusion:* some aspects of this work can be used in the preparation of educational plans for training lawyers, as well as in the activities of public associations for legal education and prevention of offenses among minors (youth parliaments and governments in the subjects of the Russian Federation, public chambers, etc.). A minor becomes the central element of scientific knowledge and legal communication. In this regard, primacy of a child in relation to the law is defended. Knowledge in the field of child pedagogy, psychology and legal conflict allows a judge, prosecutor, investigator and other employees of law enforcement agencies to perform their professional duties efficiently.

Key words: age; teenagers; liability; program; court; people's assessors.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Abdulin R.S. Measure thy cloth ten times (arguments about reducing the age of criminal liability to 12 years). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 250–255. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.003.

Introduction

Consideration of the research topic is associated with three independent, but closely related circumstances.

First, it is the author's position on the undesirability and even to some extent irrationality of further raising the issue of reducing the age of criminal liability to 12 years. Second, judges, prosecutors, investigators and other law enforcement officials, including the penitentiary system, should have deep knowledge not only in the professional field, but also in the field of pedagogy, psychology, legal conflict resolution studies. This will contribute to a holistic perception and assessment of teenager's actions who has committed an offense (crime) or is inclined to commit it. In this regard, it is necessary to include disciplines in the legal training curricula of such as juvenile justice and juvenile pedagogy, which consider the issues of parenting children with deviant behavior, underage, age-related features of adolescent personality development, problems of difficult upbringing, and issues of organizing family education. Third, the author's vision of the procedure for considering criminal cases on crimes committed by minors in the courts of first and appellate instances. Let us consider in more detail, taking into account the position of the author of this article and the opinions of a number of representatives of the scientific world and practical workers, related to proposals to lower the age of criminal liability.

In our opinion, we should put a final end to this issue and not raise it anymore. Having worked as an investigator, prosecutor and judge, the author respects the opinion of scientists, practitioners and legislators regarding this problem. However, it is impossible to agree with such views, arguments aimed at reducing the age of criminal liability of adolescents, since they (judgments), as a rule, violate the law of cause and effect. The problem under study requires serious reflection, in-depth criminological analysis, consideration of possible consequences in terms of the position of "not to harm". We all understand perfectly well that most events that happen to us have their own specific reason. This allows us to be aware of the consequences of our actions, to the point that when we implement them, we can get not the expected, but completely the opposite re-

sult. Thus, correct identification of the cause will largely affect the final result. This also concerns discussion of the problem of lowering the age threshold for bringing teenagers to criminal liability for committing serious and especially serious crimes. Instead of realizing and identifying the reasons for the commission of a crime by a minor, we mistakenly try to find a panacea for this in lowering the age and punishment, pushing the consequences of this step into the background. All proposals about lowering the age limit for the onset of criminal liability of adolescents are nothing more than the unwillingness, and sometimes the inability, of state and municipal bodies, public organizations, and civil society as a whole to closely address issues of preventing juvenile delinquency. It cannot be said that nothing is being done in this direction, but many of these events are so formal that they only cause great harm to their substantive side. Thus, instead of activating all civil society institutions in the Russian Federation, the necessity to reduce the age of criminal liability is once again being initiated. Just few people think about how important this is at the moment of the development of our society. As an example, let us turn to arguments of the adoption of the law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation on the issue of establishing criminal liability of minors from the age of twelve" in 2009 (deputies V.V. Zhirinovskii, S.V. Ivanov and M.S. Rokhmistrov). It follows from the explanatory note to the draft law that "cases of committing a criminal offense by persons aged 12–13 years are becoming increasingly widespread, especially in the form of intentionally causing death or serious harm to the health of citizens, as well as participating in terrorist acts. Annually, more than 300 thousand socially dangerous acts of minors are committed in the country, of them 100 thousand – by children under the age of 14, which exempts them from criminal liability. Taking into account the above, in the opinion of legislators, it may be quite reasonable to reduce the age of criminal liability in Russia for some serious and especially serious crimes to 12 years. If such a law were adopted, persons who had reached the age of twelve at the time of the commission of the crime could be criminally liable for committing twelve offences, including murder;

intentional infliction of serious harm to health; theft committed by an organized group on a particularly large scale; robbery with qualifying signs; robbery and other serious and especially serious crimes. Nevertheless, even with such a rather serious argument, the State Duma Committee "Family, Women and Children" (former name) under the chairmanship of E.B. Mizulina recommended rejecting the project, which was done [1].

The idea of lowering the age of criminal prosecution for children from 14 to 12 years old was the subject of discussion in the Public Chamber of the Russian Federation on February 21, 2012. As a result, in early March of the same year, a member of the Committee of the State Duma of the Russian Federation on Constitutional Law and State Building, V. Ponevezhskii, reported on the preparation of a draft law to reduce the minimum age of criminal liability from 14 to 12 years. However, to the deep satisfaction of the author of the article, in this case everything remained at the level of discussion.

Once again, the issue of lowering the age of criminal liability to 12 years arose already in 2023. The initiator in this case was the State Duma Committee "Protection of the Family, Issues of Paternity, Maternity and Childhood" (current name) in connection with the murder of an 11-year-old schoolboy by his 13-year-old friend in Moscow and the statement by the chairman of the named committee N.A. Ostanina that "children grow up earlier. They commit crimes before they begin to realize themselves. We can't leave it all: school is not coping, parents are not coping. Fear of punishment is a good power. I still don't see any other solution". [2] At the same time, this statement did not have any other, more distinct and reasoned justification of the need to adopt a law on lowering the age threshold for bringing teenagers to criminal liability. Thus, this problem can be solved only by lowering the age of criminal liability in the hope that the fear of punishment will stop the commission of crimes. There are some contradictions in the words of N.A. Ostanina that do not allow reducing the age. For example, how can persons who "commit crimes before they begin to realize themselves" be prosecuted? A 12-year-old teenager may not realize public danger of the crime at the time of its commission. Part 3 of Article 20 of the Criminal Code

of the Russian Federation states that if a minor "during the commission of a socially dangerous act could not fully realize the actual nature and public danger of his/her actions (inaction) or direct them, he/she is not subject to criminal liability". Speaking about the fact that teenagers commit crimes before they begin to realize themselves, N.A. Ostanina quite correctly points out the need to achieve a certain social maturity of a teenager. According to E.G. Dozortseva, this becomes possible only with the development of self-awareness, a quality that allows teenagers to direct their actions, be aware of their actions and become a subject of legal relations [3].

Meanwhile, 15 years have passed since the issue of lowering the age of criminal liability for committing serious and especially serious crimes was first raised in Russia (2009), which makes it possible to assess the expediency of returning to the discussion of this problem. In the interview to Rossiiskaya Gazeta (Russian Newspaper) in 2023, the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A. Bastrykin said that in 2022 in relation to almost 4,700 minors, criminal cases were terminated since offenders were under the age of criminal liability. About 35% of those who committed a socially dangerous act before reaching the established age of criminal prosecution of minors were from well-off families, were not on preventive registration and committed a socially dangerous act for the first time. According to A. Bastrykin, teenagers aged 16–17 are still the most criminalized. Acts committed by children of this age that caused or entailed death, as well as serious harm to human health naturally cause a wide public response. However, the share of such children is less than 1%. Such facts are usually caused by careless behavior of teenagers or quarrels with other minors. It should be noted that A. Bastrykin, judging by media information, never raised the issue of lowering the age of criminal liability and warmed up public opinion in this direction, but, on the contrary, he as a scientist, teacher, and practitioner constantly emphasized the need to consolidate efforts of law enforcement agencies and increase effectiveness of prevention measures when working with adolescents [4].

A weighty argument in favor of the inexpediency of lowering the age threshold for crimi-

nal prosecution to 12 years is also the United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice, (The Beijing Rules), adopted by General Assembly resolution 40/33 of 29 November 1985 at the 96th plenary meeting of the UN General Assembly, where paragraph 4.1 states the following: "In those legal systems recognizing the concept of the age of criminal responsibility for juveniles, the beginning of that age shall not be fixed at too low an age level, bearing in mind the facts of emotional, mental and intellectual maturity". The research of Russian scientists also contains a direct indication that criminal liability is based on a person's ability to consciously self-regulate. So, A.A. Fedonkina notes that such an ability as the function of a developed personality is normally formed by the end of the adolescent age period, covering the period from 11–12 to 14–15 years, which makes it possible to consider the legal establishment of current age limits of criminal responsibility sufficiently justified [5].

It is not difficult legally to reduce the age of criminal liability to 12 years. However, the adoption of such a law would mean the failure of both state and civil society institutions. The chosen formula "fear of punishment is a good force" to some extent indicates misunderstanding of the consequences of criminal prosecution from the age in question and is counterproductive. Punishing a 12–13-year-old teenager for committing a crime does not mean ridding society of the problem under study. With this approach, it is quite possible that after some time someone from the representatives of legislative bodies, government officials, citizens will again raise the issue of lowering the age of criminal responsibility already to 10–11 years. Moreover, arguments about reducing the age of criminal responsibility of adolescents to 10 years old can already be heard in the mass media.

Punitive measures will never solve this problem. We share the point of view of A. Vasil'evskii, who notes that "the essence of the dispute about the minimum age of criminal responsibility is determined by the attitude to responsibility itself and its filling with specific content. If responsibility and punishment are only a punishment, then the minimum age of responsibility can be lowered, and if this is only a means of protecting society from criminal encroach-

ments, then society should educate teenagers, and not punish them" [6].

In a civilized society, there should be one choice – education, and if necessary, re-education of children (minors). Today we will hide them, isolate them and, as some think, scare them with this, but tomorrow they will be released from places of detention, angry at their family, society, and the whole world and ready to commit crimes consciously. To prevent this, it is necessary not to reduce the age of criminal responsibility for adolescents, but to use the functionality of a wide range of organizations for preventing offenses among minors, the subjects of which are fixed by the Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 "On the fundamentals of the system for preventing neglect and juvenile delinquency". They are commissions for minors; social protection agencies; special institutions for those in need of social rehabilitation; educational institutions; youth, sports and culture institutions, various youth associations; healthcare institutions; internal affairs bodies and penitentiary institutions. Meanwhile, this is clearly not a complete list of subjects that should deal with the prevention of crimes among adolescents. These should necessarily include state and representative (legislative) authorities, human rights commissioners, local self-government bodies, officials and other bodies related to ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of children.

Efficiency of officials (investigators, prosecutors, judges) in conducting high-quality investigation of criminal cases and considering these cases in court is a problem, the consideration of which is no less important in connection with the topic under study. Unfortunately, in the judicial and prosecutorial community, as well as among investigators and other law enforcement officials, there is an opinion that having a legal education is enough to be competent in matters of pedagogy and psychology of underage students. However, few people think about the fact that in order to build communication with teenagers, special knowledge and mastery of psychological influence on minors are necessary. Forms and methods of work applied to adult offenders will not have the desired effect on adolescents. Modern investigators, prosecutors, and judges, especially when working with materials on crimes committed by

minors, should be a model of psychological maturity and know forms and techniques of psychological influence on offenders. Undoubtedly, these officials should have a sufficient level of knowledge in juvenile pedagogy and legal conflictology and understand individual characteristics of adolescents who have violated the law. Building relationships with parents and other legal representatives is also a very important component in the work of the investigator, prosecutor and judge. It would be better to start developing psychological and pedagogical competence during the study at university. The legal training curriculum should include psychological and pedagogical disciplines on the study of fundamentals of general, social and correctional pedagogy (juvenile pedagogy), general psychology and psychology of deviant behavior. The knowledge gained at university will help graduates, as they gain practical experience, to work with underage offenders. At the same time, another aspect of psychological and pedagogical competence of law enforcement officials is worth mentioning: in practice, they quite often have to meet with students (in schools, secondary and higher educational institutions) and their parents. They should not only be professionally competent, but also able to forecast the psychological situation in the team and hold a meeting in the form of a discussion platform, while broadcasting their psychological and pedagogical knowledge.

According to Part 5 of Article 32 of the Constitution of the Russian Federation, Russian citizens are granted the right to participate in the administration of justice. These provisions of the Constitution of the Russian Federation are developed in Article 8 of the Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996 "On the Judicial System of the Russian Federation", which stipulates that citizens of the Russian Federation participate in the administration of justice as jurors, people's and arbitration assessors. Thus, the maximum level of interaction between citizens and the judiciary is approved. Along with the establishment of the institute of jurors, abolished during the formation of the Soviet state in 1917, the courts of general jurisdiction continue to administer justice with the participation of the time-tested institute of people's assessors. At the same time, there was a derogatory review of this institution in the 1991

Judicial Reform Concept, "the court was and remains a purely state body of justice, whose essence is slightly camouflaged by silent popular observers". In Soviet times, people's assessors were called "noddles". At the same time, the 1991 Judicial Reform Concept described advantages of the institution of jurors. All this predetermined a further fate of the participation of people's assessors in the administration of justice. It should also be noted that the Federal Law No. 37-FZ "On People's Assessors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation" on January 2, 2000 was adopted. Three years later, the provisions of the said law became invalid in terms of civil proceedings, and from January 1, 2004 – in terms of criminal proceedings.

Let us answer the question, why we dwell in such detail on the fate of such a legal phenomenon as the institution of people's assessors? We have repeatedly raised the question of the return of this institution to the legal field [7], since the exclusion of the institution of people's assessors from Article 8 of the Federal Constitutional Law No. 1 of December 31, 1996-FKZ "On the Judicial System of the Russian Federation" deprives a significant part of the population of their constitutional right to administration of justice. Second, the return of the institution of people's assessors, but only in a different qualitative composition, can provide invaluable assistance in the consideration of criminal cases against minors. Participation of people's assessors (teachers and psychologists) in the court session together with a professional judge will certainly improve the quality of the cases under consideration. This procedure should be extended to both courts of first instance and appellate instances.

Summing up, humanization of the criminal law has been recently widely discussed. Meanwhile, proposals to reduce the age of criminal liability for children to the age of 12 indicate the opposite, since humanization should primarily reflect not only a decrease in the repressiveness of criminal law, but also activation of state and non-state structures for the prevention of offenses and crimes, including among minors. The severity of the state towards its younger generation and the cult of the ideology "fear of punishment is a good force" is a destructive ideology. In this regard, we would like to see

fundamental changes in the work with minors will affect the state of law and order both in the on the prevention of offenses, which, of course, regions and in the country as a whole.

REFERENCES

1. *Zakon o snizhenii vozrasta otvetstvennosti do 12 let mogut vnesti v GD* [The law on reducing the age of responsibility to 12 years may be amended by the State Duma]. Available at: https://rapsinews.ru/legislation_news/20120301/260746103.html (accessed June 25, 2024).
2. *V Gosdume predlozhili snizit' vozrast ugolovnoi otvetstvennosti do 12 let* [The State Duma proposed to reduce the age of criminal responsibility to 12 years]. Available at: <https://woman.rambler.ru/children/51129606-v-gosdume-predlozhili-snizit-vozrast-ugolovnoy-otvetstvennosti-do-12-let> accessed June 25, 2024).
3. Dozortseva E.G., Fedonkina A.A. Psychological characteristics of juvenile offenders with personal immaturity. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2013, no. 3, pp. 234–243. (In Russ.).
4. *Interv'yu predsedatelya Sledstvennogo komiteta "Rossiiskoi gazete" 31 maya 2023 g.* [Interview of the Chairman of the Investigative Committee to Rossiiskaya Gazeta on May 31, 2023] Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/285081739> (accessed June 25, 2024).
5. Fedonkina A.A. The ability of juvenile offenders with personal immaturity to consciously guide their actions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 178–192. (In Russ.).
6. Vasil'evskii A. Age as a condition of criminal responsibility. *Zakonnost' = Legality*, 2000, no. 11, pp. 23–25. (In Russ.).
7. Abdulin R.S. Institute of People's Assessors: "One splashed a child with water". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2024, no. 3, pp. 49–54. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROBERT S. ABDULIN – Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Retired Judge of the Kurgan Regional Court, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law of the Institute of Economics and Law of the Kurgan State University, Kurgan, Russia, abrosem@yandex.ru

Received June 28, 2024

Algorithm for Introducing the Appointed Defense Lawyer into the Criminal Process: how to Avoid a “Double Defense” Situation

VLADIMIR V. KONIN

North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

vkonin.kld@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4136-2967>

Abstract

Introduction: the right to receive qualified legal assistance is enshrined in Article 48 of the Constitution of the Russian Federation. It is the right of everyone who is subject to criminal prosecution, regardless of the financial situation of the person. In the system of criminal law and criminal procedural relations, this right is imperative, and violation of this right entails negative consequences for the results of the criminal case investigation and its consideration on the merits. At the same time, in practice, situations occur when a lawyer participating in the process, for one reason or another, disrupts the production of pre-planned investigative actions or court hearings, thereby delaying the investigation and consideration of the criminal case on the merits. In this situation, the investigation and the court can appoint another defense attorney despite objections of a defendant and his/her lawyer, thereby giving rise to a “double defense situation”. At the same time, the legal community recognizes the participation of an appointed defense lawyer in the “double defense” situation as a violation of the Code of Professional Ethics of a Lawyer. In this article, the author continues the previously started research on this topic, and, taking into account the established disciplinary practice, proposes an algorithm of actions that will allow the lawyer to act within the framework established by the criminal procedure legislation and internal corporate regulatory legal acts in order to avoid possible violations, including preventing the emergence of a “double defense situation”. *Purpose:* to continue the study of controversial issues arising at the current stage of the implementation of the constitutional right to defense in criminal proceedings, affecting the problems of interaction between the defense lawyer and the defendant and other lawyers participating in the case, and to propose an algorithm of actions for lawyers entering into criminal proceedings by appointment of the inquiry officer, investigator or court in order to avoid possible violations of the Code of Professional Ethics of a Lawyer and the situation of “double defense”. The task of the study is to develop an algorithm for the entry of a appointed lawyer into criminal proceedings in order to prevent violation of the right to defense of a person brought to criminal liability and, at the same time, to prevent violations of internal corporate regulatory legal acts and avoid the emergence of a situation of “double defense”. *Methods:* general dialectical method of cognition of socio-legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis,

deduction and induction, system-structural and others), private scientific methods of cognition (logical-formal and system analysis). The *results* of the study are both theoretical and applied in nature and have elements of scientific novelty. The author studies issues of entry of an appointed defense lawyer into criminal proceedings, proposes an algorithm of the lawyer's actions in order to avoid possible violations and emergence of "a double defense situation". At the same time, the author suggests considering "double defense" not as an institution of criminal procedural law, but as a significant violation of the norms of advocacy in criminal proceedings. *Conclusion*: discussion of the identified problems will draw attention of the scientific community and the legislator to the development of solutions to eliminate the identified gaps in the implementation of defense in criminal proceedings and will protect appointed defense lawyers from possible violation and subsequent accusation of violating internal corporate regulatory legal acts and creating "a double defense" situation.

Key words: criminal proceedings; lawyer; defendant; entering into a case; "double defense"; algorithm.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Konin V.V. Algorithm for introducing the appointed defense lawyer into the criminal process: how to avoid a "double defense" situation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 256–262. doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.004.

Introduction

Within the framework of criminal procedure, a defendant either concludes an agreement with a chosen lawyer or gets an appointed defense lawyer in accordance with articles 50–51 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Criminal procedural relations are of a public nature and are aimed at protecting the interests of society from criminal encroachments, protecting victims from crime, restoring their rights and legitimate interests, and assigning fair punishment to those guilty of committing a crime. Accordingly, a lawyer, while defending a criminal case, does not act as a fighter against the law enforcement system, but exercises his/her powers to defend a person brought to criminal liability while taking into account the interests of other participants in the process, including the victim, as well as the interests of society. There should be no interpersonal conflict between a lawyer and an investigator or judge. A lawyer trying to achieve any positive result in the interests of the client mustn't violate norms and rules established by the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and internal corporate regulatory legal acts. Based on this, it can be argued that the lawyer's abuse of the right in criminal proceedings contradicts the nature of advocacy as an institution of civil society.

Methodology.

The methodological basis of the research is comprised of the universal dialectical method of cognition of socio-legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural, etc.). In addition, private scientific methods of cognition, such as logical-formal and system analysis, are used.

Results and their discussion. Nowadays, quite a lot of attention in the legal environment is paid to a phenomenon of "double defense" or subsidiary defense, as some authors call it (the author considers the term "double defense" to be more correct, and therefore it is used in the paper) [1–5]. There is still no common understanding and interpretation of this phenomenon. Despite the fact that "double defense" itself is a rather complex phenomenon consisting of various elements, nevertheless it cannot be attributed to the institutions of criminal procedure law, as some authors believe [6]. At the same time, there is no doubt that the situation of "double defense" should be considered as a significant violation of the right to defense, and at the same time as a violation of mandatory internal corporate regulatory legal acts regulating activities of the bar [7].

On September 27, 2013, the Russian Federal Bar Association adopted a decision "On double defense" indicating the need to bring perpetra-

tors to strict disciplinary liability (the said decision refers to lawyers who entered into criminal proceedings on the appointment of an investigator and participated in the investigation and consideration of a criminal case while the person brought to criminal responsibility had his/her own lawyer). However, it should be noted that the decision in question did not contain any recommendations for lawyers on how to act correctly in the current situation.

“Double defense” or participation of a stand-in lawyer in criminal proceedings is the subject of consideration by the Constitutional Court of the Russian Federation, which states, among other things, that the right to free choice of a defender excludes the imposition of a lawyer on a person brought to criminal liability against his will.

At the same time, it should be recognized that often the occurrence of a situation of “double defense” is a forced way for the investigator and the court to respond to the prevailing situation during the investigation and consideration of a criminal case on the merits, including abuse of the right by lawyers involved in the case [8–9]. For example, the investigator agrees with the lawyer on the dates on which certain investigative actions will be performed, including those related to the involvement of other persons (victim, witnesses, etc.). But, despite the fact that the participants are notified in advance of the upcoming investigative action and arrive to participate in it, the lawyer does not arrive, referring to work pressure and the need to participate in investigative actions of another investigator in another criminal case or by being engaged in court proceedings, thus disrupting proceedings. It is possible to explain somehow when the disruption of pre-planned investigative and judicial actions occurs due to the work pressure of a lawyer (disruption for good faith reasons). But sometimes a disruption occurs due to the abuse of law by a lawyer (a breakdown for an unfair reason).

And, when pre-planned investigative actions or judicial proceedings are disrupted, the investigator or the judge, trying to avoid delay and violation of deadlines, send application to the law chambers of subjects of the region for participation in the case of an appointed defense lawyer. In this regard, most often, lawyers who enter into a criminal case on the appointment of an investigator or the court and do not adequately assess the current situation find themselves in a situation of “double defense” [10–11].

Sometimes, in order to avoid the control of managers of the applications of law chambers, the investigator or the judge distort the name of the person brought to criminal responsibility [12].

Needless to say, the situation of “double defense” almost always generates a conflict between the lawyer involved in the case by agreement and his /her defendant and the lawyer who entered the case by appointment.

If an appointed defense lawyer enters the case, the following algorithm of actions is proposed to avoid violations of the requirements of the Code of Professional Ethics of a Lawyer and the Standard for the Lawyer’s Defense in Criminal Proceedings, including those that fall under the situation of “double defense”:

- having received an order from the application manager to take part in criminal proceedings, a defense lawyer should contact the initiator of the application and arrive at the law enforcement agency no later than two hours after receiving the application;

- a defense lawyer should find out information about the person to defend and compare it with the data contained in the application. He/she should pay special attention to the correctness of presented personal data of the defendant, since the information provided by the initiator in the notification must be complete and reliable. The unreliability or absence of information about the case number, data about the person in need of legal assistance and other information necessary to assess the presence or absence of obstacles to accepting the order are unconditional grounds for the lawyer’s refusal to enter the case [13];

- a defense lawyer should study case materials. In this case, the situation can develop in two ways.

Variant 1:

- if a lawyer enters into the case at the stage of initiation of a criminal case, then, as a rule, the list of materials available to a lawyer is insignificant – a decision to initiate a criminal case, a protocol of detention, an explanation (the materials may contain a confession and a petition addressed to the investigator for the selection of a preventive measure in the form of a subscription on not leaving, description of the crime committed and an indication of a confession of guilt and remorse for the crime committed);

- a defense lawyer should talk to the defendant. It should be noted that a conversation is one of the most important elements of communication between a defendant and a defender and can

lay the foundation for future interaction and trust. A conversation should begin with a presentation: a lawyer introduces him/herself and briefly provides information about him/herself.

After the presentation and the story, a lawyer should find out when a defendant was actually detained, whether illegal methods of influence were applied to him. If a defendant has traces of physical violence, a lawyer should immediately inform the investigator about this, if necessary, call for emergency medical care, and encourage a defendant to contact the appropriate law enforcement agency. If a defendant refuses to call for emergency medical care and contact the appropriate law enforcement agency, a lawyer should record the refusal in writing.

Then a lawyer invites a defendant to discuss the case and based on his/her experience, knowledge, including knowledge of investigative and judicial practice, and analysis of available information forecasts development of the investigation in the case or possible development and resolution of the situation in court [14, pp. 34–41]. The use of the situational approach and the forensic modeling method in this case seems the most appropriate [15–16].

Forecasting the course and results of the investigation, a lawyer should not complicate the situation thereby intimidating a defendant, but he/she also should not simplify it by bringing unreasonable hopes, including hints at resolving the situation through illegal actions.

After that, a defense lawyer should discuss possible behavior patterns with a defendant in relation to criminal prosecution: admission of guilt in the incriminated crime in full (including a possible application for a pre-trial cooperation agreement), admission of guilt in part, complete non-admission of guilt. A lawyer should also explain possible consequences of the behavior pattern chosen by a defendant. The final decision on the choice of a behavior pattern should be made by a defendant.

Variant 2, if, upon entering the case, an appointed defense lawyer finds out that another lawyer has previously participated in the case:

– in order to avoid a situation of “double defense”, a lawyer is obliged to ask a defendant whether he/she has a defense lawyer by agreement or by appointment who has entered the case earlier.

Having found out from the defendant, to whom the lawyer is appointed at the request of the investigator or the court, that he has an

agreement with another lawyer to carry out the defense or another lawyer is already involved in the case by appointment, the lawyer should do the following:

– to find out from the investigator, the court or the defendant information about another lawyer;

– to ask the investigator or the court the reason for his/her absence;

– if possible, to contact him/her independently, find out reasons for his/her absence (illness, business trip, not being notified about detention of the defendant, not being allowed into the premises of the investigative committee or the police, etc.), and inform about his entry into the case, since, in accordance with Paragraph 7 of the Standard for the Lawyer’s Defense in Criminal Proceedings, a lawyer when entering into a case involving other lawyers is obliged to notify them of his/her participation.

If a lawyer by agreement or who has previously participated in the case by appointment cannot immediately appear in a law enforcement agency or court, the lawyer who has re-entered the case should find out the possibility of his/her participation in the investigation or trial and the position taken by the lawyer who has previously participated in the case. If a lawyer who has previously participated in the case has the opportunity to arrive at a law enforcement agency or court in a short time, the lawyer who has re-entered the case by appointment is obliged to submit in writing a petition stating the impossibility of his/her participation in the defense, indicating the reason, i.e., actually recuse him/herself from the case (this term will be further used due to its simplicity). Besides, he/she also should recuse him/herself if a lawyer who has previously participated in the case cannot arrive at a law enforcement agency or court in a sufficiently short period of time, but objects to the participation of a newly appointed lawyer in the case. This behavior corresponds to the positions developed by the legal community. So, in particular, the position of the Moscow Bar Association is as follows: “When a lawyer appointed by a defender establishes the fact that the same person has a defender by agreement is obliged to immediately take all actions provided for by law and the above-mentioned explanations of the Council of the Moscow Bar Association to terminate his participation in the case, support the defendant’s statement on termination of legal services and submit his own similar statement. In case the inquirer, investigator or court refuse or evade such a decision, the lawyer must leave the

place of procedural actions after making appropriate statements" [12].

If it is not possible to contact a lawyer who previously participated in the case, or for some reason he/she cannot arrive in the near future to participate in investigative actions, the decision on the participation or non-participation in the case of the newly joined lawyer is assigned to the defendant. If the defendant agrees on his/her participation in writing, the newly appointed lawyer is entitled to participate in the investigative actions. In this case, there is no situation of "double defense". If the defendant objects to the participation of a newly appointed lawyer in the case, then he/she must state it in writing, and the appointed lawyer must recuse him/herself in writing. If, in accordance with Part 2 of Article 50 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the investigator or the court rejected to terminate legal services of the appointed lawyer, the lawyer is obliged to take part in the investigative action or in the trial, but he must once again reflect the client's statement on termination of legal services and his recusal in the protocol of the investigative action or the protocol of the trial. This will not cause a "double defense" situation.

If the appointed lawyer is invited to participate in investigative actions, the duration of which is measured in hours (24 hours, 48 hours, etc.) or in a small number of days, and the defender who has previously participated in the case cannot, for various reasons, take part in the production of these investigative actions, participation in the investigative actions of the appointed lawyer will not contain any elements of "double defense", even if the defender who has previously participated in the case expresses his/her disagreement with the entry into the case of an appointed lawyer and the defendant refuses from legal services of the appointed lawyer. As previously noted in the review of the disciplinary practice of the Moscow Bar Association, "... the 24-hour period for the appearance of an invited defender from the moment of arrest of a suspect or detention of a suspect or the accused is specific both because of its conciseness and stricter rules for appointing a defender (without offering to invite another defender to replace the one who has not appeared). The situation in which the suspect finds him/herself in the first hours after arrest completely excludes abuse of the right on his/her part" [13].

Once again, we draw attention to the fact that the criminal process is public in nature and

not only the interests of the person brought to criminal liability are subject to protection, but also the interests of the victim and society [17].

If the lawyer involved in the case having been notified of the investigative action in advance does not appear for any reason to participate in its production and the person being prosecuted within 5 days as established by Part 3 of Article 50 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, does not get another lawyer, the appointed lawyer is entitled, after the expiration of the 5-day period, to take part in the production of investigative actions, including in the absence of the consent of the defender who has previously participated in the case and the absence of the consent of the defendant. In this case, there is also no "double defense" situation.

There is no "double defense" situation if the appointed lawyer who has previously participated in the preliminary investigation stage takes part in the trial stage despite the fact that another lawyer is appointed by the court.

There is no "double protection" if the investigator or the court issues a ruling on the abuse of the right by a lawyer who has previously participated in the case and appoints another lawyer to participate in investigative actions.

The lawyer's abuse of his/her rights must be confirmed by the issuance of an appropriate decision by the investigator or the court, which must be lawful, justified and motivated. At the same time, the appointed lawyer who enters into a case on the basis of the ruling on abuse of law by a lawyer who has previously participated in the case is obliged to contact a lawyer who has previously participated in the case in order to inform him/her about entering into the case, as well as about the existence of the ruling on abuse of law. There is no "double defense" situation in the actions of the appointed lawyer until the decision on abuse of law is canceled for one reason or another, including because of illegality and unreasonableness. A similar position is taken by G.M. Reznik [18].

If the appointed lawyer enters into the case as a result of the investigator or court's ruling on the dismissal of a lawyer by agreement or appointment, he/she must also contact the dismissed lawyer and notify him/her of the entry into the case, in accordance with Paragraph 7 of the Standard for the Lawyer's Defense in Criminal Proceedings. In this case, there is also no elements of "double defense" until the said decision is overturned, even if the defendant

and the dismissed lawyer object to the participation of the appointed lawyer.

In both cases, the appointed lawyer entering into a case is obliged to obtain a procedural act, which establishes the fact of abuse of the right by a lawyer previously involved in the defense of a person brought to criminal liability and his/her withdrawal from further participation in the case.

At the same time, the obligation to evaluate the arguments set out in the decision on abuse of the right by a lawyer and his dismissal, as well as to challenge the legality and validity of these decisions, is not imposed on the appointed lawyer.

Conclusion

The situation of “double defense” that sometimes arises in practice contradicts requirements of mandatory internal corporate normative legal acts of the bar community, negatively affects the relationship within the law firm [19, pp. 24–31], creates a conflict situation among the law community, and thereby prevents real-

ization of the right to defense guaranteed by the Constitution of the Russian Federation [20–21]. But, at the same time, quite often the situation of “double defense” arises due to the fault of the lawyer, who, trying to achieve a change in the investigative situation in favor of their client, follow the path of abuse of law, which is unacceptable, since, as indicated in Article 6 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the criminal process protects not only the rights of a person brought to criminal liability, but also the rights and legitimate interests of persons, both individuals and legal entities, victims of crime, as well as society [19, pp. 395–398]. Following the algorithm proposed by the author, the appointed lawyer entering into criminal proceedings will be able to protect the rights and interests of the defendant at a high professional level and avoid a “double defense” situation.

REFERENCES

1. Chistilina D.O. Problems of implementation of “double protection” in the criminal proceedings of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 68–80. (In Russ.).
2. Gladysheva O.V. Double and subsidiary protection in criminal proceedings. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2022; no. 14 (3), pp. 95–104. (In Russ.).
3. Barygina A.A. On the issue of participation of a subsidiary defender in criminal proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2020, no. 8, pp. 46–48. (In Russ.).
4. Bersenev E.M. The category of subsidiary defenders in criminal proceedings of the Russian Federation. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2014, no. 10, pp. 50–54. (In Russ.).
5. Zubkov S.B. Certain aspects of the appointment of a lawyer as a defender in the context of digitalization of criminal proceedings. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2024, no. 1, pp. 56–60. (In Russ.).
6. Revina I.V., Pashutina O.S., Chebotareva I.N. Manipulation of the right to defense from the position of ensuring the right of the accused to freedom of choice of a lawyer. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2021, no. 1, pp. 33–39. (In Russ.).
7. *Obzor distsiplinarnoi praktiki za vtoroie polugodie 2020 goda i 2021 god po voprosam, svyazannym s poryadkom raspredeleniya del po naznacheniyu i “dvoinoi zashchitoi” NNO “Advokatskaya palata goroda Moskvy”* [Review of disciplinary practice for the second half of 2020 and 2021 on issues related to the order of assignment of cases and the “double defense” of the NGO “Moscow Bar Association”]. Available at: <https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/Obzor%20DP%202020-2021,%20raspred.%20del%20po%20naznach.,%20«dvoynaya%20zashchita».pdf> (accessed February 1, 2024).
8. Barbir I.P., Potapov V.D. Generalization of the practice of consideration by the Qualification Commission of the Bar Chamber of the Komi Republic of disciplinary proceedings on the presence in the actions (inaction) of lawyers of violations of the current legislation on advocacy and advocacy in the Russian Federation for 2022. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo = Bulletin. State and Law*, 2023, no. 1 (36), pp. 23–41. (In Russ.).
9. Baeva K.M. Fundamental principles of counteracting and neutralizing the abuse of the right by the defense in Russian criminal proceedings. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2019, no. 3, pp. 54–59. (In Russ.).
10. Abuse of the right to protection. *Zakon = Law*, 2015, no. 7, pp. 24–31. (In Russ.).

11. Kalinovskii K.B. Early appointment of a defender to a suspect. *Ugolovnyi protsess = Criminal Trial*, 2018, no. 10 (166), p. 11. (In Russ.).
12. *Obzor distsiplinarnoi praktiki za pervoe polugodie 2022 goda po voprosam, svyazannym s poryadkom raspredeleniya del po naznacheniyu i "dvoinoi zashchitoi" NNO "Advokatskaya palata goroda Moskvy"* [Review of disciplinary practice for the first half of 2022 on issues related to the order of assignment of cases and "double defense" of the NGO "Moscow Bar Association"]. Available at: https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/2022/Obzor%20DP_dela%20po%20naznacheniyu,%20dvoynaya%20zashchita_pervoe%20polugodie%202022.pdf (accessed February 1, 2024).
13. *Obzor distsiplinarnoi praktiki za pervoe polugodie 2022 goda po voprosam, svyazannym s ispolneniem advokatom professional'nykh obyazannostei NNO "Advokatskaya palata goroda Moskvy"* [Review of disciplinary practice for the first half of 2022 on issues related to the performance of professional duties by a lawyer of the NGO "Moscow Bar Association"]. Available at: https://www.advokatymoscow.ru/upload/disciplinary-practice/2022/Obzor%20DP_ispolnenie%20prof.obyazannostei_pervoe%20polugodie%202022.pdf (accessed February 1, 2024).
14. Volchetskaya T.S., Osipova E.V. *Kriminalisticheskoe modelirovanie v ugolovnom sudoproizvodstve: ucheb.-metod. posobie* [Criminalistic modeling in criminal proceedings: educational and methodological guide]. Kaliningrad, 2020. 126 p.
15. Volchetskaya T.S. Criminalistic situationology: current state and prospects. In: Volchetskaya T.S. (Ed.). *Situatsionnyi podkhod v yuridicheskoi nauke i praktike: sovremennye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 15-letiyu nauch. shkoly kriminalist. situologii BFU im. I. Kanta* [Situational approach in legal science and practice: modern opportunities and prospects for development: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 15th anniversary of the scientific criminologist schools]. Ed. by Volchetskaya T.S. Kaliningrad, 2017. Pp. 11–16. (In Russ.).
16. Kim D.V. On the question of the structure of the criminalistic situation. In: Volchetskaya T.S. (Ed.). *Situatsionnyi podkhod v yuridicheskoi nauke i praktike: sovremennye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 15-letiyu nauchnoi shkoly kriminalisticheskoi situologii BFU im. I. Kanta* [Situational approach in legal science and practice: modern opportunities and prospects for development: proceedings of the International scientific and practical conference, dedicated to the 15th anniversary of the scientific school of criminalistic situationology]. Kaliningrad, 2017. Pp. 51–57. (In Russ.).
17. Ryabinina T.K., Petrova O.V. Violations of the right to protection: as evidenced by judicial practice (on the example of judicial decisions of the courts of the Kursk region). In: *Protsessual'nye garantii sovremennogo pravosudiya: sb. st. k 100-letiyu Sudebnoi sistemy v Udmurtskoi Respublike* [Procedural guarantees of modern justice: collection of articles on the 100th anniversary of the judicial system in the Udmurt Republic]. Izhevsk, 2023. Pp. 258–266. (In Russ.).
18. Reznik G. Our differences. *Novaya advokatskaya gazeta = New Advocate Newspaper*, 2015, no. 17 (202). (In Russ.).
19. Mar'ina E.V. Professional ethics of a lawyer: traditions and innovations in Russian legal education. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Power and Criminal Procedure*, 2021, no. 4, pp. 24–31. (In Russ.).
20. Konin V.V. The right to protection: some theoretical issues. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2013, no. 4, pp. 34 – 36. (In Russ.).
21. Andreeva O.I. The right to defense should be real, feasible and not illusory. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika = Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice*, 2016, no. 4, pp. 10–14. (In Russ.).
22. Tishutina I.V. On the issue of lawyers as subjects of countering the investigation. In: *Rassledovanie i protivodeistvie emu v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve: protsessual'nye i kriminalisticheskie voprosy* [Investigation and countering it in adversarial criminal proceedings: procedural and forensic issues]. Moscow, 2007. Pp. 395–398. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VLADIMIR V. KONIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Criminal Procedure Law Department of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, associate professor at the Criminal Procedure Department of the Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia, lawyer at the Bar of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, vkonin.kld@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4136-2967>

Received May 2, 2024

Original article

UDC 343.21

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005

Public Danger of the Individual and the Basis of Criminalization

YULIYA S. KARAVAEVAHigher School of Economics – Perm, Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Abstract

Introduction: an analysis of the novelties of the Special Part of the Criminal Code over the past decade shows that the absolute majority of them are special norms, in fact, aimed not at establishing liability for a particular act, but at differentiating responsibility for already prohibited behavior depending on certain features, including characteristics of the subject of a crime. The revealed circumstance raises the question of taking into account of personality traits and their correlation with public danger as the basis for recognizing an act as criminal. *Purpose:* on considering criminal law, explanatory notes to draft laws, and the theory, to answer the question of taking into account public danger of the individual for the purpose of criminalization. *Methods:* formal logical and analytical methods, statistical method and interpretation method are used. *Results:* not only the question of understanding public danger is debatable in science, but also the question of the need to take into account public danger of the individual when determining the danger of an act. The analysis of explanatory notes to draft laws on the introduction of a prohibition in the Special part of the criminal law shows that when proving criminalization of an act, the content of the powers assigned to the person and the need to establish stricter liability are taken into account. This conclusion does not raise objections and, by and large, only confirms the positions expressed in science: if the subject of a crime is special, then public danger of the act increases due to its properties. Let us clarify that this is true for a special subject having an official, professional status, as well as a status arising from a special relationship with the victim. However, the issue remains open for acts with elements of administrative and criminal law prejudice, as well as for Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Conclusion:* public danger of the act is recognized as the basis for criminalization, however, the question of whether public danger of the individual is included in its content remains debatable. The analysis of explanatory notes to draft laws, criminal law and theoretical studies allows us to conclude that the legislator obviously focuses attention on the personality of a perpetrator, including by giving his/her personal properties the meaning of a criminalizing element, including the only one. This is the case in acts with elements of administrative and criminal law prejudice, as well as in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, in general, indicates that the legislator takes into account public danger of a perpetrator due to his/her personal characteristics.

Key words: public danger of crime and a criminal, criminalization, dangerous state of personality.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Karavaeva Yu.S. Public danger of the individual and the basis of criminalization. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 263–271. doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.005.

Introduction

Being one of the essential elements of a crime, the criminal legal category of public danger turns out to be somehow connected with other institutions of criminal law. The discussion of this issue in science by and large boils down to the question of the ratio of subjective and objective principles in understanding public danger. The same issue is considered when assessing the category in connection with the goals of criminalization. Traditionally, within the framework of the latter, the analyzed category is considered as a “decisive criterion” [1, p. 63], “the most important factor” [2] or the basis of criminalization [3]. Highlighting such a controversial category creates a paradoxical situation: on the one hand, the criminalization theory is designed to limit possible populism of the legislator in solving the issue of criminal and non-criminal and to give rationality to the use of criminal law enforcement by requiring the validity of the prohibitions imposed. On the other hand, this message is offset by the actual uncertainty and the lack of clear criteria or scales that make it possible to establish public danger as an objectively existing property of an act subject to criminalization.

In this regard, it seems quite logical to conclude that “it should be recognized as a given that at present a certain act or behavior of a person is recognized as a crime at the will of the legislator. The legislator determines whether this or that act (behavior) is dangerous and, as a result, criminal, relying on various circumstances and factor motives. Public danger in this system is derivative, secondary and gives this process a finite character and a legal justification” [4].

The analysis of legislative initiatives to novelize a special part of the criminal law over the last ten years confirms this idea in terms of criminal law prohibitions. Their origin is associated with the considerations of expediency, including political ones. At the same time, the basis for the appearance of another part of the novel, indeed, is the property of public danger as

the actual or potential harmfulness of the act, which is reflected in the explanatory note in one volume or another and corresponds to the doctrine of criminalization.

The latter has a certain advantage of preventing a discussion about the distinction between crime and other offenses, depending on the presence or absence of public danger as an objectively inherent property of the act. Understood as harmfulness, public danger turns out to be inherent in any offense, including a crime, which, on the one hand, contravenes provisions of Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. Its defectiveness is discussed in science in the relevant part and, on the other hand, clarifies the ease of legislative maneuvers in terms of intersectoral differentiation of liability. Decriminalization of slander and its return to the Special part of the criminal law after a short time is a striking example here.

Besides, this position corresponds to the provision expressed by the Constitutional Court of the Russian Federation that “a crime, unlike other offenses, must be characterized by criminal public danger” [5]. It is worth mentioning that in the criminal law theory there is a point of view that a crime has a certain degree (level) of public danger; it distinguishes crime from other types of offenses, “the specifics of the danger of a crime lies precisely in the nature and degree” [6, p. 25].

The indicated long-discussed approach to understanding public danger, however, does not eliminate the question of which elements and features of the composition of an act determine its actual or potential harmfulness.

Scientific discussion on correlation between public danger of an act and a perpetrator

Analyzing provisions of the 1919 Guidelines on Criminal Law of the RSFSR, which for the first time definitively reflected the material definition of a crime by indicating its public danger, V.N. Kudryavtsev notes that “the legislator took into account and reflected in the law all sides of public danger”, meaning that “when determining the content of the criminal law prohibi-

tion, it considered not only objects of criminal encroachments, but also other elements of the composition in which public danger of the act was manifested" [1, p. 64].

However, there are other theoretical points of view, justifying the dependence of public danger of an act on any specific feature of the composition of a crime, such as an object of encroachment, a characteristics of the criminal consequence, a method of committing the act, a form of guilt and, finally, specifics of the criminal's personality [7, p. 28; 8–9]. In particular, L.M. Prozumentov indicates that "public danger of an act is determined only by its external expression ... The subject and the subjective side are not defining elements of its public danger" [10, pp. 26–28]. Guilt and the subject of a crime, according to the scientist, are only mandatory conditions for criminal prosecution. At the same time, the scientist associates the increase in public danger of crimes with a special subject with the "doubling" of the object of encroachment, when "encroachment violates two or more groups of public relations" [11].

This point of view has its supporters in the scientific community. However, modern criminal lawmaking seems to have other assessments, clearly shifting the emphasis from the act to the perpetrator and thereby drawing attention to public danger of the individual and his/her significance in the light of criminalization. As I. Gontar notes, "it must be recognized that the object enclosing, bearing the property of social danger, is precisely an individual with his/her own individuality. The act and behavior serve only as an indicator of social danger of an individual" [12].

In fairness, it should be noted that the issue has been discussed in literature for a long time. For example, in the above-cited work by V.N. Kudryavtsev "Grounds for a criminal prohibition", published in 1982, the scientist considers the dependence of public danger of individual acts on properties of a special subject of crime [1].

Taking into account public danger of the individual for criminalizing acts with a special subject

The resort to explanatory notes accompanying those bills that mediate criminalization of crimes with a special subject confirms the above-mentioned idea of the academician: in

some cases, the legislator pays attention to those aspects of a particular status and role position of the subject, due to which public danger of the act reaches the degree necessary for criminalization. As a rule, we are talking about the emergence of special criminal law norms; strictly speaking, there is not criminalization, but differentiation of liability. However, we believe it is permissible to use this resource for research purposes.

Thus, according to the explanatory note to the draft law, through the adoption of which Article 286.1 "Non-fulfillment of an order by an employee of internal affairs bodies" appeared in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation and paragraph "o" of Part 1 of Article 63 ("commission of an intentional crime by an employee of internal affairs bodies") – in the General part, the proposed innovations are aimed "at strengthening protection of the rights and legitimate interests of citizens and organizations from illegal actions of employees of internal affairs bodies" [13]. This goal does not substantiate the assumption of the special criminogenicity of this status of cases with respect to the status of employees of other law enforcement agencies, hence the active criticism of novels in the scientific literature and citizens' appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation in connection with the violation of their constitutional rights by these changes are not surprising. By and large, it is in the results of the consideration of these complaints that the official position regarding the consideration of the increased public danger of employees of this department in the criminal law is reflected – the position of the court, but not the legislator.

In particular, the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1623-O-O of December 8, 2011 indicates that "commission of an intentional crime by employees of the internal affairs bodies, who are entrusted with an exceptional responsibility in terms of their scope and nature ... to protect the life and health of citizens, counteract crime and protect public order, testifies to their conscious ... opposition to the goals and objectives of the police, which contributes to the formation of a negative attitudes towards internal affairs bodies and institutions of state power in general, distort moral foundations of interaction between the individ-

ual, society and the state, and undermines respect for the law and the need for its unconditional observance" [14].

The Constitutional Court of the Russian Federation concludes that criminalization of this act stems from the content of the harm resulting from violation of the powers assigned to an employee of internal affairs bodies and manifested in negative personal characteristics, such as antisocial views and attitudes. In other words, attention is drawn to special characteristics of the subject, due to which it is called special, and to personal properties of the perpetrator, expressed in their criminal use. Strictly speaking, both these and other characteristics are features of the criminal's personality and in the relevant criminological teaching relate in the first case to the socio-demographic substructure of the personality, and in the second case to the value-normative, however, if the former acquire significance for the qualification of a crime, then the latter are necessary for other purposes unrelated to the qualification.

It should be noted that in the explanatory note to the draft law, which excluded paragraph "o" from Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation in June 2023, the eliminated feature is defined as "discriminatory", and the author of the draft law refers to the unfairness of separating these employees from representatives of other structures ensuring law and order in Russia, the minimum share of crimes committed by law enforcement officers from the total number (1%) and the need "to restore the logic of legislative regulation and thereby avoid emphasizing undeserved and unfair distrust to employees of the internal affairs bodies of Russia" [15].

So, the fact that decriminalization did not occur in relation to Article 286.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, despite the legislator's position on the discriminatory nature of the norm of paragraph "o" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code and the need to restore the logic of regulation: the requirements of consistency and reasonableness easily ignored at the stage of supplementing the Criminal Code with the designated novels are no less easily "forgotten" when "correcting" previously made inaccuracies.

In another case, in support of establishing criminal liability for entering knowingly false

information into a land survey plan, technical plan, survey act, land surveying project or territory map, the explanatory note indicates the content of the powers of the cadastral engineer as a special subject of the act, in relation to assessing the integrity of which special mechanisms are not provided by law. It is noted that "the cadastral registration authority enters information about a real estate object ... into the state real estate cadastre on the basis of documents prepared by the cadastral engineer containing the information necessary for such accounting. At the same time, the cadastral registration authority, in accordance with current legislation, is not entitled to conduct an examination of documents and information contained therein, except for checking for the existence of grounds for the cadastral registration authority to make decisions on suspension or refusal to carry out cadastral registration in accordance with the requirements of the Law on Cadastre. This allows us to conclude that "the Law on Cadastre has endowed the cadastral engineer with significant powers, which, in turn, must be accompanied by a high degree of responsibility" [16].

Apparently, public danger of this act is associated with the exclusive powers of a special subject of the crime. Current legislation does not have a mechanism with respect for checking conscientiousness of their execution. The question of the sufficiency of such an argument in order to substantiate the criminal level of danger of the act, in our opinion, remains open.

It should be noted that examples of criminalization of acts with a special subject, the criminality of whose status is justified in the relevant explanatory notes by indicating the content of the status and/or consequences of its unfair implementation are quite rare, since, as a rule, the justification (where it is presented) indicates either the inability to achieve the goal of prevention by the existing administrative prohibition or characteristics of harmful effects. Nevertheless, the examples given show that public danger of a number of acts is associated with certain characteristics of the criminal's personality related to his/her socio-demographic substructure and recognized as special characteristics of the subject. Being directly indicated in criminal law, these features become important for qualification and allow us to conclude that

public danger of the subject of the crime is taken into account for the purpose of criminalization, thus entering into the scope of its basis.

Reflection of public danger of a person in crimes with prejudicial signs and crimes provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

At the same time, we believe that today the legislator considers characteristics of the perpetrator's personality as criminalizing elements of the composition of the crime. These characteristics are not related to the person's socio-demographic substructure in the system of public relations, the scope and content of powers and the liability severity degree, but reflect the state of his/her value-normative sphere and therefore are extremely close to the concept of a dangerous state of personality. If in terms of the practice of criminal lawmaking, consideration of criminogenic personal characteristics of the perpetrator for the purpose of criminalization is apparently quite acceptable, then, in terms of science, such a situation is disputable. It follows, in particular, from the appeal to the norms fixing responsibility for acts with prejudicial signs, the presence of which in the current criminal law is expanding.

The essence of the phenomenon of prejudice in the doctrine is associated with "specific recidivism" [17]. Thus, the Constitutional Court of the Russian Federation clarified correlation between features of the subject of a crime, formed by the repetition of his/her illegal behavior and the newly committed crime. The criminal record of a person which has not been removed or has not been extinguished is indicated as a qualifying feature of the crime, the antisocial nature of which is determined to a large extent by the systematic criminal behavior of a person and generates special public-legal relations with the state, which, when this person commits new crimes serve as a basis for assessing his/her personality and the crimes committed by him/her as having increased public danger" [18].

At the same time, speaking about administrative prejudice, the Constitutional Court of the Russian Federation notes that "public danger of an act may be due to the cumulative effect of unlawful encroachment" [19]. Nevertheless, along with the above thesis, in the same ruling, the Court proposes another idea, the content of

which allows us to assert that specific antisocial personality traits are taken into account in order to criminalize acts with signs of administrative prejudice. Thus, it is stated that "repeated commission by a person of homogeneous (similar) administrative offenses objectively indicates the insufficiency of available administrative and legal means to effectively counter such acts, which, together with other factors, can be considered as a constitutionally significant reason for criminalizing relevant actions (inaction)" [2].

So, prejudicial signs of the subject of a crime are associated with repeated illegal behavior of a person, which in itself indicates such personal properties, the presence of which necessitates the use of more stringent measures of influence against persons who have committed illegal acts for the first time. In other words, the legislator takes into account such specifics of its value-normative component, which indicates the person's willingness to commit a new act, ignoring his/her personal experience of criminal or administrative-legal coercive influence imposed by the state. D.V. Miroshnichenko, speaking about criminal law prejudice, notes that "the legislative use of recidivism as a criminalizing or qualifying feature of the corpus delicti, in our opinion, modifies the nature of recidivism as a specific instrument of punishment, giving it qualitative significance in the form of a characteristic of the criminal's personality, important for qualification" [19].

In this case, in science there are concerns about actualization of the theory of a dangerous state in criminal law; however, some comments should be made on this issue. So, based on approaches to understanding public danger of the criminal's personality, it is possible to make an assumption about its genetic connection with the theory of a dangerous state of personality. For example, B.V. Volzhenkin notes that "a criminal act (both intentional and negligent) is to one degree or another a consequence and expression of the social essence of the offender's personality", defining it as "a real, concrete possibility of the same person committing a new crime" that exists "after the commission of a crime" [20, pp. 106–108]. Domestic representatives of the moderate trend of the theory of the dangerous state V.D. Nabokov, A.A. Zhizhilenko, E.Ya. Nemirovskii prove that the dangerous state of a person manifests

itself in a crime committed by him/her. So, A.A. Zhizhilenko based his reasoning on “the idea not about a dangerous person in general, but about a person who has committed a criminal act, which by virtue of certain conditions is recognized as dangerous” [21, p. 5]. The scientist proposes two criteria for personal danger, such as “repetition of the commission of known acts”, which indicates “inclinations... intolerant in the society”, and “certain crimes in which the perpetrator, indeed, causes particular concern of society” [21, p. 7]. In addition, it is proposed to take into account the connection of the encroachment “with certain inclinations of this subject that are harmful to society”, i.e. parasitism, debauchery and drunkenness [21, p. 8].

We believe that the consideration of public danger of the individual in the light of the real possibility of committing a new crime is extremely close to the interpretation of a dangerous state of the individual by representatives of the moderate trend of the relevant theory, which, however, should not cause concern. It seems that the rejection of the theory of a dangerous state in modern science is due to the position of supporters of its radical direction, expressed by A. Prince: “transformations in criminal law force us to recognize a dangerous state even where there is no criminal yet, and the right of state intervention even where there is no crime or offense” [22, p. 131]. There is an obvious difference with the positions outlined above and also expressed within the framework of the theory under consideration, which allows us to support the idea that the theory of public danger of the criminal’s personality, which has become widespread in our country, is a “kind” of the theory of a dangerous state of personality [23].

Another example of taking into account public danger of the perpetrator’s personality for the purpose of criminalization is Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy. In particular, N.G. Kadnikov notes that the norm in question refers specifically to establishing characteristics of the personality instead of elements of the composition of the crime [24]. V.N. Borkov and G.E. Moskalenko conclude that “a special state of the person as a legal fact” serves as the basis for bringing to justice [25].

According to the explanatory note to the relevant draft law, the need for criminalization is caused by the fact that “criminal liability for the fact of leadership of such a person in the criminal hierarchy is not stipulated”, and the commission of an act by a person occupying the highest position in the criminal hierarchy is criminally punishable (Part 4 of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, the “greatest public danger” of leaders of criminal communities (criminal organizations) is due to the nature of the actions resulting from this status, as well as the inaccessibility to law enforcement agencies [26]. Since the authors of the initiative do not specify criminalized actions, pointing only to danger of the status, the conclusion is quite unambiguous: liability in this criminal law prohibition is provided for the presence of a certain characteristic of a person’s socio-demographic substructure. Within the framework of current criminal legislation, this is the only example of giving criminal legal significance to features of a person as a basis for bringing to justice, which does not require the establishment of a committed act, which, by the way, corresponds to the point of view of adherents of the “radical” trend in the theory of a dangerous state. In the light of the topic of this work, it is correct not to talk about public danger of the crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, but about the danger of a perpetrator due to the presence of a certain personal characteristic.

Conclusion

The analysis of criminal lawmaking in terms of documents accompanying draft laws and its results in the form of criminal law novels shows the relevance of taking into account public danger of the individual for the purpose of criminalization. The latter is traditionally not in doubt among the authors in the context of crimes committed by a special subject, however, it is overlooked that the characteristics to which the legislator attaches importance to special features of the subject, for the most part, represent a description of the status and role position of the individual. Within the framework of the criminological doctrine of the personality of a criminal, such features relate to the socio-demographic substructure of the personality, that is why for the purpose of qualification it is nec-

essary to establish the presence of personality characteristics of the perpetrator defined in law in the acts committed by a special subject. This also means that for the purposes of criminalization, personal characteristics of the perpetrator receive the meaning of special characteristics of the subject within the framework of the composition of the crime.

The appearance in the criminal law of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the one hand, confirms this idea, and on the other hand, indicates a completely new and previously unpracticed approach to criminalization, since here public danger of an act as its basis is fully replaced by public danger of a perpetrator, or more precisely, a dangerous state of personality.

Referring to acts with prejudicial signs allows us to conclude that in addition to personal

characteristics of the socio-demographic substructure, the legislator takes into account other personal characteristics for the purpose of criminalization. Here we are talking about signs related to the value-normative substructure of the personality according to the doctrine of the personality of a criminal.

Thus, since criminalizing elements for the compositions of individual crimes are personal properties of the perpetrator, characterizing either the socio-demographic or value-normative substructure of the criminal's personality, the issue of the ratio of public danger of the crime and public danger of the criminal's personality has apparently been resolved unambiguously by the legislator. At the same time, the doctrinal controversy and the legal uncertainty of the concept of public danger itself do not prevent this.

REFERENCES

1. *Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for a criminal prohibition: criminalization and decriminalization]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Yakovlev A.M. Moscow, 1982. 303 p.
2. Dageľ P.S. Conditions for establishing criminal liability. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 1975, no. 4, pp. 67–74. (In Russ.).
3. Prozumentov L.M. Public danger as the basis for criminalization (decriminalization) of an act. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 4, pp. 18–24. (In Russ.).
4. Khilyuta V.V. Ontological aspects of understanding public danger as a sign of crime. *Lex russica=Russian Law*, 2024, no. 77 (2), pp. 60–69. (In Russ.).
5. On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of February 10, 2017. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2017, no. 41. (In Russ.).
6. Pudovochkin Yu.E. *Uchenie o prestuplenii: izbr. lektsii* [The doctrine of crime: selected lectures]. Moscow, 2010. 276 p.
7. Kuznetsova N.F. *Znachenie prestupnykh posledstviy dlya ugolovnoi otvetstvennosti* [The significance of criminal consequences for criminal liability]. Moscow, 1958. 219 p.
8. Rybak A.Z. Public danger of an act as a legal category. *Yurist-pravoved. =Lawyer-Legal Expert*, 2010, no. 2 (39), pp. 5–9. (In Russ.).
9. Demidov Yu.A. *Sotsial'naya tsennost' i otsenka v ugolovnom prave* [Social value and assessment in criminal law]. Moscow, 1975. 182 p.
10. Prozumentov L.M. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanii* [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk, 2012. 142 p.
11. Prozumentov L.M. The basis of criminalization (decriminalization) of acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Bulletin of the Tomsk State University. Law*, 2014, no. 4, pp. 81–91. (In Russ.).
12. Gontar' I. The category of "public danger" in criminal law: ontological aspect. *Ugolovnoe pravo =Criminal Law*, 2007, no. 1, pp. 16–19. (In Russ.).
13. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii"* [Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation

and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5?ysclid=ll4tosylwp574357993> (accessed July 9, 2023).

14. *Po zaprosu Labytnangskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga o proverke konstitutsionnosti punkta “o” chasti pervoi stat’i 63 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: Opreделение Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 8 dekabrya 2011 g. № 1623-O-O* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 1623-O-O “On the request of the Labytnangsky City Court of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug on checking the constitutionality of paragraph “o” of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009580/> (accessed June 22, 2023).

15. *Poyasnitel’naya zapiska k proektu federal’nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii” (ob isklyuchenii iz chisla otyagchayushchikh nakazanie obstoyatel’stv sovershenie prestupleniya sotrudnikom organa vnutrennikh del)”* [Explanatory Note to the draft federal law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” (on excluding from the list of aggravating circumstances the commission of a crime by an employee of the internal affairs body)”. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/215274-8> (accessed July 9, 2023).

16. *Poyasnitel’naya zapiska k proektu federal’nogo zakona “O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i v stat’yu 150 Ugolovno-protsessual’nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii”* [Explanatory Note to the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and to Article 150 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632682-6> (accessed 08 April 2024).

17. Neznamova Z.A., Neznamov A.V. Administrative prejudice as a criterion for criminalizing an illegal act. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka=Russian Law: Education, Practice, Science*, 2018, no. 2, pp. 4–9. (In Russ.).

18. *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, reglamentiruyushchikh pravovye posledstviya sudimosti litsa, neodnokratnosti i retsidiva prestuplenii, a takzhe punktov 1–8 Postanovleniya Gosudarstvennoi Dumy RF ot 26 maya 2000 goda “Ob ob’yavlenii amnistii v svyazi s 55–letiem Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 godov” v svyazi s zaprosom Ostankinskogo mezhmunitsipal’nogo (raionnogo) suda goroda Moskvy i zhalobami ryada grazhdan: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.03.2003g. No. 3-P* [On the case of checking the constitutionality of the Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person’s criminal record, repetition and recidivism of crimes, as well as paragraphs 1–8 of the Resolution of the State Duma of the Russian Federation of May 26, 2000 “On the announcement of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 “in connection with the request of the Ostankino intermunicipal (district) court of Moscow and the complaints of a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of March 19, 2003]. Available at: base/consultant.ru (accessed 25 November 2023).

19. Miroshnichenko D.V. Criminal prejudice and recidivism of crimes. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata =Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*, 2017, no. 4 (47), pp. 71–75. (In Russ.).

20. Volzhenkin B.V. On the question of the concept of public danger of a criminal. In: *Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963–2007)* [Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg, 2008. 969 p.

21. Zhizhilenko A.A. *Mery sotsial’noizashchity v otnoshenii opasnykh prestupnikov: doklad, predstavlenyi VIII S”ezda Russkoi gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov* [Social protection measures in relation to dangerous criminals: report presented by the VIII Congress of the Russian Group of the International Union of Criminologists]. Saint Petersburg, 1911. 40 p.

22. Prince A. *Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugolovnogo prava* [Protection of society and the transformation of criminal law]. Transl. from French by Markelova E. Moscow, 1912. 157 p.

23. Shabalin L.I. On theories of guilt. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka=Russian Law: Education, Practice, Science*, 2016, no. 1, pp. 60–62. (In Russ.).

24. Kadnikov N.G. Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility. *Soyuz kriminalistov i kriminologov=Union of Criminalists and Criminologists*, 2020, no. 1, pp. 50–55. (In Russ.).

25. Borkov V.N., Moskalenko G.E. The socially dangerous state of a person as a legal fact and the basis of responsibility. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (88), pp. 54–59. (In Russ.).

26. *Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (v chasti protivodeistviya organizovannoi prestupnosti)"* [Explanatory Note to the draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (in terms of countering organized crime)". Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (accessed April 8, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YULIYA S. KARAVAEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law of the Higher School of Economics – Perm, Perm, Russia, iuskaravaeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Received April 14, 2024

Problems of Ensuring a Lawful and Reasonable Judicial Decision to Replace the Unserved Part of a Sentence with a Milder Type of Punishment

NATAL'YA V. MASHINSKAYA

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.mashinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of the legislative regulation of the subject and limits of judicial proceedings when considering the issue of replacing the unserved part of a sentence with a milder type of punishment, which ensures the legality and validity of the court decision. *Purpose:* based on the analysis of the criminal and criminal procedure law, generalization of judicial practice, to develop key criteria for a comprehensive study of the circumstances for making a legitimate and reasoned decision in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods:* general scientific research methods, such as a dialectical method of cognition of phenomena and processes and a method of analysis and synthesis, as well as special legal methods such as a formal logical method of document analysis. *Results:* an analysis of legislative regulation and law enforcement practice has shown that when deciding on the replacement of a sentence with a milder type of punishment, the court should consider the issue of achieving criminal punishment goals. At the same time, in order to make a positive court decision on the basis of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, unlike parole, it is not necessary to achieve all the goals set out in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Conclusion:* in order to make a court decision that meets requirements of legality and reasonableness, it is necessary to have a clear legislative regulation of the circumstances investigated by the court in the implementation of the provisions of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the legislative consolidation of the period of actual serving of punishment by a convicted person to replace the unserved part of a sentence with a milder form, if the unserved part of the punishment had previously been replaced by a milder type of punishment.

Keywords: punishment, judicial decision, legality, validity.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Mashinskaya N.V. Problems of ensuring a lawful and reasonable judicial decision to replace the unserved part of a sentence with a milder type of punishment. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 272–278. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.006.

Introduction

The legality of criminal proceedings refers to basic provisions of the criminal process and implies not only strict compliance with the requirements of federal legislation during the investigation and consideration of a criminal case, but also the making of legitimate, reasoned and motivated decisions in the case. Among all the decisions of state officials and bodies, a special place is occupied by the enforcement acts of the court, regardless of at what stage of the process they were issued. This significance of the court decision is due to the special status of the criminal court, designed to guarantee the constitutional rights and legitimate interests of participants in criminal procedural relations, as well as the generally binding requirements and prescriptions contained in the court decision. Taking into account the social and legal significance of the judicial act, the issues of ensuring the legality and validity of the court decision are relevant at any stage of the criminal proceedings.

The legality of the court decision, first of all, is ensured by a reliable material and legal basis and detailed regulation of the procedural activities of the court. However, the legislator has not provided a reliable legal mechanism in all stages of criminal proceedings. Thus, at the stage of execution of the sentence, issues related to the resolution of the convicted person's petition to replace the unserved part of a sentence with a milder type of punishment (Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation) did not receive proper legislative elaboration, which leads to the issuance of an illegal and (or) unjustified resolution and (or) ruling. Considering that the share of materials considered in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation (as well as in accordance with Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation) accounts for more than half of all issues considered by the court at the stage of the sentence execution, the stated problem has a pronounced practical significance. Authors mainly pay attention to certain issues of the procedural activity of the court at the stage of execution of the sentence. Thus, A.A. Krymov, studying the nature and content of issues being resolved at the stage of execution of the sentence, focusing on the specifics of the procedure, makes a conclusion

about the need for specialization of judges in this direction [1]. V.B. Shabanov and L.Yu. Budanova raise the problem of compliance with the procedural deadlines for consideration by the court of issues initiated by representatives of the authorities and institutions that execute certain types of punishments [2]. Analyzing the judicial practice of releasing a convicted person from punishment, N.V. Osodoeva pays attention to ensuring the rights of persons whose interests are affected by the resolution of this issue [3]. A similar study was conducted by V.V. Konin and L.I. Sukhankina [4]. Thus, the lack of relevant scientific developments and needs of law enforcement practice determined the relevance of the study.

Research

It is worth mentioning that there is no legally defined subject matter and limits of judicial proceedings in the implementation of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, the issue of the subject matter and the limits of the trial is key, affecting the comprehensiveness of the case, and, consequently, the legality and validity of the decision. The implementation of a number of fundamental provisions of criminal proceedings depends on a clear understanding of the range of issues being resolved [5; 6]. The analysis of parts 1 and 4 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation shows that it contains a list of circumstances to be considered in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, the list of such circumstances does not allow to consider an identity of the convicted person submitted a petition. According to parts 1 and 4 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, the court must consider behavior of the convicted person for the entire period of serving the sentence, as well as find out whether he/she has compensated for the harm caused by the crime and to what extent. The condition for the court to accept a petition of the convicted person or his/her defender is the actual serving of the term of punishment specified in Part 2 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, imposed by the court verdict.

The above list seems insufficient to address the issue under consideration. So, for example, when implementing another type of release from punishment – parole, the circumstances

taken into account by the court when deciding on the release of a convicted person from further punishment are regulated more fully (Part 4.1 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Of particular importance for the adoption of a legitimate and reasoned court decision is the resolution of the question of the expediency of satisfying the petition filed by the convicted person or his/her defender. Contemplating on the expediency of parole, the court decides whether the measures taken have led to correction of the convicted person and achievement of other purposes of criminal punishment set out in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. The question arises whether the court should ask the same question when replacing one punishment with another? The ambiguity of the situation is due to the fact that in the case of a commutation of punishment, the convicted person is not released from punishment, but continues to serve it. Assuming that the court is obliged to resolve such an issue, then it should be determined whether all the goals of criminal punishment are achieved or in the situation under consideration it is sufficient to achieve any one (or two) of the goals specified in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The absence of a clear indication of the law on the subject and limits of the trial entails unjustified refusals to satisfy a petition of the convicted person. According to the Resolution of the Lomonosov District Court of Arkhangelsk on the case No. 4/16-27/2022 of January 13, 2023, two penalties imposed on the convicted person were recognized by the prosecutor as illegal. However, the court, when making the decision, took into account a single violation committed by the convict, which was expressed in the fact that when meeting with an employee of the administration of the correctional institution, he did not greet and did not have an identity document with him. This served as the basis for the refusal to satisfy the petition of the convicted person. The arguments that both penalties were recognized by the prosecutor as illegal were critically evaluated by the court, which pointed out that the illegality of one penalty established by the prosecutor referred only to its severity, inconsistency with the actual circumstances of the violation and did not deny the fact

that the violation had taken place. All other circumstances, such as remorse for what he had done, presence of social ties with family, a conscientious attitude to work, acquisition of a new profession while serving a sentence, repeated rewards for socially useful work could not “outweigh” the violation. The above case from judicial practice, contrary to the guiding explanations set out in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8 of April 21, 2009 (as amended of October 28, 2021) “On judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment”, shows that the very fact of violation does not entail an unconditional refusal to satisfy the petition and the court must take into account the nature of the violation indicates that the replacement of punishment is possible only when the convicted person demonstrates an exceptionally positive behavior. There is a similar situation when the court decides on the application of parole. However, when implementing Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation, other legal consequences occur – the convicted person is released from further punishment. In this case, it is not entirely clear what acts as a criterion between a positive court decision on parole from serving a sentence, in which a person is released from punishment completely, fulfilling only certain duties (Part 2 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation) and replacing the unserved part of the punishment with a milder form, in which the convicted person continues to serve his/her sentence? Judicial practice shows that grounds for satisfying the petition of the convicted person are the same and consequences of the decision are completely different. Other authors also draw attention to the lack of clear legally fixed criteria for “correcting a convicted person” when commuting punishment, noting that the existing gap negatively affects the formation of law enforcement practice [7].

Based on the essence of the issue being resolved, it seems that with the implementation of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, a complete correction of the convicted person may not be achieved, but the court needs to establish that the convicted person has embarked on the path of correc-

tion and a stable positive dynamic is found in his behavior. It seems that in the above example, the court unreasonably refused to replace the punishment with a milder one. In such circumstances, when the court concludes that the goals of criminal punishment have been partially realized, it is quite possible to commute the punishment, but not grant a parole, which requires the achievement of all the goals specified in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, applying Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, the court must necessarily investigate the issue of achieving goals of criminal punishment. This follows from the logic of the criminal law, which establishes a system of punishments, where each of them is aimed at achieving the same goals. This is also indicated by the legal nature of commutation. Considering that the implementation of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation resolves the issue related to punishment, the court should pay attention to achieving the purpose of punishment imposed by the court verdict, as well as the possibility of achieving the goals specified in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code when replacing punishment with a more lenient one. Materials of judicial practice of case No. 22-1274 of the Pechora City Court and Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-3511/2021 of September 28, 2021 confirms this conclusion. The Constitutional Court of the Russian Federation adheres to a similar position, as stated in the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2186-O of September 28, 2017 "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Bogdanov Eduard Stanislavovich for violation of his constitutional rights by parts one and four of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, part two of Article 257 and Part three of Article 399 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation". Based on this, the list of circumstances that the court should consider when resolving the issue in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented with an indication of the possibility of achieving the goals of punishment, first of all, the possibility of correcting a convicted person. Justifying the decision, the

court may be guided by the provisions of Part 1 of Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation, which sets out the main criteria for correcting a convicted person. Thus, the possibility of achieving the goals of criminal punishment relates to the subject of the issue being resolved and should be reflected in the law as a circumstance being investigated by the court.

Part 4.1 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation specifies the circumstances the court should study when deciding on granting parole, such as the existence of incentives and penalties for the entire period of serving the sentence. A similar circumstance is not fixed in parts 1 and 4 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. It should be recognized that judicial practice as a whole has developed criteria for considering cases in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation and takes into account all forms of active positive behavior of the convicted person, as well as the opinion of the institution's administration on the issue under study. At the same time, the analysis of law enforcement practice demonstrates that the convict's admission of guilt, remorse for what he/she has done, presence of incentives, fulfillment of the convict's direct duties provided for by the penal legislation are not unconditional grounds for satisfying the petition (Appeal Decision of the Murmansk Regional Court No. 22-1605/2021 of November 30, 2021). In each specific case, the court is obliged to justify and motivate the decision. Thus, according to results of the trial, the court concludes that the materials submitted by the administration of the correctional institution cannot indicate that T. had corrected himself and his petition could be granted. At the same time, the court, considering the petition to replace the unserved part of the sentence with a milder type of punishment, did not give a proper, objective assessment of the data characterizing the personality and did not take into account the arguments presented by representative of the correctional institution (Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-3511/2021 of September 28, 2021, Appeal Decision of the Krasnodar Regional Court of January 14, 2020 in case No. 22-282/2020, Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-2150/2021 of July 14, 2021).

At the same time, the court had the right to take into account only those circumstances that are established by law (Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-1862/2021 of July 8, 2021, Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-3511/2021 of September 28, 2021). For example, in order to make a decision in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, the criminal law does not require the person to achieve complete loss of public danger, complete repentance for what he/she has done, proportionality of compensation for harm to the nature of socially dangerous consequences resulting from the commission of a crime (Resolution of the First Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-710/2023 of February 8, 2023), and any special, exceptional merits of the convicted person (Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-2537/2021 of June 22, 2021). In accordance with the explanatory statement of the Supreme Court of the Russian Federation (Paragraph 6 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8 of April 21, 2009 (as amended of October 28, 2021) "On judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment"), refusal to satisfy the petition of the convicted person for circumstances not specified in the law is not allowed [8]. At the same time, it is important to note that the court should take into account only those circumstances related to the personality of the convicted person that characterize him/her during the period of serving a sentence (Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-1862/2021 of July 8, 2021, Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-2150/2021 of July 14, 2021). The court is not entitled to assess circumstances related to a high public danger of the committed crime and the identity of a perpetrator, since they are taken into account when passing a sentence. Depending on the nature and category of the crime, the legislator established time limits for the actual serving of the sentence, under which mitigation of punishment is allowed (Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-2150/2021 of July 14, 2021). The circumstances

on which the court bases its decision should be thoroughly analyzed and their analysis is set out in the resolution and (or ruling) (Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-1862/2021 of July 8, 2021). Conclusions based on the assumptions and information not verified at the court hearing are not allowed (Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-2537/2021 of June 22, 2021). At the same time, a personalized approach should be implemented in each case of the petition consideration by the court. In accordance with the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the application of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation is aimed at saving criminal repression and applying necessary and sufficient coercive measures of criminal law response to achieve its goals (Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2186-O of September 28, 2017 "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Bogdanov Eduard Stanislavovich for violation of his constitutional rights by parts one and four of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, part two of Article 257 and Part three of Article 399 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation"). The opinion of the prosecutor and representative of the institution's administration should be taken into account, but cannot be decisive for the court's decision (Appeal Decision of the Krasnodar Regional Court of 14.01.2020 in case No. 22-282/2020).

Considering the problem of ensuring a lawful judicial decision adopted in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, we should note another drawback of legal regulation, such as a lack of indication in the criminal law of the period of actual punishment for persons to whom an unserved part of the sentence has already been replaced by a milder type of punishment. In law enforcement practice, cases of repeated treatment of a convicted person with such petitions are common. For example, initially the deprivation of liberty was replaced by forced labor, and then the convicted person initiated a petition to replace forced labor with punishment in the form of restriction of freedom. The lack of a clear legislative consolidation of the period of actual serving of punishment in the situation under

consideration confuses convicts and generates judicial errors (Appeal Decision of the Saratov Regional Court No. 22-1333/2021 of July 6, 2021). Thus, in one of the court decisions, the court, refusing to satisfy the petition of the convicted person, indicated that it was not allowed to replace forced labor with a milder type of punishment, since the previous punishment in the form of imprisonment had already been replaced by forced labor. Meanwhile, parts 1 and 2 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation do not contain such restrictions (Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction No. 77-1936/2020 of October 15, 2020). The answer to this question is given by the Supreme Court of the Russian Federation, explaining that in the case when the punishment of a convicted person was commuted by replacing the unserved part of the punishment with a milder form, the court should calculate the actually served sentence based on the term of punishment established by a court order (Paragraph 2 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8 of April 21, 2009 (as amended of October 28, 2021) "On judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment"). However, this practice does not seem quite logical, contradicting provisions of Part 4 of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, which states that the court takes into account convict's behavior during the entire period of serving the sentence, and not only during the period of serving a new, more lenient sentence. In addition, criminal law establishes the same period of actual serving of a sentence by a convicted person for the onset of the right to parole and for replacing the unserved part of the punishment with a milder form. At the same time, resolving the issue in accordance with Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation is the most preferable for a convicted person. Why would a convicted person apply for a more lenient form of punishment if, under similar circumstances, he/she could count on parole? Issues related to the application of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation are also discussed among law enforcement officers who believe that improper legal regulation can lead to unfairness of decisions. Part 1

of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation allows for the substitution of punishment with any milder form. At the same time, the absence of an indication of the actual term of service may lead to the fact that convicts will find themselves in unequal conditions. Thus, in the case of replacing deprivation of liberty with restriction of liberty, the convicted person finds himself in a more advantageous situation before the one to whom the deprivation of liberty is initially replaced by forced labor, since such a convicted person is forced to serve a certain part of the term again from the moment the deprivation of liberty is replaced by forced labor in order to obtain the right to the substitution of the punishment by restriction of freedom.

Conclusion

The analysis of the legislative regulation of commutation, opinions of various authors, and law enforcement practice allowed us to formulate the following conclusions.

The legality and validity of a court decision made in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation depends on a number of factors. First, it seems justified to clearly define the subject and limits of the court's investigation of the circumstances that serve as the basis for replacing the punishment imposed by the court's verdict with a milder type of punishment. The circumstances influencing the decision-making in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation includes the expediency of applying a more lenient punishment in terms of achieving the goals specified in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, considering that the court resolves the issue of commutation of punishment, rather than release from further serving of punishment, it is sufficient to establish circumstances indicating that the convicted person has embarked on the path of correction and his/her behavior shows positive dynamics.

Judicial practice in general has developed approaches to considering the petition of a convicted person in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation. The criteria for making a lawful and reasoned decision based on Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation are the following: first, the court is not entitled to take into account circumstances not established by law;

second, the court is not entitled to base its decision on the circumstances to be investigated when passing a sentence; third, the court is obliged to check and analyze all the circumstances on which it bases its decision, to reflect specific information that prevents satisfaction of the convicted person's petition.

Certain difficulties in law enforcement practice are due to the lack of indication in Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation of the period of actual serving of punishment to persons for whom the unserved part of the punishment has previously been replaced by a milder punishment. A lack of legislative regulation of this issue confuses convicts when filing a petition in accordance with Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, generates judicial errors, creates condi-

tions for making an unfair decision. In order to eliminate the identified shortcomings, it seems necessary to make appropriate amendments to Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation.

We suggest the following wording of the norm: "Persons to whom the unserved part of the punishment has been previously replaced by a milder type of punishment are entitled to apply for the replacement of the unserved part of the punishment with another, milder type, after the convict has actually served his/her sentence for committing a crime of small and medium gravity for at least three months, for committing a serious crime for at least six months, and especially serious crimes – for at least nine months".

REFERENCES

1. Krymov A.A. Procedural decisions making specifics at the sentence execution stage. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2. (34), pp. 18–21. (In Russ.).
2. Shabanov V.B., Budanova L.Yu. The problems emerging while considering and deciding by a court the issues related to the execution of a sentence. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2017, no. 1 (26), pp. 25–31. (In Russ.).
3. Osodoeva N.V. Some issues arising in connection with the consideration of materials on parole from serving a sentence. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2023, no. 5, pp. 15–18. (In Russ.).
4. Konin V.V., Sukhankina L.I. On the right of the convicted person to qualified legal assistance at the stage of execution of the sentence by shifting costs to the budget. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2020, no. 2, pp. 74–79. (In Russ.).
5. Burmagin S.V. Problematic Issues of Adversarial Construction of Judicial Proceedings at the Stage of Execution of the Sentence. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 9, pp. 93–103. (In Russ.).
6. Vinogradov V.A. Distribution of the burden of proof in the consideration and resolution of the question of parole from serving a sentence in the criminal process of Russia. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2019, no. 12, pp. 38–40. (In Russ.).
7. Matveev S.A., Makarov R.V. Substitution of the unserved part of punishment by milder type of punishment. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Mari State University*, 2016, vol. 2, no. 1(5), pp. 67–70. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NATAL'YA V. MASHINSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.mashinskaya@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>

Received April 12, 2024

Original article

UDC 343.2

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008

Assistance in the Restoration and Strengthening of Social Ties to Persons Subject to Probation: Legal and Organizational Issues

SERGEI L. BABAYAN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia
Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia
bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

ANDREI A. USTINOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia
Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia
ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Abstract

Introduction: the article considers legal issues of assistance in the formation and strengthening of social ties of persons subject to probation, identifies problems that arise in the implementation of these activities by bodies and institutions of the penal system when interacting with probation subjects, and proposes ways to solve them. *Purpose:* based on the analysis of empirical data from penitentiary bodies, to identify problems arising in their activities when restoring and strengthening social ties of persons subject to probation and propose ways for their solution. *Methods:* formal legal, empirical methods of description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the analysis of the regulatory framework governing probation and empirical information on the restoration and strengthening of social ties of persons subject to probation shows the existence of organizational problems, such as the need to take into account provisions of the Federal Law "On Personal Data" when receiving and providing information about relatives of a convicted person and other wanted persons, the need to cooperate with public authorities and involve public and religious organizations, and other civil society institutions in restoring and strengthening social ties of persons subject to probation. *Conclusion:* in order to solve the problems arising during the restoration and strengthening of social ties of persons to whom probation is applied, it is necessary to take into account provisions of the Federal Law "On Personal Data", which presuppose the receipt and transfer of personal data of convict's relatives and other wanted persons to the convict only with their written consent. It is necessary to expand and improve the practice of concluding agreements between penitentiary bodies and public authorities, public and religious organizations in order to constantly interact on issues of restoring and strengthening social ties of persons subject to probation.

Key words: social ties; family ties; convict; punishment; probation; penal system.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Babayan S.L., Ustinov A.A. Assistance in the restoration and strengthening of social ties to persons subject to probation: legal and organizational issues. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 279–288. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008.

Introduction

Preservation, restoration and strengthening of socially useful ties of persons serving or having served a sentence is one of the important areas of activity carried out by penitentiary institutions. Indications of the need to restore and strengthen the ties of convicts with family members, relatives, and other persons who positively influence them are contained in acts of international law and norms of Russian legislation. Paragraph 79 of the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners states that “Special attention shall be paid to the maintenance and improvement of such relations between a prisoner and his family as are desirable in the best interests of both”. Paragraph 80 of these rules stipulates that “From the beginning of a prisoner’s sentence consideration shall be given to his future after release and he shall be encouraged and assisted to maintain or establish such relations with persons or agencies outside the institution as may promote the best interests of his family and his own social rehabilitation”.

The Penal Code of the Russian Federation does not contain a special normative indication of the need to take measures to restore and strengthen social ties of persons serving or have served a sentence. However, some of its norms oblige the administration of institutions executing punishments to promote maintenance of social ties of the convicted person, that is to receive information about relatives of the convicted person, to notify them of the arrival of the convicted person at a correctional institution (Article 17), to provide the convicted person with the opportunity to maintain contact with relatives through visits (Article 89), parcels, transfers (Article 90), correspondence (Article 91), and telephone conversations (Article 92).

The Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030 indicates a lack of adaptation of persons released from correctional in-

stitutions to life in civil society, their loss of social ties and, as a result, an increase in repeat crime. The connection between recidivism and the loss (weakening) of social ties of persons serving or having served a sentence has been repeatedly noted by various authors, both in Russia and abroad [1, p. 74; 2, p. 271; 3; 4]. The most important measure to solve this problem is the establishment and development of the probation system in the Russian Federation.

Research

On February 6, 2023, the President of the Russian Federation signed the Federal Law No. 10-FZ “On Probation in the Russian Federation”. According to Article 4 of this law, the goals of probation are correction of social behavior, re-socialization, social adaptation, social rehabilitation of persons subject to probation, and prevention of commission of new crimes.

The law distinguishes three types of probation – penitentiary (in relation to convicts serving sentences of imprisonment, as well as forced labor); executive (in relation to convicts serving sentences not related to isolation of from society (with the exception of those sentenced to a fine imposed as the main punishment and forced labor), and imposed other measures of a criminal legal nature); post-penitentiary (in relation to persons released from institutions that carry out punishments in the form of forced labor or imprisonment).

Penitentiary probation is applied to all convicts serving sentences of imprisonment or forced labor, while executive and post-penitentiary probation – only to those persons who have been recognized as being in a difficult life situation, that is the circumstances that worsen living conditions of these persons and the consequences which convicts cannot overcome on their own. At the same time, measures of executive and post-penitentiary probation can be applied only if a person (his legal representative) applies to the criminal executive inspec-

tion with an application for assistance (Part 1 of Article 12, Part 1 of Article 20 of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation").

It seems important to analyze such a direction of probation as social rehabilitation of convicts and persons released from institutions of the penal system. According to Article 5 of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", social rehabilitation is a set of measures to restore lost social ties and functions by persons subject to probation.

In a broad sense, social ties in sociology are understood as a combination of conscious and unconscious, necessary and accidental, stable and spontaneous dependencies of some social subjects on others [5, p. 958]. Based on the nature of the influence on the development and activity of the convict's personality in society, the convict's social ties can be divided into positive (socially useful), socially neutral and negative (socially negative).

Socially useful ties of convicts, as they are defined in the pedagogical and sociological literature, are diverse connections regulated by social norms between the convict and various subjects or social groups occupying a certain position in society, having different status and performing various social functions resulting from the purposeful organization of measures for the convict to join various spheres and processes of public life, assimilate new norms and values, and acquire socially significant skills and behaviors during the period of serving a sentence and after release [6, p. 33].

Socially useful ties appear and improve in the process of socially useful activities, contribute to the formation of socially useful skills, increase social status, assimilation and observance of socially approved norms of behavior. First of all, these are connections with family members, other relatives and other persons with whom the convict had a close relationship and who have a positive impact on his behavior (guardians, foster parents, a spouse or a fiancée/ fiancé). It is the family that gives a person primary skills of social behavior, supports him/her throughout his/her life, determines his/her behavior, as well as contributes to re-socialization after serving a sentence [7, p. 142]. According to the study conducted by the Research Institute of the Federal Penitentiary Service in 2021, 76.2% of the convicts believe that the in-

fluence of relatives on them is positive. Direct and indirect communication with relatives has a positive effect on behavior, according to 85.3% of the respondents [8, p. 8]. The recidivism rate among persons who have been released from punishment and maintain social ties with family members and relatives is significantly lower than among those who have lost these ties, which is true both for the Russian Federation and foreign countries [9, p. 244; 10]. Also socially useful ties form at the place of work or study, in a team or informal group that adheres to positive social values and norms of behavior (sports section, public association, religious organization, etc.).

Socially neutral ties neither explicitly contribute to resocialization and social adaptation of the convicted person, nor have a negative character. As a rule, these are spontaneously arising, short-term social connections with certain persons to meet specific personal needs, communication, leisure activities, etc.

Socially negative ties are caused by joint illegal, antisocial or antisocial behavior. A person learns values, norms, models and behavioral skills that contradict the interests of society and generally accepted norms of social interaction.

Socially useful ties of convicts should meet the following requirements:

- to be diverse (family, kindred, educational, work relations, etc.);
- to be regulated by social norms, that is, to rely on established traditions, customs of communication;
- to be based on socially significant skills and assignment of new norms for the inclusion of a convicted person or a person being released from punishment in all areas necessary for a full life [11, p. 12].

Subjects of socially useful relations are the following:

- family members, other relatives and close persons;
- friends, classmates, acquaintances from work and other joint activities;
- representatives of institutions of various departmental subordination and these institutions themselves;
- representatives of public organizations of various orientations (including human rights and humanitarian projects in the field of reha-

bilitation of those serving sentences and those released) and these organizations themselves;

- religious figures;
- representatives of business structures and manufacturing enterprises;
- masters of their craft who are able to attract convicts' attention to certain areas of activity (sports, art, etc.);
- famous people, etc.

Serving a sentence of imprisonment or forced labor may contribute to weakening or loss of socially useful ties of the convicted person, loss of work skills, as well as hampered adaptation to life after release, including employment, possession of modern communication technologies, electronic means in the field of finance, obtaining services, etc. [12, p. 195; 13; 14]. Since a convict is held in the penitentiary institution for a sufficiently long period, family members, relatives, and friends may communicate with him/her sporadically and formally or even stop doing it. Quite often, behavior of the convict him/herself leads to the termination of ties with relatives and other persons who had a positive influence, for example, commission of crimes against these people, drunkenness, drug use, frequent and groundless change of place of residence, parasitic lifestyle before conviction, family and kinship conflicts, unwillingness to keep in touch with close ones or maintaining it solely for profit.

Punishments that are not related to isolation from society (with the exception of forced labor) most often do not lead to the loss or noticeable weakening of socially useful ties of the convict with family members, relatives, and other persons from his/her social microenvironment. However, even here there may be cases of weakening or destruction of family and social ties due to difficult living conditions or antisocial behavior of the convict.

When serving a sentence related to the transfer of a convicted person to a correctional facility, social ties of a negative nature may be formed due to his/her assimilation of criminal subculture norms, "exchange of experience" on the methods of committing and concealing crimes between convicts, the desire to find recognition and support in an antisocial environment not only while in a correctional institution, but also after release [7, p. 141].

Prevention of the emergence, weakening and rupture of existing socially negative ties of a convict are primarily associated with the restoration and strengthening of his/her socially useful ties, which is one of the main goals of penitentiary, executive and post-penitentiary probation.

The concept of "restoration" should be understood as the resumption of previously existing, but for one reason or another terminated socially useful ties of the convicted person. Measures to restore social ties include assistance to the convicted person in searching for relatives or other persons who have a positive influence on him, informing the convicted person and the detected persons about their location, providing other information to establish a connection between them, persuading the convicted person, as well as his/her relatives and other persons, to restore relations.

Strengthening socially useful ties is an activity aimed at preventing the weakening or termination of existing and maintained social ties of a convicted person. First, it is the provision of opportunities and conditions provided for by penal legislation to maintain socially useful ties with family, relatives, and other persons during the period of serving a sentence of imprisonment and forced labor (correspondence, telephone conversations, receiving parcels, short and long visits, granting the right to leave the correctional center, possibility of living outside the correctional center for those sentenced to forced labor, etc.).

To strengthen socially useful ties, the following measures within the framework of educational work with convicts can be conducted: convincing the convict and persons with whom he/she has social ties of the desirability and expediency of mutual support, the value of family, kinship and other socially useful ties; psychological diagnosis and correction of the convict's conduct in order to weaken or eliminate personal qualities that prevent formation of social ties (propensity to violence, selfishness, selfishness, etc.); development of positive personal qualities; psychological and medical measures to counteract alcoholism, drug addiction, and other forms of pathological addictions. It is important to create conditions for joint cultural and leisure activities with relatives and other persons, [15, p. 18; 16, p. 143].

Spiritual and moral education also contributes to strengthening socially useful ties between convicts and persons who have served their sentences, including within the framework of the realization by convicts of the right to freedom of conscience and religion. All traditional religions emphasize the value of family and marriage, the importance of joint upbringing of children and support for elderly relatives, and have a negative attitude to adultery, divorce, and rupture of family and kinship ties. As practice shows, it is important to involve clergy in individual and group conversations with convicts about the importance of preserving family and family ties, preaching on this topic during worship, and holding a wedding ceremony.

In accordance with Article 6 of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", subjects of probation activities can be divided into mandatory, whose participation is provided for by law in the form of a binding norm, and optional, who are not obliged, but have the right to participate or may be involved in the implementation of measures in the field of probation.

Mandatory probation subjects include federal executive authorities; state authorities of the subjects of the Russian Federation; institutions of the penal system; state institutions of the employment service; social service institutions.

Optional probation subjects are local government bodies; commercial and non-profit, including religious, socially oriented non-profit organizations, organizations and public associations; non-governmental (commercial and non-profit) social service organizations providing social services; organizations engaged in educational activities, scientific, medical organizations; individual entrepreneurs; public monitoring commissions; and citizens. The legal basis for activities of optional probation subjects, in addition to legislative and subordinate acts, are agreements concluded between these subjects and territorial bodies or institutions of the penal system.

Direct execution of measures in the field of probation is carried out by penitentiary institutions. For penitentiary probation, these are institutions that carry out punishments in the form of imprisonment or forced labor, for executive and post-penitentiary probation – criminal executive inspections.

One of the ways to restore lost social and family ties of convicts subject to probation is to search (at the request of the convicted person) for relatives of the person serving a sentence or released from prison, as well as other persons who have a positive influence on him/her.

According to Article 15 of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", the obligation to assist convicts in searching for relatives and other persons is assigned to institutions that carry out punishment in the form of imprisonment or forced labor. During the implementation of executive (Article 11) and post-penitentiary (Article 22) probation, assistance is also provided to convicts and persons who have served their sentences in restoring social ties and social rehabilitation, while the obligation to implement these measures is assigned to criminal executive inspections (Article 28).

As a result of the measures carried out, the actual place of residence or stay of the persons with whom the convicted person wishes to restore communication is established. The data are provided to the person serving a sentence or to the person released from the penitentiary institution.

The location of relatives and other persons is established by sending requests to civil registration authorities, address information bureaus and other agencies by institutions executing punishment in the form of deprivation of liberty or forced labor, as well as by criminal executive inspections.

On November 29, 2023, the Ministry of Justice of the Russian Federation issued Order No. 350 "On Re-socialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons in Respect of whom Probation is Applied in accordance with the Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation", certain provisions of which specified the work of probation subjects, including on restoration and strengthening of social ties of persons in respect of whom probation is applied.

According to Paragraph 7 of Appendix 1 to Order No. 350, the organization and implementation of measures in the field of penitentiary probation are entrusted to employees of the department for educational work with convicts of correctional institutions, the psychological laboratory, the department for social work with convicts, employees of other departments (services) and medical

organizations of the correctional system within their competence, the probation units, labor and educational work organization groups and other employees of correctional centers, employees of probation groups of areas functioning as a correctional center at correctional facilities. Measures for executive and post-penitentiary testing are carried out by criminal executive inspections and their branches.

According to Paragraph 70 of Annex 1, measures to restore and form social ties of persons in respect of whom executive or post-penitentiary probation is applied are carried out by inspections. Inspection employees assist them in strengthening social ties with relatives, persons who have a positive impact on their behavior, labor collectives and organizations engaged in educational activities, non-profit organizations, as well as in the search for relatives and other persons. Public associations and religious organizations, volunteers, relatives of persons in respect of whom executive or post-penitentiary probation is applied, and other persons who have a positive influence on the behavior of persons in respect of whom probation is applied can be involved in the restoration and strengthening of family and social ties.

Similar measures to restore and strengthen social ties of convicts serving sentences in the form of forced labor are also conducted in the framework of penitentiary probation (Paragraph 11 of Annex 2).

In March 2024, employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service conducted a survey of heads of probation execution departments in 85 territorial bodies of the Federal Penitentiary Service in order to identify problems arising during restoration and strengthening of social ties of persons to whom probation is applied. As indicated by the staff of territorial bodies, there are certain legal and organizational issues problems.

Thus, the information about the location and other contacts of family members, relatives and other persons provided by the convict can be outdated for objective reasons (a new place of residence, changed phone numbers, etc.) or these persons do not want to maintain contact with the convict or the person released from prison due to his illegal or antisocial conduct before conviction, including commission of a crime against family members or other

relatives. When solving this problem, a balance should be maintained between the need for social rehabilitation of the convicted person and the interests of others.

There are also legal issues related to the special legal status of information on the location (place of residence) of persons whom the convicted person wishes to find, as well as information on the state registration of acts of civil status (dissolution of marriage, conclusion of a new marriage, adoption, name change, death).

In accordance with Article 3 of the Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data", this information refers to personal data of an individual (subject of personal data). According to Article 7 of this law, persons who have access to personal data are obliged not to disclose or distribute them to third parties without the consent of their subject, unless otherwise provided by federal law. Violation of the rules for processing personal data (including their illegal receipt, distribution and use) entails administrative liability in accordance with Article 13.11 of the Administrative Code of the Russian Federation.

The rules for processing address and reference information (information about the place of residence or stay of a person on the territory of the Russian Federation), information on state registration of acts of civil status are specified by special normative acts: the Law of the Russian Federation No. 5242-1 of June 25, 1993 and the Federal Law No. 143-FZ of November 15, 1997 "On the Right of Citizens of the Russian Federation to free movement and choice of place of residence within the Russian Federation". This information may be transferred without the consent of the persons to whom it relates only to authorized entities established by law, which, according to the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", include institutions and bodies of the penal system exercising powers in the field of probation.

The transfer of information about the place of residence (stay), about the state registration of acts of civil status of his relatives and other persons to the person in respect of whom probation is applied, in accordance with the specified federal law, is carried out by the probation subject only with the written consent of the specified persons. The requirements for the form and content of this consent are provided for in Part

4 of Article 9 of the Federal Law "On Personal Data". Having received the specified personal data, the employee carrying out probation activities receives consent from the subject of this data to transfer them to the person in respect of whom probation is applied, and only after obtaining this consent transfers them to the convicted person or released from a penitentiary institution. The transfer of personal data of the person in respect of whom probation is applied to relatives or other wanted persons is also carried out only with his/her consent.

The form of consent of the person in respect of whom probation is applied to processing of personal data is provided for in Appendix 1 to the Procedure for Preparing an Individual Program of Re-socialization, Social Adaptation and Social rehabilitation, approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 350 of November 29, 2023.

In relation to relatives and other persons who have consented to the transfer of their personal data to the person in respect of whom probation is applied, it should be recommended that employees of penitentiary institutions exercising powers in the field of probation receive their personal data not in an arbitrary form, but in the form of filling out an appropriate agreement responsible for requirements of Part 4 of Article 9 of the Federal Law "On Personal Data". This consent can be sent by the above-mentioned person to the institution, either in the form of a letter (ordinary, certified with a personal signature, or electronic, certified with an electronic signature), or filled out when a family member, relative, or other person visits a penitentiary institution or at a meeting with an inspection officer.

Also, employees often receive no responses from the Ministry of Internal Affairs and the Registry Office. It seems that the establishment of effective information interaction can be facilitated by the conclusion of agreements on interdepartmental cooperation in the implementation of probation between territorial bodies of the Federal Penitentiary Service and territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs, registry offices, and other public authorities.

As a positive example, we can mention the agreement between the Directorate of Federal Penitentiary Service for the Republic of Bashkortostan and the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan of December 27,

2023, which provides for the possibility of exchanging information on both paper and electronic media; the deadline for providing information at the request of the parties (30 days); the possibility of using the state information system "Unified Register of Persons in respect of whom Probation is Applied" for information exchange (from the moment of its commissioning); the algorithm of interaction between the parties; the term of the agreement (one year, while in the absence of notification of its cancellation to the parties, the agreement is considered to be extended indefinitely).

In the complex of measures to restore lost social ties and functions by persons in respect of whom probation is applied, assistance in finding employment, as well as obtaining general, secondary vocational education, and vocational training plays an important role. At the same time, interaction between social work bodies and bodies and institutions of the penal system is often formal, which was previously indicated in the scientific literature [17, p. 40; 18, p. 44].

The form and procedure of interaction in these areas are determined by the Decree of the Ministry of Labor of the Russian Federation No. 779-n of October 27, 2023 "On Approval of a Standard Agreement on the Interaction between Institutions, Executing Punishments in the Form of Forced Labor or Imprisonment and Penal Executive Inspections and Bodies of the Population Employment Service when Carrying Out Activities in the Field of Post-Penitentiary Probation" and the Order of the Ministry of Education No. 839 of November 19, 2023 "On Approval of the Form and Procedure for Concluding a Standard Agreement on the Procedure for Interaction of Educational Organizations with the Bodies of the Penal System in order to Assist in Obtaining General Education, Secondary Vocational Education, and Vocational Training by Individuals, in respect of which Probation is Applied".

Model agreements establish specific powers of each of the parties when interacting in the field of probation and timing of actions to implement these powers.

The Federal Law "On Probation in the Russian Federation" provides for the involvement of public associations and religious organizations, volunteers, relatives of convicts and

other persons who have a positive influence on the behavior of convicts in work to restore and strengthen family and social ties.

Article 23 of the Penal Code of the Russian Federation provides for the assistance of public associations and other representatives of civil society to the work of penitentiary institutions, the correction of convicts, their re-socialization, social rehabilitation and adaptation.

At the same time, nowadays there are no specific forms and procedures for the interaction of penitentiary institutions with public associations and religious organizations, volunteers, relatives of persons in respect of whom executive or post-penitentiary probation is applied, and other persons who have a positive influence on the behavior of persons in respect of whom probation is applied. The Department of Educational, Social and Psychological Work of the Federal Penitentiary Service, together with the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, has repeatedly conducted scientific research on topics related to correctional institutions' activities to assist prisoners sentenced to imprisonment in restoring and strengthening social and family ties. The developed recommendations [19; 20] can be used by employees of institutions carrying out punishment in the form of forced labor to implement penitentiary probation measures for restoring and strengthening socially useful ties of convicts.

When carrying out measures to strengthen existing social ties of persons in respect of whom probation is applied, the possibilities of public organizations can also be used. To do this, it is advisable to conduct sport and cultural events with the participation of representatives of public organizations, volunteers, persons to whom probation is applied, their family members, and relatives; organize information and educational work for clarifying ways to restore and strengthen socially useful ties; measures to prevent alcoholism, drug addiction, other forms of dependent behavior, etc.

Those sentenced to punishments and other measures of a criminal legal nature that are not related to isolation from society, including forced labor, as well as persons released from penitentiary institutions, can participate in volunteer activities. As practice shows, this contributes to the formation of useful labor and social skills in these individuals, prevents their antisocial pas-

time, strengthens existing and new socially useful relationships. There are cases when these individuals engage in voluntary activities together with family members or other relatives, thus strengthening their social ties.

When concluding agreements with volunteer organizations, it is advisable to specify specific forms of interaction on probation issues, timing (frequency) of events, as well as persons responsible for their conduct.

Representatives of religious organizations, in addition to conducting religious services on the territory of institutions, religious sacraments and rituals with convicts, take part in educational work, including on the restoration and strengthening of family ties, explaining the importance and value of their preservation and maintenance. Upon their request, the sacrament of marriage or similar rites of other faiths are performed with convicts who marry or have previously been married, which also helps to strengthen family ties of convicts.

In the letter of the Chairman of the Synodal Department of the Russian Orthodox Church for Prison Ministry No. 115 of November 17, 2023, the following areas of participation in the restoration and formation of socially useful associations of persons subject to probation are indicated:

- assistance and support to persons subject to probation and their families in reunification;
- providing support at a new place of residence or reintegration of persons in respect of whom probation is applied when family restoration could not be carried out;
- accompanying families after a successful reunion.

In this regard, it is recommended to take into account the above when concluding agreements of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service with subdivisions (metropolitans, dioceses) of the Russian Orthodox Church, as well as other religious organizations, in consultation with their representatives.

There are certain problems when interacting with public organizations. First, it is the absence of organizations that can be involved in this activity in a number of subjects of the Russian Federation, or their lack of initiative to cooperate with bodies and institutions of the penal system. According to available data, in 80.9% of cases, it is employees of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service who initi-

ate interaction with public organizations [20, p. 5]. For example, employees of the Directorate of the Federal Penitentiary Service for the Tula Oblast indicate that there are no public organizations in their subject that can carry out probation activities in cooperation with them.

Second, there is a lack of a uniform algorithm for the interaction in the field of probation between penitentiary institutions and public associations, religious organizations, volunteers, which is also pointed out by employees of many territorial bodies of the Federal Penitentiary Service (Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Volgograd Oblast, the Jewish Autonomous Oblast, the Republic of Tatarstan, the Chechen Republic, etc.). In some territorial bodies of the Federal Penitentiary Service (Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Irkutsk Oblast, Main Directorate of the Federal Penitentiary Service for Krasnoyarsk Krai, Directorate of the Federal Penitentiary Service for the Kurgan Oblast, etc.) these algorithms are developed and included in agreements concluded between penitentiary institutions and these entities. However, it is currently impossible to talk about the ubiquity and uniformity of this practice.

It should also be borne in mind that the activity of public associations and religious organizations may be destructive (attempts to assist convicts in violating regime requirements and carrying out other illegal actions, discrediting

the penal system by broadcasting unverified or false information about its activities, promoting the spread of extremist ideology among convicts, inducing individuals to participate in extremist societies and organizations, etc.). In this regard, employees are recommended to conduct verification activities for the presence (absence) of compromising information spread by these organizations.

Conclusion

Summing up, it should be noted that activities to restore and strengthen social ties of persons to whom probation is applied should be carried out by probation subjects on the basis of a combination of principles of legality, delineation of competence and interdepartmental interaction. Activities to assist persons in need of restoring social ties, searching for relatives and other persons should be carried out in strict accordance with the Federal Law "On Personal Data", which implies the need for probation subjects to obtain the consent of personal data subjects to receive (collect) and transfer them to other persons. The legal basis for the interaction between bodies and institutions of the penal system and other subjects of probation are agreements stipulating forms and directions of activity in this area, including restoration and strengthening of social ties, specific actions of probation subjects and timing of their implementation.

REFERENCES

1. Borsuchenko S.A. Resocialization and social adaptation of convicts to imprisonment: concept, content, legal regulation. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 74–79. (In Russ.).
2. Gusarov P.N. Resocialization and adaptation of convicts: problems and prospects of the penitentiary system in Russia. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 22, pp. 270–273. (In Russ.).
3. Contributor Quora. *how is life outside after being in prison for over 20 years?* Available at: http://www.slate.com/blogs/quora/2013/01/25/how_is_life_outside_after_being_in_prison_for_over_20_years.html (accessed February 1, 2024).
4. Travis J., McBride E.C., Solomon A.L. *Families left behind: the hidden costs of incarceration and reentry*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/305487992_Families_Left_Behind_The_Hidden_Costs_of_Incarceration_and_Reentry (accessed February 1, 2024).
5. *Sotsiologiya: entsiklopediya* [Sociology: encyclopedia]. Minsk, 2003. 1,312 p.
6. Barysheva A.V. Preservation and development of socially useful connections of convicts as a task of pedagogical activity of correctional institution. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2021, no. 73 (2), pp. 32–35. (In Russ.).
7. Shpilev D.A., Ereemeva A.A. Social relations of convicts (using the example of the Nizhny Novgorod and Vologda regions). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 139–146. (In Russ.).
8. Zatorova E.V. et al. *Organizatsiya psikhologicheskoi raboty s rodstvennikami osuzhdennykh, sposobnymi okazat' na nikh pozitivnoe vozdeistvie: metodicheskie rekomendatsii* [Organization of

- psychological work with relatives of convicts who are able to have a positive impact on them: methodological recommendations]. Moscow, 2022. 18 p.
9. Tereshenko E.G. The problem of the concept and effectiveness of socially useful communication of a convicted person. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2023, vol. 18 (1-4), pp. 242–251. (In Russ.).
10. Timofeeva S.A. *Foreign prison experience socialization of prisoners*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/331775330_Foreign_Prison_Experience_Resocialization_of_Prisoners (accessed February 1, 2024).
11. Eremeeva A.A. *Penitentsiarnaya sotsial'naya rabota po vosstanovleniyu, podderzhaniyu i ukrepleniyu sotsial'nykh svyazei osuzhdennykh: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Penitentiary social work for the restoration, maintenance and strengthening of social ties of convicts: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2022. 24 p.
12. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 194–203. (In Russ.).
13. Espiritu E.J. From extremity to liberty: a narratology on the extremities of an ex-detainee after incarceration. *International Journal of Education Humanities and Social Science*, 2024, no. 1, vol. 7. Available at: https://ijehss.com/uploads2024/EHS_7_650.pdf (accessed February 1, 2024).
14. Harrison P., Beck A. Prisoners in 2001. In: *Bureau of Justice Statistics Bulletin*. Washington, 2002.
15. Babayan S.L. On the issue of post-penal resocialization. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2016, no. 4 (36), pp. 13–19. (In Russ.).
16. Nimaritsyna O.F. On the stages of re-socialization and social adaptation of persons sentenced to imprisonment. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 51, pp. 142–143. (In Russ.).
17. Kosovskii V.B. Problems of resocialization of persons released from prison. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2019, no. 7 (37), pp. 42–45. (In Russ.).
18. Zrazhevskaya T.D., Antonyan E.A. Problems of re-socialization of convicts and persons released from places of deprivation of liberty and ways to solve them. *Byulleten' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*, 2020, no. 8, pp. 38–41. (In Russ.).
19. Zautorova E.V. et al. *Organizatsiya psikhologicheskoi raboty s rodstvennikami osuzhdennykh, sposobnymi okazat' na nikh pozitivnoe vliyanie: metodicheskie rekomendatsii* [Organization of psychological work with relatives of convicts who are able to have a positive impact on them: methodological recommendations]. Moscow, 2021. 18 p.
20. Suslov Yu.E. et al. *Luchshie praktiki i opyt vzaimodeistviya s obshchestvennymi ob"edineniyami, religioznymi konfessiyami i sotsial'no-orientirovannymi nekommerche-skimi organizatsiyami v chasti vospitatel'noi, sotsial'noi i psikhologicheskoi raboty s osuzhdennymi (analiticheskii obzor)* [Best practices and experience of interaction with public associations, religious denominations and socially oriented non-profit organizations in terms of educational, social and psychological work with convicts (analytical review)]. Moscow, 2021. 38 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

ANDREI A. USTINOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, associate professor at the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings of the Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia, ustin33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2848-8592>

Received May 23, 2024

Original article

UDC 343.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008

Forced Feeding and Artificial Feeding of Convicts: Terminological Dispute or Substantive Difference

SERGEI A. AVDYUKHIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru,
0009-0006-9265-2891

Abstract

Introduction: the article discusses the possibility of replacing the term “forced feeding”, used in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation, with the term “artificial feeding”, enshrined in a number of international documents. *Results:* the term “artificial feeding” is by its nature medical (non-legal) and includes several possible ways of feeding a person in an unnatural way: both prohibited by international acts and permitted by them. At the same time, in the declarations of the World Medical Association (WMA), which specifically regulate the actions of doctors in situations where convicts refuse to take food, “forced feeding” refers to any artificial feeding of a convict carried out against his/her will. In this regard, the inclusion of the term “artificial feeding” in the Penal Code of the Russian Federation without changing the essence of domestic regulation of the problem under consideration is pointless, since such a change will still not ensure compliance of domestic legislation with the WMA recommendations, and the term “artificial feeding” does not fully convey the meaning of the institution established in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation. At the same time, although forced feeding can cause physical and moral suffering to convicts, as well as encroach on the autonomy of their personality, it seems inappropriate to exclude the possibility of forced feeding of convicts from legislation, since the institution of forced feeding in the domestic legal system lets the state fulfil its duty to protect the life and health of persons in penitentiary institutions and achieve the goal of correcting convicts.

Keywords: forced feeding, artificial feeding, nutrition of convicts, international standards, penitentiary medicine, deprivation of liberty, goals of penal legislation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdyukhin S.A. Forced feeding and artificial feeding of convicts: terminological dispute or substantive difference. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 289–296. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.008.

Introduction

The institution of forced feeding of convicts for medical reasons, established in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation and largely inconsistent with foreign approaches to the legal regulation of situations when convicts refuse to take food, is still debatable among domestic penitentiary scientists. The content and the term used to name this legal institution are discussed. According to I.A. Davydova, I.N. Korobova and A.N. Siryakov, the term “forced feeding” is vague, does not fully comply with the requirements of international legal acts and should be replaced with “artificial feeding”, which is more correct and reflects requirements of international documents [1, p. 142].

In this article, we will identify how the terms “forced feeding” and “artificial feeding” are presented in domestic and foreign literature and international legal acts to answer the question whether the issue of possible replacement of one concept by another is solely a dispute about terms or there really is an essential difference between these concepts? Taking into account differences in domestic and foreign approaches to the legal regulation of the actions of penitentiary officers in case of refusal of convicts to take food, we will assess the feasibility of including the term “artificial feeding” in domestic legislation.

Methodology

The main provisions of this article are based on works of Russian and foreign scientists, WMA recommendations, provisions of international standards of the United Nations, the Council of Europe, as well as decisions of the European Court of Human Rights. At the same time, it takes into account the fact that the Russian Federation withdrew from the Council of Europe on March 16, 2022 and ceased its participation in a number of European conventions. According to V.I. Seliverstov, this led to the weakened influence of the international legal factor on penal legislation and the practice of execution of deprivation of liberty [2, pp. 21–22]. It weakened the influence, but it did not exclude it. Therefore, though Russia withdrew from the Council of Europe, legislative and law enforcement problems based on European human rights solutions. It should be based on the statement of the Ministry of Foreign Affairs

of the Russian Federation of March 15, 2022 “On the launch of the procedure for withdrawal from the Council of Europe”, according to which “over the years, through joint efforts, much has been done to develop Russian legislation and law enforcement practice, strengthen the system of ensuring human rights in our country, including through the implementation of the norms of the European Convention on Human Rights (ECHR) and the practice of the European Court of Human Rights (ECHR) in Russian legislation”. In this regard, “the already adopted rulings of the European Court of Human Rights will be further in force, if they do not contradict the Constitution of the Russian Federation”. [3]

Research

In Russian literature, the term “artificial feeding” is usually considered as purely medical, and therefore does not require reflection in legal regulation. So, A.P. Skiba and A.A. Pavlenko point out that in medicine, when natural nutrition is impossible (through the mouth), the term “artificial feeding” is used, which includes several ways (ways) of introducing nutrients into the body: 1) enterally (through a gastric or nosogastric probe); 2) parenterally (intravenously or intramuscularly, bypassing the gastrointestinal tract); 3) with the help of a nutritious (drip) enema (this method is used as an auxiliary (additional to other methods) and is designed to inject a large amount of fluid into the body) [4, p. 145].

According to most domestic scientists, forced feeding of convicts from a medical point of view is always artificial feeding, and this fact, due to its obviousness, does not require special reflection in legislation. However, as mentioned above, foreign researchers describe the existence of essential differences between “forced feeding” and “artificial feeding” and indicate the need to consolidate the latter term in national legal regulation.

Thus, in 1975, the WMA Declaration of Tokyo was adopted by the 29th World Medical Assembly, which contains recommendations on the position of doctors regarding torture, punishment and other torments, as well as inhumane or humiliating treatment in connection with arrest or detention. For the first time, this international document consolidated the position on the inadmissibility of the use of artificial feeding in relation to persons who refused to

eat and were capable of forming an unimpaired and rational judgment about consequences of their decision [5]

This approach was developed in the WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers, adopted by the 43rd World Medical Assembly in 1991 and for the first time drew the line between “forced feeding” and “artificial feeding” [6].

At the same time, the wording of the WMA Declaration of Malta in the 2006 edition gives member states of the association some interpretation freedom: on the one hand, the declaration explicitly allows the possibility of artificial feeding of a hunger striker only in situations where such medical manipulation does not conflict with the explicit will of such a person. On the other hand, the declaration prohibits forced feeding, but does not define this concept, and establishes a direct ban on feeding convicts only when it is accompanied by the use of methods of physical or mental violence against a convict or is intended to influence other convicts.

Accordingly, the WMA Declaration of Malta may be interpreted as follows: the declaration allows for the possibility of artificial feeding of convicts even in cases where it contradicts the explicit will of the convict, but is carried out without applying methods of physical or mental influence to him/her (for example, in a situation when a convict who has declared a hunger strike is unconscious or he/she is so weak physically that he/she is unable to resist the staff feeding him/her artificially).

Apparently, the authors of the proposal to include the term “artificial feeding” in Russian legislation were guided by this interpretation of the text of the cited international document. So, I.A. Davydova, I.N. Korobova and A.N. Siryakov indicate that “the proposed term will mean such feeding, which is carried out in order to maintain the lives of convicts, can be used against their will (emphasis added), but without the use of torture methods, humiliation and violence”. [1, p. 148]

Meanwhile, amendments to the WMA Dec-

laration of Malta made by the 68th WMA General Assembly in 2017 show the dubiousness of the above approach to the interpretation of the text of this document. So, in 2017, the text of the declaration was supplemented with the following provision: “all kinds of interventions for enteral or parenteral feeding against the will of the mentally competent hunger striker are to be considered as “forced feeding”. Forced feeding is never ethically acceptable” [7].

In addition, the WMA Declaration of Malta indicated for the first time that rectal hydration, i.e. ensuring the flow of fluid into the body through the rectum using a nutritional enema, is not and must never be used as a form of therapy for rehydration or nutritional support in fasting patients (regardless of the patient’s will) [7].

The 2017 amendments to the WMA Declaration of Malta allow us to conclude that the position of the World Medical Association regarding artificial and forced feeding correlation does not in fact contradict the approach adopted in domestic legal science: the term “artificial feeding” is medical and covers all possible ways of implementing this medical manipulation, while the term “forced feeding” by its nature is not medical, but legal and covers artificial feeding, carried out against the will of the person against whom it is applied.

At the same time, by adopting amendments in 2017 that clarified the content of the terms “artificial feeding” and “forced feeding”, the WMA clearly outlined its position regarding artificial feeding, carried out, although against the will of a starving person, but without using any violence against him/her. From the point of view of the association, any artificial feeding carried out against the explicit will of a starving convict constitutes forced feeding and should be prohibited.

Visually, the stance of the World Medical Association on the relationship between concepts of “artificial feeding” and “forced feeding” and the ethical acceptability of the use of various types of artificial feeding can be presented as follows:

Table 1. Methods of artificial feeding of convicts (according to the WMA)

Artificial feeding		
Method 1 (enteral)	Method 2 (parenterally)	Method 3 (nutritional enema)

It is ethically acceptable if a hunger strike agrees; a hunger striker is unable to express his/her will, there is no pre-expressed prohibition on the use of artificial feeding	It is ethically unacceptable regardless of the will of a hunger striker
It is ethically unacceptable if it contradicts the explicit will of a hunger striker – forced feeding	

The above together makes it clear that the replacement of the term “forced feeding” used in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation with the term “artificial feeding” understood as feeding applied against the will of the convicted person, but without the use of torture methods, humiliation and violence as proposed by I.A. Davydova, I.N. Korobova and A.N. Siryakov, will not solve the task set by the authors – to ensure compliance of domestic regulation of the actions of penitentiary officers in a situation where convicts refuse to eat with requirements of international legal acts.

In such circumstances, the proposal for the need for such a replacement (exclusion of the term “forced feeding” from the norms of current legislation, without excluding the very possibility of feeding a convict carried out against his/her will) is nothing more than the development of a dispute about terms and cannot be considered appropriate. Here are two additional arguments to support this conclusion:

First, the term chosen to name a phenomenon should most accurately reflect the meaning (essence) of this phenomenon. The explanatory dictionary of the Russian language defines the meaning of the adjective “forced” as “committed, carried out not voluntarily, forcibly, under duress”, and the adjective “artificial” as “similar to natural, replacing something natural” [8]. At the same time, it seems obvious that in the absolute majority of cases, artificial feeding of a convict who has declared a hunger strike and has not stopped it until he/she has a life-threatening condition is carried out against the will of such a convict and using certain methods of coercion (i.e., it is inherently forced). It is this circumstance, and not the fact that such medical manipulation replaces the natural way of eating, that is the key feature of the phenomenon under consideration, characterizing it from a legal, not a medical point of view. In this regard, it is the term “forced feeding” that best reflects the content of the legal institution established

in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation.

Second, contrary to the position of I.A. Davydova, I.N. Korobova and A.N. Siryakov, the use of the term “forced feeding” in national legislation does not exclude the possibility of bringing the legal institution in question into line with the requirements of international legal acts, including the requirement of inadmissibility of degrading treatment of convicts. Thus, in the foreign literature it is noted that the content of the term “forced feeding” used in the decisions of the ECHR does not differ significantly from the content of the term “artificial feeding” used in the documents of the World Medical Association. Thus, pointing out in the texts of its decisions the inadmissibility of the use of certain forced feeding methods and the need to limit the scope of artificial feeding of convicts exclusively to cases of threat to their lives, the European Court uses the term “force-feeding” in relation to those cases of feeding convicts carried out against their will, which the court considered to meet the requirements of the European Convention on human rights. [9, c. 29]

Thus, the inclusion of the term “artificial feeding” in domestic penitentiary legislation can be considered appropriate only in the case of a fundamental change in the domestic approach to regulating the problem under consideration and a complete rejection of forced feeding of convicts carried out against their will, i.e. in the case of bringing national legislation into line with the requirements of the World Medical Association (the Russian Federation is not its member). Are such fundamental changes necessary for Russia?

So, it is reasonable to consider motives that prompted the World Medical Association to recommend a complete ban on forced feeding of convicts carried out against their will. The analysis of texts of WMA declarations of Malta and Tokyo reveals the following:

First, the prohibition of forced feeding (as well as any other treatment) of convicts carried out against their will is considered by the

as a guarantee of the realization of the right of convicts to personal dignity. Thus, the WMA Declaration of Tokyo explicitly states that “the fundamental function of a doctor is to alleviate person’s suffering, and no personal, social or political motives can prevail over this most important task” [5].

The same logic (emphasis on the need to respect the dignity of the individual) can be traced in the WMA Declaration of Malta, which directly indicates that “from an ethical point of view, it is better to allow a person to die peacefully (the emphasis added) than to subject him/her to repeated interventions against his/her will” [7].

The second motive is the need to respect the autonomy of the convicted person. The Malta Declaration of the BMA stipulates that “doctors should respect the autonomy (the emphasis added) of persons capable of making independent decisions, even if this is expected to lead to harm” [7].

It should be noted that the above approach, based on the priority protection of the dignity and autonomy of the will of the convicted person, is very common in foreign literature. At the same time, it is no coincidence that the position described above on the need for a complete ban on forced feeding of convicts, carried out against their will, arose precisely in the World Medical Association, i.e. within the framework of the professional association of doctors (an international non-governmental organization). Thus, the researchers rightly point out that these principles stem mainly from research in the field of bioethics, not jurisprudence, and are by no means fully reflected in national legislation and practice of interstate bodies [10, p. 15].

Thus, the study of the ECHR practice, the list of participating countries of which largely echoes the list of states whose representatives participate in the activities of the WMA, allows us to conclude that it is impossible to resolve the problem under consideration solely based on the existence of human rights to personal dignity, personal integrity and autonomy of the will, in isolation from the protection of other rights and freedoms provided for by the 1950 European Convention, in particular the right to life guaranteed by Article 2 of the European Convention.

Thus, the issue of the admissibility of forced

feeding of convicts from the point of view of compliance with the requirements of the ECHR was considered by the European Commission on Human Rights (the predecessor of the European Court) back in 1984 as part of the case “H. against Germany”. In its decision, the European Commission did not deny the fact that forced feeding of convicts contains elements degrading to the dignity of the individual. At the same time, the Commission pointed out the inevitability of a contradiction in such situations between a person’s right to personal dignity and physical integrity and the obligation of a state party to the Convention (Article 2), to take positive actions aimed at saving the life of a person placed in a penitentiary institution. Based on the results of the case examination, the commission concluded that, by carrying out forced feeding of the convicted person, the German authorities “acted solely in the interests of the applicant”, and recognized this practice as not contrary to the requirements of the European Convention [11].

The ECHR was more categorical in its position on the priority of the state’s obligation to preserve the life of a convict (Article 2 of the European Convention) over the observance of the convict’s right to personal dignity (Article 3 of the European Convention) in 2005 when considering the case *Nevmerzhitkii v. Ukraine*. “A measure that is therapeutically necessary from the point of view of generally recognized principles of medicine cannot be considered as inhuman and degrading to human dignity. The same can be said about forced feeding aimed at saving the life of a particular prisoner who refuses to take food” [12].

It is worth noting that the ECHR has taken such a firm position on the possibility of violating the autonomy of the will and personal inviolability of convicts, including using methods containing degrading elements, including due to the fact that the court consistently defends the position regarding the imposition of increased responsibility on the state for the life and health of persons in penitentiary institutions. For example, references to the “special responsibility” of the state for the well-being of such persons and “stricter obligations” of the state to protect their lives can be found in the text of the Ruling of the European Court of Justice in the case “*Pretty v. United Kingdom*” [13].

It should be noted that the above position on the increased responsibility of the state for the preservation of the life and health of persons placed in penitentiary institutions, as one of the grounds for the existence in the legislation of the institution of forced feeding of convicts, used against their will, is reflected in the domestic literature. "As a general rule, it is the right of every person to make a decision on their own, whether they want to live or not, whether they want to eat or not. However, by isolating criminals from society and placing them in a special institution, the state assumes the obligation not only to execute the punishment, but also to preserve their health at the same time" [4, p. 41].

Similarly, in domestic legislation (including in international acts to which the Russian Federation is a party), the position is reflected that the very fact of causing physical or moral suffering to a convicted person is not enough to conclude that the right to dignity of such a person has been violated or a person has been tortured.

Thus, Article 1 of the UN Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment of 1984 defines torture as "any act by which severe pain or suffering, whether physical or mental, is intentionally inflicted on a person". At the same time, the same article of the Convention stipulates that "the definition of torture does not include pain or suffering that arises only as a result of legitimate sanctions, is inseparable from these sanctions or is caused by them accidentally".

Similarly, Article 7 of the Criminal Code of the Russian Federation, which reveals the content of the principle of humanity, indicates that "punishment and other measures of criminal law applied to a person who has committed a crime cannot have a purpose (emphasis added) of causing physical suffering or humiliation of human dignity".

The interpretation of the above provisions makes it possible to understand that both physical suffering and actions that humiliate human dignity to one degree or another are an imminent component of such a type of criminal punishment as deprivation of liberty. Following a significant part of the norms that constitute regime requirements for prisoners (for example, restriction of freedom of movement outside one cell (for convicts held in cell-type premises),

wearing standard-issue clothing, the need to be regularly subjected to personal inspection) causes both physical and moral suffering to convicts. However, these legal requirements are not considered as measures that infringe on personal dignity of convicts, since the purpose of the existence of these norms in the criminal law is not to cause such suffering to convicts, but to achieve punishment goals established by law.

The above together indicates that the fact of causing physical or moral suffering to a person sentenced to imprisonment who refused to eat during forced feeding, with the aim of preserving the life of the convicted person, cannot be considered as a violation of the convicted person's right to personal dignity, and therefore should not become a reason for excluding the institution of forced nutrition, carried out against the will of the convicted person, from domestic legislation.

A similar conclusion can be drawn regarding the argument that forced nutrition violates the autonomy of the convict's will.

Thus, V.I. Seliverstov rightly points out that domestic penal legislation proceeds from the paternalistic (paternal) approach of the state to its citizens (in relation to penal law – to convicts), which is clearly manifested in the proclamation of correction of convicts (that is, the formation of a respectful attitude among them to a person, society, work, norms, rules and traditions of human community and stimulation of their law-abiding behavior) as one of the main goals of penal legislation [14, p. 407].

At the same time, it should be noted that fixing the correction of convicts as the main purpose of penal legislation in Part 2 of Article 1 of the Criminal Code of the Russian Federation fully complies with the requirements of international legal acts to which the Russian Federation is a party. Thus, Part 3 of Article 10 of the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966 establishes that "the penitentiary system shall comprise treatment of prisoners the essential aim of which shall be their reformation and social rehabilitation". Therefore, the preservation of correctional orientation of penal legislation excludes the possibility of abandoning the institution of forced feeding of convicts used against their will.

Thus, proclaiming correction of convicts as

one of the main goals of penal enforcement legislation and the established procedure for completing and serving sentences (regime) as one of the main means of correcting convicts, the state significantly restricts the operation of personal autonomy in the penitentiary sphere. Regime requirements regulate in an almost comprehensive way the vital activity of those sentenced to imprisonment, without assuming the need to take into account the will of the convicted person in relation to compliance with these requirements. In this sense, the fact that forced feeding of convicts to imprisonment is carried out regardless of the will of convicts themselves fully fits into the general model of legal relations that have developed between convicts and employees of penitentiary institutions.

At the same time, a number of penitentiary researchers point out that prisoner's conscious refusal from eating constitutes a violation of the regime of serving punishment on the part of the convicted person [15, p. 81; 16, p. 221; 17, p. 119]. Regardless of whether refusal to eat constitutes a violation of any specific provision of the regime requirements, it seems obvious that failure to take measures aimed at preventing the death of a convicted person who refuses to eat excludes the possibility of further achieving the goal of his/her correction.

Thus, the fact of violation of the autonomy of the will of a convict who is subjected to forced feeding does not contradict fundamental provisions of domestic penal law, based on a paternalistic approach and maintaining a correctional orientation towards convicts.

The above together makes it clear that neither the possibility of causing physical or moral suffering to convicts subjected to forced nutrition, nor the violation of their personal autonomy can serve as sufficient arguments to exclude the provision on forced nutrition of

convicts who refuse to eat, regardless of the direction of their will from domestic legislation. In this regard, replacement of the term "forced feeding" used in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation by the term "artificial feeding" proposed by the World Medical Association is also inappropriate.

Conclusion

The term "artificial feeding" is by its nature medical (non-legal) and includes several possible ways to feed a person in an unnatural way: both prohibited by international acts and permitted by them. At the same time, in the WMA Declaration of Malta, which specifically regulates actions of doctors in situations where convicts refuse to eat, "forced feeding" means any artificial feeding of a convict carried out against his/her will. In this regard, the inclusion of the term "artificial feeding" in the Penal Code of the Russian Federation without changing the essence of domestic regulation of the problem under consideration is impractical, since such a change will still not ensure compliance of domestic legislation with the WMA recommendations, and the term "artificial feeding" is not able to fully convey the meaning of the institution established in Part 4 of Article 101 of the Penal Code of the Russian Federation. At the same time, although forced feeding can cause physical and moral suffering to convicts, as well as encroach on the autonomy of their personality, a fundamental change in existing regulation and the exclusion from legislation of the possibility of forced feeding of convicts carried out against their will should also be recognized as inappropriate, since the existence of the institution of forced feeding in the domestic legal system is aimed at ensuring enforcement the state is responsible for protecting the life and health of persons in penitentiary institutions, and achieving the goal of correcting convicts.

REFERENCES

1. Davydova I.A., Korobova I.N., Siryakov A.N. Rights of convicted person in forced feeding: national and international approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, no. 1, pp. 142–157. (In Russ.).
2. Seliverstov V.I. Enhancing the penal legislation in modern conditions: key factors and directions. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 19–29. (In Russ.).
3. *Zayavlenie MID RF "O zapuske protsedury vykhoda iz Soveta Evropy" ot 15.03.2022 g.* [Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation "On launching the procedure

- for withdrawal from the Council of Europe” of March 15, 2022]. Available at: <https://www.mid.ru/tv/?id=1804379&lang=ru> (accessed June 29, 2024).
4. *Prinuditel'noe pitanie osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Forced feeding of persons sentenced to imprisonment]. Moscow, 2018. 175 p.
 5. *WMA Declaration of Tokyo – Guidelines for Physicians Concerning Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment in Relation to Detention and Imprisonment*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-tokyo-guidelines-for-physicians-concerning-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading-treatment-or-punishment-in-relation-to-detention-and-imprisonment/> (accessed June 9, 2024).
 6. *WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 57th WMA General Assembly, October 2006)*. Available at: https://elearning.icrc.org/detention/en/story_content/external_files/Malta%20Declaration.pdf (accessed June 9, 2024).
 7. *WMA Declaration of Malta on Hunger Strikers (revised by the 68th WMA general Assembly, October 2017)*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-malta-on-hunger-strikers/> (accessed June 9, 2024).
 8. Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation]. Moscow, 2000. 1,210 p.
 9. Elkayam-Levy Cochav. Facing the human rights challenge of prisoners' and detainees' hunger strikes at the domestic level: guidance for policy-makers, government officials, and legal advisors in the management of hunger strikes (September 10, 2015). *Harvard International Law Journal*, vol. 57, 2015.
 10. J Garci -Guerrero. Hunger-striking in prisons: ethics and the ethical and legal aspects. *RevEspSanidPenit*, 2013, no. 15, pp. 8–15.
 11. Ruling on the case “H. v. Germany” (1984). In: *Britanskii sbornik postanovlenii i reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka EHRR* [British collection of judgments and decisions of the European Court of Human Rights]. vol 7. P. 152. (In Russ.).
 12. *Postanovlenie po delu “Nevmerzhitskii protiv Ukrainy” (zhaloba No. 54825/00)* [Ruling on the case “Nevmerzhitskii v. Ukraine” (complaint No. 54,825/00)]. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"appno":\["54825/00"\],"itemid":\["001-68715"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (accessed June 23, 2024).
 13. *Postanovlenie po delu “Pretty protiv Soedinennogo Korolevstva” (zhaloba No. 5129/03)* [Ruling on the case “Pretty v. the United Kingdom” (complaint No. 5,129/03)]. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/ru#{"fulltext":\["Pretty"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/ru#{) (accessed June 23, 2024).
 14. Seliverstov V.I. Correction or re-socialization of convicts: dispute about terms or a change in essence. In: *Shestoi Permskii kongress uchenykh-yuristov: Izbrannye materialy* [Sixth Perm Congress of Legal scientists: Selected materials]. Moscow, 2016. Pp. 399–409. (In Russ.).
 15. Novikov E.E. features of the legal status of convicts, in respect of whom forced feeding is used. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*. 2018, no. 2 (28), pp. 79–87. (In Russ.).
 16. Skiba A.P., Rodionov A.V. Legal status of prisoners sentenced to deprivation of freedom during forced feeding. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Higher School of Economics Journal*, 2018, no. 4, pp. 216–234. (In Russ.).
 17. Shapovalov V.S. On some aspects of the problem of forced feeding of convicts. In: *Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Current issues of ensuring the security of the penal system]. Pskov, 2021. Pp. 115–120. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SERGEI A. AVDYUKHIN – Master’s Student at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Received June 30, 2024

Original article

UDC 343.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.009

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Features of Criminal Prosecution of Persons Subject to Administrative Punishment for Petty Theft)

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: this publication continues the research of the paired category “significant – insignificant” in criminal law carried out through the prism of the requirements the society imposes on criminal proceedings and presented in previous issues of the journal. *Purpose:* to analyze issues of liability and its intersectoral differentiation for petty theft, consider the essence of institutions of “significance” and “insignificance” in criminal law through the prism of the concept of “zero tolerance” to the offense, and develop specific scientific and practical recommendations for legislators and law enforcement officers. *Methods:* historical, comparative legal, dialectical cognition, analysis and synthesis. *Results:* the criminal law doctrine concerning the category of the size of the stolen (“significant”, “large” and “especially large”) is studied. The author analyzes a romantic concept of the “Thaw” period, such as “to transfer all cases of minor crimes to comrades’ courts”, and relatively young institution of “zero tolerance” for persons punished for qualified petty theft according to the rules of the Administrative Code of the Russian Federation (Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation). The author tries to characterize the essence of public danger of crimes in the field of repeat petty theft. Various approaches to determining the nature and degree of levels of public danger of crimes committed by persons already punished for committing petty theft are analyzed. An attempt is also made to carry out a conditional gradation of public danger of the analyzed and heterogeneous category of crimes, depending on public danger of the object of encroachment. The author, among other things, reflects some new ideas of differentiation of the subject of the crimes under consideration. Subsequent articles will present results of the study of the practice of applying provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation contained in the decisions of the First General Jurisdiction Court of Cassation, a substantive analysis of rational and irrational in classifying certain actions as criminally punishable acts, as well as results of the author’s monitoring of the practice of applying Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: insignificance of the act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

Citation: Kolokolov N. A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (features of criminal prosecution of persons subject to administrative punishment for petty theft). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 297–310. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.009.

Introduction

As noted in previous publications [1–2], the institution of “insignificance” known since the most ancient times is not properly formalized in the theory of law and is not always correctly perceived by practitioners.

The statement that “there is nothing more practical than a good theory” is ascribed to a famous physicist L. Boltzmann (1844–1906). At the same time, everyone recognizes that a “good theory” should not only clearly explain existing phenomena, but it should also be able to forecast results of an experiment that has not yet been performed”. Everyone also knows such an important element of the conclusion we are looking for as a judgment: practice is the criteria of scientific truth.

At the same time, the current understanding of the problem (knowledge) should be distinguished from “blissful after-knowledge” (“knowledge in hindsight”), that is cognitive perception of events that have already happened, and “new” knowledge. This “new” or even “newest” knowledge “leaves no stone unturned” from the once “good practical theory”. Experts in the field of criminal law are well aware of how many “good theories” there were in the field of combating “insignificant” crimes.

In this regard, we should mention a resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the Council of Ministers of the USSR of March 2, 1959 “On the participation of workers in the protection of public order in the country”. Its authors relying on “a good Marxist theory” came to the hasty conclusion that labor collectives during the period of extensive construction of communism had a real opportunity to successfully fight against “petty” offenders, including persons guilty of committing “petty” theft [3]. In other words, in those years, not only society, but also the state, were quite tolerant of “petty” offenders; according to the “good”, scientifically sound and “only true theory”, it was not necessary to punish them under the Criminal Code of the RSFSR, it was enough to “scold” perpetrators at a general meeting of the collective.

Half a century passed and the above-described “good” theory was replaced by another “good” theory, according to its authors. It is a concept of “zero tolerance” to persons commit-

ting petty theft. The essence of the “new” theory is that persons subjected to administrative punishment for petty theft provided for in Part 2 of Article 2.27 of the Administrative Code of the Russian Federation (that is, they are officially warned that they mustn’t steal) are already criminally liable for any (the emphasis added) petty theft of other people’s property: the disposition of Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation added to the current Code on July 3, 2016 (323-FZ).

Neither the legislator nor the criminal law theory clarify how this novel relates to Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, is silent, there is no serious research on this issue in the theory of criminal law. At the same time, we cannot but mention that the legislator, having proclaimed in 2016 in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation mandatory criminal liability for any petty theft in conditions of “administrative” prejudice, came into conflict with its own basic premise contained in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which an offense formally containing elements of the act described in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is not a crime.

A comparative analysis of various practices of applying Article 158.1 of the Criminal Code and Part 2 of Article 14 of the Criminal Code helps conclude that bodies conducting preliminary investigation and prosecutors in some cases interpret Article 158.1 of the Criminal Code literally – the size of the stolen does not play any role for qualification. However, the courts do not always agree with this position, in this regard, some (although relatively small) criminal cases initiated under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are terminated at trial due to the insignificance of the act for the absence of corpus delicti.

There’s no question that such an approach to solving the problem can hardly be called a state one, because it turns out that it is not a “petty” offender who must “serve” the state, but the state and society owe this offender something, at least compensation for moral harm.

The relevance of the issues raised by the author is evidenced by the topic of the Fourteenth Russian Congress of Criminal Law held at Lo-

monosov Moscow State University (Moscow, May 30–31, 2024) “Public danger in criminal, penal law and criminology”. Speeches of our leading lawyers Naumov A.V., Rarog A.N. and Klenova T.V. were devoted to the clarification of the “public danger” concept.

Since, according to the firm conviction of the legislator, determining the size of the stolen in matters of theft qualification can be crucial, let us contemplate on the essence of the concept of “size”.

Size of the theft: evolution of the legislator's views in 1996–2024. The current criminal law regulating the incurrance of liability for theft (Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as other forms of theft provided for in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation “Crimes against property”, binds the specific composition of the illegal act and, accordingly, the sanction to “damage” (paragraph “b” of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation) and “size” (parts 3 and 4 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation), that is, the “value”, the “price” of the stolen, at a particular time expressed in rubles.

Initially, from January 1, 1997 (the date of the entry into force of the Criminal Code of the Russian Federation) to December 10, 2003, this “size” was expressed (in the minimum wage (MW). This value, as is known, is a purely calculated category and a priori unstable. In particular, from 1991 until the ruble was denominated in 1998, the minimum wage increased 17 times. On January 1, 1997 (date of entry into force of the Criminal Code of the Russian Federation) the analyzed value amounted to 83,490 rubles. From January 1, 1998, as a result of the denomination, this amount (83.49 rubles) suddenly turned out to be five times less than the subsistence minimum established by that time period – 450 rubles.

At the same time, it should be emphasized that in the 1970s and 1980s, the “threshold” for the incurrance of criminal liability for theft of state and public property was set at 50 rubles, that is an amount commensurate with the minimum income of citizens (approximately 60 rubles) per month. Consequently, the Criminal Code of the Russian Federation toughened the punishment for embezzlement by about five times. According to the first editions of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, a minor who broke the glass of a kiosk and committed theft from it through the window (“penetrated by hand”), for example, a bottle of deodorant (paragraph “b” of Part 2 of the Criminal Code of the Russian Federation as amended from January 1, 1997 to November 3, 2002) was threatened with imprisonment for a period of 2 to 6 years with a fine (according to Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation – a serious crime).

Persons convicted more than twice for similar crimes (paragraph “c” of Part 3 of Article 158

of the Criminal Code of the Russian Federation) were subject to a zero option (emphasis added) punishment in the form of imprisonment for a period of 5 to 10 years with possible confiscation of property.

Personal observations of the author (at that time, a judge of the Supreme Court of the Russian Federation) help conclude that terms of more than 6 years of imprisonment were assigned to persons (including elderly women) who committed petty theft of food and, by and large, their fault was that during the period of “Perestroika” they could not find their place in society.

According to Paragraph 2 of the Note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, as of January 1, 1997, the “large size” in articles of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation meant the property value exceeding the minimum wage by 500 times (83,49x500), that is 41,745 rubles.

The concept of “particularly large size” was absent from the criminal law at that time. As for the size of “petty theft”, since the beginning of the 1990s the “threshold” for the incurrance of criminal liability for theft had amounted to 100 rubles. Only on May 16, 2008, at the initiative of Deputy of the State Duma of the Russian Federation. Volkov A.N (born 1945), this once “sacred” amount of “100 rubles” was immediately increased 10 times. From that very moment, the threshold for the incurrance of criminal liability under Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation amounted to 1,000 rubles and further to 2,500 rubles under Part 2 of Article 2.27 of the Criminal Code of the Russian Federation.

In 2003, the institution of “crimes against property” (Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation) as part of general modernization of the 1996 Code (FZ-162 of December 8, 2003) underwent the first serious “rebranding”. At this turning point in the history of domestic criminal law, the authors of the updated law, without any regret, mercilessly “buried” concepts of “repetition” and “duplicity” having been developed by their predecessors for decades in an instant.

It is worth recalling that earlier in 1996 the authors of the Criminal Code of the Russian Federation changed the concept of a “particularly dangerous recidivist” to a new idea – “recidivism”. In this regard, to relieve the “heavy burden of the past”, the judicial system was obliged from January 1, 1997 to promptly review all previous sentences against “particularly dangerous repeat offenders” according to the rules of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation.

According to Part 3 of Article 89 of the 1960 Criminal Code of the SFSR, theft committed by a “particularly dangerous recidivist” (a qualified kind of duplicity) was punishable by imprisonment from 5 to 15 years. The term “particularly dangerous recidivist” without disclosing the concept was

introduced into domestic criminal legislation on December 25, 1958 (Foundations of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics), on July 11, 1969, the same Foundations were supplemented by Article 23.1 “particularly dangerous recidivist”. On November 11, 1969, the corresponding Article 24.1 was introduced in the Criminal Code of the RSFSR and criminal codes of other Union republics.

According to the authors of this idea, there are a priori “incorrigible persons” who should not be released from places of detention. In the 1980–1990s, the author of the article had a number of criminal cases against particularly dangerous repeat offenders who specialized in committing petty theft. We remember one of them. Korkodel was first subjected to criminal punishment in the form of imprisonment at the age of 12 in 1948 (such existed in the Soviet Union since April 7, 1935 – Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Executive Committee of the USSR No. 3/598 “On measures to combat crimes among minors” plus corresponding amendments to the 1926 Criminal Code of the RSFSR until April 13, 1959, when all these unambiguously odious acts were abolished by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR). As for the case of Korkodel, it was established that by May 1, 1985 (the moment of detention), he had been at large for only 1 year, 3 months and 23 days. Having been released from prison with excellent characteristics and having 700 rubles honestly earned in the correctional facility, Korkodel had no money on the eve of the May holidays when arriving at the relevant police department of the city of Kishinev to be under public administrative supervision. The deputy head of the police I. Kirikov gave the former convict 5 rubles so that he could take a picture and issue a passport. In addition, the same police officer got Korkodel a job at the factory and found him a room in the dormitory. The following day, Korkodel tried to steal personal property, estimated by the owner at 15 rubles (a bag with no consumer value with an old rusty carpentry tool). In this regard, we cannot but recall the answer of one of the convicts to the question of Professor G.A. Krieger (1923–1985) why he would commit crimes again and again: “too harsh living conditions in freedom”.

In a previous publication, we have already noted that even Professor N.S. Tagantsev (1843–1923), speaking about the “crime” phenomenon in 1887, noted its mandatory characteristics, such as “manifestation of personality” and “subject of anthropology” [4]. It would seem that this is a “good theory”, which contains answers to many permanent questions of our time, a doctrine tested by time. However, as fate would have it, wise ideas of Nikolai Tagantsev were neglected.

It is clear why sound judgments of N.S. Tagantsev were ignored by lawyers of the “Thaw” period. For them Nikolai Tagantsev was a bour-

geois scientist who, like his contemporary A.F. Koni (1844–1917), never bothered to accept the revolution in all its diversity [5]. It was the turn of the 1950–1960s, the Third Program of the Communist Party of the Soviet Union was adopted (October 31, 1961), communism was “round the corner”, the state and law were about to self-destruct, therefore, labor collectives would deal with minor offenders themselves without intervention of state bodies.

The Criminal Code of the Russian Federation was developed at a completely different time: by itself, there was no need to destroy “the whole world to the ground”. Nevertheless, it is easier to pull down than to build: developers of the new Criminal Code set the task of destroying many (if not most) of the concepts of their predecessors.

For example, their colleagues, who had been focusing on the modernization of the criminal process since the late 1980s, were so imbued with the ideas of the 1864 Statute of Criminal Proceedings, so carefully read works of the processualists of the XIX century that they saw the future exclusively in the deep past. In particular, Professor L.V. Golovko has recently stated, “I would think about restoring the logic of the institutions of criminal procedure, and this does not even require a pure appeal to French law, it is enough to refer to the Judicial Statutes of 1864 and Soviet law” [6]. The reader can judge on his/her own how effective and indeed how viable the slogan “Forward to the past” is in the organization of criminal proceedings.

Once again, we will only emphasize that neglecting N.S. Tagantsev’s arguments about “manifestation of personality” and the “subject of anthropology” was completely short-sighted. A “life event” was put at the forefront almost out of context with the personality and the surrounding being, which corresponds to ideas of N.S. Tagantsev. However, Nikolai Tagantsev considered crime as a systemic phenomenon, while the authors of the Criminal Code of the Russian Federation took only one element from this whole (act) and began to construct an anti-system – “a new vision of well-known phenomena and problems” [7].

We will continue to analyze categories of “significance” and “insignificance” in modern Russian criminal law.

Significant damage to a citizen (paragraph “c” of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation). From the above moment, according to Paragraph 2 of the Note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, “significant damage to a citizen” in articles of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation “Crimes against property” (with the exception of Part 5 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) is determined with regard to “his/her property status” (the eval-

uation category is the legitimate sphere of judicial discretion), but it amounts to no less than 5,000 rubles (as amended on July 3, 2016 No. 323-FZ)". That is, at the current time, the "significant" is only twice the size of the qualified "insignificant".

For comparison (personal observations of the author), in the Soviet period (the 1980s), thefts of personal property of citizens (with the exception of pocket ones) in the amount of up to 5 rubles were not registered in the crime books, even if there was a suspect.

Since the current criminal law is practically not tied to inevitable inflationary processes in modern conditions, on the one hand, it is safe to state a gradual fourfold tightening of liability from 2016 to 2024, for example, for secret theft provided for in paragraph "b" of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. On the other hand, the legal and technical construction of the law not only significantly expands limits of the legitimate discretion of the investigator, prosecutor and court within the framework of the interpretation of the concept of "property status of the victim".

However, as judicial practice shows, prospects of finding guilty of embezzlement in the amount of over 5,000 rubles are not excluded at all. something extremely insignificant.

This is how the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation regarded actions of the gas station operator S., who fraudulently stole 5,300 rubles from the consumer. However, his actions were initially mistakenly qualified under Part 3 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation – fraud committed by a person using official position. The court of second instance reclassified actions of the guilty party to Part 1 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. The First General Jurisdiction Court of Cassation also agreed with this decision. It was precisely this qualification that the prosecutor of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation insisted on when considering the case in the second cassation court. At the same time, in the criminal case against S. it was initially seen that when receiving money from the victim for possible repairs of the gas station, the guilty party had no selfish motive. There was no answer to the question when S. had a selfish motive and how it was implemented in the case. In such a situation, the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, finding it unnecessary to conduct an in-depth investigation of a deliberately insignificant social conflict, considered it beneficial to terminate the criminal case for a lack of *corpus delicti* [8].

Large and grand size. According to Paragraph 4 of the analyzed note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation: "large size" in articles of Chapter 21 of the Criminal Code of the

Russian Federation (with the exception of parts 6 and 7 of Article 159, Articles 159.1 and 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) refers to the value of property exceeding 250,000 rubles and "grand" – 1,000,000 rubles (as amended of April 23, 2018 No. 111-FZ).

There is every reason to believe (a systematic analysis of explanatory notes to the relevant draft laws) that the values of both "damage" and "sizes" given in the note under study are subjective categories, since in 2003 the authors (Law No. 162-FZ) chose them approximately, "with a margin", since there is no economic justification for the above figures. However, these figures cannot stand against inflationary erosion, which is why they need to be revised as soon as possible.

It is no coincidence that some scientists criticize the legislator for classifying a number of crimes against property (Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation) as serious, for which imprisonment for up to 6 years (for example, Part 3 of Article 158 of the Criminal Code) and up to 10 years (for example, Part 4 of Article 158 of the Criminal Code) can be imposed; at the same time, the maximum penalty for unqualified intentional infliction of serious harm to health (Part 1 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation) does not exceed 8 years in prison.

We cannot but agree with the lawyer K.I. Sklovskii that "a thief is not better than a murderer because he deserves respect, but because he is less dangerous [9]. A similar thought was expressed by the poet Joseph Brodsky (1940–1996) in "Letters to a Roman Friend", "Are you saying that all the governors are thieves? But a thief is nicer to me than a bloodsucker".

We remember that the authors of the Criminal Code of the Russian Federation argued that the law, first of all, had to protect human life and health. We observe that causing death by negligence (Part 1 of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation) is punishable by up to two years in prison, while theft of personal property in excess of 5,000 rubles – up to 5 years in prison [10].

The above arguments about imprisonment terms that can be imposed with the "value" of damage caused by the robber strictly established in the law are most directly related to the categories of "significant" and "insignificant", since they are important and integral elements of a single "ladder of punishments".

N.A. Lopashenko regards a general doctrine of the categories "crime" and "punishment" as bonds of criminal law. She recognizes correlation of punishments for murder and for theft as one of such bonds. In this regard, Professor N.A. Lopashenko writes that "there is nothing more important than human life", therefore, "encroachment on property cannot be punished more severely than

murder”, disregard for this rule destroys the consistency of criminal law [11]. As is known, in the late Soviet period, the Criminal Code of the RSFSR contained Article 93.1 stipulating a death penalty for theft of state or public property that costs more 10,000 rubles (the cost of the iconic GAZ 24 Volga car was originally 9,000 rubles).

Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Partial modernization of the Criminal Code of the Russian Federation, carried out in 2016, within the framework of which the Code was supplemented by Article 158.1 “Petty theft committed by a person subjected to administrative punishment” (as so July 3, 2016 No. 323-FZ) is a vivid evidence of the victory of the “party”, which is against the division of a single “punitive law”[1] into two completely autonomous branches, such as “purely criminal” and “purely administrative”.

Since that moment, the state has stated that it does not intend to limit the fight against petty theft only to the punitive potential of the Administrative Code of the Russian Federation. Therefore, in the current period of time (2016–2024), petty theft of other people’s property committed by a person subjected to administrative punishment for petty theft provided for in Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation is punishable by a fine of up to 40,000 rubles or in the amount of wages or other income of the convicted person for a period of up to three months, or compulsory labor for up to 180 hours, or correctional labor for up to six months, or restriction of liberty for up to one year, or forced labor for up to one year, or arrest for up to two months, or imprisonment for up to one year.

It should be emphasized that if the first petty theft, punishable under Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation, a priori must be qualified (in the amount of 1,000 rubles to 2,500 rubles), then the size of the second act (actually committed in conditions of general recidivism under the punitive law) is not important for the qualification of the act under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

So, for committing a crime under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator traditionally offers the court a choice of several punishments. This repressive potential, for example, was realized by the courts in 2022 as follows. In total, 7,831 people were brought to criminal liability under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, 0 of whom were acquitted, 3,560 people (45.46%) were sentenced to real imprisonment, 1,274 people got suspended sentence under Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation (16.26%), 379 people were sentenced to restriction of freedom, only 450 persons (5.7%) were fined, 555 people were sentenced to correctional

labor, and 1,368 persons – to compulsory labor; medical measures were applied to 30 persons.

The proceedings against specific persons sentenced to imprisonment under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation will be analyzed below. They all share a tendency to commit theft, usually in small amounts (including systematic petty shoplifting). The absence of the acquitted is justified. Being caught red-handed, the perpetrators could not deny the obvious. Almost all cases in this category were considered in a special order, that is, according to the rules of Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The amount of punishment (with a maximum of 1 year in prison) rarely exceeds 8–10 months in prison.

According to paragraph “a” of Part 4 of Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, the commission of a crime under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation does not constitute a recurrence of crimes. What is the purpose of the punishment then? It must be the only one – to try to interrupt a series of petty food thefts. From the moment of detention, the culprit will automatically be provided with food in a correctional facility.

Some representatives of legal science (N.A. Lopashenko, A.A. Tolkachenko) criticized introduction of Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, Professor A.A. Tolkachenko explained his position by saying that persons specializing in committing petty theft of products do not pose a serious danger to society. The fight against them should be shifted from the criminal-legal plane to the social sphere. We would back this position [12]. At the same time, Professor A.A. Tolkachenko does not describe this special social policy and, most importantly, its price? One can assume that the use of a proven mechanism of placing a “petty thief in prison” (“take more, throw further”) at the current moment is both more familiar and cheaper.

Second-class justice? As a general rule, the decision to punish the perpetrator convicted of qualified petty theft is made by the justice of the peace serving the relevant judicial area (Sub-Paragraph 1 of Part 1 of Article 22.1, Part 1 and Paragraph 3 of Article 23.1 of the Administrative Code of the Russian Federation). Also, as a general rule, magistrates consider criminal cases of crimes for which a penalty of no more than three years in prison is provided. For unknown reasons, there is a concept, according to which the judge who considered a case of an administrative offense (predicate act) is not entitled to consider a criminal case derived from it. In order for predicate cases and derivative cases not to be concentrated in the proceedings of one justice of the peace, cases under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation were artificially removed from the jurisdiction of magistrates and

transferred to judges of district courts (parts 1 and 2 of Articles 31 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation).

At the same time, it would not be superfluous to note the following: proceedings according to the rules of the Administrative Code of the Russian Federation at all stages is carried out in the most simplified version. This applies, first, to the body collecting primary evidentiary information, magistrates get only those materials according to which the perpetrators were caught red-handed. The composition of the offense is always complete, since institutions, such as “preparation”, “attempt”, are not used in the Administrative Code of the Russian Federation.

The law does not provide for mandatory prosecutor’s supervision over the collection of material and its presentation in court. There is no classical competition in cases of petty theft; at most the police and the justice of the peace (the latter contrary to Part 3 of Article 123 of the Constitution of the Russian Federation) act on the part of the prosecution, while the person against whom proceedings on an administrative offense are being conducted (Article 25.1 of the Administrative Code of the Russian Federation) and his/her defender (Article 25.5 of the Administrative Code of the Russian Federation) – on the part of defense.

District courts act as an appellate instance in relation to magistrates. Logically, the judge of the district court, who receives for consideration on the merits a criminal case initiated under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and who is well aware of “anti-procedural” conditions of filing a predicate case, must first check it for full compliance with the law.

As a rule, the implementation of this procedure is significantly complicated by the attitude of the defendant (and sometimes his/her defender) to both the decision of the justice of the peace and results of the preliminary investigation under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In fact, persons prosecuted for committing an administrative offense (Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation) and criminally liable under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in both cases, as a rule, were detained red-handed. If they have a defense lawyer in the criminal case, then he/she is appointed (Article 51 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), and the trial itself is often carried out in a special manner (Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation).

At the same time, practice shows that sentences under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation can be canceled due to violations of the rules of consideration of cases under Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation.

It is worth mentioning that if the Administra-

tive Code of the Russian Federation does not apply the institution of attempt, then it is welcome in criminal law, including when applying Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of current judicial practice is offered below.

A criminal case on the theft of a Mars chocolate bar. The defendant F. was previously convicted under 1) Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation; 2) paragraphs “a”, “b”, “d” of Part 2 of Article 162, sub-paragraphs “a”, “b”, “c” of Part 2 of Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation with the application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code to 14 years and 3 months in the correctional facility of a special regime; 3) Part 1 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation to a 1-year suspended sentence; and 4) Paragraph “c” of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation to a 2-year suspended sentence. By the decision of the justice of the peace, he was subjected to administrative punishment for petty theft, provided for in Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation. The preliminary investigation bodies charged F. under Part 3 of Article 30 of Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation for the attempted secret theft of a Mars chocolate bar with a purchase price of 39 rubles 79 kopecks. The court dropped criminal charges for insignificance, F. was rehabilitated.

A criminal case on the theft of two packs of ice cream. The preliminary investigation authorities accused K. of stealing two packs of ice cream in the amount of 413 rubles 78 kopecks under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. By the decision of the Ulyanovsk Railway Court of February 17, 2020, the criminal case was terminated for the insignificance of the deed (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation). In the appeal submission, the state prosecutor asked to cancel the decision of the first instance court, since the minimum amount of such theft in the application of Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is not established by law. Introduction of Article 158.1 in the Criminal Code of the Russian Federation pursued the purpose to prevent commission of repeated petty theft and fix the inevitability of punishment for these acts. At the same time, K. not only did not incur criminal liability, but was also rehabilitated, having received the right to demand compensation from the state for moral damage. The court should also have taken into account the data on the personality of K., who “had been brought to administrative liability for improper exercise of parental rights, the motives for committing her crime had not been related to her property status, caring for children or the state of pregnancy, K. was prone to illegal behavior”. The second instance court did not satisfy the appeal.

The prosecutor approved the indictment and then dropped the charges on two episodes. D. was accused by the preliminary investigation bodies of a series of three thefts from the Pyaterochka store: on March 28, 2019 – in the amount of 477 rubles 51 kopecks; on March 30, 2019 – in the amount of 595 rubles 87 kopecks; on May 21, 2019 – in the amount of 1,864 rubles 71 kopecks. The guilty person's actions in each of the episodes were qualified under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the hearing, the state prosecutor refused to support accusation of committing crimes in March 2019 due to their insignificance. Based on Part 7 of Article 246 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the court terminated the criminal case on these episodes (paragraphs 1 and 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and paragraphs 1–2 of Part 1 of Article 27 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). As for the episode of May 21, 2019, the trial was continued. The decision may be appealed on appeal to the Leningrad Regional Court within 10 days from the date of its proclamation; to the defendants in custody – within the same period from the date of its delivery. In case of filing an appeal, the defendant has the right to petition for his participation in the consideration of a criminal case by the court of appeal, to entrust the implementation of his defense to his chosen defender (by agreement), or to petition the court for the appointment of a defender. There is every reason to assume that there was no evidence for the March episodes other than the defendant's confessions.

“Notorious” Vostretsov. The vulnerability of the construction of criminal prosecution for persons specializing in “insignificant” as well as “petty” theft of other people's property (Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) can be observed in the study results of two criminal cases against Vostretsov (born in 1983). He was sentenced to 2 years and 8 months of imprisonment under paragraph “d” of Part 2 of Article 161 of the Criminal Code of the Russian Federation on October 3, 2014; 2 years and 10 months of imprisonment under Part 3 of Article 30, paragraph “b” of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation with the application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation on November 10, 2014; 6 months of correctional labor under Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation with the application of Article 70 of the Criminal Code of the Russian Federation on July 12, 2017; 9 months of imprisonment under Part 1 of Article 158 of the Criminal Code with the application of Article 70 of the Criminal Code of the Russian Federation on November 29, 2017; 2 years and 4 months of imprisonment under paragraph “b” of Part 2 of

Article 158, Part 1 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation according to the rules of Part 69 of the Criminal Code and with the application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code on December 6, 2017; 2 years and 6 months of imprisonment under Part 1 of Article 158 (4 episodes), according to the rules of Part 69 of the Criminal Code and with the application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation on December 13, 2017; 2 years and 9 months of imprisonment under Part 1 of Article 159, Part 1 of Article 158 (6 episodes), according to the rules of Part 69 of the Criminal Code of the Russian Federation and with the application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation on January 17, 2018; 3 years and 2 months of imprisonment under paragraph “b” of Part 2 of Article 158 (2 episodes), according to the rules of Part 69 of the Criminal Code of the Russian Federation and with the application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation on February 2, 2018. On November 12, 2019, Vostretsov was released on parole for 1 year, 2 months, and 9 days. On March 6, 2020, Vostretsov's parole was canceled, he was sent to a high-security prison for 1 year, 1 month, and 27 days. On September 15, 2020, he was sentenced to 1 year and 10 months of imprisonment under Part 2 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation with the application of Article 70 of the Criminal Code of the Russian Federation. On December 30, 2021, Vostretsov was released. On March 25, 2022, by the decision of the justice of the peace of the judicial district No. 1 in Neftekamsk of the Republic of Bashkortostan, Vostretsov was brought to administrative liability for petty theft under Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation. On October 12, 2022, by the verdict of the Neftekamsk City Court of the Republic of Bashkortostan, Vostretsov was convicted under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (two episodes) and under Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (two episodes) and sentenced to 1 year and 8 months of imprisonment under Part 2 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation. The verdict was left unchanged by the appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of February 2, 2023. By the decision of the Sixth General Jurisdiction Court of Cassation of May 16, 2023, the verdict and the appeal decision were also left unchanged. However, on June 21, 2023, by the decision of the Sixth General Jurisdiction Court of Cassation, the decision of the justice of the peace of March 25, 2022 was canceled due to violations of the rules of territorial jurisdiction, the proceedings on an administrative offense were terminated in accordance with Paragraph 6 of Part 1 of Article 24.5 of the Administrative Code of the Russian Federa-

tion due to the expiration of the limitation period for bringing to administrative liability.

In the cassation appeal addressed to the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, the convict drew attention of the second cassation court to this violation. The prosecutor of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation participating in the process stated the need to terminate the criminal case regarding Vostretsov's conviction under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Taking into account the above, the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation terminated the court rulings against Vostretsov regarding conviction for two crimes provided for in Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation for the absence of *corpus delicti*. In accordance with Paragraph 4 of Part 2 of Article 133 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, he was recognized as having the right to rehabilitation, and according to the totality of other crimes and was sentenced to 1 year and 6 months of imprisonment. So, the bodies that brought a matter in a magistrate's court incorrectly determined jurisdiction. There is no continuous prosecutor's supervision of cases in this category. The magistrate considered the case in violation of the rules of jurisdiction. This error was ignored by the courts of the second and third instances. Vostretsov, "an experienced thief", being aware of the presence of this error, waited for the statute of limitations for bringing him to justice under Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation, appealed to the Sixth General Jurisdiction Court of Cassation and the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation. It is worth mentioning that Vostretsov was also sentenced to 1 year and 8 months of imprisonment under Article 158.1 (2 episodes) according to the rules of Part 2 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation and with the application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation on October 26, 2022. This verdict was overturned by the appeal ruling of January 23, 2023, with the transfer of the case for a new trial. On November 2, 2022, by the verdict of the Neftekamsk City Court of the Republic of Bashkortostan, Vostretsov was convicted under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (acts of June 26, 2022, July 8, 2022, July 13, 2022); Part 3 of Article 30, Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation according to the rules of Part 2 of Article 69 of the Criminal Code and using Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation and sentenced to 2 years in prison. By the appeal decision of the Supreme Court of the Republic of

Bashkortostan of March 16, 2023, this sentence was changed, the return of stolen property was excluded from the number of mitigating circumstances for the crime of July 8, 2022; the imposition of punishment under Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation was excluded. Vostretsov A.V. was sentenced to 1-year imprisonment. By the resolution of the Sixth General Jurisdiction Court of Cassation of June 22, 2023, these sentences were left unchanged.

At the time of the review of the case by the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Vostretsov had been serving a sentence of imprisonment under court verdicts of December 20, 2022 and May 03, 2023. In another appeal addressed to the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, the convicted person in another case drew attention of the second cassation court to the above-mentioned violation of the rules of jurisdiction committed by the justice of the peace. The prosecutor of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation participating in the process supported the convict's complaint. The Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation terminated the court rulings against Vostretsov regarding conviction for two crimes provided for in Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation for the absence of *corpus delicti*. In accordance with Paragraph 4 of Part 2 of Article 133 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, he was recognized as having the right to rehabilitation, according to the totality of other crimes, it was decided to consider Vostretsov sentenced to 1 year 6 months of imprisonment. Following the results of the trial, the court verdicts against Vostretsov were terminated, the criminal case was terminated in accordance with Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code for the absence of *corpus delicti*. In accordance with Paragraph 4 of Part 2 of Article 133 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, he was again recognized as having the right to rehabilitation, in connection with which the convicted person was sent the notification provided for in Part 1 of Article 134 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. At the same time, court rulings regarding the recovery of the justified procedural costs were terminated (The ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 14, 2024 No. 49-UD 23-36-K6). So, Vostretsov committed dozens of petty crimes, for which he was convicted 12 times, almost all sentences were checked by the courts of the second and third instance, two cases against

this person were twice heard by the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation.

“Notorious” Merzlyakov. Low effectiveness of the application of Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation can be assessed on the basis of an analysis of the totality of criminal cases against Merzlyakov (born in 1989). He was sentenced to 3 years of imprisonment under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (eight episodes); paragraph “b” of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation according to the rules of Part 2 of Article 62 of the Criminal Code of the Russian Federation on September 17, 2014; 3 years and 1 month of imprisonment under Part 1 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (episode of August 12, 2014), Part 3 of Article 30, Part 1 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation according to the rules of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation on July 22, 2015. On August 16, 2016, Merzlyakov was released due to the replacement of the unserved part of the sentence with correctional labor (the term of 1 year, 2 months and 11 days). On March 13, 2017, correctional labor was replaced with imprisonment for 4 months and 23 days. On May 17, 2017, he was sentenced to 1 year and 2 months of imprisonment under Part 1 of Article 158 of the Criminal Code (two episodes), Article 158.1 of the Criminal Code (three episodes) according to the rules of Part 2 of Article 69 of the Criminal Code and with the application of Article 70 of the Criminal Code. On June 9, 2017, he was sentenced to 1 year and 3 months of imprisonment under Article 158.1 of the Criminal Code (two episodes) according to the rules of Part 2 of Article 69 and Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation. On June 20, 2017, he was sentenced to 10 months of deprivation of liberty under Part 1 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (episode of April 18, 2017). The punishment under the sentence of June 9, 2017 was decided to be carried out independently (that is, two terms at once). On July 7, 2017, he was sentenced to 1 year and 8 months and with application of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation to 2 years and 6 months of imprisonment under paragraph “a” of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (episode of April 12, 2017). On January 30, 2017, Merzlyakov was subjected to administrative punishment under Part 2 of Article 72.27 of the Administrative Code of the Russian Federation, after which he committed three minor thefts from the Pyaterochka store again (on April 15, 2017 in the amount of 1,774.8 rubles, on April 19, 2017 in the amount of 2,022.8 rubles and in the amount of 721.23 rubles). On August 8, 2017, by the verdict of the justice of the peace of the ju-

dicial district No. 3 in Oktyabrsky of the Republic of Bashkortostan, Merzlyakov, according to the rules of Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, was convicted under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (three episodes) on the basis of Part 2 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation and sentenced to 3 years and 3 months of imprisonment. The verdict was not appealed. The decree of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of April 18, 2018 excluded the instruction on the imposition of punishment according to the rules of Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation (sentence of May 17, 2017) and an indication of convictions for sentences of November 22, 2012 and July 22, 2015. The punishment imposed under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation for each of the three crimes was reduced to 5 months of imprisonment, in accordance with Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation (sentence of July 7, 2017), the punishment was 2 years and 11 months. The cassation appeal addressed to the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation referred to the fact that one theft of April 19, 2017 was less than 1 thousand rubles, that is why it was not a criminal offense, and asked to recognize both thefts as one ongoing crime, qualified under Part 1 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The second cassation court concluded that there were no grounds for qualifying his actions on the episodes of theft of April 19, 2017 as one ongoing crime, since the thefts were committed at different times, a different assortment of goods was stolen each time, and there was no single intent. The amount of stolen property, if it does not exceed 2,500 rubles, after bringing a person to administrative liability for the offense provided for in Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation, and imposing administrative punishment on him, for subsequent criminal prosecution during the term of such punishment, does not matter (The ruling of the Court of Cassation instance - the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 20, 2018 No. 49-UD18-19.). So, Merzlyakov has been sued many times for committing a series of petty and insignificant thefts since 2012. In particular, only for the period from September 17, 2014 to July 7, 2017, he was convicted of committing 18 episodes of embezzlement and sentenced to 15 years of real imprisonment by partial addition of punishments. Of this period, Merzlyakov served less than 5 years. Moreover, in 2016, at the initiative of the correctional facility, a deliberately unsuccessful attempt was made to replace the convicted person’s sentence of imprisonment with correctional labor. After being released from

prison, Merzlyakov continued his criminal activities.

Six obvious mistakes made in the Chernikov case. By the verdict of the Sovetsky District Court of Tambov of May 31, 2021 Chernikov (born in 1980) was for the fourth time sentenced to 4-month imprisonment under Part 3 of Article 30, Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In accordance with Part 5 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation to 11 months of imprisonment. He had been previously sentenced to 4-year imprisonment under Part 1 of Article 161, paragraph “g” of Part 2 of Article 161, paragraph “a” of Part 2 of Article 158, paragraph “c” of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation on March 3, 2017 (released after serving the entire sentence on June 17, 2019); 5-month suspended sentence with a 1-year probation period under Part 3 of Article 30, Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (with regard to changes made by appeal) on January 15, 2021; 10 month of suspended sentence with the probation period of 1 year and 6 months under Part 1 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation on January 28, 2021; and 10-month imprisonment under Part 3 of Article 30, Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on April 28, 2021. It was decided to execute the sentences of January 15 and 28, 2021 independently. Chernikov was taken into custody, the term of punishment was calculated from the date of entry into force of the sentence, in accordance with paragraph “a” of Part 3.1 Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation the time of detention in the period from May 31, 2021 to the date of entry into force of the sentence was counted as the time of serving the sentence at the rate of one day per day. By the appeal decision of the Tambov Regional Court of August 5, 2021, the verdict was left unchanged. As a result, Chernikov was found guilty of attempted petty theft of other people’s property committed on October 29, 2020 in Tambov by a person subjected to administrative punishment for petty theft.

In the cassation appeal, the convicted person, referring to the fact that at the time of the verdict, the decision on the administrative offense case of March 16, 2020 did not enter into force, asked the court decisions to cancel and terminate the criminal case against him.

In the cassation submission, the Deputy Prosecutor of the Tambov Oblast also asked for the latest court decisions against Chernikov to be terminated due to their illegality and unreasonableness. The criminal case against him was considered in a special order; however, according to the conclusion of the outpatient forensic psychiatric examination No. 17-A of January 13, 2021, Chernikov had signs of a mental disorder. In addition, the first instance court did not take into

account that Chernikov had appealed the decision of the justice of the peace of March 16, 2020, that is, at the time of the criminal case in the first instance court, the defendant no longer actually recognized the charge.

According to the resolution of the Second General Jurisdiction Court of Cassation, the verdict and the appeal decision were cancelled, the criminal proceedings were terminated on the basis of Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation due to the absence of *corpus delicti* in the act. In accordance with Part 2 of Article 133 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the court recognized P.V. Chernikov’s right to rehabilitation (Cassation ruling of the Second Constitutional Court dated December 14, 2021 No. 77-4110/2021).

As we can see, the main reason for the judicial error committed in the criminal case against Chernikov was the lack of proper communication links in the systems: “preliminary investigation bodies – courts”, “magistrates – district courts”, “courts of first and second instance”. “An experienced criminal” (according to Soviet legislation – a candidate for “particularly dangerous repeat offenders”), having discovered a mistake made by the preliminary investigation bodies and prosecutors, patiently waited for the moment when his case could no longer be given a “reverse course”, filed a cassation appeal, according to the results of which the court of third instance made an uncontested decision. The prosecutor’s office apologized to the “actually justified” person (Part 1 of Article 136 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). Chernikov’s next step was a leisurely appeal to the court with a claim for compensation for moral damage. As a result, the perpetrator did not only serve his sentence, but also “earned money legally”.

The relevance of this problem is evidenced by the fact that it was discussed at the meeting, held by the Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, Chairman of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Professor V.A. Davydov on May 16, 2024.

The most elementary criminal case against Chernikov has once again highlighted the existence of a whole range of problems in our criminal proceedings. First, we are talking about the legislator’s persistent unwillingness to pay attention to “notorious offenders” specializing in committing petty theft, which was mentioned by Professor N.S. Tagantsev in the XIX century, and the presence of which was taken into account by the legislator in 1958–1996. The above decried cases of Vostretsov, Merzlyakov and Chernikov are direct evidence of the extremely low effectiveness of the analyzed norm (Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) in relation to

malicious violators of social rules. As mentioned above, this problem has been long discussed in legal science. According to Professor T.V. Klenova, the importance of data on the identity of a criminal, clearly underestimated by the legislator, is constantly emphasized by specialists in the field of criminal law [13].

Besides, a single "punitive" process is divided into two formally autonomous procedures: one of which is carried out by the justice of the peace according to the rules of the Administrative Code of the Russian Federation and another by the federal district judge in accordance with the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. It significantly complicates identification and punishment of the offender.

Another problem is almost complete absence of continuous prosecutor's supervision over the movement of all cases of administrative offenses (emphasis added), for which the perpetrators can be brought to criminal liability according to the rules of administrative prejudice. Hence, prosecutors should not track the movement of such cases. They are forced to make conclusions solely on the basis of documents filed in a specific criminal case.

What is more, when considering criminal cases under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, first instance courts got used to rely only on documents filed in a criminal case. There is no practice according to which they must make sure in each specific case that the decision of the justice of the peace, which has a prejudicial value, has entered into legal force.

Besides, the insignificance of the act provokes the courts to consider cases of the analyzed category in a special order, which, in relation to Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, has long become the main one.

Moreover, the insignificance of the act provokes judges to neglect the state of the defendant's mental health.

L.V. Golovko expressed an absolutely correct opinion on this issue, "Our system often proceeds from criminalization of an act, and the punishment is a forgotten child. Everyone thinks of crimes, and penalization is secondary, hence there appears the imbalance" [6].

The relevance of the topic touched upon in this article is confirmed by the totality of a number of dissertation studies [14, 15, 16] and articles [17] devoted to criminological, criminal law and criminal procedure analysis of the practice of applying Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

In particular, T.I. Matyukhina empirically proved that "when criminalizing petty theft, there are technical and legal miscalculations that reduce the effectiveness of the criminal law norm, for example, Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation does not provide for

liability for committing petty theft by a person with a criminal record for theft or extortion, which puts them in a privileged position with respect to persons subjected to administrative punishment under Part 2 of Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation" [15 p. 9, 16 p. 9].

Indeed, in criminology and the theory of criminal law there is no answer to the question why, in the case of petty theft by a "recidivist thief" (a person who has previously been repeatedly convicted of theft), the law enforcement and judicial systems do not have the right to immediately apply criminal measures to him/her, but are obliged to "take a pause", warn the "notorious" about serious intentions by applying to him/her Article 7.26 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Contradicting herself, T.I. Matyukhina, first, writes about humanism [15 p. 8, 16 p. 8], second, mentions "the absence of an obvious degree of public danger inherent in crimes in the act" [15 p. 9; 16 p. 9]. However, later the researcher states that the inclusion of Article 158.1 in the Criminal Code of the Russian Federation "is due to the cumulative (total, synergetic, resultant) effect, depending on the repeated unlawful encroachment on the protected public relation of property rights [15 p. 9; 16 p. 9].

T.I. Matyukhina proposes to supplement Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as follows: "theft of other people's property, the value of which does not exceed two and a half thousand rubles, is recognized as petty" [15 p. 12; 16 p. 12].

As already noted above, we also believe that the legislator, in relation to the concept of "theft" (Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation), due to the specifics of this illegal phenomenon, should still draw a clearer line between criminal and non-criminal not only in the Administrative Code of the Russian Federation, but also in criminal law.

Thus, the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, discussing the issue of the degree of public danger of the act of U., previously convicted and again sentenced to 3-year imprisonment under paragraphs "a", "b" of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation and under paragraph "a" of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation according to the rules of Part 2 of Article 69 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 70 of the Criminal Code of the Russian Federation, carried out a formal calculation of the value of items stolen together with Shch. U. and Shch stole necessary and really valuable property in the household from a pensioner, such as a metal ladder worth 3,000 rubles, sections of a metal fence worth 2,000 rubles, as well as two metal pipes with a total value of 500 rubles (in total – in the

amount of 5,500 rubles), took them to the metal reception point and received 400 rubles. Most likely, the last sum prompted the Judicial Board to judge that there was no significant damage to the pensioner. As a result, their punishment was mitigated (Definition No. 11-UD22-19-K6).

This example probably should have been qualified as a private manifestation of judicial discretion, if not for one thing – it was put up for discussion by interested parties for inclusion in the quarterly review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and, accordingly, in the Bulletin of the Supreme Court. We would like to ask the reader, why the sum of 5,000 rubles is prescribed in the criminal law (Paragraph 2 of the Note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation I.L. Podnosova, opening the plenary session of the Council of Judges of the Russian Federation on May 21, 2024, noted that in the first quarter of this year alone, criminal cases against 30 thousand persons had been terminated by the courts, which had comprised 13.2% of the completed proceedings. Taking into account the analysis of the established judicial practice, we can guess that a significant part of the cases was initiated against persons who committed minor acts. We would like to add that the practice of distinguishing of criminal from non-criminal is still in its infancy.

Some scientific and practical conclusions.

1. The legislator, supplementing the Criminal Code of the Russian Federation with Article 158.1, has actually reanimated (recognized) the institution of “special recidivism”. It is possible to bring to criminal liability a person previously subjected to administrative punishment for petty theft provided for in Part 2 of Article 7.27 of the Criminal Code of the Russian Federation for any petty theft committed once again. However, at the current moment it turns out that persons who commit petty “theft” more than once a year pose a “special danger” to society.

2. Through the so-called “administrative” prejudice, the institution of “repetition” and, to a certain extent, “duplicity” was reanimated and rejected in 2003. The institution of “recidivism” is not reflected in it due to paragraph “a” of Part 4 of Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation. Therefore, the punishment imposed under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot exceed 1 year 6 months of imprisonment (in practice, such rarely exceeds 10 months of imprisonment). At the same time, such an approach to solving the problem is much more humane than the previously existing rules provided for in Part 3 of Article 89 of the Criminal Code of the RSFSR and paragraph “c” of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation as in force from January 1, 1997 to November 3, 2002.

3. The study of the practice of applying Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the one hand, allows us to conclude that criminal cases initiated on clearly insignificant facts (theft of one chocolate bar, two packs of ice cream) are sent to the courts. On the other hand, the punishment options provided for in Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, a priori, are not able to have an adequate impact on persons specializing in petty theft.

4. The multi-step approach to bringing perpetrators to criminal liability for petty theft (first according to the rules of the Administrative Code of the Russian Federation, and then the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) unnecessarily complicates the sentencing procedure (first by the justice of the peace, and then by the federal district court), which inevitably leads to the appearance of criminal procedural errors.

5. It seems reasonable to return to the previously existing uniform procedure for bringing to justice persons who commit petty offenses. It is advisable to assign the decision on the “significance” of what has been done to specific law enforcement officers: interrogators, investigators, prosecutors and courts.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (General Description Of The Problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 32–42. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (in-depth analysis of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 145–155. (In Russ.).
3. Novikov S.G. Principal features of the new Foundations of criminal justice of the USSR and the Union republics. In: *Voprosy sudoproizvodstva i sudoustroistva v novom zakonodatel'stve Soyuza SSR* [Issues of judicial proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR]. Moscow, 1959. P. 45. (In Russ.).
4. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugovnomu pravu. Chast' obshchaya. Vypusk 1* [Lectures on Russian criminal law. General part. Issue 1]. Saint Petersburg, 1887. P. 1
5. Esakov G.A. “You cannot measure the depths of my grief over the desecration of everything that was dear and sacred to me”. A.F. Kony and the Bolsheviks. *Zakon = Law*, 2024, no. 2, pp. 108–123. (In Russ.).

6. Golovko L.V. We need to determine the model of the criminal process for its further development. *Zakon = Law*, 2024, no. 4, pp. 6–20. (In Russ.).
7. Protsenko V.P. *Genesis antisistemy v prave* [Genesis of the anti-system in law]. Krasnodar, 2003. P. 5.
8. Kolokolov N.A. The Supreme Court of the Russian Federation dismissed fraud cases due to the insignificance of acts. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2024, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.).
8. Sklovskii K.I. *Povsednevnyaya tsivilistika* [Everyday civics]. Moscow, 2017. 288 p.
9. Prikhod'ko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. *Ugolovnoe i ugovolno-protsessual'noe zakonodatel'stvo sovremennoi Rossii. Vektory modernizatsii* [Criminal and criminal procedure legislation of modern Russia. Vectors of modernization]. Moscow, 2024. 944 p.
10. Lopashenko N.A. Criminal law bonds in the face of global challenges of mankind. In: *Sovremennye global'nye vyzovy i ikh neitralizatsiya ugovolno-pravovymi, kriminologicheskimi i ugovolno-protsessual'nymi sredstvami: sb. po materialam vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem v ramkakh III Saratovskogo yuridicheskogo foruma "Zakonodatel'naya politika i pravoprimerenie v sovremennoi Rossii" (9 iyunya 2023 g.)* [Modern global challenges and their neutralization by criminal law, criminological and criminal procedural means: proceedings of the All-Russian research and practice conference with international participation within the framework of the III Saratov Legal Forum "Legislative policy and law enforcement in modern Russia" (June 9, 2023)]. Saratov, 2023. 388 p. (In Russ.).
12. Tolkachenko A.A. To discuss the draft federal law in connection with the introduction of the concept of criminal misconduct, or how the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 2017 No. 42 can help the practice of applying a judicial fine. *Zakon = Law*, 2018, no. 1, pp. 137–150. (In Russ.).
13. Klenova T.V. Chapter 5. Crime. In: Savenkov A.N. (Ed.). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: problemnyi kurs dlya magistrrov i spirantov: v 3 t. T. 2. Kniga 1. Ugolovnyi zakon. Zakonodatel'naya tekhnika. Otvetstvennost' v ugovolnom prave. Sostav prestupleniya. Stadii soversheniya prestupleniya. Souchastie v prestuplenii. Mnozhestvennost' prestuplenii* [Criminal law of the Russian Federation: problem course for masters and graduate students: in 3 vols. Volume 2. Book 1. Criminal law. Legislative technique. Liability in criminal law. Composition of the crime. Stages of the crime. Complicity in a crime. Multiplicity of crimes]. Moscow, 2023. 680 p. (In Russ.).
14. Muzafarov I.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za melkoe khishchenie, sovershennoe litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal liability for petty theft committed by a person subjected to administrative punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan', 2021. 25 p.
15. Matyukhina T.I. *Ugolovnaya otvetstvennost' za melkoe khishchenie, sovershennoe litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: avtoref. dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal liability for petty theft committed by a person subjected to administrative punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2023. 26 p.
16. Matyukhina T.I. *Ugolovnaya otvetstvennost' za melkoe khishchenie, sovershennoe litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal liability for petty theft committed by a person subjected to administrative punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2023. 166 p.
17. Zhaitumenova A.R., Kuznetsov A.A. Typical situations of the initial stage of the investigation of petty theft in the form of theft committed by a person subjected to administrative punishment. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, 2022, no. 4 (61), pp. 258–262. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the editorial boards of the journals "Justice of the Peace" and "Criminal Judicial Proceeding", Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Received April 24, 2024

Original article

UDC 342.9

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.010

Improving the System of Social Guarantees for Employees of the Penal System of the Russian Federation

NADEZHDA V. ANISKINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Abstract

Introduction: the article studies problems of legal regulation and practice of providing social guarantees to employees of the penal system of the Russian Federation. *Purpose:* theoretical and legal understanding of the system of social guarantees provided to penal system employees, taking into account the specifics of the sphere of legal realization. *Methods:* general scientific methods of scientific cognition (analysis, synthesis, comparison, induction and deduction), special methods (formal legal, comparative legal, historical). *Results:* the current system of social guarantees provided to penal system employees is studied and their role as a key element in the formation of the legal status of employees and the prestige of service in institutions and bodies of the penal system is substantiated. The problems of legal regulation and practice of realizing social guarantees by penal system employees are identified and the main reasons for their occurrence are established. *Conclusion:* the author proposes to amend current legislation in terms of ensuring the quality and accessibility of social guarantees to penal system employees and develops legal mechanisms for realizing certain types of social guarantees for employees in current conditions.

Key words: social guarantees; social protection; penal system; Federal Penitentiary Service; mechanism of social protection.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

Citation: Aniskina N.V. Improving the system of social guarantees for employees of the penal system of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 311–320. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.010.

Introduction

Over the past decades, the Russian Federation has been reforming activities of public authorities, including improvement of the quality of the current system of social protection of civil servants, including employees of the penal system of the Russian Federation. The state program “Justice” (approved by the Decree of the Government of the Russian Federation

No. 312 of April 15, 2014) stipulates the formation of highly motivated and professional human resources in one of the priority areas for improving the penal system performance. The achievement of this strategic goal is not possible without increasing the social status of prison staff and the prestige of service in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service. In the Concept for the Development of

the Penal System of the Russian Federation up to 2030, an increase in the level of social protection of employees is also indicated in the list of directions for the development of the sphere of public relations under consideration.

Service in the penal system involves risks to the life and health of employees and great emotional and physical overloads. In addition, service is associated with the presence of a large number of restrictions and prohibitions imposed on employees. These circumstances significantly reduce the attractiveness and prestige of service in institutions and bodies of the penal system. So, social and legal protection is an integral element of the legal status of employees, a factor contributing to increasing the prestige of public service and attracting personnel to serve in the penal system.

According to O. Zabolonkova, the volume and complexity of the tasks performed by penal system employees led to the formation of a whole range of various benefits, compensations and guarantees of a social and material orientation in the structure of their legal status [1, p. 55]. We believe that these terms need to be distinguished.

In the context of consideration of this issue, benefits should be understood as one of the types of social protection for public servants, granting them additional rights in connection with service in institutions and bodies of the penal system, as well as their complete or partial exemption from certain duties.

Compensations are certain monetary payments aimed at full or partial reimbursement for certain legally stipulated categories of expenses incurred by employees of the penal system (for example, renting of residential premises), as well as covering personal or property damage caused to an employee.

Guarantees are legal means and methods that provide a factual opportunity for civil servants to exercise their rights, freedoms and duties. According to M.I. Tarasova, guarantees have a so-called "stimulating, compensatory load", which provides for the formation of a mechanism for obtaining a fairly wide range of additional rights and guarantees during service and performance of official duties [2, p. 9]. As we can see, in relation to the sphere of the execution of criminal penalties, guarantees are a necessary condition for the exercise of rights by an employee of the penal system and the fulfill-

ment of his/her duties, which generally ensures proper functioning of institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation. Guarantees form the legal, organizational and financial basis for ensuring the fulfillment of obligations assumed.

Formation of the legal and social state in the Russian Federation involves not only the normative consolidation of a set of social guarantees, but also the creation of conditions for their provision. However, in practice, penal system employees have to face problems of both legal and organizational nature in terms of obtaining social guarantees provided to them, which indicates the lack of an effective mechanism for their implementation.

Research

Basic guarantees of social protection (social guarantees) of service in the penal system are established by Article 33.1 of the Law of the Russian Federation No. 5473-1 of July 21, 1993 "On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation". At the same time, they are revealed in detail in Chapter 9 of the Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 "On Service in the Penal System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Deprivation of Liberty" (hereinafter – the Federal Law on Service in the Penal System) and in the Federal Law of December 30, 2012 No. 283-FZ "On Social Guarantees to Employees of Certain Federal Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (hereinafter – the Federal Law on Social Guarantees), which are complex in nature and within an institutional approach can be considered as the legal basis for ensuring social protection of employees of the penal system.

Based on the content of these normative legal acts, it seems possible to identify the following social guarantees of employees of the penal system: monetary allowances; housing provision for an employee and his/her family members; medical and sanatorium provision for an employee and his/her family members; insurance guarantees to an employee and compensation for damage caused in connection with the performance of official duties; guarantees in connection with dismissal from service in the penal system; clothing and food provision for

an employee; pension provision for an employee and his/her family members.

Social guarantees of penal system employees are an integral element of their socio-legal status and protection, they act as one of the main ways to increase the prestige of service in institutions and bodies of the penal system, to stimulate their professional official activity by forming a sense of demand and security in employees. We cannot but agree with the opinion of A.E. Zinchenko that “the minimum practical result of providing social guarantees to penal system employees should be associated with the creation of a positive image and attractiveness of the service” [3, p. 114].

Thus, social and legal protection of employees of the penal system consists in the provision by the state of a whole range of social guarantees and should be aimed at improving the quality and prestige of service in institutions and bodies of the penal system. However, as practice shows, the implementation of these rights (guarantees) is often difficult or impossible due to various legal and organizational reasons. As a rule, we are talking about a lack of an effective mechanism for legal realization, largely related to insufficient financing, presence of gaps in existing legislation and insufficient regulation of some issues of providing social guarantees to employees.

We will focus on some problematic aspects of the implementation of social guarantees.

1. Providing penal system employees with monetary allowances.

Recently, the issue of the discrepancy between the amount of monetary compensation for penal system employees and the volume, complexity and nature of work has been increasingly raised, which leads to mass dismissals from the system of the execution of criminal penalties. Thus, in March 2024, the Director of the Federal Penitentiary Service A. Gostev stated the 20% shortage of employees as of the end of 2023, which is a critical mark for the effective operation of the entire system. “Given the amount of monetary allowances for employees of the penal system, which is inferior to other law enforcement agencies, urgent measures at the government level are required, despite the difficult economic situation in the country”, A. Gostev noted [4].

In the Russian Federation, the average salary of prison staff is 35–50 thousand rubles, while

in Western Europe and America, service in penitentiary institutions is highly paid and prestigious. A high level of wages of employees of the penitentiary department is also maintained at the international legal level. Paragraph 46.3 of the Standard Minimum Rules for the Treatment of Convicts stipulates that “salaries shall be adequate to attract and retain suitable men and women; employment benefits and conditions of service shall be favorable in view of the exacting nature of the work”.

In the UK, according to the information posted on the government’s official website, an experienced prison officer can expect a salary of 38,165 pounds per year [5], which is approximately 4,389,356.65 rubles, while in the USA – 43–65 thousand dollars per year [6], that is 3,977,930–6,013,150 rubles.

It should be emphasized that in the late 1990s and early 2000s, employees of the penal system could take advantage of free travel on public transport upon presentation of an official ID, had the right to priority installation of home landlines and a discount on payment for housing and communal services in the amount of 50%) [7, p. 67]. Moreover, until 2002, employees’ salaries were not taxed on personal income. Subsequently, the provision of these benefits was replaced by cash payments, that is, the state implemented their monetization, which undoubtedly led to a certain increase in monetary allowances. However, continuous inflationary processes and the global economic crisis of 2008–2013 have once again exacerbated the problem associated with the amount of monetary allowances for employees of the penal system

In 2013, official salaries and salaries for the special rank of employees of the penal service were significantly indexed, types and amounts of allowances, additional payments related to service in the penal system were revised, which led to a significant increase in remuneration of employees. Nevertheless, after more than 10 years, the amount of monetary allowances ceased to correspond to modern realities and urgent needs of penal system employees, which, as rightly noted by A. Mel’nikov, a member of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights, led to staff turnover and understaffing of up to 30–40% of individual institutions of the Federal Penitentiary Service [8].

We believe that one of the criteria for reducing effectiveness of providing employees with a

social guarantee in the form of decent remuneration for their work was the adoption of federal laws, including norms on suspending the operation of Part 5 of Article 2 of the Federal Law on Social Guarantees in terms of increasing (indexing) of monetary allowances of employees (for example, federal laws No. 350-FZ of February 12, 2013, No. 68-FZ of April 6, 2015).

From the above, it can be concluded that at present there is an objective need to revise the amount of monetary allowance of employees towards a significant increase (according to experts, by at least 30–50%), which not only contributes to increasing the prestige of service in the penal system, the formation of a sense of security, but will also act as an important factor of forming anti-corruption policy of the state.

At the moment, the relevant committee of the State Duma of the Russian Federation has made a positive decision on the introduction of draft Federal Law No. 600538-8 “On Amendments to Article 2 of the Federal Law “On Social Guarantees to Employees of Certain Federal Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”” to the Council of the State Duma with the subsequent transfer to the State Duma for consideration [9]. It is proposed to set salaries for standard positions and salaries for special ranks of employees of institutions and bodies of the penal system not lower than those of the corresponding categories of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Naturally, in case of adoption of these amendments, the amount of monetary allowances for employees of the penitentiary system will increase.

2. Housing provision for employees and their family members.

Housing provision for penal system employees provides for the possibility of exercising the right to receive monetary compensation for renting (subletting) residential premises; provision of residential premises of a specialized housing stock, including from the housing stock of the Russian Federation under a social rental agreement; provision of a one-time social payment for the purchase or construction of residential premises.

In 2023, 581 employees and pensioners of the penal system (last year’s figure – 848) could improve housing conditions, including by getting a one-time social payment for the purchase

and construction of residential premises – 304 families (last year’s figure - 384); state housing certificates – 219 families (last year’s figure – 321); residential premises under social rental agreements – 58 families (last year’s figure – 143). Compensation for renting of residential premises was paid to 4,859 employees (last year’s figure – 5,129) [10, p. 35].

As practice shows, the employee’s right to a one-time social payment for the purchase or construction of residential premises is one of the most difficult to implement. The normative basis for the implementation of this right is the Federal Law on Social Guarantees, the Decree of the Government of the Russian Federation No. 369 of April 24, 2013, as well as the Order No. 550 of the Federal Penitentiary Service of October 16, 2014 (hereinafter referred to as Order No. 550).

It should be noted that, on the one hand, the registration procedure in order to receive a one-time social payment is sufficiently transparent, since only a number of formal requirements listed in Article 4 of the Federal Law on Social Guarantees are imposed on the employee. On the other hand, the decision on granting this type of payment is made collectively by the commission, which is formed from among the employees of the relevant institution or organization of the penal system. The current legislation does not provide for any form of control over the work of this commission, which implies a breadth of discretionary powers. We believe that this circumstance appears as a significant corruption-causing factor that can undermine confidence in the existing system of social guarantees.

In addition, we believe that the analyzed method of social support for employees does not provide support measures for those employees who have solved their housing problems on their own, as well as their family members or retired employees. Having shouldered a serious financial burden, this category of employees has also lost the actual opportunity and the right to register for the provision of the considered type of social payment.

It should be noted that with formal compliance with the requirements for queuing for a one-time social payment for the purchase or construction of residential premises, employees face the need to incur additional financial costs associated with the realization of their right to receive the type of social guarantee in

question: to provide documents and various certificates that are issued exclusively on a fee basis (for example, a certificate of absence of real estate in the property – an extract from the Unified State Register of Legal Entities on the rights of an individual to real estate property). We believe that this information should be provided within the framework of interdepartmental interaction and not impose additional financial burden on employees. It is unacceptable to worsen the financial situation of an employee in connection with the exercise of his/her right.

At the same time, we consider it necessary to supplement the list of social guarantees for penal system employees with the possibility of obtaining a service mortgage, which will be provided in the same way and according to the same principles as the so-called military mortgage. Thus, in accordance with the Federal Law No. 117-FZ of August 20, 2004 “On the accumulative mortgage system of housing for military personnel”, absolutely all military personnel can use a military mortgage, it does not depend on the presence of other real estate, marital status or children, but at the same time it imposes requirements for the duration of service in the military armed forces (from 10 to 20 years, depending on individual conditions of service and grounds for termination of the contract). We believe that this will help retain the most experienced and qualified personnel in the penal system of the Russian Federation.

3. Medical and sanatorium support for the employee and his/her family members.

As noted earlier, the passage of public service in institutions and bodies of the penal system is associated with significant risks to the life and health of employees, which is why medical care is included in the system of their social guarantees. Severe conditions of service can provoke the occurrence of nervous and emotional overstrain and health problems. The risk of developing various diseases among penal system increases the likelihood of premature dismissal of experienced employees, including due to illness.

The legislator could not help but pay attention to the need to resolve issues related to the medical provision of employees. In this regard, the Concept for the Development of the Penal System up to 2030 fixes “improving the medical provision of employees of the penal system, providing for the possibility of obtaining medi-

cal care in medical organizations of the state and municipal health systems and ensuring its accessibility”.

The legal basis of social guarantees for medical care of employees of the penal system is based on Articles 11 of the Federal Law on Service in the Penal System; articles 3 and 10 of the Federal Law on Social Guarantees; Part 1 of Article 18 and Part 1 of Article 19 of the Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 “On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation”; the Decree of the Government of the Russian Federation No. 491 of April 24, 2019, which establishes the Rules for medical support for employees with special ranks and serving in institutions and bodies of the penal system, as well as members of their families.

Free medical care for employees of the penitentiary institution is provided in specialized departmental medical organizations, which include medical and preventive institutions of the Federal Penitentiary Service (hereinafter referred to as the medical institution) and the Ministry of Internal Affairs of Russia. In accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1,254 of October 30, 1998 “Issues of the penal system”, medical institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia provide medical care to employees of the penitentiary system in the absence of their own healthcare facilities. The Federal Penitentiary also has 55 centers for medical and social rehabilitation, 7 hospitals for personnel and 74 military medical commissions [11].

Despite the importance of providing medical personnel with professional and high-quality medical care, in practice, employees of the penal system often have to face various kinds of problems. Thus, the provision of medical care to them at medical institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in practice leads to a decrease in its volume and quality, which is confirmed by results of the survey conducted among penal system employees visiting the medical institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vologda Oblast. In particular, there is a lack of an electronic appointment with specialists (to receive appointment vouchers, one has to queue at the registry from 5–6 am); a shortage of therapists and other specialized specialists (long waiting in line for an appointment); a long waiting period for planned

hospitalization in order to provide medical care in public or private organizations of the municipal health care system due to a lack of funding, as well as receiving a referral for instrumental research (for example, ultrasound examination, MRT); a lack of qualified personnel, which leads to a significant decrease in the quality of medical services provided; remoteness of the medical institution from the place of service.

In this regard, Yu.V. Ishkov points out that “the current system of medical support for the personnel of the penal system does not fully ensure the necessary level of accessibility and quality of this assistance to each employee” [12, p. 44].

In the context of considering this issue, it should be noted that the rules on compulsory medical insurance do not apply to penal system employees. Upon admission of a citizen to military service or equivalent service, the validity of the compulsory health insurance policy is suspended for the duration of the specified service by the insured person. Employees are also obligated to submit their personal insurance to any medical insurance organization or territorial fund of compulsory medical insurance (Article 49.1 of the Federal Law No. 326-FZ of November 11, 2010 “On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation”).

Based on the above, we can conclude that penal system employees are not insured in the compulsory health insurance system. This circumstance naturally imposes restrictions on the possibility of choosing a medical organization to receive necessary medical care. Moreover, the departmental system of medical care is not subject to the standards established by the Ministry of Health of the Russian Federation in terms of the volume and quality of their provision, which apply to state and municipal healthcare institutions.

The problems associated with insufficient financing of the public health system and shortage of qualified personnel, in combination, lead to a decrease in the quality of medical services provided and, as a result, to an increase in mortality and disability among the personnel of the penal system. In particular, in 2021, 4,306 insurance cases were registered with employees of the penal service, including 149 cases of death during service and 38 cases of death before the expiration of one year after dismissal from service. Chronic diseases acquired during the period of service in some cases are the ba-

sis for the establishment of the appropriate disability group for employees (pensioners of the penal system). In total, in 2021, disability was established for 275 employees, including 32 – the first group; 97 – the second group; 146 – the third disability group [13, p. 245].

We believe that a systematic approach is needed in solving the problems we have identified. First, it is necessary to increase the volume of budget allocations for medical care of employees of the medical institution. Second, we propose to solve the problems associated with the inability to provide or long waiting periods for high-tech and other medical care at state or municipal healthcare institutions by introducing elements of state medical insurance for employees of the penal system.

4. Insurance guarantees for penal system employees.

At the moment, insurance guarantees provide for mandatory state insurance of his/her life and health, as well as compensation for damage caused to the property of an employee and his/her family members in connection with the official duty performance (Article 12 of the Federal Law on Social Guarantees).

At the same time, the norms of current legislation on compulsory social insurance do not apply to employees of the penal system, in particular, the provisions of Article 8 of Federal Law No. 165-FZ of July 16, 1999 “On the Fundamentals of Compulsory Social Insurance”, which establishes key types of insurance coverage for compulsory social insurance (for example, payment of an old-age pension, payment of an allowance for temporary disability). This, on the one hand, is quite understandable, since, for example, pensions, medical support, and monetary allowances are provided at the expense of the federal budget. While compulsory social insurance is provided at the expense of funds allocated from budgets of state extra-budgetary funds (the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation and the Federal Compulsory Medical Insurance Fund) formed from paid insurance premiums, institutions and bodies of the penal system do not pay insurance contributions in the current system of compulsory social insurance.

On the other hand, employees of the penal system, despite the prohibition to work part-time, are allowed to engage in pedagogical, scientific and other creative activities with the permission

of their direct supervisor (Head) (Part 4 of Article 34 of the Federal Law on Service in the Penal System). This means that an employment contract is concluded with the employee to perform these types of activities. In this case, the employer will be obliged to pay insurance premiums within the framework of compulsory state insurance (Article 419 of the Tax Code of the Russian Federation). Consequently, the rules on pension, medical and social insurance, including periods of temporary disability, should apply to penal system employees for the period of validity of the employment contract. In addition, the provision of these types of insurance is guaranteed by the Constitution of the Russian Federation (Article 75).

However, as practice shows, employees are not able to fully exercise their right to social benefits, for example, in case of temporary disability, as well as to use medical services in the compulsory health insurance system. Thus, in case of illness, an employee of the penal system having a part-time job goes to the medical institution at the place of service to receive necessary medical care and, if necessary, release from official duties. In this case, the temporarily disabled employee gets a medical certificate for sick leave (Paragraph 12 of the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 807 of December 22, 2023). At the same time, the medical certificate for sick leave issued by a medical institution cannot serve as a basis for accruing temporary disability payments to a part-time employee in the framework of mandatory social insurance. As a result, the employee is not paid sick leave and his constitutional right to receive this type of payment is violated.

Such situations are systemic and have a negative impact on the prestige of service in institutions and bodies of the penal system. There is a number of reasons for this. First, the information on the issuance of a medical certificate for sick leave is not transmitted to the Ministry of Emergency Situations in the health insurance system. Second, in the Ministry of Health, an employee is not given a disability certificate (in printed or electronic form), information about which is automatically transferred to the health insurance system, since, as we noted earlier, the rules on compulsory medical insurance do not apply to employees of the penal system. Accordingly, there are no legal grounds for paying for sick leave.

From the above, it can be concluded that the payment of insurance contributions for compulsory social insurance by the employer does not entail legal consequences for the employee in the form of insurance in the compulsory health insurance system and payments for temporary disability. Consequently, legal conflicts and gaps in the current legislation lead to massive violations of employees' rights.

The solution to the problem is seen in the issuance of temporary compulsory health insurance policies to employees working part-time for the duration of the employment contract with the possibility of its subsequent extension (prolongation) in the event of a new employment contract. The fulfillment of the condition indicated by us will allow us to respect the rights of employees to pay temporary disability benefits. In order to implement this proposal, we consider it necessary to supplement Article 49.1 of the Federal Law "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation" with a part of the relevant content.

5. Additional material guarantees for an employee of the penal system.

A promising direction for improving the system of social guarantees for penal system employees is a "return" to measures previously provided to employees, such as monetary compensation of land tax and property tax paid by employees. It should be clarified that the above-mentioned type of compensation was provided for in Article 64 of the Regulations on Service in the Internal Affairs Bodies, as well as Paragraph 18.1 of the Decree of the Government of the Russian Federation No. 941 of December 22, 1993. These norms relate to employees of institutions and bodies of the penal system who were dismissed from service with the right to a pension on the following grounds: upon reaching the age limit, length of service, reduction of staff, illness or a limited state of health, as well as those with a length of service of 20 years or more.

The provision of compensation was purely declarative in nature. For its registration, employees had to contact the department of pension provision of the territorial body of the Federal Penitentiary Service or the financial (economic) division of the territorial body of the Federal Penitentiary Service at the place of service with the following set of documents: application for payment; tax notification of the

calculated amounts of taxes; payment documents confirming payment; title establishing documents for taxation objects.

Despite the demand for this type of material guarantees among pensioners of the penal system, in fact it could only be used until January 1, 2015, since the corresponding amendments were made to Part 4 of Article 19 of the Federal Law on Social Guarantees (Article 7 of Federal Law No. 342-FZ of November 4, 2014 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation").

In the aspect of considering this issue, it seems possible to share the point of view of M.I. Tarasova, who notes that the cancellation of previously provided monetary compensation does not stimulate long-term service and reduces its attractiveness, because upon completion of service, pensioners can no longer count on a highly organized social protection that ensures a decent life [14, p. 76].

We believe that the solution to the problems identified is possible only by amending tax legislation of the Russian Federation in terms of establishing tax benefits for employees, as well as persons who are dismissed with the right to a pension upon reaching the age limit, health conditions or in connection with organizational and staff activities, and those with a length of service of 20 years or more. Taking into account the above, we propose to make the following amendments and additions to the Tax Code of the Russian Federation:

I. To supplement Part 1 of Article 333.35 of the Tax Code of the Russian Federation with a clause providing for the provision of tax benefits to employees of the penal system, as well as pensioners from among the rank-and-file and senior staff of the Federal Penitentiary Service when carrying out registration actions with objects of movable property and state it in the following wording:

1. the following persons shall be exempt from payment of the state fee established by this Chapter:

19) employees of the penal system of the Russian Federation, as well as citizens dismissed with the right to a pension upon reaching the age limit, health condition or in connection with organizational and staff measures, for state registration of ownership rights to land plots, residential premises or shares in them.

II. Part 1 of Article 395 of the Tax Code of the Russian Federation should be supplemented with a clause providing for the provision of tax benefits to penal system employees in the form of exemption from payment of land tax, and state it in the following wording:

14) employees of the penal system of the Russian Federation, as well as citizens dismissed with the right to a pension upon reaching the age limit, health condition or in connection with organizational and staff measures, having a length of service of 20 years or more.

III. To supplement Part 1 of Article 407 of the Tax Code of the Russian Federation with a clause providing for the provision of tax benefits to employees of the penal system in the form of exemption from paying individual property tax, and state it in the following wording:

1. With regard to provisions of this article, the following categories of taxpayers are entitled to a tax benefit:

7.1) employees of the penal system of the Russian Federation, as well as citizens dismissed with the right to a pension upon reaching the age limit, health condition or in connection with organizational and staff measures, having a length of service of 20 years or more.

Thus, tax incentives can act as an effective financial and legal instrument to economically stimulate interest in serving in institutions and bodies of the penal enforcement system.

Conclusion

The prestige of the service in the penal system of the Russian Federation is ensured by establishing a system of social guarantees that contribute to the formation of a high social status of employees. Further reform of the penal system is possible only if the social status of employees is improved by increasing the quality and accessibility of social guarantees. Currently, this is one of the key conditions for staffing the penitentiary system with decent personnel. However, the process of implementing social guarantees provided to employees cannot be called high-quality and effective. We can determine the following reasons for decreased effectiveness of providing social guarantees to employees:

1) financing of the entire system of social guarantees provided to employees of the penal system is carried out on a residual basis, which naturally affects the volume, accessibility and quality of their provision;

2) existence of legal gaps and conflicts regarding the implementation of social guarantees;

3) suspension or termination of certain legal norms establishing social guarantees for employees;

4) a long waiting period for the implementation of certain types of social guarantees;

5) principles of transparency and openness of the procedures for reviewing and making decisions on the provision of social guarantees to employees are not respected.

In order to solve the problems identified we propose:

1. To increase the volume of budget allocations for the implementation of social guarantees for employees.

This is possible only if amendments are made to tax legislation of the Russian Federation. In particular, we propose to develop a progressive scale of taxation for personal income tax: for incomes up to 5 million rubles the rate will still be 13%; from 5 to 25 million rubles – 15%; from 25 to 200 million rubles – 20%; from 200 and more million rubles – 25%. We propose to direct additional personal income tax amounts to the federal budget for covering the state expenditure on increased monetary allowances of employees of the penal system and employees of other law en-

forcement agencies, as well as adequate financing of the current system of social guarantees.

2. To amend current legislation in order to improve legal regulation and the mechanism for providing social guarantees to employees.

3. When conducting classes on service and combat training, to regularly inform the personnel of institutions and bodies of the penal system about the system of social guarantees provided, as well as the procedures for their implementation, since the implementation of legal regulations becomes possible only if the subjects of legal relations are informed.

4. To implement a system for monitoring implementation of measures for social protection of employees.

Thus, the state of legal and social protection of employees has a direct impact not only on the effectiveness of functioning and activities of institutions and bodies of the penal system, but also on the prestige of service in the penal system of the Russian Federation. Our proposals to solve the above-mentioned problems will improve the quality of legal regulation under study, increase the level of social protection of employees and enhance prestige of service in the penal system.

REFERENCES

1. Zabolonkova O. Social guarantees to employees of the Penitentiary Service, FPS, drug control authorities, customs authorities since 2013. *Silovye ministerstva i ve-domstva: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie = Law Enforcement Ministries and Departments: Accounting and Taxation*, 2013, no. 4, pp. 55–66. (In Russ.).
2. Tarasova M.I. On the issue of social guarantees for employees of the correctional system. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2015, no. 3, pp. 9–14. (In Russ.).
3. Zinchenko A.E. P Legal protection and social guarantees of employees of the penal enforcement system of the Russian Federation and their family members as part of the image structure of the penal enforcement system of the Russian Federation. In: *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii (Sankt-Peterburgskii universitet Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 17–18 maya 2021 g.): materialy konf.: v 4 t. T. 3* [Saint Petersburg Penitentiary Conferences (Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, May 17–18, 2021): materials of the conference: in 4 volumes. Volume 3]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 113–115. (In Russ.).
4. *Glava FSIN prizval pravitel'stvo uvelichit' zarplatu sotrudnikam vedomstva* [Director of the Federal Penitentiary Service called on the government to increase the salaries of employees of the department]. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/951629> (accessed April 15, 2024).
5. Stratton C. *How much do prison officers earn? UK salary explained*. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/23059707/how-much-prison-officers-earn-uk/> (accessed April 24, 2024).
6. *How much does a jailer make?* Available at: https://www.glassdoor.com/Salaries/jail-salary-SRCH_KO0,4.htm?__cf_chl_tk=XltqOdBA_EjAviQ3.PKCjI6sHsiun2Vni3Doyl-ZCk8Y-1714027590-0.0.1.1-1663 (accessed April 24, 2024).

7. Burakov T.V. Social guarantees to employees of the penal system of the Russian Federation as one of the conditions for their service. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2020, no. 9, pp. 66–70. (In Russ.).
 8. VONK Moskvyy podderzhali ideyu uvelicheniya zarplat rabotnikam ugo-lovno-ispolnitel'noi sistemy [The ONK of Moscow supported the idea of increasing salaries for employees of the administrative and executive system]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/20528379?ysclid=lvtpqquv yh432876017> (accessed April 29, 2024).
 9. Zakonoproekt No. 600538-8 “O vnesenii izmeneniya v stat'yu 2 Federal'-nogo zakona “O sotsial'nykh garantiyakh sotrudnikam nekotorykh federal'nykh or-ganov ispolnitel'noi vlasti i vnesenii izmenenii v ot-del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii” [Draft Law No. 600538-8 “On Amendments to Article 2 of the Federal Law ““On Social Guarantees to Employees of Certain Federal Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/600538-8?ysclid=lv7hxsyn423498251> (accessed April 30, 2024).
 10. Itogi deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii za 2023 god [Results of the activity of the penal system of the Russian Federation for 2023]. Available at: <https://fsin.gov.ru> (accessed April 25, 2024).
 11. Kratkaya kharakteristika ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed April 5, 2024).
 12. Ishkov Yu.V. Medical, social and organizational bases for ensuring the safety of employees in penitentiary institutions of Russia. *Vestnik AGTU = Bulletin of the ASTU*, 2019, no. 2, pp. 43–50. (In Russ.).
 13. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–mart 2021 g.): inform.-analit. sb. [Key performance indicators of the penal enforcement system (January-March 2021): information and analytical collection]. Tver, 2022. 436 p.
 14. Tarasova M.I. Monetary allowance and social guarantees for employees of the penal enforcement system. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3 (17), pp. 74–79. (In Russ.).
- Information about the author

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NADEZHDA V. ANISKINA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Received May 21, 2024

Original article

UDC 159.9.075

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.011

Features of Child-Parent Relations of Women of Early Adulthood Convicted of Drug Trafficking

NATALIYA O. MAKUKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, makuh.nataly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>

FEDORA YU. POLESHCHUK

Correctional Facility No. 17 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Sheksna, Vologda Oblast, Russia, fedorapoleshuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0095-6151>

Abstract

Introduction: the article presents results of the study of characteristics of child-parent relations among women convicted of drug trafficking serving sentences in a correctional facility in their early adulthood. Knowledge of these features is necessary for penitentiary psychologists, since resolution of family crises is the leading task of the period of the greatest sensitivity of convicted women. A positive resolution of the crisis of the appropriate age period is the key to healthy development of the convict's personality in the future. The study is important for building socio-psychological forecasts, developing psychotherapeutic practice and improving effectiveness of training specialists. *Methods:* the Parental Attitude Research Instrument by E. Schaefer and R. Bell as adapted by T.V. Neshcheret and the "Kinetic Family Drawing" by R. Burns and S. Kaufman were applied in the empirical study, primary statistics and the nonparametric statistical Mann-Whitney U-test were used as mathematical methods of data processing and analysis. *Results:* women aged 21–25 convicted of drug trafficking have excessive emotional distance in child-parent relationships, increased optimism and fantasy. In the same category of convicted women, passivity, rigidity and reduced emotional significance prevail in child-parent relationships. Women aged 26–35 convicted of drug trafficking are characterized by a decrease in the severity of features characteristic of the age of early adulthood. They are more characterized by balance, conflict-free attitude, and a desire for an open discussion of family, in particular, child-parent problems. In relation to children, the manifestation

of strictness and the desire to develop the child's activity is less pronounced. *Conclusion:* in the child-parent relations of women of early and middle maturity convicted of drug trafficking, there are features that should be taken into account when planning and implementing psychological corrective action in correctional facilities and institutions that execute criminal penalties without isolation from society.

Key words: child-parent relations, convicted of drug trafficking, personality traits of women, early adulthood, middle maturity, periodization of E. Erickson.

5.3.9 Legal psychology and accident psychology.

For citation: Makukh N.O., Polishchuk F.Yu. Features of child-parent relations of women of early adulthood convicted of drug trafficking. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 321–328. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.011.

Introduction

According to official statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, there is a steady trend towards a slight decrease in the number of crimes for drug trafficking. At the same time, their share of the total number of crimes remains and ranks second. The basis for ensuring stability of the drug supply process is being improved through the use of information and telecommunication technologies and the expansion of the role of women in supporting this process. Researchers describe personality characteristics of women convicted of illicit drug trafficking as key figures ensuring stability of the drug supply process. There is a symptom complex specific to this category, determining the nature of behavior in various socio-cultural conditions.

Problems of women's crime and drug crime are studied by Adushkina K.V. [1], Antonyan Yu.M., Goncharova M.V., Kurguzkina E.B. [2], Baychorova F.Kh. [3; 4], Belaya O.P., Shcherbakova L.M. [5; 6], Bovin B.G., Moskvitina M.M. [7], Elfimova E.I. [8], Zautorova E.V., Kevlya F.I. [9], Kirillova T.V. [10], Kodaneva M.S. [11; 12; 13; 14], Ovsyannikova M.V. [15], Rakitskaya O.N. [16; 17], Romanova N.M., Syritso A.S. [18], Sochivko D.V., Sochivko O.I. [19], Tsvetkova N.A. [20], Cherkasova M.A. [21], Chertovikova A.S. [22], Canter D. [23], Lombroso C. [24] and others. However, such a factor as the family, acting as one of the most important social institutions, is insufficiently covered, mainly within the framework of describing statistical data on the sample, and is not considered as a full-fledged social phenomenon affecting crime, namely, having an anti-

criminogenic effect. In our country, interest and attention to the structure and development of the family and patterns of child-parent relations have acquired a huge scope in recent decades. In addition to the fact that the value of the family in Russian society is increasing, interest in this topic in Russian psychology is also associated with the fragmentation of theoretical and applied research, and the need to create effective methods of working with the family.

One of the important factors influencing family relations is the image of the family, which is primarily formed by a person in the parental family. Features of child-parent relations as a variety of interactions between parents and children are described by Abramenkova V.V., Abramova G.S., Darinskaya V.M., Druzhinin V.N., Zakharov A.I., Kovalev S.V., Kulikov L.V., Leonard Shierse L., Savina E.A., Sinyagina N.Yu., Smirnova E.O., Sokolov I.S., Solodnikov V.V., Spivakovskaya A.S., Suvorov A.V., Figdor G., Khachaturian S.D., Khomentauskas G.S., Schneider L.B., Eidemiller E.G., Minuchin S., Fishman C.H., etc. The conceptual framework is quite broad and ambiguous. In our study, we adhere to the fact that child-parent relations constitute the most important subsystem of family relations as an integral system and consider them as a system of diverse feelings towards the child, behavioral stereotypes practiced in communication with him/her, as well as the specifics of perception and understanding of the character and personality of the child, his/her actions.

The concept "parental attitude" is fairly broad, but it primarily characterizes an emo-

tional side of these relationships. Thus, E.S. Schaefer and R.A. Bell proposed a dynamic two-factor model of parental relationship based on the identification of emotional (love-hate) and behavioral (autonomy-control) factors, and E.G. Eidemiller singled out three main types of parental relationships: an excessive involvement type (authoritarian control); an excessive detachment type (emotional rejection); and an optimal type.

It is important to pay attention to child-parent relations of those convicted of crimes related to drug trafficking during the period of greatest sensitivity, when resolving family crises is the leading task of age, namely in the period of early adulthood (20-25 years according to the periodization of E. Erickson). A positive resolution of the crisis of the appropriate age period is the key to healthy development of the personality of a convicted person in the period of serving the sentence and after release. Despite a large number of studies on the personality characteristics of women convicted of crimes related to drug trafficking, the topic of child-parent relations in early adulthood remains insufficiently studied. This is important for building socio-psychological forecasts, developing psychotherapeutic practice, and improving specialist training effectiveness.

Research structure and methods

The purpose of this research is to study characteristics of child-parent relationships of women in early adulthood convicted of drug trafficking.

The hypotheses of this study are the assumptions that in child-parent relationships women in early adulthood convicted of drug trafficking are characterized by excessive emotional distance, increased optimism, fantasy and increased emotional significance; women in middle maturity convicted of drug trafficking – by passivity, rigidity and reduced emotional significance.

The study was conducted on the basis of the Correctional Facility No. 1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast. It is the institution of general regime for the detention of convicted women serving a sentence of imprisonment for the first time. The sample is represented by 84 convicts. When dividing respondents into age groups, we relied on the

periodization of E. Erickson, which presents the periods of early and middle maturity.

Experimental group No. 1 (EG 1) – 42 women aged 20–25 convicted of drug trafficking.

Experimental group No. 2 (EG 2) – 42 women aged 26–35 convicted of drug trafficking.

To solve the tasks set, the following methodological tools were used: the Parental Attitude Research Instrument by E. Schaefer and R. Bell as adapted by T.V. Neshcheret and the “Kinetic Family Drawing” by R. Burns and S. Kaufman. Primary statistics and the nonparametric statistical Mann-Whitney U-test were used as mathematical methods of data processing and analysis.

Results of the study

According to results of the “Parental Attitude Research Instrument” by E. Schaefer and R. Bell, no high or low average values were revealed; however, the following features were found in the studied groups.

1. The most pronounced indicators of child-parent relations among convicted women for crimes related to drug trafficking, regardless of age, are “verbalization”, “fear of hurting”, “leveling of relations”.

2. Indicators, such as “feeling of self-sacrifice”, “excessive rigor”, “over-authority of parents”, “development of child activity”, “desire to accelerate child development”, are more characteristic of women of early adulthood than those of average maturity. According to the nonparametric Mann-Whitney U-test, the values were marked as reliable at the level of $p \leq 0.05$.

3. Indicators, such as “family conflicts”, “irritability”, “dissatisfaction with the role of hostess”, “avoidance of conflict”, are more observed among convicts of early maturity. According to the nonparametric Mann-Whitney U-test, the values were marked as reliable at the level of $p \leq 0.01$.

4. The most prevalent type of parent-child relationship among convicted women for crimes related to drug trafficking, regardless of age, is “optimal emotional contact”, and the least one is “excessive emotional distance with the child”. However, the type of parent-child relationship, such as “excessive emotional distance”, is more characteristic of women of early adulthood. According to the nonparametric Mann-Whitney U-test, the values were marked as significantly

expressed ($p \leq 0.01$). Also, the so-called "pedagogical" relationships that ensure upbringing of children are more characteristic of women of early adulthood (a statistically significant indicator $p \leq 0.05$).

Thus, it can be concluded that women convicted of drug trafficking are characterized by such indicators of child-parent relations as the ability to verbalize, fear to hurt and desire to level relations in the child-parent dyad, regardless of age.

At the age of early adulthood (from 20 to 25 years old), convicts have a stronger sense of self-sacrifice being a mother and are dissatisfied with their own role as a housewife. They are characterized by irritability, short temper, more frequent occurrence of conflicts on family grounds, but also they express a desire to avoid open confrontation in the conflict. In relation to children, they are prone to excessive strictness, there is an exaltation of the authority of parents, as well as a more pronounced desire to develop a child.

At the age of middle maturity (from 26 to 35 years), this category is characterized by a decrease in the severity of features characteristic of the age of early maturity. They are more characterized by balance, non-conflict, and the desire for an open discussion of problems. In relation to children, the manifestation of strictness and striving for the development of the child's activity is less pronounced.

The most prevalent type of parent-child relationship among women convicted of drug trafficking, regardless of age, is "optimal emotional contact". However, the indicator "excessive emotional distance with the child" is most often observed among women of early adulthood, as well as relationships that ensure upbringing of children.

When analyzing structural and formal elements of the "Kinetic family drawing" by R. Burns and S. Kaufman, we identified a number of features subsequently combined into the symptom complexes "Favorable family situation", "Anxiety in the family", "Conflict in the family", "Feeling of inferiority in the family situation", "Hostility in the family situation" and compared using the nonparametric statistical Mann-Whitney U-test.

Pressing on the pencil allows us to judge the level of psychomotor tone, general activ-

ity, and emotional tension. The force of the pressure is reflected in the fatness of lines. For women of early adulthood, the predominant types of pressure are both strong and weak in equal proportions. Strong pressure is interpreted as a strong mental stress that has an outlet through ambition or aggressiveness with a tendency to manifest them; perseverance, assertiveness, a tendency to get stuck on certain experiences. Weak pressure demonstrates a lack of self-confidence, timidity, indecision, defenselessness, and also reflects restraint, low energy levels, often signals a decrease in mood, depression. A weak type of pressure is less common for middle-aged women.

As for women of early adulthood, we observe multiple lines and slightly less incomplete lines. The multiplicity of lines is characteristic of a situationally conditioned increase in the level of anxiety. It also indicates that the relevant area is of increased importance to a person and associations with it cause him/her a stress reaction. A line that generally goes in the right direction, but is not completed, also often serves as a manifestation of increased impulsivity. Incomplete lines are less common for middle-aged women.

The predominant size of drawings of convicted women, regardless of age, is medium (from 1/3d to 2/3ds of the sheet). However, the second most common option is different. Enlarged drawings that occupy almost the entire sheet and are common for women of early adulthood are characteristic of people in a state of emotional arousal. Reduced drawings, common for middle-aged women, reflect a sense of humiliation, timidity, and a tendency to some inhibition when interacting with people. A decrease in the size of drawings may indicate a low mood, general lethargy, passivity and reduced self-esteem.

The upward shift of the drawing on the sheet are more common for women of early adulthood and demonstrates a high level of aspirations and an active fantasy life, extreme optimism, which is often not justified. For middle-aged women, the predominant position of the pattern is the central position and upward displacement. The absence of a drawing at the bottom of the sheet indicates perception of the impossibility of real actions regarding family members during the

period of serving sentences in correctional facilities.

In 20% of the drawings of women of early maturity, there is no image of people, instead there is an image of plants, animals, and objects. The absence of family in the drawings means that the authors lack emotional contact with their own family. This may also demonstrate the presence of unconscious negative feelings towards the absent, which are perceived by the author as forbidden (for example, jealousy, aggression). It may also indicate the difficulty of expressing oneself in relation to close people and finding one's place in the family space.

The presence of pets in 15% of the drawings of women of early maturity is a symbol of unmet needs, for example, for support and protection.

The distance at which characters are relative to each other reflects the psychological distance that exists between them. The characters who touch each other are in close psychological contact. Thus, in the drawings of 31 women of early adulthood (74% of the EG 1 respondents) there is bodily contact with all family members; in the drawings of 6 women (14% of the EG 1 respondents) contact is present between parents, but absent with the child; in the drawings of 5 women (12% of the EG 1 respondents) it is completely absent. In the drawings of 24 convicted women of middle maturity (58% of the EG 2 respondents) there is mainly no physical contact with family and in the drawings of 10 women (24% of the EG 2 respondents) it is partially present.

The depiction of a large number of small details means fixation on the rules of order, as well as the family's tendency to hold emotions for a long time. A schematic image of people without individual body parts is observed in the drawings of 24 convicted women of early adulthood (57% of the EG 1 respondents). The sex of a person is depicted by such an attribute as long hair for women and short one for men, as well as names of family members are written.

29 convicted middle-aged women (69% of the EG 2 respondents) present a more detailed image of the family, 31% of these drawings have a landscape and a house background (n=9). Names of parents, relatives, words, such as "home" and "love" are used

as inscriptions in the drawing. As additional items, balloons and hearts are the most frequent images, less frequent are objects in the hands of parents, such as a bouquet, a suitcase, etc. 27 convicted women of early adulthood (64% of the EG 1 respondents) do not have such attributes.

In general, women convicted of drug trafficking has an average level by the "Favorable family situation" symptom complex, a high level by the "Anxiety in the family" symptom complex and a low level by the "Conflict in the family", "Feeling of inferiority in a family situation" and "Hostility in a family situation" symptom complexes.

Thus, it can be concluded that women convicted of illicit drug trafficking at the age of early adulthood are characterized by the severity of hypo- or hyper-tone at the time of examination. There is a pronounced impulsivity, a high level of tendency to fantasize and extreme optimism. This category may have difficulties expressing themselves in relation to close people and finding their place in the family space, as well as their own unmet needs for support and protection. However, they find the sphere of family relations important and seek to maintain psychological contact with members of their parental families.

Women of middle maturity are characterized by an even mood, self-confidence, and conformity to plan. When interacting with people, they may manifest inhibition, passivity, rigidity, and fixation on certain rules. There is weak or no contact with the parent family, distancing, as well as a reduced emotional significance of the family.

Conclusion

The results of the study confirm the hypotheses that such a type of child-parent relationship as excessive emotional distance will be presented more often in the age group of early adulthood than in the group of middle maturity among women convicted of drug trafficking, and the topic of family has increased significance, manifested in increased optimism and fantasy. As for convicted women at the age of middle maturity, passivity, rigidity and reduced emotional significance are observed in child-parent relationships.

Based on the results of the study, recommendations are presented on the general orga-

nization of psychological work aimed at women's awareness of the role of family ties and understanding the importance of family and their own responsibility in it:

- psychological counseling on child rearing, personal development, and role responsibilities (individual, same-generation and intergenerational relationships);
- psychological correction of attitudes towards family relationships of convicted women can be implemented using methods of cognitive

behavioral therapy, transactional analysis, existential therapy, art therapy, positive and family psychotherapy. When organizing this direction, it is necessary to assist convicted women in realizing and emotionally reacting to the existing traumatic family experience, overcoming ineffective ways of interacting in interpersonal contacts with family members, changing the inadequate perception of their family and forming family life plans.

REFERENCES

1. Adushkina K.V. Psychological violence in family relations. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2017, no. 54-5, pp. 245–251. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Goncharova M.V., Kurguzkina E.B. Newborn child murder committed by his mother: criminal legal and criminological problems. *Lex Russica = Russian Law*, 2018, no. 3 (136), pp. 94–114. (In Russ.).
3. Baichorova F.Kh. The murder of a newborn child by a mother. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2018, no. 35-1, pp. 39–41. (In Russ.).
4. Baichorova F.Kh. The formation of the personality of a criminogenic type of woman. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2018, no. 35-1, pp. 36–39. (In Russ.).
5. Shcherbakova L.M., Belaya O.P. Personal psychologic profile of women convicted for violent offenses. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.).
6. Shcherbakova L.M., Belaya O.P. Female and male criminal violence: a comparative analysis. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2015, no. 2 (52), pp. 69–75. (In Russ.).
7. Moskvitina M.M., Bovin B.G. Psychological characteristics of convicted pregnant women. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. – T. 12. – № 1. – S. 15–29.
8. Elfimova E.I. The mechanism of transformation of a victim into a criminal under the influence of domestic violence. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii* [Legal science and practice: almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ed. by Romashov R.A. 2014. Pp. 138–140. (In Russ.).
9. Kevlya F.I., Zautorova E.V. Specific features of family awareness among convicted women in prisons. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2021, no. 11 (234), pp. 58–64. (In Russ.).
10. Kirillova T.V. The experience of implementing a departmental program of socio-psychological work in relation to convicted women with alcohol and drug addiction. In: *Pravovye i npravstvennye aspekty funktsionirovaniya grazhdanskogo obshchestva: sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati zaslužhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora V.P. Malkova. V 2-kh ch.* [Legal and moral aspects of the functioning of civil society: collection of materials of the International Scientific and Practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor V.P. Malkov. In 2 parts]. Cheboksary, 2020. Pp. 431–436. (In Russ.).

11. Kodaneva M.S. On the question of the resilience of female convicts. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivy razvitiya: materialy III Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf.* [The penal system: realities and development prospects: materials of the III International scientific and practical conference]. Pskov, 2021. Pp. 244–248. (in Russ.).
12. Kodaneva M.S. On the structure of the emotional intelligence of convicted women. In: *Diskussionnye voprosy penitentsiarnoi nauki i praktiki: sb. nauchnykh trudov professorsko-prepodavatel'skogo sostava VIPE FSIN Rossii. V 4-kh chastyakh* [Controversial issues of penitentiary science and practice: collection of scientific papers of the faculty of the VILE of the FPS of Russia. In 4 parts]. Ed. by Nekrasov V.N. Vologda, 2022. Pp. 20–26. (In Russ.).
13. Kodaneva M.S. Self-regulation as a resource for the resilience of convicted women. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo: materialy ezhegodnoi Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf.* [Penal system: pedagogy, psychology and law: materials of the annual All-Russian scientific and Practical conference]. Tomsk, 2022. Pp. 255–259. (In Russ.).
14. Kodaneva M.S. Social identity of women convicted of drug trafficking. *Problemy sovremenno-go pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2021, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-identichnost-zhenschin-osuzhdennykh-za-nezakonnyy-oborot-narkoticheskikh-sredstv> (In Russ.). (Accessed September 9, 2023).
15. Ovsyannikova M.V. Features of the manifestation of emotional maturity by female convicts serving a sentence of imprisonment. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 94–108. (In Russ.).
16. Rakitskaya O.N. Self-attitude of convicted women with varying degrees of emotional stability as a condition for their re-socialization in the penitentiary process. In: *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy na sovremennom etape: sb. nauch. tr.* [Topical issues of the activity of the penal system at the present stage: collection of scientific papers]. Vologda, 2018. Pp. 154–158. (In Russ.).
17. Rakitskaya O.N. Valuable orientations of women accused for crimes related to the sales of drug substances. *Problemy sovremenno-go pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2017, no. 57-5, pp. 362–369. (In Russ.).
18. Romanova N.M., Syritso A.S. The factor of childhood and its influence on the formation of the personality of women criminals. In: *Psikhologiya i pedagogika sem'i: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Psychology and pedagogy of the family: materials of the III International scientific and practical conference]. 2018. Pp. 151–156. (In Russ.)
19. Sochivko D.V., Sochivko O.I. Comparative analysis of psychological defenses of the outgoing “I” personality among convicted women violators of the regime and convicted women who have no violations. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific notes of the Lesgaft University*, 2021, no. 11 (201), pp. 582–585. (In Russ.).
20. Tsvetkova N.A. Some socio-psychological aspects of the prevention of recurrent female crime. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2020, no. 2 (213), pp. 45–51. (In Russ.).
21. Cherkasova M.A. Psychological features of family and parental relations of women who previously served imprisonment. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Correction, Punishment, Correction*, 2019, vol. 13, no. 2 (46), pp. 265–270. (In Russ.).
22. Chertovikova A.S. The image of the “I” of convicted women with drug addiction. *Problemy sovremenno-go pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2022, no. 76-4, pp. 414–417. (In Russ.).
23. Kanter D. *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal Psychology]. Kharkov, 2021. 368 p. ISBN 978-617-7528-68-4.
24. Lombroso Ch. *Zhenshchina prestupnitsa i prostitutka* [A criminal woman and a prostitute]. Saint Petersburg, 2017. 349 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NATALIA O. MAKUKH – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Professional Activity Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, makuh.nataly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9159-9132>

FEDORA YU. POLESHCHUK – Psychologist at the Psychological Laboratory of Correctional Facility No. 17 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Sheksna, Vologda Oblast, Russia, fedorapoleshuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0095-6151>

Received May 8, 2024

Original article
UDC 316.35
doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.012

Role of Public Associations in Educational and Social Work in Penitentiary Institutions

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia,
timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

Abstract

Introduction: the article considers problems related to the development of public associations in the penal system. These associations should not only contribute to the social growth of the system, but also act on a deregulated, proactive basis. *Purpose:* to analyze ways of functioning of public associations in the Russian penitentiary system. The research *methodology* is based on: 1) the study of legal foundations for public association functioning; 2) the intent analysis of self-representations of the Federal Penitentiary Service in relation to public associations, which includes information from open sources, statements of authorities, analytical reviews and other non-corporate publications. Quantitative and qualitative approaches are used to process the texts. Online statements suggest internalization of the topic and its active reproduction in a broad social discourse, with references to the history of the phenomenon and its significance for symbolic reproduction. The semantic coding of the topography of public associations is structured by analogy with a “black box” with different inputs and outputs: 1) a strong positive emotion towards public associations in the management level, 2) a certain critical position towards public associations at the grassroots level. Classification of intentions, patterns, and determinants helps change the focus of the study, which makes the analysis interesting and productive. At the same time, public associations have always been in the sphere of media attention in connection with the democratization of institutions, targets for increasing the manageability of systems. *Results:* 1) the practice of public associations is studied, taking into account the position of educational and social work with personnel; 2) problematic issues in the field of functioning of public associations are systematized; 3) solutions to the problem of crime prevention with the participation of employees of the penal system are formulated.

Key words: penal system; public associations; educational work; social work; volunteerism.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Tymoshchuk A.S. Role of public associations in educational and social work in penitentiary institutions. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 320–326. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.012.

Introduction

The popular saying “people are the new oil” redirects our attention to human resource in a knowledge and communication society. The topic is extremely important for management trends, improvement of the security system of the state and society. Various aspects of the problem of the influence of public associations have been studied by a number of authors: 1) public control in modern Russia (V.N. Anikienko, V.P. Belyaev, R.V. Gornev, S.M. Zubarev, T.V. Milusheva, Yu.V. Soboleva, V.K. Samokhvalova); 2) legal aspects of public control (V.V. Grib, L.V. Karnausenko, E.V. Markina, T.N. Mikheeva, R.R. Rakhimova, I.V. Rukavishnikova); 3) impact of digital transformation on public control (N.S. Lisina, N.V. Kuznetsov), 4) citizens’ appeals as a tool to boost effectiveness of interaction between the population and the authorities (A.E. Lapin, N.I. Borisov), 5) public control in the penal system (N.V. Popova, E.A. Safonova, V.V. Fedorov).

The Federal Penitentiary Service, as a large-scale federal structure, is interested in using the resource of public associations. Volunteering and curative activities have stood out as public initiatives due to their resourcefulness [1]. Personal involvement, a sense of unity, empathy, belonging, solidarity, and service are personal qualities of activity without financial benefit, which makes volunteerism an important social phenomenon and draws attention of the state.

Public organizations are created in the process of civic synergy, spontaneous joint interest, unexpected needs for improvement, security, information, social and semantic order. They are built on a deregulated, free basis, with simplified entry and exit procedures, and may disintegrate after solving certain general issues. There are quite a lot of types of public organizations. We will highlight those that may be of interest to law enforcement agencies: charitable, volunteer, religious, sports, creative, professional, cultural, youth, student,

women’s, observational, educational, expert, club, environmental, economic, scientific, and ethnic. They can take various organizational forms: circles, associations, unions, communities, fraternities, councils, NGOs, foundations, movements, and parties. Organizational structures, order of membership, types of activities, and goals are changing, but one thing remains unchanged – public organizations solve social problems without pursuing profit. At the same time, external public associations may have their own interests in obtaining status, consolidating a brand, maintaining influence, aggregating contacts, and carrying out social intelligence for other structures. Public associations operating in institutions of the penal system cannot have goals independent of the organization or those aimed at causing damage to the service.

Public associations are an integral, actively manifested system with certain functions (depending on the direction) and interaction between individuals, groups, structural units, designed to meet socio-political, economic, social and spiritual interests and needs of people.

Public associations include public organizations of various directions, which are based on compulsory membership, created by citizens to protect common interests and achieve their statutory goals in the socio-cultural sphere.

Distribution of voluntary public associations takes into account specific features of the direction and content of their work (public organizations, public movements, trade unions, charitable organizations, children’s and youth associations, informal groups and associations, women’s organizations, veteran public formations, confessional formations, scientific and scientific-technical educational societies, environmental organizations, etc.); the composition of participants (children, youth, adults, pensioners, etc.); forms and methods of activity. Public associations also include veterans, for example the Union of Veterans of

Afghanistan, the Union of Veterans of Chechnya, the Union of Veterans of the SVO, the All-Russian Public Organization of Veterans of the Penal System, etc.

Public organizations, movements, associations, foundations, unions, initiatives, centers, and clubs are structures that are united by the umbrella term “public associations”. They may or may not be registered, but in fact they are initiative, self-governing, voluntary, and non-profit institutions. All these public forms are united by the desire to implement common projects and interests.

The main problem of public associations of the Federal Penitentiary Service, as well as other departmental structures, is that they are not always created from below, as they should, but are used instrumentally, for reporting to supervisory commissions, the prosecutor's office, and the central office. There is an acute problem of psychoemotional burnout [2], professional deformation [3], stress, density and speed of communications [4] in the work of law enforcement agencies. One of the motivations for joining the service is social guarantees; however, in conditions of increased regulation and work pressure, any other work may be perceived as undesirable. Personnel management requires special attention and tact when encouraging employees to participate in departmental competitive events. For example, an employee experiences a syndrome of professional and emotional exhaustion from overworking, and the HR department insistently offers him/her to take part in the Star Destinies couples competition, not taking into account (not knowing?) that the couple is on the verge of divorce due to burnout at work. This causes emotional dissonance. Or a female employee has to take part in the Miss Penal System contest, which not only requires additional financial and time expenses (creating a script, styling, artistic photo in an evening dress, high-resolution video materials), but, most importantly, desire and attitude. This cannot be considered an initiative. All the initiatives offered to employees are well developed. The main problem is that they cease to be a tool for shaping corporate social life when they become mandatory. In other words, the competition, which is supposed to inspire and increase self-esteem, turns into a headache and

exhaustion. Career assertiveness and unprofessionalism in promoting socially proactive forms can create additional problems in the team. Among such voluntary and compulsory initiatives is the dubious procedure for joining the “Colonels club” through the financing of a corporate feast.

Being correctly organized, the Miss Penal System contest discloses creative, image, and social capacities of the Federal Penitentiary Service, because participants demonstrate national costumes, which emphasizes the international character of the federal service and show skills of official activity and physical training, as well as choreographic skills. Many women in the penal system have bright talents and want to take part in such a contest [5].

In conditions of constant excess hours, employees may react negatively to certain types of public associations (women's council, council of young specialists, etc.). In such conditions, only trade unions are in demand. Their activities are aimed not at getting vouchers and organizing sports events, but at addressing acute social issues, such as obtaining housing, accounting for working hours, etc. However, such grassroots trade unions for the rights of security forces are banned in many countries, including Russia, since law enforcement agencies and the army must ensure order, they cannot be destabilized. Issues of labor rationing, burnout prevention, and economic compensation for special conditions of service should be resolved without creation of public associations for the protection of labor rights, through memos, parliamentary inquiries, and expert assessments. It is impossible to bring the military community to the point where it creates public associations that are disloyal to the state. It is clear that the issue of shortage and low wages is complex and cannot be solved with money alone. However, there is a reliable method to remove the problem of professional burnout of employees by reducing paper load, eliminating unnecessary, “representative” functions, and creating a more effective regular management system without redundant reports [6].

Does it mean that public associations have no future due to the workload of employees of the Federal Penitentiary Service? The situ-

ation is not simple. Public associations have great potential in the situation of a set society, the subjects of which are all subordinates in the hierarchy of the Federal Penitentiary Service. When users of a corporate resource participate in making decisions about its use, they are more likely to follow the rules they helped create. A strong social bond contributes to the employee's long-term embeddedness in the corporation, his/her responsible behavior, and loyalty to the organization. Thanks to public associations, the organization earns social capital, which can be used in more efficient performance of tasks and processes, spent during overcoming difficult periods of the business cycle. Horizontal links provide an off-market effect of sustainability and efficiency. The synergetic effect of the social is the answer to the question of why institutions of a non-market, non-administrative nature are required, they contribute to sustainable resource management. Productivity, trust, various forms of cooperation, stability, collectivism, legitimacy are the fruits of grassroots forms of interaction [7].

Public associations make formal structures friendly to citizens. However, the right decisions descend on overloaded employees who "don't have time for women's councils".

There are initiative groups that are successful in their public activities. The Women's Council in the Directorate of the Federal Penitentiary Service in Stavropol Krai unites employees with an active life position who are not indifferent to the fate of colleagues. It performs a variety of tasks, such as assistance to widows, families with many children, assistance in improving living conditions.

Promotion of official discipline strengthening and establishment of a comfortable moral and psychological climate is the merit of the Women's Council. It deals with difficulties in the family, misunderstandings with management, disturbing signals, and leisure activities. The Women's Council participates in the discussion of plans to improve activities of penitentiary institutions and consists of 96 active members of regional associations [8].

In general, there are three models of interaction with public organizations in the Federal Penitentiary Service: developed, moderate and minimal. The most developed model is inherent in educational organizations, since cadets under-

go training there. In other words, cadets of the Federal Penitentiary Service are the main target resource and consumer of the services of public organizations (veterans, officers, and museum councils). A moderate model is represented by regional departments of the Federal Penitentiary Service, due to the fact that they consistently implement all decisions and initiatives of the central office. A minimal model is implemented in most institutions of the penal system (with rare exceptions, where there are enthusiastic social workers). Correctional facilities, prisons, and inspections are focused on their main functions, and there is neither strength nor time left to maintain public associations. This raises the question of the role of public associations in educational and social work with personnel and prevention of offenses committed by employees. It is proportional to the degree of presence of public structures in the organization.

Thus, problems of public associations appear when the principle of initiative is violated, initiatives are not public, they do not come from below. It may be objected that it is not worth waiting for an initiative from employees. This is not quite true. Many veterans show a sincere interest in public service. Scientific schools and scientific circles in educational organizations of the Federal Penitentiary Service are initiative and based on the enthusiasm of teachers. Processes of self-organization of social activists in collectives also constitute positive examples. Let us consider several activity areas of public organizations.

Mentoring. Such a social form as mentoring is designed to stabilize activities of departments, reduce shortages, number of penalties, dismissals in the first year of service [8]. Positive experience to organize mentor councils has been gained: 1) the work of mentor councils significantly facilitates control of the inclusion of a young employee in official activities; 2) the effectiveness of mentoring depends on the level of training of mentors themselves; 3) a mentor training program consists of lectures, seminars and practical exercises; 4) mentors councils have authority in institutions, as they deal with social issues, such as purchase of sports equipment, repair of the gym, improvement of working conditions and services; 5) mentoring, methodological work and training of mentors are encouraged by the leadership [9].

Activity of public councils. Despite the fact that public councils take pains to assist convicts (improve material and living conditions, assist in re-socialization), they do not forget about employees and help conduct children's programs, military field games, and events to promote a healthy lifestyle. It also contributes to strengthening institutions of order and civil society [6].

Media personalities are involved in activities of public councils, which improves the image and functionality of the penitentiary system. Thus, famous psychologist M.I. Khas'minskii served in law enforcement agencies at one time, then faced the need to overcome a serious illness, and after recovery embarked on the path of helping people through the tools of crisis psychology. As an expert and media personality, he creates a positive image resource for the Public Council at the Federal Penitentiary Service of Russia. Mikhail Khas'minskii chose interaction with employees of the penal system as the main direction, because, he believes that this people who determine the state of the penitentiary system. The psychologist, visiting institutions of the Federal Penitentiary Service, shares knowledge useful both in professional and daily life, conducts seminars on suicide prevention, family values; informs the leadership about problems of officers and enlisted personnel [10].

There are other forms of interaction with public organizations" 1) invitation of veteran snipers [11]; 2) individual educational talks [12]; 3) meetings with the leaders of the service [13]; 4) interaction with law enforcement agencies [14]; and religious organizations [15]; 5) cultural events [16]; 6) invitation of social activists [17]; 7) support for grassroots initiatives [18]; 8) assistance in improving living conditions [8].

Thus, various forms of work of public associations act as a factor in strengthening the discipline of penal system employees. Veteran, officer, and cadet museum councils are especially important for educational and social work with personnel and prevention of accidents involving employees. Cadets have to answer to formidable and caring colonels.

Some problems with the functioning of public associations are connected with extra duties of employees, overpressure, and the desire to obtain positive reporting.

Conclusions

Public associations in the penal system are called upon: 1) to improve the manageability of institutions, using the initiative from below; 2) to assist in solving social and household problems; 3) to meet various leisure needs.

Public associations are local, do not have legal rights, territorial administration, and operate at the particular institution. Their number in the penal system exceeds five thousand units, and they unite more than 60 thousand employees.

The conducted assessment of public associations operating in institutions of the penal system, their participation in educational and social work with personnel and prevention of offenses on the part of employees allows us to draw the following conclusions:

- ethical public initiatives such as mentor, course, faculty, and cadet councils and officer meetings should be ranked first by importance;
- the work of veteran councils should be recognized as significant;
- familiarization of new employees with public associations helps join the team and adapt;
- the use of public associations (officer meetings, cadet associations, mentoring) contributes to the prevention of corruption, acquisition of positive service experience and neutralization of negative trends (suicide, disciplinary violations, administrative and criminal offenses);
- the negative opinion that the role of public associations is exaggerated, their real impact is gradually fading away, employees are forced to join them, and real grassroots enthusiasm is a fiction is an emotional hypertrophied reaction;
- a more detailed consideration of the issue demonstrates contribution of public organizations aimed at education and transfer of experience. Veterans are acutely aware of reforms of law enforcement agencies and difficulties young employees face. Many of them are ready to find time, words and personal attention for the teams where they have worked for a long time;
- positive changes in the behavior of an employee who is prone to misconduct are possible through interaction with public structures, provided they are informally filled with values;

– the reluctance of employees to take part in public associations can be overcome if employees of educational departments have professional knowledge, initiative, creativity, empathy, and motivation;

– it is important to reward employees for educational work during the quarterly review of results of official discipline and non-admission of illegal acts.

REFERENCES

1. Semenov I.A. Innovative forms of caritative activity. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Vectors of Well-Being: Economics and Society*, 2021, no. 4 (43), pp. 81–90. (In Russ.).
2. Polivaeva N.P. Professional burnout of employees of law enforcement agencies and UIS: signs and ways of overcoming. In: *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS* [Actual problems of the activities of penal system units]. Voronezh, 2012. Pp. 706–712. (In Russ.).
3. Morozov V.M., Timoshchuk A.S. Psychological stress of teaching staff of the penal enforcement system. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 4 (14), pp. 29–34. (In Russ.).
4. Aligaeva N.N. A modern view on the problem of urgent addiction among law enforcement officers. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4, pp. 247–252. (In Russ.).
5. Muzykin A. The feast of beauty and grace. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 7, pp. 46–53. (In Russ.).
6. Timoshchuk A.S. Dialectics of social development: evolution and revolution. In: *Revolyutsiya i sovremennost': mat. nauch.-praktich. konf.* [Revolution and modernity: materials of scientific and practical conference]. Vladimir, 2017. Pp. 204–207. (In Russ.).
7. Ostrom E. *Upravlenie obshchim. Evolyutsiya institutsii kollektivnogo deistviya* [General management. Evolution of institutions of collective action]. Kiev, 2013. 400 p.
8. Mamedova A. Mercy, kindness, complicity. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 3, pp. 50–53. (In Russ.).
9. Zhalnina S. Steep turns of life. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.).
10. Morozova V. Life is a marathon. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 8, pp. 26–27. (In Russ.).
11. Bobrov D., Gofman A. Luck loves the brave. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 8, pp. 49. (In Russ.).
12. Vladimirov S., Akhmetova A. Service based on experience. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2023, no. 10, pp. 58–61. (In Russ.).
13. Kravcheno Yu. Experience, wisdom, professionalism. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 10, pp. 54–55. (In Russ.).
14. Kuznetsov M. The connecting thread of generations. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 1, pp. 50–53. (In Russ.).
15. Parkhomenko A. “Yardam” rushes to the rescue. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 7, pp. 38–39. (In Russ.).
16. Press service of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Sakha (Yakutia). A quarter of a century at the post. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2022, no. 6, pp. 60–61. (In Russ.).
17. Zhukov V. Emphasis on resocialization. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2023, no. 8, p. 11. (In Russ.).
18. Konev K. Service with a mentor. *Prestuplenie i nakazanie = Crime and Punishment*, 2021, no. 2, pp. 36–37. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK – Doctor of Sciences (Philosophy), professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

Received June 11, 2024

Original article

UDC 37.013.74

doi 10.46741/2686-9764.2024.67.3.0013

Anti-Corruption Education of Junior Schoolchildren from the Perspective of Comparative Pedagogy

OKSANA B. PANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Abstract

Introduction: the article substantiates the expediency of organizing and conducting educational work on the formation of an anti-corruption worldview in younger schoolchildren; characterizes anti-corruption education of junior schoolchildren in terms of the ethical and legal approach that unites representatives of progressive domestic and foreign pedagogical schools; describes Russian and foreign innovative models for anti-corruption education to strengthen morality of children and form their inner readiness to behave in accordance with socially accepted ideas. The relevance of the study is due to the insufficient coverage of the problem of anti-corruption education of younger schoolchildren in terms of their ability and readiness to adequately perceive and comprehend corruption in terms of describing effective forms of organizing educational and extracurricular activities. *Methods:* theoretical analysis of the research problem, comparative analysis, generalization and systematization of pedagogically significant information and normative documents, description of elements of pedagogical experience based on Russian and foreign sources of information. *Purpose:* to substantiate the importance of organizing anti-corruption education in primary schools, as well as to identify innovative approaches in the Russian and foreign experience to organizing anti-corruption education of younger schoolchildren. *Results:* when studying the pedagogical theory and practice presented in scientific and methodological works of Russian and foreign authors, the author comes to a conclusion about the importance and expediency of anti-corruption education of younger schoolchildren. The comparative analysis reveals common trends and differences in anti-corruption education of primary school children in different countries. General trends reflect the priority attention to the development of the child's ethical and legal axiosphere in the course of his/her inclusion in various types of interactive activities. The most obvious contradiction between Russian and foreign practices lies in the content area. In domestic models of anti-corruption education of younger schoolchildren, emphasis is placed on morality and provides for the direct linking of the object of understanding to specific corruption-related events and facts. In foreign countries younger schoolchildren are absorbed in specific anti-corruption context, which ensures convergence of educational work with real life and increases effectiveness of anti-corruption education. A cross-cultural comparison of the considered pedagogical approaches indicates the relevance of using foreign experience in domestic practice against the background

of the existence of different pedagogical views on the essence of anti-corruption education. The information obtained in the course of this study can serve as a basis for determining the content and means of anti-corruption education by primary school teachers in solving a wide range of tasks of educational work with younger schoolchildren, as well as changing pedagogical consciousness of those teachers whose pedagogical activities are focused on the priority use of information and educational tools. The study is relevant for law enforcement agencies, including the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service working with cadet classes, focused on forming law-abiding behavior in children and preventing development of illegal behavior of future employees, civil servants beginning from primary school age.

Key words: corruption; anti-corruption education; primary school; junior schoolchildren; ethical and legal axiosphere; moral qualities of personality; pedagogical experience; comparative pedagogy.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Panova O.B. Anti-corruption education of junior schoolchildren from the perspective of comparative pedagogy. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 335–344. doi: 10.46741/2686-9764.2024.67.3.0013.

Introduction

The terminological construct of “anti-corruption education” is widely used in Russian school pedagogy. On the one hand, this circumstance reflects the existence of challenges emanating from corruption, the breadth and depth of which really threaten the national security of the country; on the other hand, it means the pedagogical community’s desire to develop, test and use effective anti-corruption tools and mechanisms on an ongoing basis. School plays a significant role here. It should do a lot to ensure that anti-corruption norms become not just a sum of knowledge for its students, but also a synthesis of moral and legal attitudes that determine human behavior. School has sufficient capacities to ensure the integrity and consistency of anti-corruption education, which can cover all stages of school education from the first to the eleventh grade, ensuring continuity between the stages and an organic link between the educational process and extracurricular activities of students.

Of particular importance in the chain of step-by-step anti-corruption education of students is the initial link, since the age of 7–10 is characterized by active enrichment of children’s worldview and laying the foundations of a moral personality. It is the age of younger schoolchildren, a sensitive period for the intensive formation of moral habits of behavior and moral feel-

ings of a person. An important personality trait of primary school age children is their need to assert themselves in their new social status, a status of the pupil, which means the appearance of a desire to comply with the norms and accepted traditions of law. Such norms and traditions are set at school in the course of regular and extracurricular educational work carried out by individual teachers and the teaching staff as a whole. Strengthening the personal authority of younger pupils among peers and adults is largely determined by their attitude to categories such as “justice”, “honesty”, “equality”, etc. The knowledge gained in elementary school forms the basis both for relevant establishment of socially significant relationships and accumulation of experience in performing socially useful tasks significant for future life [6, pp. 42–58]. In this period of age-related development, children begin to perceive themselves as persons capable of being the author of their own development and benefiting others. Younger pupils strive to determine their own personal resources within co-existence with other people and feel the need to position themselves as subjects ready for a responsible attitude towards themselves and close people [10, p. 72]. In other words, younger schoolchildren’s awareness about social norms and traditions, as well as their understanding of the necessity to follow such norms, are important

for persons of this age, since they facilitate their entry into a diverse social world and a system of public relations. Younger schoolchildren get the experience of normatively defined communication and satisfy their diverse cognitive needs in joint activities.

It is no coincidence that in the education of students of primary school age, the target priority is to create favorable conditions for acquisition of socially significant knowledge – knowledge of basic norms and traditions of the society in which they live. The Federal State Educational Standard for Primary General Education fixes the formation of an initial idea of a person as a member of society, about rights and responsibilities, respect and dignity of a person, moral and ethical norms of behavior and rules of interpersonal relations [11]. The Standard stipulates the development of independent and personal liability for their actions based on ideas about moral norms, social justice and freedom as one of personal results of education of a younger pupil. Thus, a child of primary school age acquires social experience based on moral ideas and ethical norms. Taking into account the fact that the anti-corruption module is one of the fundamental areas of social experience, it can be argued that when implementing anti-corruption education in primary school, the main attention should be paid to the formation of moral qualities of a person.

The problem of anti-corruption education of younger schoolchildren, although it occupies an important place in the general subject of pedagogical work, has not yet been sufficiently studied. There are dissertation studies on anti-corruption education, but they are usually focused either on older age groups of pupils, mainly university students, or officials in the civil service. Our analysis of scientific research devoted to the problem under consideration allows us to state that specific issues of anti-corruption education of younger schoolchildren are considered mainly in scientific articles and textbooks containing methodological and practical recommendations on the organization of the educational process. It should be noted that there are no dissertations and monographs on this topic. There are only few works revealing general aspects of anti-corruption education of schoolchildren without differentiating pupils by age and levels of general education.

An example is the monograph “Anti-corruption education in modern schools: socio-pedagogical support”, written by a team of authors under scientific editorship of O.N. Zhuravleva. A special emphasis in this book is placed on the information and educational direction, which, according to the authors, can be implemented by means of strengthening the anti-corruption component in teaching academic subjects involving the study of legal and moral and ethical topics [5, pp. 30–31].

The analysis of the problem coverage shows that issues indirectly related to anti-corruption education of younger schoolchildren are considered in dissertation and monographic studies, in which this area of educational work is characterized through the prism of legal education. In this regard, it is interesting to refer to the Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation of N.I. Eliasberg on the topic “Humanistic foundations of the legal education system at school” and the Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation of E.A. Andreeva “Moral and legal education of younger schoolchildren”. In the works of these authors, the methodological guideline is an axiological approach that allows us to consider anti-corruption education from the standpoint of the ethical and legal context. The axiological approach to anti-corruption education of younger schoolchildren presupposes determination of personal qualities, the possession of which is incompatible with corrupt behavior. The list of such qualities includes dignity with the inherent desire of a person to protect his/her honor; humanity, including the desire to take care of other people; communication skills, involving the ability to work together; conscientiousness; a sense of justice; willingness to resist lies; resilience: self-confidence, etc.

Research

As a system, the ethical and legal context of anti-corruption education of younger schoolchildren is presented in the Saint Petersburg Model educational project, developed by N.I. Eliasberg, which received justification in her dissertation. The Saint Petersburg Model project is universal in relation to various branches of school legal education, including anti-corruption education [14, p. 330]. Taking into account the deep validity and successful verification of this model in the educational process of a

number of schools, it can serve as an example in the organization and implementation of anti-corruption education around the country.

This model provides for step-by-step ethical and legal education of students in “small steps”, their fulfillment of social roles relevant for a certain age and mastering social experience. Principles of ethical and legal education of schoolchildren can be divided in three groups of humanistic ideas, such as democratic principles of law, values of humanistic ethics and experience of humane pedagogy focused on respect for man. Primary school students are included in the propaedeutic course “Me and My World”, focused primarily on the disclosure of the content of moral and legal norms by pupils themselves. An important role in this can be played by various extracurricular activities of schoolchildren, such as themed holidays, contests, role-playing games, etc. This model allows the child to feel self-confidence, experience a sense of self-worth, determined by the ability to express his/her point of view correlated with moral principles [5, pp. 10–12].

E.A. Andreeva identifies and proves pedagogical conditions that can ensure successful anti-corruption education. They are the following: school functioning as a moral and legal space with the system of moral and legal relations in lessons and extracurricular activities; joint activities of children and adults to maintain foundations of legal and moral norms; using a variety of educational, material, moral, psychological, socio-economic and other means, which are the source and object of effective educational activities of school; creating a democratic school climate; enhancing anti-corruption culture of teachers, etc. Highlighting the mode of interactive interaction, E.A. Andreeva attributes dialogue, discussion, and play to the main methods of moral and legal education [6, p. 7].

It is worth mentioning that, if at the turn of the 20th–21st centuries anti-corruption education of younger schoolchildren was considered as one of the directions of legal education, then in recent years it has become an independent direction. Modern formation of the national school of anti-corruption education of schoolchildren is largely connected with the activities of scientists and practitioners of Saint Petersburg and the Republic of Tatarstan. Of scientific

interest is the project of anti-corruption education developed by scientists and practitioners of Saint Petersburg, including S.V. Zholovan, E.N. Baryshnikov, N.V. Grigoryan, L.M. Belovitskaya, M.V. Boikina, etc. According to the authors of this project, formation of a positive attitude to law enforcement is the key task of anti-corruption education in primary school, while analysis and discussion of various forms of interaction between citizens and law enforcement officials are the priority means of achieving it.

In real life, the sources of corruption abuses are often citizens determined to resolve their issues bypassing the established rules. In various situations, they may bribe either at their discretion or under pressure from an official. Taking into account this circumstance, the logic of the pedagogical decision in the organization of anti-corruption education is as follows: if a child has the idea that an official or a law enforcement officer initially acts exclusively in accordance with established norms and does not allow abuse in his/her professional activity, then a person from childhood understands unacceptability of a bribe.

The embodiment of the idea to form a respectful attitude to public service and law enforcement practice is achieved by including a series of business games in the content of education of students in grades 1–4. The Keepers of Order role-playing game is an example of one of them. During this game, younger schoolchildren will learn about various professions in the law enforcement sphere. In the practical block, they will be involved in a kind of social tests aimed at introducing children to the norms of interaction with people who personify ensuring order. The most typical social tests include practices involving younger students in ensuring order in their classroom. Children are given certain assignments, for example, to control behavior of their classmates from a position of situationally established rules of behavior. Indicators, such as compliance with the requirements of the duty officer, absence of attempts to “negotiate” something contrary to established rules, assistance to the duty officer, act as indicators of a correct attitude towards the “keeper of the order”. According to the authors, the project does not provide for the use of situations describing realistic examples embodying corruption.

The project authors consider it important to use not just one role-playing game, but a system of similar events. A creative approach to creating game scenarios, in their opinion, ensures that students learn the role of law-abiding citizens who negatively perceive corruption. In general, the described educational project is aimed at bringing children to the realization that teachers, officials or law enforcement officers do not establish norms of behavior, but only act as guardians of general rules [7, p. 10].

Methodological recommendations of teachers of the Republic of Tatarstan K.F. Amirov, D.K. Amirova, R.R. Zamaletdinov, E.M. Ibragimova, L.E. Kirillova, A.E. Kirillov, I.T. Sagdeev, I.V. Safronova, I.M. Fokeeva, and G.R. Khamitov have practice-oriented ideas [8–11]. They consider anti-corruption education in relation to younger schoolchildren as a system of activity of an educational organization, which is carried out in line with the following areas of children's social practice: familiarization with the lives of wonderful people; getting an initial idea of traditional moral norms; familiarization with basic rules of behavior at school and in public places; recognition of good and bad deeds; getting initial experience of moral relationships in the classroom and school, etc. [8, pp. 10–16]. Priority forms of anti-corruption education of younger schoolchildren are conversation, watching movies in the process of studying educational invariant and variable subjects, theatrical performances, literary and musical compositions, discussion of actions and behavior of different people in a pedagogically organized situation, games, etc. Events corresponding to the listed forms are filled with moral and ethical content and at the same time do not provide for the consideration of specific examples of corruption [8, p. 16].

At the stage of formation of the national school of anti-corruption education of children, it is reasonable to consider foreign experience. Familiarity with the world experience is a factor in the development of open pedagogical thinking, in which everything valuable recorded in foreign education models is crystallized. The reasonable use of international pedagogical experience has significant educational capacities, therefore, it is necessary to develop our own system of anti-corruption education taking into account relevant global processes. When

forming an anti-corruption culture of Russian citizens, it is important to rely on comparative ideas about achievements in anti-corruption education in Russia and abroad.

The idea of ways to overcome corruption that unites Russia and foreign countries is significant: both in the Russian and international consciousness, the main means of combating corruption are law enforcement practice and educational projects. The high weight of legal measures in Western countries is confirmed by the words of Francois Valerian, Chair of Transparency International, "corruption will flourish until justice systems are not able to punish offenders and keep governments in check" [12]. It is worth mentioning that the analysis of anti-corruption policies of countries with the lowest corruption index shows that the system of anti-corruption education including a variety of effective developments is, along with legal tools, one of the significant directions of such a policy.

As for the foreign approach to overcoming corruption, to a large extent it is built in accordance with the following concepts: social prestige that really brings personal satisfaction to an official is determined by his/her honesty; an important practical way to change behavior of a corrupt official is to change the worldview of a group of people who make up his/her environment towards an extremely negative attitude towards corruption [13]. According to this understanding, in order to strengthen the supremacy of anti-corruption legislation, it is necessary to create a cultural climate in which corrupt officials will be ashamed of what they are doing. The most popular foreign models of anti-corruption education are based on the implementation of changes in culture and traditions that determine acceptable anti-corruption behavior. In this sense they are of unconditional interest to domestic teachers.

Studying foreign experience, it should be borne in mind that in the context of comparative pedagogy, when studying a particular issue, it becomes important to compare interpretations of basic concepts as forms of thought focused on the phenomenon under study, since the interpretation of the same concepts may differ in different countries. Since corruption is the initial phenomenon in anti-corruption education, when studying international experience, it is necessary to consider foreign trends to inter-

preting concepts of “corruption” and “anti-corruption education”.

While there is no unified interpretation of the concept of “corruption” in the global legal lexicon, in most countries there is a prevailing trend, according to which the definition of this term is most often interpreted in line with the Civil Law Convention on Corruption (1999). So, it is requesting, offering, giving or accepting, directly or indirectly, a bribe or any other undue advantage or prospect thereof, which distorts the proper performance of any duty or behavior required of the recipient of the bribe, the undue advantage or the prospect thereof [14].

As for the terminological construct “anti-corruption education”, there are differences in using the term “vospitanie” (“vospitanie” means “to feed up”) in Russian in Russian and English in the meaning of the personality formation. It is important to emphasize that, regardless of this understanding, the essence of anti-corruption education in English and Russian pedagogy is the same: anti-corruption education means a purposeful specially organized process of pedagogical interaction between a teacher and a pupil regarding the formation of anti-corruption personality traits in pupils, including anti-corruption literacy, stability, activity, etc. The most demanded moral anti-corruption qualities include dignity, honesty, integrity, etc. Various foreign sources indicate that it is moral anti-corruption qualities that are given the greatest importance [15–17; 12; 13; 18].

The experience of countries that have achieved significant success in the anti-corruption field deserves special attention. To date, the relatively acceptable level of corruption in the sense of its insignificance is observed in the states occupying the first 20 places out of 180 in the Transparency International rating. They are Denmark, Finland, Norway, New Zealand, Sweden, Singapore, Switzerland, and England. So, there are 20 such countries out of the total number of states – 198 [12]. High anti-corruption indicators in these countries may indicate that they use comprehensive systemic anti-corruption tools, both legal and educational.

The experience of anti-corruption education of children in Denmark is of particular interest, since this country traditionally occupies a leading place in the list of countries by the corruption perception index and is considered the

most favorable in terms of a low level of corruption [12]. There are other reasons that determine the interest in the Danish experience of anti-corruption education.

First, the Danish approach to anti-corruption education of the population provides for a clear definition of the methods and means used in relation to population groups belonging to different age categories. With regard to primary school children, the Danish experience puts advanced pedagogical support at the forefront of anti-corruption education, in which the main emphasis is on indirect methods of education aimed at preventing corruption in line with the formation of unacceptable attitudes towards it.

It is also important that in Denmark, the society is actively involved in various anti-corruption education projects, which, in our opinion, should become the universal norm. By participating in anti-corruption educational projects, public associations and individual active citizens of Denmark have the opportunity to influence the content and results of officials’ activities. Anti-corruption education in Denmark is carried out under the slogan “Zero tolerance” to corruption in any form [13]. In accordance with this slogan, education is in line with the introduction of the population to the norms of morality. This is achieved through a system of funds addressed to both civil servants and ordinary citizens. Civil servants must strictly observe requirements of the ethical codes of official conduct. Formation of a legal culture of ordinary citizens is carried out from an early age with the help of educational projects, such as the Education against Corruption educational project, implemented by Denmark and Lithuania. The idea of the project is to form students’ intolerance to corruption through the capacities of additional education within the school club. School teachers also take part in the project. Children are involved in trainings, during which models of anti-corruption behavior with regard to the age of schoolchildren are worked out. Trainings are preceded by special testing to determine the extent to which participants possess strategies for anti-corruption behavior.

Methodological support of the teachers involved in it is another area of this project. Teachers receive special training, which allow them to deepen and systematize their own knowledge about corruption, as well as to master

the methodology and methods of transmitting information about corruption to their students so that such information is clear to elementary school students and arouse their interest. Master classes, seminars, debates, meetings with specialists, discussions, concerts, poster and photo contests, flash mobs, etc. are conducted [16, pp. 17–23].

It is no less interesting to study the practice of anti-corruption education of younger schoolchildren in countries with traditionally high levels of corruption. One of these countries is Nigeria, a state that ranked 171 out of 180 in the Transparency International rating in 2023 with a corruption perception index of “25” with a maximum index of “90” [12]. It should be noted that in recent years, there has been an active rise in anti-corruption education of primary school children in Nigeria, which is largely associated with the proactive pedagogical activity of Onyinye Ough, a Nigerian writer, author of four children’s books, producer of a number of animated films on the topic of corruption. In addition, Onyinye Ough is the executive director of Step up for Social Development and Empowerment in Nigeria, an anti-corruption non-governmental organization. Her teaching experience is popularized on the official UNESCO website and is recommended by this organization for wide use around the world.

Onyinye Ough considers the inclusion of children in an educational program based on the use of storytelling technology to be an effective form of anti-corruption education for younger schoolchildren. Storytelling is a pedagogical technology that is based on the use of stories with a certain structure and an interesting character. It is aimed at solving pedagogical tasks of training, mentoring, development and motivation. Storytelling is chosen by the author of the educational program as the most effective way of transmitting information and knowledge, as well as encouraging children to socially approved actions based on instructive stories. This tool combines psychological, educational and other aspects; it allows not only to effectively convey information to the child, but also to inspire him/her to act in accordance with anti-corruption conviction [18]. Storytelling makes it possible to influence the emotional sphere of the educated; it is relatively easy to convey necessary information; to teach norms

and requirements that are accepted in society; to form an understanding of the uniqueness and value of each person; and to clearly show the unity of word and deed.

According to Onyinye Ough, younger schoolchildren are unspoiled by corrupt “vices of society” and need mandatory “vaccination against corruption” with the help of a special educational program. The anti-corruption program includes 3 types of storytelling: storytelling, which includes a narrative about real corruption events; storytelling, based on fictional stories with a corrupt context; storytelling as a way of self-realization of children through their inclusion in anti-corruption creative activity. In the educational program proposed by Onyinye Ough, storytelling acts as a technology aimed at obtaining information for children that causes an emotional protest against corruption. This technology gives anti-corruption education of children a procedural character; at the same time, the educational process includes three consecutive stages.

The first stage (“sessions”), involves reading stories and watching short animated and feature films with their subsequent discussion. The books used in the educational program contain two types of stories: serious stories and comics. Children read books at home and at school, aloud and to themselves; teachers and parents also read stories. Public reading aloud, which involves alternately voicing a certain fragment of the book by each participant, is called a “reading session” in this technology, and this form is one of the main ones at the first stage of the project implementation. Watching films are called “film sessions”. Among the films that evoke the strongest emotional response, Onyinye Ough singles out the cartoon “Emeka’s Money”. It is an animated film lasting fourteen minutes, the plot of which vividly and figuratively connects the poverty and misery of the inhabitants of a large city with specific corruption events. The result of the first stage, according to the author of the educational project, should be the formation of an extremely negative attitude towards corruption in children because of its harmfulness. The interest of children in participating in the sessions is determined by the fact that storytelling takes into account such characteristics of younger adolescents as the tendency to associate themselves with a heroic

character in a cautionary tale, to project the actions and deeds of such a character onto themselves, to see in the hero of the story the "ideal self".

The second stage of the educational program is called "testing". This stage is aimed at finding out the level of achievements of children before and after their participation in the sessions. The focus of the study of behavioral manifestations of younger schoolchildren, first of all, is the ability of program participants to show resilience in situations of corruption risks, as well as the tendency of children to lie. The central event of this stage is the business game "Behavior in situations of corruption challenges". Children, performing situational tasks, take part in creative contests to write their own stories, poems and songs, as well as draw comics with anti-corruption content. The analysis of products of the creative activity of the participants from the standpoint of certain criteria allows us to identify the dynamics of anti-corruption awareness of children and the orientation of attitudes towards corruption.

The third one is dedicated to rewarding children who have shown high results with diplomas, gifts and prizes.

The storytelling technology includes, in addition, special training for Nigerian teachers to conduct anti-corruption education of younger schoolchildren. The voluntary involvement of teachers in the project is facilitated by a specially created comfortable environment conducive to free and relaxed professional communication. Thus, training events for teachers, as a rule, include watching a film on the topic of corruption and then its discussion in a cafe "over pizza". Project participants find it interesting to watch "Frost/ Nixon" filmed in 2008 and dedicated to the famous series of interviews given to British journalist David Frost in 1977 by US President Richard Nixon five years after the Watergate scandal, which led to his resignation. The film contains extensive material that encourages the viewer to condemn corrupt actions of high officials.

The effectiveness of the storytelling technology as a tool for anti-corruption education of younger schoolchildren is confirmed by the results revealed during its application. During diagnostic procedures, it is revealed that at least 55% of children participating in this educational

program demonstrated a persistent rejection of corruption. At the same time, as a rule, the proportion of students for whom vote buying in school elections may be acceptable decreases by 20%. The author of the program considers an important achievement to be the fact that the vast majority of participants refuse to be bribed in situations in which they are asked to hide the truth about a bad deed [18].

Consideration of different models of anti-corruption education on the example of foreign countries, one of which is the most successful in the fight against corruption, and the other is among the unfavorable states, allows us to identify the presence of valuable experience, establish socio-political, legal and pedagogical conditions that determine positive manifestations in the field under consideration. The presented information can serve as a basis for forecasting possible consequences when transferring the described anti-corruption education systems as a whole or their individual components to the conditions of the Russian educational environment.

Results

An analytical review of the domestic and foreign experience of anti-corruption education of younger schoolchildren helps formulate our view on the problem of anti-corruption education of younger schoolchildren.

Anti-corruption education of schoolchildren is a systematic, controlled, organized, systematic and purposeful process of influencing pupils' consciousness with the whole set of diverse forms, means and methods in order to form their self-esteem in circumstances of corruption risks and challenges. Anti-corruption education of schoolchildren is one of the most important tasks of a school that has sufficient capacities to strengthen its students' sense of self-worth, the ability to resist injustice and humiliation, arrogance and cynicism.

The age of 7–10 years is favorable for the perception of anti-corruption values of a personal plan, since such values are identified by most children with certain personal qualities that, in their opinion, should be inherent in a person. Such qualities include justice, dignity, honesty, humanity, etc.

Anti-corruption education of younger schoolchildren involves acquisition of such a volume of anti-corruption knowledge, the content of

which is determined by the social roles that are characteristic of younger schoolchildren, as well as the urgent tasks of their socialization.

It is advisable to carry out anti-corruption education of younger schoolchildren in line with an ethical orientation. It includes the study of moral norms as basic rules of behavior, formation of ideas about the rules of behavior in various circumstances, and development of moral and ethical personality traits. Formation of ethical views in children of primary school age is more associated with emotional experiences and experience of specially organized activities.

The most successful models of anti-corruption education, presented in domestic and foreign experience, include elements of ethical and legal education, in the content of which the unity of axiological, informational, creative and activity components subordinated to the general "personality-forming" function is concentrated.

With the existing pluralism of pedagogical solutions, the most characteristic difference between foreign models of anti-corruption education of younger schoolchildren is the enrichment of its content with specific corruption-relevant material closely related to everyday life and bringing educational work closer to reality.

Conclusions

1. Against the background of the anti-corruption legislation formed in Russia, overcoming

corruption with the involvement of educational means can significantly increase its effectiveness. The coverage of anti-corruption education of younger schoolchildren can serve as a prerequisite for building a favorable forecast regarding the formation of an unacceptable attitude towards corruption in a growing person in his/her later life.

2. Theoretical understanding of the problem of anti-corruption education of younger schoolchildren is presented in the scientific works of Russian and foreign researchers interested in the formation and structuring of the anti-corruption space by pedagogical means.

3. An important area of domestic pedagogical research may be the correlation of existing approaches of the Russian school of anti-corruption education of younger schoolchildren with foreign pedagogical practice. The use of foreign experience is relevant, since there is a common understanding of the importance of including a moral component in anti-corruption education, enriching educational work with a variety of meaningful and methodological tools can significantly increase its productivity. The integration of variable approaches that have proven themselves positively in solving problems of anti-corruption education in different countries is also interesting from the point of view of expanding the possibility of cross-cultural information exchange.

REFERENCES

1. Gonina O.O. *Psikhologiya mladshogo shkol'nogo vozrasta: ucheb. posob.* [Psychology of primary school age: textbook]. Moscow, 2015. 272 p.
2. Mikhailova E.V. Psychological foundations of the formation of moral values in younger schoolchildren. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 2007, no. 1, pp. 72–75. (In Russ.).
3. Zhuravleva O.N., Barykina I.E., Polyakova T.N. et al. *Antikorrupsionnoe obrazovanie v sovremennoi shkole: sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie: monogr.* [Anti-corruption education in modern schools: socio-pedagogical support: monograph]. Saint Petersburg, 2019. 136 p.
4. Eliasberg N.I. *Gumanisticheskie osnovy sistemy pravovogo obrazovaniya v shkole: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Humanistic foundations of the legal education system at school: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Saint Petersburg, 1998. 462 p.
5. Eliasberg N.I. *Etika i pravo v nachal'noi shkole: kak prepodavat' kurs "Ya i moi mir": kniga dlya uchitelya* [Ethics and law in elementary school: how to teach the course "Me and my world": book for a teacher]. Saint Petersburg, 2009. 199 p.
6. Andreeva E.A. *Nravstvenno-pravovoe vospitanie mladshikh shkol'nikov: dis. ... kand. Ped. nauk* [Moral and legal education of younger schoolchildren: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kazan, 2002. 235 p.

7. Baryshnikov E.N., Grigoryan N.V., Belovitskaya L.M. et al. *Antikorrupsionnoe vospitanie: Sistema vospitatel'noi raboty po formirovaniyu u uchashchikhsya antikorrupsionnogo mirovozzreniya v obrazovatel'nom uchrezhdenii: metodicheskie rekomendatsii* [Anti-corruption education: system of educational work on the formation of students' anti-corruption worldview in an educational institution: methodological recommendations]. Saint Petersburg, 2010. 59 p.
8. Safronova I.V., Khamitova G.R., Fokeeva I.M. et al. *Antikorrupsionnoe vospitanie: metodicheskie rekomendatsii po formirovaniyu i realizatsii sistemy antikorrupsionnogo vospitaniya v doshkol'nykh i obshcheobrazovatel'nykh organizatsiyakh Respubliki Tatarstan* [Anti-corruption education: methodological recommendations on the formation and implementation of the system of anti-corruption education in preschool and general education organizations of the Republic of Tatarstan]. Kazan, 2015. 38 p.
9. Amirov K.F., Amirova D.K. *Antikorrupsionnoe i pravovoe vospitanie: uchebnoe posobie* [Encyclopedic and legal knowledge: textbook]. Kazan, 2010. 159 p.
10. Zamaletdinov R.R., Ibragimova E.M., Amirova D.K. *Formirovanie antikorrupsionnoi kul'tury u shkol'nikov: ucheb. posob.* [Formation of an anti-corruption culture among schoolchildren: textbook]. Kazan, 2010. 158 p.
11. Kirillova L.E., Kirillov A.E. *Profilaktika narushenii, svyazannykh s proyavleniyami korrupsii v sfere obrazovatel'noi deyatel'nosti: metod. posob.* [Prevention of violations related to manifestations of corruption in the field of educational activity: methodological guide]. Kazan, 2011. 142 p.
12. Corruption perception index 2023. *Transparency International*. Available at: <https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2024/03/CORRUPTION-PERCEPTIONS-INDEX-2023.pdf> (accessed July 2, 2024).
13. *Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Official website. Anti-corruption Policy, October, 2018*. Available at: <https://um.dk/en/danida-en/about-danida/danida-transparency/anti-corruption/> (accessed July 2, 2024).
14. Civil Law Convention on Corruption of November 4, 1999. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Garant"* [Access from the Garant reference legal system].
15. Kicheva I.V., Brodzeli L.O. International experience of the anti-corruption education. *Vestnik pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*, 2016, no. 2, pp. 212–216. (In Russ.).
16. Korotkova O.A., Ovchinnikova I.A. Practice of preventing corruption in education: experience of Denmark. *Vestnik PAPS = The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2020, no. 4, pp. 17–23. (In Russ.).
17. Cameron D. Against corruption: a collection of essays: foreword. *Policy Paper*, 2016, May 12, 2016. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/against-corruption-a-collection-of-essays/against-corruption-a-collection-of-essays> (accessed July 2, 2024).
18. Ough O. *How education can strengthen the rule of law*. Available at: <https://www.unesco.org/en/articles/how-education-can-strengthen-rule-law/> (accessed July 2, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>.

Received July 8, 2024

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)
DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)
RSCI: yes
Core of the RSCI: no
HAList: yes
CrossRef: yes
East View Information Services: yes
GARANT system: yes

On the Web of Science platform: no
Web of Science: no
Scopus: no
EBSCO: yes
WorldCat: yes
CyberLeninka: yes
DOAJ: yes

<https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en>